

Харьковский национальный
университет имени В. Н. Каразина

А. Н. Токарев

СТАНОВЛЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ПРИНЦИПАТА ИМПЕРАТОРА АВГУСТА

Монография

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

А. Н. Токарев

СТАНОВЛЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ПРИНЦИПАТА ИМПЕРАТОРА АВГУСТА

Монография

Харьков – 2011

УДК 94 (37)
ББК 63.3 (0) 323
Т 51

Рецензенты:

кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Новая и новейшая история» **А. В. Короленков** (г. Москва);
кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального аэрокосмического университета им. Н. Е. Жуковского «ХАИ» **К. Ю. Нефедов**.

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 4 от 29 апреля 2011 г.)*

- Токарев А. Н.**
Т 51 Становление официальной идеологии принципата императора Августа : монография / А. Н. Токарев. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2011. – 268 с.
ISBN 978-966-623-787-6

Монография посвящена исследованию генезиса официальной идеологии принципата императора Августа. Опираясь на свидетельства исторических источников, автор предлагает свое решение вопроса об основах официальной идеологии принципата Августа, рассматривая в качестве возможных вариантов «традиционализм», «республиканизм» и идеологические представления «популярлов». Последовательно анализируются эволюция основных пропагандистских лозунгов и идеологических установок как в начале политической карьеры Октавиана, так и в 30–20-х гг. до н. э. Показана важность политики «восстановления государства» 28–27 гг. до н. э. в идеологическом обосновании единоличной власти первого римского императора.

Для научных работников, преподавателей и студентов.

- Токарев А. М.**
Т 51 Становлення офіційної ідеології принципата імператора Августа : монографія / А. М. Токарев. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. – 268 с.
ISBN 978-966-623-787-6

Монографія присвячена дослідженню генезису офіційної ідеології принципату імператора Августа. Спираючись на свідчення історичних джерел, автор пропонує своє вирішення питання щодо основ офіційної ідеології принципату Августа, розглядаючи як можливі варіанти «традиціоналізм», «республіканізм» та ідеологічні погляди «популярів». Послідовно аналізується еволюція основних пропагандистських гасел та ідеологічних установок як на початку політичної кар'єри Октавіана, так і в 30–20-ті рр. до н. е. Показано важливість політики «відновлення держави» 28–27 рр. до н. е. в ідеологічному обґрунтуванні монархічної влади першого римського імператора.

Для наукових працівників, викладачів і студентів.

УДК 94 (37)
ББК 63.3 (0) 323

ISBN 978-966-623-787-6

© Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, 2011
© Токарев А. Н., 2011
© Дончик И. Н., макет обложки, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Основные черты римских политических группировок и характерные особенности политической идеологии в эпоху Поздней республики	28
§ 1. Политические группировки в эпоху Поздней республики	29
§ 2. <i>Optimates/boni</i> и <i>populares</i>	42
§ 3. Идеология «оптиматов»	53
§ 4. Идеологические воззрения «популяров»	68
Глава 2. Зарождение официальной идеологии принципата Императора Цезаря Августа (44–30 гг. до н. э.)	78
§ 1. Особенности политической пропаганды «помпеянцев»	78
§ 2. Первые шаги Октавиана в политике и образ «нового Цезаря»	87
§ 3. Эволюция идеологических лозунгов Октавиана от Путеоланского соглашения до начала «пропагандистской войны» с М. Антонием	108
§ 4. Пропаганда Октавиана накануне Актийской битвы и «республиканизм»	118
Глава 3. Идеологическая политика Августа в 20-е гг. до н. э.: «традиционализм» и монархические тенденции	127
§ 1. Лозунг <i>res publica restituta</i> и «восстановление» Августом государства	127
§ 2. <i>Vindex libertatis populi Romani</i>	145
§ 3. <i>Pax Augusta</i>	155
§ 4. Место имени <i>Augustus</i> (Σεβαστός) в пропаганде императора Августа	161
§ 5. Золотой щит «добродетелей» Августа	176
Заключение	187
Библиография	194
Список сокращений	250
Приложения	253
Summary	269

ВВЕДЕНИЕ

Превращение Рима из маленькой общины на Тибре в средиземноморскую державу повлекло за собой изменение присущих ему изначально форм полисной демократии и замену их режимом единоличной власти. Переход от республиканского строя к монархии на протяжении всего периода с конца II в. до н. э. по 20-е гг. I в. до н. э. был отмечен кризисными явлениями, затронувшими все сферы жизни древних римлян. Не обошли они стороной и идеологические представления, характерные для римского общества того времени. В частности, значительную трансформацию претерпела официальная идеология, прошедшая путь от традиционных полисных представлений, «римского мифа» и самопрезентации представителей римского нобилитета до государственной идеологии раннего Принципата.

Изучение официальной идеологии эпохи правления императора Августа имеет большое значение для выяснения причин возникновения и сущности нового государственного строя римлян. Следует принять во внимание, что принципат Августа нельзя рассматривать только как государственно-правовой институт. Здесь тесно сплелись римские жизненные ценности и политические традиции с новыми условиями средиземноморской империи в самых различных ее проявлениях, как социально-экономических, так и духовных. Кроме того, нужно учесть фактически незаконный захват власти Октавианом и то, что с установлением принципата Августа официальная пропаганда впервые приобрела размах государственного предприятия.

В то же время не следует переоценивать и модернизировать значение и роль идеологии в эпоху становления римской монархии. В отличие от современной идеологии она не исходила из общей системной концепции широкого мировоззрения или комплексной партийной либо правительственной программы. Августова идеология строилась на многообразных отдельных формах, элементах и идеях, основываясь на политических, правовых и религиозных началах. Говоря об официальной идеологии этого времени, следует прежде всего иметь в виду преднамеренное влияние на сознание, легитимацию, внедрение и укрепление власти Августа и его политической системы, опиравшихся на традиционные политические и общественные понятия и формулировки¹.

¹ См.: Крист 1997, т. 1, 224; ср.: Fears 1997, 13; Туманс 2001, 13; Morstein-Marx 2004, 15.

В связи с этим большого внимания к себе требуют латинские термины и понятия, использовавшиеся современниками Октавиана в политической борьбе. Ведь от их толкования зависит, насколько будет объективной трактовка намерений и целей, которые ставили перед собой разные политические силы в те или иные моменты римской истории. Не случайно многие исследователи, обращаясь к изучению идеологии Поздней республики или раннего Принципата, совершенно справедливо заранее оговаривают те значения, которые они вкладывают в подобные термины и понятия.

В нашем случае, возможно, следовало бы пояснить уже во введении авторскую трактовку таких ключевых понятий для официальной идеологии принципата Августа, как *res publica (restituta)*, *libertas*, *paх*. Однако мы сознательно не стали этого делать. И связано это в первую очередь с целью и задачами нашей работы. Целью настоящего исследования является попытка проследить и осмыслить истоки официальной идеологии в период правления Августа в рамках позднереспубликанской политической терминологии, эволюцию и семантику основных идеологических лозунгов, а также ту роль, которую играли отдельные направления («республиканизм», «традиционализм», «монархизм») в становлении этой идеологии. Другими словами, для нас важна динамика семантических изменений, то, какие смысловые нагрузки вкладывались в ключевые лозунги *res publica (restituta)*, *libertas*, *paх* в разные периоды римской истории на протяжении второй половины I в. до н.э. и как они воспринимались различными слоями населения. Поэтому, последовательно обращаясь к отдельным этапам в политической карьере императора Августа, мы каждый раз будем делать акцент на тех значениях, которые были присущи этим понятиям именно в это время и какие изменения произошли по сравнению с более ранним временем. Например, какую смысловую нагрузку вкладывали различные политические силы в лозунг *libertas* в середине I в. до н.э., в 40-е гг. до н.э., в 30-е гг. до н.э. и в 20-е гг. до н.э.

В то же время, избрав своей темой генезис официальной идеологии раннего Принципата, мы не можем обойтись без использования широко распространенных в историографии терминов «республиканизм» и «традиционализм». В их отношении нужно сделать несколько пояснений, так как эти современные термины не всегда корректно используются учеными для описания идеологических представлений римского общества или отдельных политиков, что вносит путаницу и приводит к довольно серьезным искажениям римской действительности.

Значение «традиционализма» не вызывает больших споров среди современных исследователей. Под этим термином понимают традиционные римские «поисные» представления: *mos maiorum* (нравы предков),

«римский миф» и т. п.¹. Однако здесь стоит отметить важный момент. «Традиционализм» был основой для мировоззрения каждого римлянина, независимо от его сословной принадлежности или политических убеждений.

Под «республиканизмом» многие ученые понимают идеологические взгляды сторонников «сенатской республики»². По мнению Х. Виршубски, *optimates* интерпретировали «республиканизм» и *libertas* как символы сенатского правления³. Для эпохи империи «республиканизм» – это совокупность идей и представлений о Республике, которая постепенно идеализировалась и мифологизировалась. Их выразителями была оппозиционно настроенная к императору часть сената, хотя этим «оружием» довольно часто пользовалась и официальная идеология⁴.

Между тем многие исследователи смешивают эти понятия. Так, Р. Сайм считает, что *mos maiorum* – в его трактовке наследственный обычай (*ancestral custom*) – «практически означал чувства сенаторов преклонного возраста», под которыми он, несомненно, понимал *optimates*⁵. Дж. Картер называет противников М. Антония в 44 г. до н. э. «традиционалистами»⁶. В свою очередь Ю. Г. Чернышов полагает, что «традиционализм можно считать одним из важнейших элементов той “государственной идеологии”, которая сложилась при Августе. Именно это обеспечивало легитимность нового режима в условиях, когда республиканские традиции еще сохраняли определенное влияние на умы римских граждан»⁷. Я. Ю. Межеричкий и вовсе подразумевает под «республиканизмом» римский «традиционализм», основанный на ценностях гражданской общины⁸. Для Дж. Р. Фирза «традиционализм» и «республиканизм» совершенно идентичные понятия: «Описывая своего предка в одежде консула, М. Брут, кроме того, определил свою идею Свободы, соединяя это с конституционными и законными формами традиционного республиканского правительства. Для традиционалиста республиканской эпохи Свобода была юридическим понятием, определяя связь прав, которые основывались на законах и институтах государства»⁹. Такого же мнения придерживается и Ю. Д. Борисов¹⁰. С. Ю. Трохачёв, описывая политические взгляды Валерия Максима, заявляет: «Следуя за своими любимыми императорами, Августом и Тиберием,

¹ Ср.: Sousa 1974, 25; Korpanty 1991, 432.

² Напр., Pelham 1911, 36; Syme 1939, 514; Balsdon 1960, 44; Huzar 1978, 145–146; Чеканова 2005, 407.

³ Wirszubski 1950, 119.

⁴ Gowing 2005, 4.

⁵ Syme 1939, 315.

⁶ Carter 1970, 42.

⁷ Чернышов 2001, 209; ср.: 1994, ч. 2, 19.

⁸ Межеричкий 1994, 3.

⁹ Fears 1997, 6.

¹⁰ Борисов 2001, 39.

Валерий выставляет себя поборником традиционных ценностей римского народа, а следовательно, традиционной идеологии. Он, безусловно, приверженец сенаторского сословия и приводит значительное число примеров достойного поведения отцов-сенаторов. Это вполне согласуется с его республиканскими убеждениями, когда сенат был действительно высшим органом в государстве¹.

В результате получается, что традиционные представления и нравственные идеалы всего римского общества приписываются только сторонникам «сенатской республики». Другими словами, если какой-либо римский государственный деятель использует традиционные представления в своей политике, то он либо сторонник «сенатской республики», либо «нечестный политик», который идет на заведомый обман, выдавая желаемое за действительное. Таким образом, при трактовке идеологических установок римских политиков Поздней республики и раннего Принципата следует четко различать «традиционные» и «республиканские» тенденции, так как их смешение может привести к неправильному пониманию намерений и конечных целей, которые ставили перед собой некоторые политические деятели.

Исходя из всего вышесказанного, следует оговорить и хронологические рамки исследования. Они охватывают период политической деятельности Октавиана с 44 г. до н. э. до 17 г. до н. э., который приходится на время после убийства Г. Юлия Цезаря, эпоху Второго триумvirата и первое десятилетие принципата Августа.

Нижний хронологический предел обусловлен началом политической деятельности Октавиана, который, вернувшись в Рим в мае 44 г. до н. э., объявил себя наследником убитого диктатора.

Однако рассмотрение проблемы сущности римских политических группировок и вопроса о пропагандистских методах и политических лозунгах «оптиматов» и «популяров», оказавших определяющее влияние на формирование официальной идеологии в период правления Августа, предполагает использование материала и изучение реалий эпохи Поздней римской республики, особенно первой половины I в. до н. э.

Верхний хронологический предел выбран по двум причинам. Во-первых, в 20-е гг. до н. э. круг ключевых идеологических лозунгов и политическая терминология в целом уже сложились. Во-вторых, 17 г. до н. э. стал эпохальным событием в жизни всех римлян. В этот год были проведены секулярные игры, что знаменовало собой наступление новой эры и приход «золотого века». Объявление о наступлении *saeculum aureum* и подчеркивание той роли, которую принцепс сыграл в возрождении римской общины на протяжении 10 лет своих «чрезвычайных полномочий»,

¹ Трохачёв 2007, 5.

сопровождались целым комплексом мероприятий, вызвавших значительное изменение акцентов в официальной идеологии, политической и религиозной пропаганде Августа.

Вполне очевидно, что выбор определенной темы во многом зависит от степени изученности тех или иных вопросов в современной историографии. Обращаясь к ее анализу, необходимо отметить, что исследованию идеологии раннего Принципата, равно как и трактовке сущности политического режима Августа, посвящено колоссальное число научных работ. Разумеется, в рамках небольшого обзора нет ни возможности, ни места для того, чтобы даже просто перечислить эти труды. Поэтому мы считаем вполне уместным ограничиться *демонстрацией тенденций* в изучении идеологии императора Августа и *анализом наиболее важных исследований*. Спецификой темы также является существование большого количества частных вопросов. Обзор мнений по некоторым из них мы даем в соответствующих разделах.

Идеологией раннего Принципата ученые заинтересовались довольно поздно, в результате чего специальным работам в этой области предшествовала значительная литература, посвященная принципату Августа либо истории Римской империи в целом. В ее рамках сформировалось несколько подходов к изучению характера власти первого императора и его отношения к «республиканской» традиции. Эти подходы оказали большое влияние на формирование у современных историков представлений об официальной идеологии раннего Принципата и очертили границы и проблемы, в рамках которых специальные исследования проводятся до сегодняшнего дня.

Первой в полном смысле научной работой, посвященной правлению Августа, является «История императоров и других правителей...» церковного историка Л.-С. де Тиллемона, первый том которой был опубликован в 1690 году. Де Тиллемон попыток распространил в средневековые взгляды на эпоху Августа как на время рождения Иисуса Христа, чему предшествовало установление мира Октавианом. В то же время он наметил пути для более глубокого изучения принципата Августа, обратив внимание на формирование полномочий первого римского императора, принятие им многочисленных титулов, а также на роль мира в становлении монархии¹.

Историография XVIII – первой половины XIX вв., опиравшаяся вначале на идейные постулаты Просвещения, а затем романтизма, ставила во главу угла моральные качества выдающихся личностей, рассматривая исторические события сквозь призму их поступков, душевных добродетелей и пороков. В результате историки и публицисты той эпохи, по сути, заложили основы так называемой «теории фасада», когда, увидев несоответствие между заявлениями о «восстановлении» Республики и

¹ Tillemont 1700, t. 1, 1–48.

реальным положением дел, создали сугубо отрицательный моральный образ Августа. Так, по мнению М.-Ф. Вольтера и Ж.-Л. де Монтескье, Август был настоящим тираном, который вел римлян к рабству¹. Э. Гиббон в свою очередь отмечал, что не следует верить в искренность заявлений Октавиана о возвращении старинных прав сенату и народному собранию потому, что на самом деле «после слабого сопротивления коварный тиран подчинил своей власти сенат, а затем принял власть над провинциями и главное командование над армией». Продление полномочий Августа в 18, 13 гг. до н. э. и далее историк называет комедией². Ф. Шампаньи указывал, что внешне все было вполне легально: официально Октавиан не был ни царем, ни диктатором, но на самом деле сосредоточил всю власть в своих руках³. Негативный образ Августа также рисовал Ш. Бёле, который к тому же настаивал на том, что император находился под влиянием своего ближайшего окружения⁴. В свою очередь В. Дюрюи первым назвал принципат Августа абсолютной монархией, рядившейся в республиканские одежды⁵. Эту точку зрения разделял и Ч. Мериваль⁶.

В работах историков второй половины XIX в. и первых десятилетий XX в., испытавших сильное воздействие позитивистских установок, изучение принципата Августа вышло на более высокий уровень. Среди исследователей этого времени, безусловно, выделяется Т. Моммзен, чьи научные гипотезы и теории на многие десятилетия предопределили развитие знаний о принципате Августа. Фактически Т. Моммзен «открыл» Принципат как политическую систему, дав развернутую характеристику его юридических основ в своем знаменитом труде «Римское государственное право». Обзор полномочий императора и римского сената выявил несоответствия и нестыковки в теоретических построениях предшествующих ему историков. Это привело немецкого ученого к выводу о том, что политический строй Принципата был не монархией или республикой, а диархией, то есть положением, при котором власть сената и принцепса была юридически разграничена⁷. Таким образом, Т. Моммзен стал первым ученым, который подверг сомнению нерушимый до этого тезис об установлении в Риме абсолютной монархии и, соответственно, о «лицемерии» Октавиана, заявлявшего о «восстановлении» Республики.

¹ Voltaire 1827, t. 3, 189–199, notamment 193; Montesquieu 1831, 116–127, notamment 122.

² Gibbon 1872, v. 1, 59–69, esp. 60.

³ Champagny 1853, 147–206, notamment 166–167.

⁴ Beulé 1868, 5 sqq.

⁵ Duruy 1882, t. 4, 258.

⁶ Merivale 1851, v. 3, 397 sqq.

⁷ Mommsen 1877a, 723 sqq.; 1877b, 1262 sqq.; 1893, 190–203, 340–345.

Концепция Т. Моммзена вызвала оживленную дискуссию среди антиковедов. По сути, следующие несколько десятилетий в историографии прошли под флагом «борьбы» против «теории диархии».

М. И. Ростовцев, а вслед за ним Ф. Ф. Зелинский, Дж. Бейкер и др., отказавшись от предположения Т. Моммзена, в то же время согласились с тем, что нельзя говорить о принципате Августа как о монархии. Компромисс, заключенный Октавианом с римской аристократией и римским обществом в целом, переплетение старых и новых тенденций, с их точки зрения, не дают возможности однозначно определить намерения деятельности Августа¹.

С другой стороны, несколько крупных ученых, также не принявших выводов Т. Моммзена, стали рассматривать принципат Августа как Республику. Впервые с таким предположением выступил Эд. Мейер. На седьмом собрании немецких историков в Хайдельберге в апреле 1903 г. его доклад «Kaiser Augustus» вызвал широкий резонанс². По мнению Эд. Мейера, Август на самом деле хотел восстановить Республику. В 27 г. до н. э. он действительно передал власть сенату, а отказ от консульства в 23 г. до н. э. и избрание консулом на освободившееся место Л. Сестия, большого почитателя М. Брута, является ярким подтверждением его намерений. Полномочия Августа, *imperium proconsulare* и *tribunicia potestas*, лежали «еще в пределах границ Республики». Следовательно, Августа нужно рассматривать не как единоличного правителя, а как гражданина, первого среди равных, как *princeps* времен Республики, какими были некогда Камилл и Сципион³. Позднее историк развил эти взгляды в своей фундаментальной работе «Монархия Цезаря и принципат Помпея», отметив, что Октавиан наследовал не Цезарю, который стремился к эллинистической монархии, а Гн. Помпею, защищавшему «республиканские» устои⁴.

В вышедшей в 1905 г. обширной рецензии на несколько книг, посвященных жизни и деятельности первых императоров, точку зрения немецкого историка принял Г. Ф. Пелхэм. Дополняя Эд. Мейера, он считает «республиканскими» попытки Августа восстановить не только сенат, но и народное собрание, и магистратуры. В то же время, видя упадок Республики в целом, Октавиан стремился опереться на здоровые силы Италии и сделать их основой нового процветания. Правда, вслед за этим Г. Ф. Пелхэм оговаривается, что Август, весьма вероятно, и сам не верил в успех своего предприятия⁵.

¹ Ростовцев 2003, 117–132; Зелинский 1999, 84–88; Бейкер 2003, 297–303.

² См.: Abele 1907, III.

³ Meyer 1903, 405, 410, 413–416, 420–423, 430.

⁴ Meyer 1919, 176, 189, 463, 468, 481, 516, 521.

⁵ Pelham 1911, 31–33, 35.

Мнение Эд. Мейера вскоре поддержал и Г. Ферреро. В первые годы XX в. вышли пять томов его труда «Величие и падение Рима», из которых три последние посвящены деятельности Октавиана¹. Г. Ферреро также подчеркивал различие между честолюбивым Цезарем и прагматичным Августом. Последний, на взгляд историка, больше похож на Цицерона или Брута, чем на своего приемного отца. Август искренне стремился восстановить Республику, но безразличие к государственным делам изнеженной и вырождающейся римской аристократии заставляло его все время брать на себя новые полномочия. Однако твердая вера в «республиканские» идеалы позволила Октавиану избежать искушений монархией и в 27 г. до н. э. Республика была возрождена².

О борьбе между приверженцем «республиканских» идеалов Октавианом и «ориенталистом» Антонием писал М. С. Слотер³.

Нужно заметить, что общим слабым местом в рассуждениях сторонников «республиканизма» Августа первых десятилетий XX в. является то, что они во многих случаях вынуждены опираться на косвенные данные или даже основываться на предположениях. В результате их выводы весьма спорны и часто возникает ощущение того, что теория для них важнее фактов.

Между тем большинство историков, среди которых такие известные исследователи, как А. фон Домашевски, В. Гардтгаузен, Г. Буасье, В. Друмманн, Э. С. Шакбург, Т. А. Абеле, Х. Стюард Джоунз, В. И. Герье, Р. Ю. Виппер, Р. Хейнце, Х. Дессау, Э. Корнеманн, В. Эренберг, Ф. Б. Марш и др., указав на юридические и исторические недочеты теории Т. Моммзена, остались на прежних позициях, рассматривая принципат Августа как монархию⁴.

В их трудах «теория фасада» получила дальнейшее развитие. Ее основная идея – это несоответствие «формы» и «содержания» нового государственного строя. Заявления Августа о «восстановлении» Республики входят в противоречие с реальным положением дел, при котором власть сосредотачивается в руках одного человека, опирающегося на армию и формирующий бюрократический аппарат, вокруг его персоны зарождается религиозный культ. Таким образом, ситуация с «отказом» Октавиана от власти в 27 г. до н. э. и «передачей полномочий» сенату и народному собранию рассматривается как ширма, призванная завуали-

¹ Ферреро 1916, т. 3; 1922, т. 4; 1925, т. 5.

² Ферреро 1916, т. 3, 432 слл.

³ Slaughter 1922, 97–110.

⁴ Герье 1877; Gardthausen 1896, T. 1 Bd. 2, 489 sqq.; Буасье 1896, 44–53; Shuckburgh 1903, 144 sqq.; Abele 1907, 22–23; Drumann 1908, Bd. 4, 299; Jones 1908, 1–41; Domaszewski 1909, Bd. 1, 166–176; Виппер 1995, т. 2, 111 слл.; Kornemann 1921; Ehrenberg 1924, 207; Dessau 1924, Bd. 1, 39 sqq.; Heinze 1930, 385–395; Marsh 1931, 16.

ровать его единоличную власть. Очевидным подтверждением «лицмерия» и «двуличия» Августа, по мнению сторонников этой точки зрения, является «союз» Октавиана с «республиканцами» в начале его политической карьеры, «предательство» Цицерона, а также призывы к восстановлению «свободы» (*libertas*) во время борьбы за власть. С последними утверждениями тесно связаны попытки некоторых историков объяснить присутствие «республиканских элементов» в новом политическом строе влиянием идейных установок Цицерона на формирование Принципата¹.

Вместе с тем выводы поборников «теории фасада» значительно обесцениваются из-за того, что «республиканизм» Августа рассматривался с конституционных позиций, а якобы «республиканские» деяния и поступки Октавиана использовались как косвенные положения, чтобы еще раз уличить первого императора в лицемерии и придать солидности подобным рассуждениям.

Таким образом, к 20–30-м гг. XX в. в историографии, посвященной принципату Августа, сложилось четыре направления: «теория диархии» Т. Моммзена, точка зрения М. И. Ростовцева и его сторонников, «теория фасада» и «теория республиканизма Августа». Из них два последние оказали непосредственное влияние на аргументацию и проблематику исследователей идеологии и политической пропаганды раннего Принципата.

Первые специальные работы, в которых рассматривалось пропагандистское противостояние Октавиана и М. Антония, появились в конце 20-х – середине 30-х гг. XX в.² Среди них большое значение имеет статья К. Скотта, посвященная политической пропаганде 44–30 гг. до н. э. Автор выделил четыре этапа активной пропаганды Октавиана: 1) от появления наследника Цезаря до формирования триумvirата; 2) Перузинская война 41–40 гг. до н. э.; 3) война с Секстом Помпеем 38–36 гг. до н. э.; 4) финальная схватка с М. Антонием 32–30 г. до н. э. В рамках этой схемы он тщательно рассмотрел все письменные свидетельства, содержащие личные нападки на римских политиков, пасквили, подметные письма, слухи и т. п. В итоге К. Скотт пришел к выводу о том, что соперничество между триумвирами было лишь борьбой за единоличную власть, которая рождалась среди лжи и политических фальсификаций³.

Также следует упомянуть главу «Война Востока против Запада» в десятом томе «Кембриджской древней истории»⁴. Блестяще написанная В. В. Тарном и М. П. Чарльзуортом на основе многочисленных письменных, эпиграфических и нумизматических источников, она оказала большое влияние на следующие поколения историков, утвердив среди них

¹ Hanp.: Reitzenstein 1917.

² Charlesworth 1932; 1933; Scott 1925; 1929; Tarn 1932.

³ Scott 1933.

⁴ Tarn, Charlesworth 1934a.

несколько шаблонные образы легкомысленного Антония, потерявшего голову из-за Клеопатры, и расчетливого, хладнокровного Октавиана, целенаправленно добивающегося своей цели. В описании авторов М. Антоний предстал римлянином, оторвавшимся от традиционных устоев и стремившимся к созданию монархии эллинистического типа, тогда как Октавиан чутко уловил общественные настроения требования мира и прекращения гражданских войн и стал последовательно создавать образ защитника Италии и национального лидера. К сожалению, в главе есть только отрывочные упоминания об отношении триумвиров к «помпеянкам» и к лозунгам времен Поздней республики, из-за чего создается двухмерная картина, в которой ярко проявляется «лицемерие» Октавиана.

Ж. Гаже пошел дальше изучения пропагандистской борьбы периода Второго триумvirата и обратился к исследованию идеологии раннего Принципата. Он сосредоточил свои усилия на изучении религиозных аспектов идеологии режима Августа. По его мнению, важную роль в обосновании единоличной власти императора сыграли такие ключевые понятия, как «власть трибуна», «римский мир», «идея римского триумфа» и «гений императора», которые обладали особым сакральным и мистическим значением в глазах современников Октавиана. Такие взгляды активно подпитывались широко распространившимися эллинистическими представлениями о единовластии, свой вклад внесли и некоторые идеи стоической философии¹. Но вряд ли можно серьезно говорить о мистическом восприятии *tribunicia potestas* и прочего в I в. до н. э. Кроме того, возражения вызывает заявление Ж. Гаже о большом влиянии восточных монархических идей на политическую жизнь Рима того времени. Свои штудии историк продолжил и позднее, уделив особое внимание месту и значению образа Аполлона в становлении власти Августа².

Если в целом взглянуть на работы 30-х гг. XX в., посвященные пропаганде и идеологии Августа, то становится вполне очевидным, что они дали новый толчок развитию «теории фасада», которая заняла господствующее положение в это время. Так, Х. Стюард Джоунз развил свои уже ранее высказывавшиеся взгляды о «монархии без монарха» в главе «Принцепс» той же «Кембриджской древней истории»³. Следует отметить, что в советской историографии «теория фасада» также сразу заняла главенствующие позиции⁴.

Однако наибольшего выражения «теория фасада» достигла в фундаментальном труде английского историка Р. Сайма «Римская

¹ Gagé 1936.

² Gagé 1955.

³ Jones 1934.

⁴ Сергеев 1938а.

революция»¹. Автор считал, что в I в. до н. э. в Риме произошла революция, выразившаяся заменой у власти старого нобилитета новой олигархией. «Революционным вождем» последней был Октавиан. Одержав победу, он пошел на компромисс со своими противниками, на что и указывают «республиканские» лозунги 20-х гг. до н. э. Тем не менее компромисс этот был социальный, и государственно-правовой акт 27 г. до н. э. означал установление монархии.

Вместе с тем исследователь уделил значительное внимание идеологии. Он разобрал ключевые термины, использовавшиеся в политической борьбе эпохи Республики, важнейшим из которых, по его мнению, был лозунг *libertas*². Р. Сайм справедливо указал на то, что «свобода» была многозначным понятием. Под *libertas* сторонники сената подразумевали не «личную свободу», а прежде всего *dignitas*, то есть совокупность политических прав знати. Но Октавиан наполнил его монархическим смыслом. Теперь он знаменовал не «свободу», а возвращение к мирной жизни³. Отдельный раздел «Организация мнения» Р. Сайм посвятил пропаганде Августа, где в сжатом виде описал ее составные части: литературный патронаж, идеализацию прошлого, монументальную и монетную агитации и т. д. Эти меры должны были узаконить и легализовать единоличную власть первого императора⁴.

Попытку отстоять точку зрения сторонников «теории республиканизма Августа» предпринял М. Хэммонд⁵. Отталкиваясь от рассуждений Т. Моммзена, он полагал, что Август занимал только экстраординарную магистратуру, делегированную ему сенатом, и в этом смысле ничем не отличался от позднереспубликанских полководцев, наделенных чрезвычайными полномочиями. Нагромождение титулов и полномочий исследователь поясняет в духе Г. Ферреро: к этим шагам Августа вынуждали абсентеизм и бездеятельность аристократии⁶. Длительное нахождение у власти принцепса объясняется его желанием убедиться в успехе своей политики. Октавиан на самом деле считал себя «слутой сената», поэтому даже в годы триумvirата он склонялся к «республиканизму», в отличие от «деспотизма» М. Антония. Использование лозунгов *res publica restituta*, *libertas* говорит о том, что принцепс действительно восстановил Республику⁷. Позднее, чувствуя явную противоречивость своей гипотезы, в отдельной статье М. Хэммонд объявил, что суть проблемы заключается

¹ Syme 1939.

² Syme 1939, 9, 149–161.

³ Ibid., 155, 306.

⁴ Ibid., 459–475.

⁵ Hammond 1933.

⁶ Ibid., 195–197.

⁷ Hammond 1933, 20–21.

в том, считал ли сам себя Октавиан монархом. Поэтому на первое место ученый поставил вопрос об «искренности» Августа. Однако для его решения, по мнению исследователя, что весьма симптоматично, недостаточно «научной объективности... часто суждения должны опираться на интуитивную оценку, а не на просчитанное доказательство». Исходя из такой «методологии», очевидно, что М. Хэммонд сделал выбор в пользу «искренности» Октавиана¹.

После Второй мировой войны интерес к идеологии раннего Принципата усилился. В этот период вышли еще три фундаментальные монографии Н. А. Машкина, П. Гренада и Г. Шарля-Пикара, в которых исследователи уделили особое внимание происхождению Принципата, его социальным, юридическим основам, а также внешним выражениям власти принципса². Идеология также была в сфере интересов историков, но в своих трактовках идеологических и пропагандистских мероприятий первого императора они по большей части следуют за выводами Р. Сайма.

В 50–60-е гг. XX в. резко увеличилось количество специальных работ, посвященных лозунгам и терминам, использовавшимся в политической борьбе во второй половине I в. до н. э. В капитальных исследованиях Х. Эркеля, Ж. Беранже, Ж. Эллегуара, Л. Виккерта был скрупулезно изучен самый широкий круг понятий, описывавший новые реалии установившегося в Риме режима³. Отдельно, в трудах Х. Виршубски, Г. Вальтера, Й. Бляйкена, В. Кункеля, было всесторонне рассмотрено понятие *libertas* и его трактовка императором Августом⁴.

Большую роль в изучении становления идеологии эпохи Августа сыграл один из наиболее тонких знатоков римской истории I в. до н. э. - А. Альфёльди. Он, избрав нумизматический материал в качестве основного для своих штудий, впервые показал те пути, по которым шло становление императорской изобразительной символики⁵, описал основные черты политической пропаганды на монетах во времена Римской республики и Второго триумvirата⁶, указал на значение нумизматической агитации в навязывании римскому обществу тех или иных представлений об Августе и его «идеальных» достоинствах⁷.

В это время появляются первые работы советских историков, где идеология поставлена в центр исследований. В частности, это статьи

¹ Hammond 1965, esp. 139–140; ср. совершенно противоположное мнение Дж. Рича и Ф. Верваэта [Rich 2010, 167–194; Vervaeke 2010b, 134–166].

² Машкин 1949; Grenade 1961; Charles-Picard 1962.

³ Erckell 1952; Béranger 1953; Wickert 1954, besond. 2080–2098; Hellegouarc'h 1963.

⁴ Wirszubski 1950, esp. 97–123; Walser 1955; Bleicken 1962; Kunkel 1969.

⁵ Alföldi 1950; 1951; 1952; 1953; 1954.

⁶ Alföldi 1956; Alföldi, Giard 1984.

⁷ Alföldi 1957; 1978.

Н. Ф. Дератани о патриотических идеях в Риме I в. до н. э.¹ и Г. К. Забулиса о религиозных основах идеологии эпохи Августа². Существенный вклад в изучение политических идей Поздней республики и раннего Принципата внес С. Л. Утченко. Он отмечал роль Цицерона в идеологической подготовке Принципата, чьи надсловные и надклассовые лозунги *concordia ordinum* и *consensus bonorum* были использованы Августом для завоевания поддержки среди широких слоев населения. При этом Октавиан выступил на политическую арену как наследник Цезаря, как представитель «цезарианцев», но впоследствии отказался от «партийной» фразеологии последних в пользу «общепатриотической» программы Цицерона, которая была основана на провозглашении гражданского мира, возрождении древнеримских традиций и могла удовлетворить политические и культурные запросы достаточно широких слоев италийского общества. Дополнила ее акция с «восстановлением» Республики и «отказом» Октавиана от власти, что, конечно, было фикцией³. Такие взгляды довольно популярны среди сторонников «теории фасада», но вызывают ряд возражений. Во-первых, сомнительно, что Август отказался от «цезарианской» фразеологии; во-вторых, «программа» Цицерона не пользовалась большой популярностью даже среди его современников; в-третьих, вряд ли стоит приписывать заботу о восстановлении древнеримских традиций лишь сторонникам сената и тем более связывать агитацию последних с сохранением гражданского мира.

В 70-х – начале 80-х гг. XX в. в изучении официальной идеологии и политической пропаганды Августа произошли новые качественные изменения. В первую очередь это было связано с более пристальным вниманием к нумизматическим и эпиграфическим источникам. Общие работы по принципату Августа, опубликованные в это время, продолжили традиции сторонников «теории фасада» и не нарушили устоявшиеся каноны⁴. Напротив, специальные исследования принесли новые наработки.

Публикация новых и переиздание старых сборников по римской нумизматике⁵ подтолкнули исследователей к более глубокому анализу монетных типов и влияния на них официальных идеологических установок. В результате ревизии подверглись выводы А. Альфёльди о большой значимости «нумизматической пропаганды» в идеологической борьбе в эпоху Поздней римской республики и раннего Принципата. Еще в 50-х гг. А. Х. М. Джоунз раскритиковал подобную точку зрения. Он отрицал особую роль монет в качестве средства массовой пропаганды

¹ Дератани 1946.

² Забулис 1960.

³ Утченко 1952, 212–232; 1969, 191–214, 303–315.

⁴ Carter 1970; Jones 1970; Parain 1978.

⁵ Напр.: CRRBM; CREMB; RRC; RIC.

и видел в них скорее источник для изучения экономики, чем идеологии¹. Его взгляды развил М. Х. Крауфорд, который также поставил под сомнение первичность «информативной функции» монет. Он отмечал, что, во-первых, изображения на монетах в то время имели тривиальное значение и были по большей части неразборчивы; во-вторых, информация на аверсе и реверсе была неравнозначной, поскольку аверс играл легитимирующую роль, неся изображение императора, а изображение на реверсе было всего лишь дополнительной картинкой. Главной задачей имперской чеканки было распространение портрета правителя по всем уголкам империи². На ту же точку зрения стал К. Х. В. Сазерленд в переиздании каталога монет эпохи Юлиев-Клавдиев. Он считал, что аверс является индикатором высшей власти, а реверс передает по большей мере вторичную информацию. По его мнению, главной целью римской чеканки была прежде всего экономическая функция³. Несколько иным путем пошла Б. Левик. Она предложила вовсе отказаться от термина «пропаганда», так как изображения на монетах были, по ее мнению, направлены не от императора к обществу, а от общества к императору. Вряд ли император ежедневно лично принимал участие в выборе тех или иных монетных типов: этим занимались мелкие магистраты, сенаторские *tresviri monetales* или императорские *procuratores monetae*, которые таким образом пытались высказать свою лояльность режиму⁴. Более взвешенную позицию занял Э. Уоллас-Хэдрилл. Он указал на то, что сообщения аверса и реверса вполне равнозначны и в силу этого не следует принижать роль изображений на реверсе в идеологической политике императора. Имперская чеканка стремится заполнить все пространство монеты разными путями: с помощью двойных портретов, личных символов Августа, изображением его почестей и др. Термин «пропаганда» как некорректный Э. Уоллас-Хэдрилл заменяет понятием «убеждение» (*persuasion*), что не отменяет, на его взгляд, стремления правящего режима оказывать влияние на общественное мнение. Кроме того, исследователь делает важное замечание о том, что идеологическая нагрузка на монетные типы в некоторые периоды многократно возрастает⁵.

Нужно сказать, что полемика о сущности «нумизматической пропаганды», несомненно, продвинула вперед наши знания об идеологии эпохи Августа в целом. Однако не следует забывать, что в период гражданских войн 40–30-х гг. I в. до н. э. монеты были одним из средств агитации, поэтому информацию, которую они несли, вполне можно

¹ Jones 1956.

² Crawford 1983.

³ RIC I, p. 11–14.

⁴ Levick 1982, esp. 104–107.

⁵ Wallace-Hadrill 1986.

называть пропагандой. Это ярко иллюстрирует прямая зависимость между свидетельствами письменных источников и данными восточных эмиссий антицезарианцев, рассмотренная нами во второй главе. Что касается Октавиана, то П. Вальманн отмечает, что в это время между его пропагандой и реальной политикой лежала настоящая пропасть¹. Позднее интенсивность правительственной агитации посредством монет падает, но пример монетных типов, связанных с политикой *restitutio rei publicae*, отчетливо демонстрирует значимость этого ресурса для легитимации власти².

В то же время были подвергнуты сомнениям традиционные взгляды на значение лозунга *res publica restituta* во времена правления Августа. Независимо друг от друга Ф. Миллар и Е. А. Джадж не только справедливо раскритиковали трактовку *res publica restituta* как «восстановленная Республика», но даже отвергли существование этого лозунга в 20-е гг. I в. до н. э., основываясь на том, что подобное выражение всего лишь два раза встречается в эпиграфических источниках, где не всегда надежно восстанавливается по эмendaциям эпиграфистов³.

Кроме того, специально нужно отметить появление первых обзорных работ по идеологии эпохи Августа. Е. Зографска в общих чертах рассмотрела формирование идеологии Августа с позиций «теории фасада». В ее статье встречаются все основные доводы сторонников этой точки зрения. Так, «гениальность» Октавиана заключалась в том, что после прихода к власти он отказался от «монархических» идей Цезаря и облек свою власть в «республиканские одежды». При этом определяющее влияние на обоснование нового режима оказали идеи Цицерона, опиравшиеся на староримские традиции и греческую политическую теорию⁴.

С другой стороны, В. де Соуза, наоборот, разбил идеологическую политику Августа на составляющие: индивидуализация жизни в римском обществе, религия, традиция, идеологические лозунги, ведение войн, строительство, проведение игр – и осветил их по отдельности. Заслугой

¹ Wallmann 1989, 244.

² Впрочем, следует отметить, что дискуссия, о том какую роль играли изображения на монетах в идеологической борьбе в эпоху Поздней республики и раннего Принципата, продолжается по сей день. В последнее время общим местом в работах современных исследователей стало утверждение того, что не следует слишком преувеличивать пропагандистскую функцию монет для эпохи Империи, в то время как для Поздней республики можно говорить о термине «паблисити», под которым понимают политическую саморекламу римских аристократов в борьбе за общественное мнение. Соответственно, изображения на монетах трактуются как инструменты этой политической саморекламы [см.: Flower 1999, 79–86; Meadows, Williams 2001, 49; Morstein-Marx 2004, 85–86]. Подробнее см. относительно недавние и весьма содержательные обзоры мнений о «нумизматической пропаганде» у Б. Левик и Р. Волтерса [Levick 1999a, 41–60; Wolters 1999, 255–265].

³ Millar 1968; 1973; Judge 1974.

⁴ Зографска 1971.

исследователя является попытка дать развитие семантики таких лозунгов, как *paх*, *pietas*, *clementia*, *libertas*, во время Поздней республики и раннего Принципата¹. Однако она во многом неудачна из-за того, что автор отказывается от определения «партийной» принадлежности того или иного лозунга (за исключением *clementia*) в период Поздней республики. В результате складывается устойчивое впечатление либо о заимствовании Августом «республиканской» фразеологии, либо о «лицемерии» принципса.

Оригинальная концепция развития идеологии во времена правления Августа была предложена Е. М. Штаерман, отстаивавшей позиции сторонников «теории фасада». По ее мнению, «римский миф», созданный в эпоху расцвета римской республики и представлявший собой систему традиционных ценностей римлян², был основательно потрясен Августом, который заменил большие коллективные цели своей социальной демагогией, пропагандировавшей наступление «золотого века» и завершение благодаря его усилиям «миссии Рима». Все то, за что веками боролись римляне, было объявлено достигнутым. В итоге произошло обесценивание коллективных целей, что нарушило «связи причастности», отличающие гражданина от подданного, и привело к смене «идеологии гражданина» «идеологией подданного»³.

80-е гг. XX в. – первые годы XXI в. стали переломным этапом в изучении идеологии принципата Августа. Последние десятилетия характеризуются огромным интересом к периоду его правления. Регулярно стали проводиться международные научные конференции и коллоквиумы, посвященные изучению различных сторон принципата Августа, причем основное внимание уделялось идеологическим аспектам новой политической системы⁴. Помимо этого, резко возросло количество сборников

¹ Sousa 1974.

² Штаерман 1975, 44–48.

³ Штаерман 1985, 52 слл.; 1987, 200–202.

⁴ Так, в 1982 г. состоялись конференции «Век Августа» (Провиденс) [Age of Augustus 1985] и «Культура эпохи Августа» (Йена; статьи были опубликованы в 67 томе журнала «Klio» за 1985 г.); в 1985 г. – «Искусство и общество в эпоху Августа» (Лондон); в 1987 г. – «Вид города и идеология. Монументальная архитектура испанских городов между республикой и империей» (Мадрид) [Stadtbild und Ideologie 1990], «Век Августа: взгляд современников и суждение потомков» (Мантуя) [L'età augustea, 1988], «Между республикой и империей» (Провиденс) [Between Republic and Empire 1990]; в 1988 г. – крупная выставка «Император Август и потерянная Республика» (Берлин) [Kaiser Augustus und die verlorene Republik 1988]; в 1999 г. – «Римская революция после Рональда Сайма: цели и перспективы» (Женева) [La révolution romaine après Ronald Syme 2000]; в 2005 г. – «Ирод и Август» (Лондон) [Herod and Augustus 2009]; в 2006 г. – «Август, взгляд извне: восприятие императора в провинциях и в соседних государствах» (Майнц) [Augustus, der Blick von aussen 2008]; в 2009 г. – «Принципат Августа: факты и репрезентация власти вокруг *res publica restituta*» (Пенн) [Le principat d'Auguste 2009] и др.

статей¹, коллективных монографий² и антологий источников³, посвященных как принципату Августа в целом, так и идеологии этого времени в частности. На этом фоне расширилась источниковая база, так как ученые обратили более пристальное внимание на пропагандистскую функцию таких сфер деятельности, как монументальная архитектура и искусство малых форм⁴. В 1995 г. и 2005 г. были найдены два ауреуса, принадлежащих к одной эмиссии, датированной 28 г. до н. э.⁵. Надпись на реверсе этой монеты: *LEGES ET IVRA P(otuli) R(omani) RESTITUIT* (он восстановил законы и права римского народа) вызвала бурное обсуждение. Кроме того, в 2003 г. был опубликован новый фрагмент «Деяний Августа», полностью изменивший прочтение 34 главы *Res Gestae*. Этот фрагмент показывает, что в отрывке «*per consensum universorum potens rerum omnium* (по всеобщему согласию достигший высшей власти)» следует читать *potens* (овладевший, достигший), а не *potitus* (облеченный)⁶. Ранее общепризнанной была эмендация Т. Моммзена «*potitus rerum omnium* (облеченный высшей властью)»⁷. Все это привело к фундаментальным изменениям во взглядах современных исследователей на сущность режима Августа и его идеологическую основу.

Масштабную перестройку претерпела «теория фасада» (за исключением некоторых историков, оставшихся на старых позициях)⁸. В работах Ф. Миллара, Д. Кинаста, П. Цанкера, Г. С. Сами тезисы об изначальном монархизме режима Августа и о «восстановлении» Республики как функции остались неизменными⁹. Однако фокус исследований сместился с юридических и политико-правовых в сторону социальных, идеологических, культурологических и психологических аспектов. Но, самое главное, исследователи перестали «ловить за руку» принцепса, пытаясь уличить его

¹ *Ideologie und Herrschaft* 1979; *Caesar Augustus* 1984; *Poetry and Politics in the Age of Augustus* 1984; *Augustus* 1985; *Saeculum Augustum* 1987; 1988; 1991; *Rzym na przelomie republiki i cesarstwa* 1988; *Roman Poetry and Propaganda in the Age of Augustus* 1992; *Roman Literature and Ideology* 1995; *Cambridge Companion to the Age of Augustus* 2005; *Augustus* 2009; *Le principat d'Auguste* 2009.

² Как пример можно привести чрезвычайно полезную многотомную монографию «*Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*» и второе издание знаменитой «*Cambridge Ancient History*».

³ *Golden Age of Augustus* 1978; *Rome: the Augustan Age* 1981; *Bringmann, Schäfer* 2002; *Age of Augustus* 2003; *Golden Prose in the Age of Augustus* 2004.

⁴ Напр.: *Gros* 1976; *Zinserling* 1985; *Hölscher* 1985; 1988; *Hofter* 1988; *Gros, Sauron* 1988; *Zanker* 1988; *Kolb* 1995, 330–368; *Clarke* 2005.

⁵ *Rich, Williams* 1999; *Abdy, Harling* 2005.

⁶ *Botteri* 2003; ср.: *Lebek* 2004; *Drew-Bear, Scheid* 2005, esp. 233–236.

⁷ *Mommsen* 1883, 144.

⁸ *Yavetz* 1984; 1990; *Вулих, Неверов* 1988; *Ribeiro* 1989/1990; *Шифман* 1990; *Burian* 1991; *Korpanyi* 1991; *Абрамзон* 1995; *Rich* 1996; 1998; 1999; 2009; 2010; *Rich, Willams* 1999; *Евсеев* 2005; *Чеканова* 2005; *Петречко* 2009.

⁹ *Millar* 1984; 2000; 2002; *Zanker* 1988; *Kienast* 1999; *Sumi* 2005.

во лжи, и попытались выяснить то, как сами современники воспринимали новые обстоятельства. Поэтому в центре внимания находится феномен «образа Августа» в надписях, нумизматике, скульптуре, архитектуре, искусстве малых форм, различных церемониях и т. п. В этом отношении показательна продемонстрированная историками своеобразная «революция» в общественном сознании, когда имя и изображение одного человека появляются повсеместно. В результате уже со времен Второго триумvirата формируется новая римская мифология и особый «визуальный» ритуал власти императора. Исходным материалом для него были «республиканские» символы и коннотации, которые имели немаловажную отличительную черту – полисемантическую. Другими словами, в них изначально была заложена возможность к перемене значений. Это же относится и к политическим терминам, и к идеологическим лозунгам, получившим в эпоху Августа «монархическое» звучание.

Попытки вышеназванных исследователей показать связь и взаимовлияние между императором и римским обществом на уровне изобразительной традиции и невербальных образов, вполне очевидно, следует признать весьма успешными. Эти изыскания продвинули вперед наши знания об официальной идеологии раннего Принципата. Однако недостатком работ, на наш взгляд, является подчеркивание значимости «республиканских источников» в идеологических мероприятиях Августа для обоснования его монархической власти, в то время как значение этих «источников» в эпоху Поздней республики не разъясняется. Это, в свою очередь, ведет к неправильной, с нашей точки зрения, интерпретации места того или иного лозунга в идеологической политике Августа, а также поступков самого императора.

В рамках «модернизированной» «теории фасада» тщательному и всестороннему изучению подверглась пропагандистская борьба во времена Второго триумvirата. П. Вальманн в фундаментальной монографии «*Triumviri rei publicae constituendae*. Изыскания к политической пропаганде в эпоху Второго триумvirата», наряду с агитацией противников Октавиана, подробно проследил эволюцию пропагандистских лозунгов наследника Цезаря, которые служили, по его мнению, оправданию незаконной власти Августа¹. С. Н. Ахиев, посвятив свое исследование той же теме, сконцентрировав внимание на основных средствах и методах пропаганды, ее роли и значении в политическом противостоянии 40–30-х гг. до н. э.² Р. А. Гурвал показал место идеологических штампов, связанных с битвой при Акции, в рамках идеологии раннего Принципата³.

¹ Wallmann 1989.

² Ахиев 2001а.

³ Gurval 1995.

В свою очередь К. Х. Ланге указал на роль новой магистратуры «*triumviri rei publicae constituendae*», пропагандистских образов битвы при Акции и Аполлона как божественного покровителя Октавиана в политике *res publica restituta* и утверждении единоличной власти в Риме¹.

С другой стороны, можно говорить о появлении нового направления, зародившегося на стыке «теории фасада» и «теории республиканизма»², для которого мы приняли условное название «интегральная концепция»³. Его сущность заключается в том, что в идеологии Августа имело место сложное переплетение республиканских традиций и монархических тенденций в рамках непостоянной, развивающейся в сторону монархии политической системы. Исходя из этого, в пределах «интегральной концепции» существуют колебания в оценках сущности режима Августа. Некоторые историки подчеркивают преобладание монархических элементов в идеологии Августа, другие – смешение разнохарактерных тенденций без превалирования какой-либо из них, тогда как третьи – примат политики «республиканизма».

Впервые, еще в середине 70-х гг. XX в., в небольшой содержательной статье Х. В. Бенарио отметил противоречивый характер принципата Августа⁴. В частности, он указал, что победа Октавиана в войне с М. Антонием привела к возникновению Принципата. Но его учреждение не равнялось концу «свободы» в Риме, так как *libertas* исчезла намного ранее. Наоборот, в течение нескольких лет Август восстановил большую часть традиционных устоев прежнего государства. Сам он, несмотря на нахождение у власти, хотел казаться тем, кем он был для общины, исходя из того, что он для нее сделал, и в этом смысле его стремлениям можно найти определенный пример в карьерах двух Сципионов.

¹ Lange 2009.

² «Теория республиканизма» в это время окончательно утрачивает свою популярность, исключение – работа Х. Кастритиуса [Castritius 1982].

³ На наш взгляд, только выделяя ряд работ в отдельное направление (интегральная концепция) можно в достаточной мере полно и в той или иной степени логично описать новые тенденции, которые наметились в последние десятилетия в изучении принципата Августа. Если же продолжать разделять историков на сторонников «теории фасада» и «теории республиканизма», то многие современные исследования попросту не впишутся в эти рамки. Старое деление ведет к хаосу в оценках мнений различных историков, заставляя воспринимать каждую новую высказанную точку зрения как вещь саму в себе, как нечто уникальное, которое находится вне старой схемы и не соотносится с ней. Именно такое впечатление оставляют историографические обзоры Я. Ю. Межерицкого 1994, 33–112, О. Петречко 2009, 18–25 и П. Н. Лебедсва 2010, 41–45. Весьма показательно в работе Я. Ю. Межерицкого название раздела «Современная августиана: многообразие и сближение противоположных трактовок», посвященного современной историографии принципата Августа [Межерицкий 1994, 90].

⁴ Benario 1975.

Одним из первых Принципат как совокупность разнонаправленных тенденций стал рассматривать Э. Уоллас-Хэдрилл. В ряде статей он наряду с «монархическими» аспектами выделяет и «республиканские», что ведет к дальнейшим выводам о том, что новый политический строй имел такой важный признак, как амбивалентность, которая была характерна для всех основных черт режима Августа¹. В статье «*Civilis princeps: между гражданином и монархом*» исследователь находит это различие в двух моделях поведения принцепса. *Civilitas* характеризует поведение Августа как обычного гражданина, а *superbia* – его «монархические» поступки. Церемониал *civilitas* – это реверанс Октавиана в сторону Республики, традиционалистские сантименты, бравшие начало в Фарсальском сражении и самоубийстве Катона, другими словами, реальное выражение компромисса, заключенного между императором и высшими сословиями². В другой статье «Изображение и власть в чеканке Августа» Э. Уоллас-Хэдрилл доказывает, что выпуски монет с «монархическим» содержанием, несущих изображения императора, символы его власти и почестей, и «республиканские» эмиссии возрожденных с 19 по 13 гг. до н. э. сенатских коллегий монетариев для чеканки золота и серебра являются подтверждением существования определенного баланса между «республиканскими» и «имперскими» тенденциями³. Впрочем, по мнению исследователя, в действительности ранний Принципат был автократической системой, а его «республиканские» черты не были доминантными и уже к середине правления Августа потеряли свою силу и значение.

Х. Майер, следуя в фарватере подобных рассуждений, в то же время значительно корректирует место «республиканских» аспектов в идеологии эпохи Августа. Обстоятельства заставляли Октавиана, который отталкивался от политики М. Антония, играть роль «защитника» интересов сената и Рима. «Играя в гражданские игры» и неизменно идя на компромиссы с сенатом, он, тем не менее, всякий раз укреплял свои властные позиции. Подобное поведение было вынужденным, так как «создать альтернативу тому, что было в Риме традиционным, можно было лишь путем поддержки самой традиции». В результате принцепс скрывался за маской: будучи на самом деле монархом, он играл роль первого гражданина⁴.

В. К. Лейси описывает учреждение Принципата как процесс, растянутый во времени, который, начавшись в 27 г. до н. э., закончился в 19 г. до н. э. Он предлагает для него даже особый термин «*encroachment*» (вторжение, постепенный захват), смысл которого заключается в том, что

¹ Wallace-Hadrill 1981b; 1982a; 1982b; 1986.

² Wallace-Hadrill 1982b.

³ Wallace-Hadrill 1986.

⁴ Meier 1990.

Август постепенно «вторгался» в различные республиканские институты власти, понемногу подминая их под себя. В то же время Октавиан избегал четких и явных посланий, осознанно позволяя происходить политическим событиям самим по себе. Все это нашло свое отражение в идеологии, где наблюдается смешение «республиканских» и «имперских» тенденций¹.

М. Деттенхофер рассматривает переход от Республики к Принципату как перманентную «конкуренцию»: вначале между Октавианом и М. Антонием, потом между Октавианом и сенатом и затем между *domus Augusta* и *res publica*. В конце концов автократия, установленная в 27 г. до н. э., сменяется в 17 г. до н. э. монархией².

В свою очередь М. Штротман также говорит об учреждении Принципата как о долгом процессе, на разных этапах которого превалируют те или иные доминантные идеи, соответствовавшие ключевым понятиям идеологии Августа. Так, период с 43 по 17 гг. до н. э. характеризуется термином *restitutio* (восстановление), указывающим на важное значение в это время «республиканских» коннотаций; период с 17 по 2 гг. до н. э. определяется понятием *saeculum* (столетие), свидетельствующим о произошедших изменениях в сторону монархии; период с 2 г. до н. э. поясняется титулом *pater patriae* (отец отечества), говорящим об окончательном утверждении монархии³.

В целом дуалистический характер Принципата и существование в официальной идеологии «республиканского» и «монархического» аспекта, из которых последний преобладал, признают многие ученые. Среди них А. Б. Егоров, К. Лёвенштейн, Э. Рэмейдж, Д. Эрл, Й. Бляйкен, К. Крист, Ф. Жак и Дж. Шайд, В. Экк, П. Саузерн, К. Зион-Йенкис, О. А. Шалимов, Ф. Юрле и Б. Минео⁴.

Впрочем, некоторые ученые отстаивают особую важность «республиканских» тенденций, конечно поддерживая тезис о дуализме Принципата.

Г. С. Кнабе, посвятив свои исследования социальной психологии и менталитету римлян эпохи раннего Принципата, считает, что «республиканизм» уходил глубоко в массовое сознание, в котором «легенда стала народным чувством, а традиция – общественной психологией». Именно поэтому Август и его преемники изображали свой строй не в виде противоположности Республики как политической формы, а в виде ее продолжения. «Республиканизм» был лишь частью айсберга, под которым

¹ Lacey 1996, esp. 153.

² Dettenhofer 2000.

³ Strothmann 2000.

⁴ Егоров 1985, особ. 3, 103; Löwenstein 1985; Ramage 1985; 1987, esp. 66–72; 1997; 1998; 2000; Earl 1990, 49–53; Bleicken 1990, 82–93; Крист 1997, т. 1, 224–228; Southern 1998; Zion-Jenkis 2000; Шалимов 2000, особ. 5, 39; Eck 2003, 40–63; Hurlet, Mineo 2009a, 9–22; Jacques, Scheid 2010, т. 1, 5, 39.

«явственно ощущалась та тайная, угадывающаяся в глубине громада, которая несла на себе эту всем заметную верхушку»¹.

Примечательно, что в вышедшей в 1993 г. статье «“Традиционализм” в политике Октавиана-Августа – ментально-исторический аспект» известный немецкий историк К. М. Гирардет, не знакомый с творчеством Г. С. Кнабе, заново повторяет его выводы о значимости римского менталитета в политике «республиканизма» Августа, его связи с «римским мифом», а также способности соединять Принципат с «республиканскими представлениями и представлять его плодом естественного развития римской истории»².

На преемственность принципата Августа с Республикой и ее традициями указывает В. Эдер. Он делит период от смерти Юлия Цезаря до прихода к власти Тиберия на пять временных отрезков, которые, по его мнению, отразили «сползание» от Республики к Принципату. Это нашло отражение в идеологии нового государственного строя, основой которой стала «республиканская» традиция. Подтверждает это и стремление Августа создать миф о государстве, а не о правителе³.

В своем исследовании «Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа» Я. Ю. Межерицкий также отстаивает тезис об определяющем значении республиканских традиций в идеологии раннего Принципата. С точки зрения ученого, в политике Августа «республиканизм» играл важную роль на протяжении всей жизни первого императора. Причем уважение к традициям и идеалам Республики можно видеть практически во всех мероприятиях Августа, за исключением редких случаев, когда внешние обстоятельства вынуждали его действовать иначе⁴.

К подобным выводам приходит и Дж. де Роуз Эванс. В монографии «Искусство убеждения: политическая пропаганда от Энея до Брута» она рассматривает влияние образов легендарных римских героев и царей на пропагандистские установки позднереспубликанской эпохи и принципата Августа. Что касается Октавиана, то, согласно автору, он широко использовал почитаемые римлянами фигуры Энея и Ромула, чтобы пояснить в разные периоды свою позицию относительно государства и подчеркнуть свой моральный статус в сравнении с римской олигархией. Также мифы об Энее и Ромуле должны были демонстрировать благочестие и военную доблесть императора. Таким образом, августовская пропаганда не только широко использовала «республиканский» аспект, но даже выглядела как заклочительная стадия республиканской пропаганды⁵.

¹ Кнабе 1970; 1981, 33–36; 1985; 1986, 19–29; 1991.

² Girardet 1993.

³ Eder 1990; 2005.

⁴ Межерицкий 1994.

⁵ Evans 1992, esp. 154.

Сходную точку зрения о постепенном формировании автократической системы с сильным преобладанием «республиканских» аспектов в официальной идеологии Августа на начальном этапе и относительно устойчивым влиянием в дальнейшем поддерживают Э. Грюэн, Ю. Г. Чернышов, Ф. А. Михайловский¹.

Между тем Н. Ханнестад, посвятив свое исследование влиянию имперской политики на римское искусство, в отношении Августа не решает отдать предпочтение «республиканизму» или «монархизму». Автор отмечает «горячее желание» Октавиана выглядеть сторонником «республиканской» традиции и его намерение восстановить Республику. Однако в римском искусстве Н. Ханнестад видит два направления: «республиканское», на что указывает опора принцепса на национальную, антикварную идеи, и «монархическое», например стремление Августа подражать Александру Македонскому (*imitatio Alexandri*)².

Равным образом К. Галински в капитальной работе «Культура эпохи Августа» отказывается признать преобладание той или иной тенденции и заявляет, что смешение старого и нового как раз и было отличительным признаком времени правления Августа. С одной стороны, нельзя сомневаться в том, что Октавиан пришел к власти и что он хотел править, с другой стороны, он обладал не *potestas*, а *auctoritas*, то есть руководил государственными делами на основе морального авторитета. Урегулирование 27 г. до н.э. открыло путь к продолжительному процессу утверждения монархии, но «восстановление» *res publica* было не политическим одномоментным актом, а реализовавшейся программой возрождения традиционных «республиканских» ценностей и идеалов, в чем, по мнению самих римлян, и заключалась сила и мощь государства³.

В целом вклад сторонников «интегральной концепции» в разработку вопроса о сущности идеологии в эпоху Августа весьма значителен. Стоит только сказать, что они за последние десятилетия опубликовали в несколько раз больше научных трудов по рассматриваемой теме, чем все их предшественники до этого. Однако в этих работах нетрудно заметить некоторые недостатки и недочеты. В частности, нет общей картины эволюции значений политических терминов и идеологических лозунгов во второй половине I в. до н.э., не поставлен вопрос о влиянии идеологических установок «оптиматов» и «популярлов» на официальную фразеологию времен раннего Принципата. Неприемлемо выглядит попытка поставить знак равенства между терминами «республиканский»,

¹ Gruen 1990; 2005; Чернышов 1988; 1994, ч. 1–2; 1996; 2001; Михайловский 2000.

² Hannestad 1986, 39–92.

³ Galinsky 1996.

«республиканизм» и «традиционный», «традиционализм». Все это ведет, на наш взгляд, к недостаточно обоснованным выводам и трактовкам.

Как мы видим, количество научной литературы, посвященной изучению сущности режима Августа и его идеологических основ, чрезвычайно велико. Однако до сих пор вопрос о сущности и направленности идеологии раннего Принципата остается нерешенным и крайне дискуссионным, на что указывает хотя бы многочисленность концепций, точек зрения и гипотез, посвященных его интерпретации. Разработанные в историографии наиболее значительные подходы («теория фасада», «теория республиканизма», «интегральная концепция») содержат определенные недочеты и недостатки, которые не позволяют полностью признать выводы их сторонников. К пересмотру устоявшихся точек зрения в современной историографии ведет, по нашему мнению, и неоднозначная трактовка многими исследователями ключевых политических лозунгов эпохи Августа, из которой следуют недостаточно обоснованные выводы и весьма сомнительные интерпретации намерений и поступков первого императора. Также дальнейшей доработки требуют многие частные вопросы, до сегодняшнего дня вызывающие расхождение в оценках и трактовках. Все это дает нам возможность вновь обратиться к изучению официальной идеологии эпохи императора Августа, уделив особое внимание ее генезису.

ГЛАВА 1

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РИМСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Анализ идеологических представлений эпохи Поздней республики является важным моментом в изучении истоков и становления официальной идеологии периода правления императора Августа.

Обращение к идеологии этого периода объясняется тем фактом, что исследования в области идеологии времен Поздней республики и раннего Принципата практически не пересекаются. Это в итоге привело к тому, что в современной историографии все большей популярностью пользуется мнение, согласно которому существенное влияние на формирование официальной идеологии раннего Принципата оказал «республиканизм». При этом все лозунги, все идеологические представления республиканской эпохи признаются «республиканскими». Причем выразителями этих представлений выступают «защитники республики», «сторонники сената» и т. д.¹. Эти выводы делаются без глубокого анализа политических реалий Поздней республики, без привлечения результатов исследований тех историков, которые непосредственно занимались изучением идеологических контрверзов эпохи республики. То есть вопрос о принадлежности «республиканизма» к тем или иным течениям или политическим группировкам остается в стороне. Поэтому важным является постановка проблемы о соотношении «республиканизма» с «традиционализмом» и с идеологическими представлениями различных политических сил, существовавших в Риме в этот период.

Обычно идеологическая борьба в эпоху Поздней республики связывается с двумя латинскими терминами – *optimates* и *populares*. Однако острая полемика, развернувшаяся в последнее время относительно значения этих понятий и шире – вокруг вопроса о формах политических объединений в Риме в I в. до н. э. – заставляет нас вначале уделить внимание именно этой проблематике.

¹ Напр., см. Межеричкий 1994, 121: «Сторонники сенатской “республики” – это не только вожди сенатской олигархии, но и более широкие круги “республиканцев” (sic!), идеологами которых были Цицерон и Саллюстий (sic!)».

§ 1. Политические группировки в эпоху Поздней республики

Вопрос о формах политических объединений в Риме в I в. до н. э. остается крайне дискуссионным. В историографии сложилось два направления: «традиционное» и «просопографическое». В конце XIX в. в антиковедении сформировалось представление о политической ситуации в Древнем Риме в I в. до н. э. как о борьбе между двумя политическими партиями – «популярами» и «оптиматами», одна из которых представляла демократические силы, а другая – интересы знати. Впервые эти термины в таком смысле стал использовать В. Друмман¹. Но основоположником «традиционного» направления принято считать Т. Моммзена. Именно в его труде «История Рима» эта теория получила наибольшее развитие². Среди сторонников этого направления можно назвать Эд. Мейера, Г. Ферреро, Ж. Каркопино, Х. Хилла, Э. Н. Шервин-Уайта и др.³. Особенно широкую популярность «традиционное» направление получило среди советских исследователей⁴.

«Просопографическое» направление стало складываться в 20-е гг. XX в. Его основателем принято считать М. Гельцера, монография которого «Знать римской республики» стала классической. Он пришел к выводу, что власть нобилей основывалась на политической дружбе и патронатно-клиентских отношениях⁵. Его последователи (Ф. Мюнцер, Х. Х. Скаллард и др.), опираясь на эти разработки, создали концепцию, согласно которой в эпоху республики политическая жизнь определялась соперничеством за власть и влияние между коалициями *аристократических семей*⁶. Наиболее четко эту точку зрения сформулировал Л. А. Томпсон. Он указывает, что «противоречия между “оптиматами” и “популярами” ни в коем случае не были незначимыми; но гораздо более важным фактором являлась междоусобная борьба знатных римских домов за монополию политической власти и других преимуществ общественной жизни»⁷.

¹ Drumann 1919, Bd. 5, 662.

² Моммзен 2002, т. 2, 83–84; 2002, т. 3, 155–185.

³ Ферреро 1916, т. 2, 18–20, 29 и др.; Meyer 1919, 12, 68–69 и др.; Carcopino 1951, v. 1, 9, 230, 272 и др.; Hill 1952, 129–130; Sherwin-White 1969, 151–161; см. также: Pelham 1911, 25; Виллер 1995, т. 2, 13, 16 и др.; Ростовцев 2003, 31, 34 и др.; Marsh 1931, 118; Heaton 1939, 24, 33, 34 и др.; Wirzubski 1950, 39–40; Abbott 1963, 99, 240–242; Ferenczy 1991; Бороухович 1993, 57; Евсеенко 2005, 210–220.

⁴ Сергеев 1938b, ч. 1, 171; Машкин 1947, 126–139; 1949, 11–13; Ковалев 1986, 369; Шталь 1963, 141–152; Селецкий 1975, 144–151; Селецкий 1976, 142–156; Селецкий 1979, 117–126; Трухина 1986, 48–52; Дуров 1991, 159.

⁵ Gelzer 1912, 49–90.

⁶ Münzer 1920, 6, 427; Badian 1958b, 168; Thompson 1962, 37; Scullard 1973, 1–30.

⁷ Thompson 1962, 37.

С 30-х гг. XX в. в рамках «просопографического» направления получает развитие так называемая «теория лидерских партий». По мнению ее сторонников, политическая борьба в период Поздней республики характеризовалась прежде всего противоборством *partes* или *factiones*, а также их амбициозных лидеров¹. Так, Р. Сайм заявляет: «Влияние на политическую жизнь римской республики оказывали не партии и программы современного, парламентского характера, не мнимое противостояние между сенатом и плебсом, “оптиматами” и “популярами”, нобилями и *homines novi*, – но борьба за власть, богатство и славу. Соперниками были нобили, которые боролись между собой... открыто на выборах и в судах или скрывали свои действия тайной интригой»².

Однако с 80-х гг. XX в. выводы «школы Мюнцера» и «теория лидерских партий» начинают подвергаться критике. Это было вызвано пересмотром концепции М. Гельцера. Многие современные исследователи полагают, что немецкий историк сильно преувеличил роль патроната, клиентелы и политической дружбы (*amicitia*) в политической жизни Поздней республики³.

Суммируя наработки этих ученых, можно говорить о том, что нобили не имели такого контроля над народным собранием и сенатом, как это себе представлял М. Гельцер. Опираясь на эти выводы, Ф. Миллар, П. А. Брант и их последователи считают, что говорить о больших политических группировках следует только для времени гражданских войн (так называемые *partes*). В мирное время таких объединений не существовало, а имела место борьба между аристократическими *factiones*. Но под последними следует подразумевать очень небольшие, нестойкие союзы нобилей, непродолжительные и не имевшие возможности *определяющего* влияния на внешнюю и внутреннюю политику. Многие римские политики руководствовались в своей деятельности родственными связями или неполитическими мотивами, а не «партийными» интересами или политическими взглядами⁴.

¹ Syme 1939, 11; Strasburger 1939, 773–798; Taylor 1949, 7–13; 1957, 11; Smith 1955, 86–88; Vittinghoff 1959, 22; Hellegouarc’h 1963, 112; Утченко 1963, 93–94; 1965, 172–173; 1976, 194–195; Gruen 1968, 95; 1974, 365; Lacey 1970, 4; Earl 1984, 11–43; Burckhardt 1990, 77–99; Shotter 1994, 17–28; Kienast 1999, 11.

² Syme 1939, 11.

³ Rouland 1979, 258–260; Linderski 1985, 87–94; Brunt 1988, 32 sqq., 382–502; Wallace-Hadrill 1989, 63–87; Eder 1991, 169–196; Jakobson 1992, 32–52; 1999, 25; Nippel 1995, 78; Morstein-Marx 1998, 259–288; 2004, 6–7; Lintott 1999, 178–181; 2006, 40–53; Mouritsen 2001, 67–78; Millar 2002, 92, 111, 124–128, 145–148.

⁴ Seager 1972a, 53; Егоров 1977, 23–24 (с оговорками); Brunt 1988, 443–502; Meier 1988, 24 sqq.; Paterson 1993, 105; 1999; Lintott 1999, 175–176; Mouritsen 2001, 3, 96; Зарщиков 2001, 136–141, особ. 139; 2003, 49, 51; Millar 2002, 134, 137, 140; Лапырёнок 2005, 88–99.

По нашему мнению, точка зрения представителей «традиционного» направления совершенно не приемлема для описания политической борьбы в Риме в I в. до н. э. Ошибка Т. Моммзена и его последователей состоит в том, что они использовали римские термины в несвойственном контексте, отрывая их от реального смыслового содержания и создавая своего рода «историографический миф»¹. С другой стороны, все три «школы» «просопографического» направления имеют принципиальные недостатки, которые не позволяют в полной мере отразить сущность политической борьбы в это время.

Наши замечания можно разделить на три части: 1) терминология, в которой крайне сложно разобраться и которая не всегда соответствует римским реалиям; 2) невнимание сторонников «просопографического» направления к наличию различных тенденций в идеологии Поздней республики; 3) игнорирование отсутствия у римских политических групп и группировок собственных идеологических и политических программ.

Терминология в работах сторонников «просопографического» направления совершенно запутана. В большинстве случаев представители этого направления, справедливо отказываясь от употребления термина «партия», используют взамен термины *factio* и *partes*². Однако некоторые из них употребляют термины «партия» и *factio* как равнозначные синонимы³, другие — не видят определяющей разницы между *factio* и *partes*⁴.

*Factio*⁵. Впрочем, большинство исследователей различают значение *factio* и *partes*. Так, одна их часть считает, что термин *factio* использовался для обозначения политических объединений нобилей, а *partes* — для группировок «популярных»⁶. По мнению других, *factiones* — это политические объединения, формировавшиеся вокруг отдельных политиков и состоявшие из их клиентов для воплощения их личных политических желаний⁷. Третьи полагают, что *factiones* — это небольшие конкурирующие между собой в мирный период группировки аристократов, практически идентичные с точки зрения сословной структуры⁸.

¹ Зарщиков 2003, 35.

² Strasburger 1939, 779; Taylor 1949, 9–10; Seager 1972a, 53.

³ Напр., см.: Syme 1939; Carcopino 1951, v. 1, 183; Егоров 1977, 5–6; Brunt 1988, 1, 501; ср.: Машкин 1947, 130.

⁴ Hellegouarc'h 1963, 112; Егоров 1976, 164; Лапырёнок 2005, 99.

⁵ Вопрос о *factio* не так однозначен, как считает, например, А. В. Зарщиков 2003, 36: «Кроме того, мы специально не затронем и проблему римских *factiones*, которая не вызвала научной дискуссии в историографии и неотягчена «мифами»».

⁶ Taylor 1949, 189, note 30; ср.: Strasburger 1939, 781; см. также: Hellegouarc'h 1963, 100.

⁷ Gelzer 1912, 102 sqq; Strasburger 1939, 788.

⁸ Hellegouarc'h 1963, 112; Gruen 1968, 5; Утченко 1976, 51, 59, 195; Егоров 1977, 5; Brunt 1988, 444; Зарщиков 2003, 49. Очень схоже с этой точкой зрения мнение Т. П. Вайзмана. Он

Предположение Р. В. Лапырёнка о том, что именно Саллюстий первым ввел в политическую лексику того времени этот термин, весьма сомнительно¹. Полностью противоречит такому взгляду использование Цицероном в ироническом смысле термина *factio* в письме к брату Квинту: «...*Gabinium tres adhuc factiones postulant: L. Lentulus, flaminis filius, ...Ti. Nero cum bonis subscriptoribus; C. Memmius tribunus pl. cum L. Capitone...*» (Габиния привлекают к суду три *factiones*: Л. Лентул, сын фламينا, ...Тиберий Нерон с честными обвинителями, Г. Меммий, плебейский трибун с Л. Капитоном) (Cic., Q. fr., III, 1, V. 15). Язык Цицерона очень богат. Он часто использует латинские слова в несвойственном для них значении. Далее мы увидим это на примере таких слов, как *boni*, *commilitiones* и *augustus*. Здесь Цицерон очень иронично (ведь Помпей вынудил Цицерона защищать Габиния, который был личным врагом знаменитого римского адвоката) называет политическим термином, обозначавшим «преступную» группировку, всего лишь нескольких обвинителей; также следует учесть, что само слово стоит во множественном числе – это единственный случай во всем письменном наследии знаменитого оратора. Если бы это был новый термин, то его корреспондент вряд ли понял, в чем здесь юмор.

С нашей точки зрения, использование *factio* для обозначения римских политических группировок некорректно. Здесь мы присоединяемся к мнению Р. Сиджера². Он отмечает тот факт, что римские авторы эпохи Республики иногда употребляли этот термин во множественном числе, но только тогда, когда речь шла о других странах (см., напр.: Caes., *Bell. Gall.*, I, 31; III, 35; Cic., *Fam.*, VIII, 15, 2; Nep., *Pel.*, I, 2; Phoc., III, 1; Dion, VI, 3). По отношению к Риму источники всегда говорят только об одной *factio*. Впервые использовать *factio* во множественном числе для описания политической борьбы в Риме стал Тацит (*Tac.*, *Hist.*, I, 13)³. То есть, по представлениям самих римлян, в государстве время от времени возникала только одна группировка. Поэтому нельзя говорить о борьбе аристократических *factiones*. *Factio* всегда обозначает политическую группировку нобилитета (Sall., *Bell. Iug.*, 41; Cic., *De re pub.*, I, 45; Caes., *Bell. Civ.*, I, 22; Ps.-Caes. *Bell. Gall.*, VIII, 50). Вследствие этого в корне не верно обозначать этим словом политические

считает, что *factio* – это объединение аристократов вокруг политика-лидера, которые составляли его *consilium* (друзья – *amici*, родственники, политические сторонники), – те, кому он мог доверять и к чьим советам прислушивался [Wiseman 1968, 213; также см.: Adcock 1959, 61].

¹ Лапырёнок 2005, 89.

² Seager 1972a, 53–58; ср.: Wiseman 1968, 212–213; Meier 1988, 163; Millar 2002, 134; Lange 2009, 15, note 10.

³ См.: Seager 1972a, 57; ср.: Lintott 1999, 175.

группировки, возглавляемые Гракхами, Г. Марием, Г. Юлием Цезарем или Октавианом, как это делают, к примеру, Р. Сайм, Э. Бедиан, С. Л. Утченко, А. Б. Егоров, П. А. Брант, А. В. Зарщиков и др.¹ *Factio* всегда несет в себе негативный оттенок (ORF², 48, Fr., 55; Sall., Bell. Iug., 31; Caes., Bell. Gall., VI, 22; Bell. Civ., I, 22; RGDA, 1)².

К характеристике Р. Сиджера следует добавить следующее наблюдение. По сути, этот термин принадлежит политическому лексикону «популяр»». Некоторые исследователи отрицают принадлежность *factio* к популярам на том основании, что этим термином Цицерон называет союз Цезаря, Помпея и Красса (Cic. Att., VII, 9, 4)³. Однако этот союз был объединением нобилей (и Цезарь, и Помпей, и Красс принадлежали к знатым фамилиям)⁴, что не противоречит популярскому значению *factio*. *Populares* применяли его к той группировке нобилей, которая в тот или иной момент контролировала государственные дела. *Factio* имела негативное значение, так как, с точки зрения «популяр»», деятельность такой группировки была незаконной. «*Sed haec inter bonos amicitia, inter malos factio est*» (но это среди честных людей – дружба, среди дурных – преступное сообщество) (Sall., Bell. Iug., 31, пер. В. О. Горенштейна). Ее синонимом был термин, опять же относящийся к лексикону «популяр»», – *rauci* (немногие). Таким образом, *factio* в период Поздней республики используется оппозиционными писателями для характеристики олигархической клики нобилитета вообще, а не каких-либо отдельных политических группировок в его среде⁵.

Для самих римлян не существовало одного термина для обозначения политической группировки. Характерной чертой римского политического словаря является то, что различные виды политических объединений имели различные наименования. Кроме *factio*, использовались такие термины, как «*coitio*» (личный союз), – в сущности, объединение нескольких политиков для получения магистратуры на выборах; «*collegium*» и «*sodalitas*» (объединения нескольких людей для достижения общих целей); «*res*», «*causa*» (дело, сторона)⁶. На первый взгляд, термины «*coniuratio*» (союз, основанный на взаимной клятве), «*conspiratio*» (тайное соглашение), «*manus*» (группа, шайка, банда), «*castra*» (зд. политический

¹ Syme 1939, 17, 19, 343; Badian 1958b, 179, 200; Утченко 1976, 305; Егоров 1977, 19; Brunt 1988, 467; Зарщиков 2003, 88.

² Напр., см.: Taylor 1949, 9–11; Seager 1972a, 57; Егоров 1976, 164; Brunt 1988, 446; Лапырёнок 2005, 89.

³ Напр., см.: Егоров 1976, 159–160; Зарщиков 2003, 88.

⁴ Ср.: Brunt 1988, 329, 480.

⁵ Лапырёнок 2005, 90.

⁶ Hellegouarc'h 1963, 91–95, 109–110; Егоров 1977, 6.

лагерь), несли более узкое значение, однако Ж. Эллегуар показал, что все они могли обозначать политическую группировку¹.

Вообще, следует отметить очень важный факт: любой термин, обозначающий некое политическое объединение граждан, фактически всегда несет в себе в той или иной степени негативный смысл. Таким образом, не только *factio*, но и все остальные термины имели отрицательное значение². То есть, с точки зрения римлян, все политические объединения граждан были незаконными, если это были не сенат или одна из форм народного собрания. Попытка выбрать тот или иной латинский термин для обозначения политической группировки очень затрудняет интерпретацию самих латинских определений и ведет к искаженному восприятию римской политической жизни. С нашей точки зрения, скорее следует использовать русские термины. Например, такие, как «политическая группировка», «клика» и др. Употребление латинских терминов ведет только к еще большей путанице. Между тем само определение аристократических котерий как конкурирующих между собой в мирный период группировок аристократов, которые объединялись вокруг политика-лидера и составляли его *consilium*, вполне можно принять.

*Partes*³. Трактовка значения *partes* также вызвала некоторую дискуссию. Мы уже говорили выше, что часть ученых не видит определяющей разницы между *factio* и *partes*, а другие исследователи считают, что *factio* обозначает группировку нобилей, а *partes* — «популяров». Эти предположения убедительно опроверг еще Ж. Эллегуар⁴.

¹ Hellegouarc'h 1963, 95–99, 101; см. также: Егоров 1977, 6–7.

² Для «coitio»: Lex XII Tab., VIII, 26; Cic., Q. fr., III, 1, 16; Pro Cluen., 148; для «collegium» и «sodalitas» см.: Hellegouarc'h 1963, 109–110 с подбором источников; для «coniuratio»: Sall., Cat., 17, 18, 30; Cic., Fam., XII, 14, 6; Pro Sest., IV, 9; In Cat., IV, 5; De provin. cons., 32; De domo suo, 63; Caes., Bell. Gall., III, 10, 23, 30; Liv., IX, 26; Flor., II, 12; для «conspiration»: Cic., Fam., V, 9, 1; XI, 13a, 5; Pro Deior., 11; Pro Scaur., 20; Liv., III, 64; V, 11; Epitom., 116; Suet., Div. Iul., 80; Div. Aug., 19; Flor., II, 4; для «causa»: Cic., Fam., VIII, 17, 1; для «manus»: Cic., Att., II, 24, 2; Q. fr., II, 3, 2; Pro Sest., IV, 9; XV, 34; XIX, 42; De domo suo, 6; In Vat., XVII, 40; Caes., Bell. Gall., VII, 4; для «grex»: Cic., In Cat., II, 10; для «castra»: Cic., Pro Rosc. Am., 20, 105; Pro Marcel., 30; Phil., XI, 12, XIII, 30; Fam., X, 18, 3; Sall., Epist. ad Caes., I, 2, 5; для *partes*: Cic., Att., XIV, 16, 6; De off., II, 45. Ср.: Цицерон называет преступной даже народную сходку (*seclerata contio*) (Cic., De domo sua, 55).

³ Среди историков широко распространено использование термина *pars*, употребляющегося в том же смысле, что и *partes* [напр.: Машкин 1947, 136; Утченко 1963, 94; Егоров 1976, 158–164]. Однако такие исследователи как Ж. Эллегуар 1963, 110–112 и А. В. Заршиков 2003, 45–52 отмечают, что *partes* обладает иным семантическим значением, чем *pars*. В латинском языке можно найти большое количество подобных слов, значения которых в единственном и множественном числе различаются: например, *castrum* и *castra*. Так же и *partes* (gen. *partium*), являясь множественным числом слова *pars*, имеет самостоятельное значение. См.: «*Pars erat quae legatos ad Caesarem miserat, pars erat quae Pompeianarum partium fautores essent* (часть из них отправила послов к Цезарю, другая часть благоволила сторонникам Помпея)» (Ps.-Caes., Bell. Hisp., 37).

⁴ Hellegouarc'h 1963, 110–115.

Более справедливой, по нашему мнению, является точка зрения, согласно которой *partes* обозначает расплывчатую группировку, включающую в себя как сторонников, так и просто «сочувствующих»¹. Существование такого объединения предполагает глубокий раскол внутри общества, когда размежевание охватывает *все социальные слои*, то есть, по сути, эта политическая группировка существует только в периоды гражданских войн (Caes., *Bell. Gall.*, VII, 32; Tac., *Ann.*, XVI, 7)². Примечательно, что Лукан, повествуя о гражданской войне Помпея и Цезаря, для обозначения противоборствующих группировок ни разу не использовал *factio*, тогда как о *partes* он говорит постоянно (Lucan., I, 274, 280, 534, 692, II, 59, 229, 391, 513, IV, 403, V, 14 и др.). Говорить о существовании *partes* в мирное время абсолютно некорректно³.

Характерной особенностью римских *partes* было то, что обычно они носили имя того или иного политического лидера⁴. В 80-х гг. I в. до н. э. существовали *partes* Суллы и Мария (*partes Sullanae* и *Marianaе*), в начале 40-х гг. – Цезаря и Помпея (*partes Caesaris*, или *Iulianae*, и *Pompeianae*, или *Pompeiani*), а в конце 40-х и 30-х гг. – *partes* Октавиана и Антония (*partes Caesaris* и *Antonii*, или *Antoniniani*), Брута и Кассия (*Brutianis Cassianisque partes* или *Cassianae partes*)⁵. Персонафицированность римских *partes* позволяет говорить некоторым исследователям о том, что после гибели своего лидера эти политические группировки прекращали свое существование⁶. Однако следует иметь в виду, что с прекращением гражданских войн прекращали свое существование и сами *partes*. При условии, что гражданская война не прекращалась, после гибели своего лидера *partes* продолжали носить имя своего основателя. Цицерон через месяц после смерти Цезаря пишет: «*Partium Caesaris, quo modo etiam nunc partes appellantur (partes Цезаря, как даже теперь называется эта partes)*» (Cic., *Brut.*, II, 4, 5). Такое же свидетельство в отношении помпеянской *partes* оставил Веллей Патеркул: «*Nusquam erat Pompeius corpore, adhuc ubique vivebat nomine. Quippe ingens partium eius favor bellum excitaverat Africum* (тела Помпея уже не было, но до сих пор повсюду жило его имя. Огромная приверженность к его *partes* возбудила Африканскую войну)» (Vell. Pat., II, 54).

Еще одной отличительной чертой римских *partes*, на которую до сих пор исследователи не обращали внимания, является их ярко выраженный

¹ Егоров 1976, 164; Lintott 1999, 173.

² Brunt 1988, 447; Meier 1988, 307; Заршиков 2003, 47–49.

³ Заршиков 2003, 45–52.

⁴ Машкин 1947, 136; Hellegouarc'h 1963, 113; Утченко 1963, 94; Егоров 1977, 7; Brunt 1988, 447; Lintott 1999, 173; Заршиков 2003, 49–50.

⁵ Подбор источников у А. В. Заршикова 2003, 50.

⁶ Там же, 50–51.

дуализм. В Риме никогда не существовало больше двух *partes* одновременно, также как и не существовало одной *partes*. Саллюстий так говорит о борьбе знати и плебса: «Так все разделилось на две части» (*Ita omnia in duas partis abstracta sunt*) (Sall., *Bell. Jug.*, 41). Фактически повторяет это утверждение Цезарь. «Они [массилийцы] видят, что римский народ разделился на две части (*se divisum esse populum Romanum in partes duas*) ... Их главы – Гн. Помпей и Г. Цезарь» (Caes., *Bell. Civ.*, I, 35; ср.: Cic., *Att.*, VII, 3, 5; *Fam.*, X, 31, 2; *De re pub.*, I, 19, 31; *Flor.*, II, 5; *Plut.*, *Brut.*, 4; *Dio Cass.*, XLI, 39). Римляне даже переносили свои политические обычаи на чужеземные народы. Цезарь, говоря о борьбе галльских племен за гегемонию, считает, что они также делились на две части: «*omnes civitates [в Галлии] in partes divisae sunt duas*» (Caes., *Bell. Gall.*, VI, 11; ср.: I, 31).

В заключение следует сказать несколько слов о структуре римских *partes* во время гражданских войн 49–30 гг. до н. э. А. Б. Егоров говорит о двухчастной структуре. Он полагает, что *partes* составляли: те, чей выбор был обусловлен сравнительно стабильными причинами, и те, кто принял данную сторону в силу случайных обстоятельств или под влиянием пропаганды¹. По нашему мнению, структура такой группировки была трехчастной. В ее состав входили: 1) активисты (ядро *partes*) – обыкновенно верхушка нобилитета²; 2) рядовые сенаторы и всадники, разделявшие те или иные взгляды на государственное устройство (Hor., *Od.*, II, 7; *Vell. Pat.*, II, 63); 3) гражданское население и ветераны, на которых, в сущности, и была направлена пропаганда (напр., см.: App., *B. C.*, IV, 89–101). Источники очень часто называют именно легионеров (Cic., *Fam.*, X, 30, 3; 34, 1; XI, 20, 3; Caes., *Bell. Civ.*, I, 28, 47, 70, 71, 74, 87; III, 9, 42, 44, 48, 51, 63, 65–67, 93–95; Ps.-Caes., *Bell. Alex.*, 45; *Bell. Afr.*, 13, 14, 19, 23, 24, 66), намного реже жителей городов и даже областей и провинций (Cic., *Fam.*, VIII, 17, 2; Caes., *Bell. Civ.*, II, 18; Ps.-Caes., *Bell. Afr.*, 87, 88) «цезарианцами», «юлианцами», «помпеянцами» и др. Именно эта третья составляющая, являвшаяся фактически основой *partes* (здесь набирали солдат, здесь же формировалось общественное мнение), позволяет нам утверждать, что идеология имела большое значение в формировании и борьбе за власть римских *partes* и отказывалась от мнения, согласно которому римское общество в периоды междоусобных войн действительно «размежевывалось, но не по принципу единства идеологии, а в зависимости от субъективных неполитических мотивов»³.

¹ Егоров 1977, 21.

² Напр., см.: «Цезарь отправился в Африку, которую после убийства Курнона, тогдашнего вождя юлианской *partes*...» (C. Curione, *Iulianarum duce partium*) (*Vell. Pat.*, II, 55; ср.: Caes., *Bell. Civ.*, I, 10; Cic., *Brut.*, I, 16, 11).

³ Заршиков 2003, 51–52.

Принципы формирования самого ядра политической группировки остаются спорными. В последнее время А. В. Зарщиковым вновь было высказано мнение в поддержку теории, согласно которой ядро *partes* формировали вокруг лидера его *familiares* и *amici*. Ученый считает, что идеология не играла важной роли в формировании основы *partes*. Так как круг «близких» и «друзей» был довольно широк, то именно личное расположение, а не политические взгляды лежали в основе выбора той или иной стороны во время гражданских войн¹. Внутри *partes* не было и речи о политическом единомыслии. Очень многое определяли личные мотивы: например, ядро помпейанской *partes* составила группировка врагов Цезаря во главе с М. Катонам Младшим. Идея сохранения государства в неизменном виде (*res publica libera*), которую обычно приписывают Помпею и всем, кто к нему присоединился в 49 г. до н. э. (то есть, так называемым «республиканцам»), означала прежде всего сохранение их прежнего положения в государстве².

Свою теорию А. В. Зарщиков строит вокруг переписки Цицерона с Г. Матием. Г. Матий в ответ на обвинения Цицерона в том, что он состоял в *partes* Цезаря, заявляет, что: «я последовал не за Цезарем в гражданских смутах, но лишь за другом и, хотя мне вовсе не нравилось это дело, я не покинул друга» (*Cic., Fam., XI, 28, 2*, пер. С. Л. Утченко). Ошибка исследователя состоит в том, что он подменяет римские понятия мнением самого Г. Матия. Последний был типичным представителем эллинистической культуры, жившим в мире философских идей, искусства и т. п.³ (Ср.: *Cic., Fam., XI, 27, 5*). Главные черты личности Матия в изображении Цицерона – это *lepos* (вкус), *humanitas* (обходительность), *litterae* (образованность). Это отнюдь не «древнеримские добродетели»⁴. Он защищал эллинистическую концепцию «чистой дружбы»⁵, абсолютно чуждую римскому понятию «amicitia»⁶.

Показательно, что А. В. Зарщиков дает точку зрения «цезарианца» и совершенно игнорирует мнение Цицерона. Знаменитый оратор, напротив, считает, что *officia amicitiae* (обязанности дружбы) тесно связаны и соотносятся с интересами *res publica* (мы также можем добавить и *partes*). Цицерон заявляет, что если Цезарь был тираном, то все *officia* в отношении него отпадают, ибо они в этом случае неизбежно начинают

¹ Зарщиков 2001, 136–141, особ. 139. Ср.: Strasburger 1939, 781; Syme 1939, 21, 157; Taylor 1957, 11; Meier 1988, 24 sqq.

² Зарщиков 2003, 51.

³ Утченко 1952, 242, 267.

⁴ Там же, 268.

⁵ Abbott 1911, 270; Утченко 1952, 271–272; Heuss 1956, 53–73; Brunt 1988, 380–381; Griffin 1997, 86–109; Lintott 1999, 172.

⁶ Об *amicitia*, напр., см.: Lossmann 1962, 1–3; Hellegouarc'h 1963, 42–56; Seager 1977, 40–50; Brunt 1988, 351–381.

противоречить интересам *res publica*: «...свободу отечества надлежит ставить выше, чем жизнь друга» (Cic., *Fam.*, XI, 27, 8, пер. С. Л. Утченко. Ср.: *Fam.*, X, 5, 1; *De amicit.*, 42). Другими словами, во главе угла должны стоять политические идеалы, а не личные отношения. Следует отметить, что для многих римских политиков эти постулаты Цицерона были правилом. «Ведь показалось бы, что он [Т. Лабиен] ради *res publica* осудил друга [Г. Юлия Цезаря] за преступление; это кажется и теперь, но приносит меньшую пользу» (Cic., *Att.*, VII, 12, 5, В. О. Горенштейна. Ср.: *Att.*, VII, 13, 1). «И это сделал я [П. Корнелий Лентул Спинтер] – тот, кто был товарищем и ближайшим другом (*sodalis et familiarissimus*) Долабеллы, связанный близким кровным родством (*coniunctissimus sanguine*) с Антониями, ...но, отечество свое любя сильнее, я первый объявил войну всем своим (*omnibus meis*)» (Cic., *Fam.*, XII, 14, 7, пер. В. О. Горенштейна. Ср.: Cic., *Fam.*, I, 9, 2 (Катон Утический); V, 1; V, 2, 6 (сам Цицерон); VIII, 14, 1; X, 33, 2 (Азиний Поллион); XIV, 14, 2; XVI, 12, 5 (П. Корнелий Долабелла); *Att.*, VI, 3, 4 (Г. Курион-младший и Л. Эмилий Павел); VII, 13, 1 (Л. Кальпурний Пизон, тесть Цезаря); VII, 17, 1 (Аттик, хотя он был «помпеянцем» *Att.*, VII, 7, 7; *Plut.*, *Brut.*, 4 (М. Брут)).

Определенное значение в формировании *partes* имела «дружба» (Cic., *Att.*, VII, 20, 2; VIII, 3, 2; *Fam.*, IX, 9, 2; *Q. fr.*, III, 6, 1). Какую-то роль, несомненно, следует отдать и личным мотивам римских политиков. Но эти примеры встречаются намного реже (Cic., *Fam.*, VIII, 17, 1 (М. Целий Руф); IX, 25, 3 (М. Фадий Галл); X, 31, 2 (Азиний Поллион – см., однако, противоположное свидетельство Веллея Патеркула: *Vell. Pat.*, II, 63); XI, 22, 1 (Г. Клавдий Пульхр-сын); *Att.*, IX, 19, 2). И возводить их в абсолют нет никаких оснований. Поведение многих римских политиков (например, П. Корнелий Долабелла, Г. Мунаций Планк, Г. Курион младший, Кв. Туллий Цицерон-сын и др.)¹ показывает, что «дружба» или личное расположение не были основой их деятельности².

Таким образом, ядро *partes* формировалось, скорее всего, вокруг окружения политика-лидера, состоящего из его *amici*, *familiares*, но весьма существенную роль играли и его политические сторонники. Следовательно, в становлении *partes* большое значение имели и идеологические представления римских политиков.

Из-за отказа от «двухпартийной системы» сторонники «просопографического» направления совершенно не в силах объяснить наличие двух четко прослеживающихся тенденций в идеологии эпохи Поздней респуб-

¹ Более ранние примеры см. у В. К. Лейси [Lacey 1974, 5].

² Д. Р. Шектон-Бейли, используя просопографический метод при изучении состава политических группировок «цезарианцев» и «помпеянцев», приходит к сходным выводам [Shackleton-Bailey 1960, 265].

лики¹. Все их попытки вызывают большие возражения. А. В. Заршиков, дополняя мысль Л. Р. Тейлор, отмечает, что «из-за ...субъективного фактора совершенно надуманным выглядит тезис о политической преемственности, которая обнаруживается на протяжении последнего столетия Римской республики. *Нельзя отрицать наличие некоей преемственности, но это не есть преемственность идеи, на которой так настаивают защитники "двухпартийной схемы", а скорее преемственность метода* (курсив наш – А. Т.). Римские «популярны» действовали так, а не иначе не из-за того, что разделяли схожие взгляды на государство, а потому, что в их ситуации не было другого выхода»².

Симптоматично, что речь идет именно о *populares*, так как отрицать идеологическую преемственность *optimates* фактически невозможно³. Между тем «идейная преемственность» римских политиков от Гракхов до Октавиана, которые получили название «популярных», четко фиксируется в дошедших до нас источниках.

В качестве примера можно привести свидетельства о Л. Апулее Сатурнине, плебейском трибуне 103 и 100 гг. до н. э., Г. Юлии Цезаре и П. Корнелии Долабелле, консуле 44 г. до н. э. «Убив открыто на комициях Авла Ниния, добивавшегося власти трибуна, Апулей пытался поставить на его место некоего Г. Гракха, человека, не принадлежавшего к какой-либо трибе, никому не известного, без родового имени, но причислявшего себя, подменив имя, к знаменитой фамилии» (Flor., III, 16, пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой; ср.: Cic., Pro Sest., 101; Val. Max., III, 8, 6). «Он [Г. Юлий Цезарь] восстановил памятники побед Гая Мария над Югуртой, кимврами и тевтонами, некогда разрушенные Суллой ...Он даже нанял человека, который обвинил в государственной измене Гая Рабирия, чьими стараниями незадолго до того сенат подавил мятеж трибуна Луция Сатурнина» (Suet., Div. Iul., 11–12, пер. М. Л. Гаспарова; ср.: Ps.-Caes., Bell. Afr., 32). «Существует статуя некоего Клодия; знай, что она – после того как он [Долабелла] приказал восстановить ее в Анконе – была вместе с господином сброшена на основании постановления сената» (Cic., Epist. Fr., IV, 20, пер. В. О. Горенштейна).

Ключевыми лозунгами в идеологии движения Гракхов были выражения *vindicare plebem in libertatem* (свобода римского народа), *pauci scelerei* (преступная кучка знати) и *factio paucorum* (клика знати) (Sall., Iug.,

¹ См.: Achard 1981, 8 sqq.; 1982, 794–800; Ferrary 1997, 227–229.

² Заршиков 2003, 35. Ср.: Strasburger 1939, 794; Taylor 1949, 13; Wirszubski 1950, 40. См., однако, противоположное мнение: «Марианцы, сулланцы, помпеянцы, цезарианцы – эти термины, почти неизменно, обозначали политиков, которые следовали за одним из лидеров в гражданских войнах, когда поляризация политической элиты была обязательной, и которая возникала, с моей точки зрения, из-за конфликта между *optimates* и *populares*» [Brunt 1988, 446].

³ Wirszubski 1950, 39.

42). Такие же выражения использовали и сторонники Катилины (Sall., Cat., 20). В подобных словах свое политическое кредо описывает Г. Юлий Цезарь: «*Populum Romanum factione paucorum oppressum in libertatem vindicaret*» (Caes., Bell. Civ., I, 22). Слово *д* слово эти выражения повторяет заявление Октавиана: «*Rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi*» (RGDA, 1).

Со всей определенностью можно говорить, что политический лексикон позднереспубликанской эпохи был разделен на две противоположные части¹. Основу идеологий и *optimates*, и *populares* составляли такие лозунги, как *res publica*, *libertas*, *paх*, но вкладывался в них различный смысл. Кроме того, каждый из них применял собственные наборы терминов, которые практически не употребляла другая сторона. Например, *optimates* не использовали вышеназванные нами выражения *vindicare plebem in libertatem*, *pauci sceleri*, *factio paucorum*. И наоборот, термины, употреблявшиеся идеологическими противниками «популяров» (например, *optimates*, *populares*, *boni*, *improbi*), не встречаются в произведениях Саллюстия или Цезаря. Прилагательное *optimus* (но не *optimatus*) у Саллюстия встречается всего три раза (Sall., Jug., 22, 92, 102): в первый раз в качестве нейтрального, не носящего идеологического ярлыка «*optimi quoque*» (лучшие люди); во второй раз *optimi* названы солдаты Мария; в третий раз *optimus* назван царь Бокх. У Цезаря термин употребляется дважды: в первый раз так названы солдаты Цезаря, а во второй – дело (то есть *partes*) Цезаря (Caes., Bell. Caes., I, 12, 39). Единжды у Гая Гракха, который называет *optimus* своего брата Тиберия (ORF², 48, Fr., 17). Саллюстий и Цезарь никогда не использовали термин *populares* для самоназвания. Один раз Саллюстий называет «угодным народу» (*popularis*) царя Югурту, другой раз – знатного нумидийца Набдалсу (Sall., Jug., 7, 70). Эти же авторы никогда не употребляли термин *boni* для обозначения своих противников.

¹ Р. Морштейн-Маркс, указывая на то, что действительно существовал отдельный лексикон, которым пользовались «популяры» [Morstein-Marx 2004, 217–224], приходит к парадоксальному выводу, согласно которому в эпоху Поздней республики сохранялось идеологическое однообразие (*ideological monotony*). Свою точку зрения он обосновывает тем, что на народных сходках и *populares*, и их противники укрепляли «идеологическое однообразие», стремясь предстать перед плебсом в качестве защитников его интересов и сторонников «популярской» идеологии. Для «популяров» же критика основывалась не на политических идеалах, а, напротив, на политических фактах современной им действительности. Под идеологией *populares* следует понимать не комплекс политических идей, явно или скрытно направленных против деятельности *optimates*, а широкий «популярский» консенсус, формировавший фон для любой эффективной речи на народной сходке (*contio*), который был опорой как для «популяра», так во многих случаях и для того «оптимата», который стремился предстать перед плебсом как защитник его прав. Поэтому, по мнению Р. Морштейн-Маркса, идеология и риторический стиль и стратегия на народных сходках вовсе не могут быть разделены [Morstein-Marx 2004, 230–240; ср.: Короленков 2009, 188–189].

Говорить о «преемственности метода» римских *populares*, по нашему мнению, совершенно некорректно. Такая точка зрения противоречит данным источников. Среди плебейских трибунов-«популяр» конца II – нач. I вв. до н. э. существовали разногласия по поводу линии поведения в отношении борьбы с «*рауси*»: вооруженная борьба или мирные акты¹. Ярким примером также является негативное отношение Г. Юлия Цезаря, который сам активно использовал лозунги *populares*, к деятельности братьев Гракхов², М. Целия Руфа (Caes., Bell. Civ., I, 20–21), народных трибунов 47 г. до н. э. (Ps.-Caes., Bell. Alex., 65).

В конце концов, не принимается во внимание определяющий момент. Различные котерии знати в мирное время или противоборствующие *partes* во время междоусобных столкновений *не имели собственных идеологических или политических программ*. Все их идеологические воззрения сводились к лозунгам двух идейно-политических «течений»³ – «оптиматов» и «популяр». Г. Марий (Liv., Per., 84; Eutrop., V, 8, 9; VI, 1; Oros., V, 20, 5), Катилина (Cic., Att., I, 14, 5; Sall., Cat., 14), Г. Юлий Цезарь (Cic., Fam., VIII, 6, 5; 17, 2; Vell. Pat., II, 55, 63; Liv., Per., 111, 116; Suet., Div. Iul., 75), П. Клодий (Cic., Q. fr., I, 4, 3; In Vat., XVII, 40), М. Антоний (Cic., Att., XIV, 17; Brut., II, 4, 5; Fam., X, 33, 1; Phil., V, 12, 32; XI, 4, 9; XIII, 18, 38; 39, 20; Vell. Pat., II, 86), Октавиан (Suet., Div. Aug., 9, 17; Tib., 6) стояли во главе своих котерий или *partes*. Но все они в глазах современников были «популярами» (Г. Марий: Cic., Ac., II, 13; Катилина: Cic., In Cat., IV, 10; Г. Юлий Цезарь: Cic., Att., XVI, 16a, 5; In Cat., IV, 9; П. Клодий: Cic., De gar. resp., 42–44; De domo suo, 77, 80; De leg., III, 26; Pro Sest., 116; М. Антоний: Cic., Phil., I, 37; Октавиан⁴: RGDA, 1). То же можно сказать и о Л. Сулле (Nep., Att., 2; Suet., Div. Iul., 1; Vell. Pat., II, 26), Гн. Помпее (Liv., Per., 109–110, 113; Vell. Pat., II, 53, 63, 65; Suet., Div. Iul., 35), Милоне (Cic., Att., IV, 3, 4; Pro Milone, XVIII, 47), М. Бруте и Г. Кассии (Vell. Pat., II, 74; Tac., Ann., XVI, 7), за тем исключением, что они именуются «оптиматами» или защитниками дела сената и знати (Л. Сулла: Cic., Att., XI, 21, 3; Pro Rosc. Am., 16, 21, 135, 138, 141, 142; Гн. Помпей Магн⁵: Caes., Bell. Civ., I, 1–3; Cic., Att., VII, 3, 2, 5; VIII, 3, 2–3; 12b, 1; 12c, 3; 12d, 1; IX, 6, 4; Flor., II, 19; Милон: Cic., Att., V, 8, 2; Fam., II, 6, 1; VIII, 3, 2; Pro Milone, XXIII, 62; М. Брут и Г. Кассий: Cic.,

¹ Подробнее см.: Токарев 2006, 8–9.

² Caes., Bell. Civ., I, 7: «что делалось в случае внесения гибельных законов (*perniciosis legibus*), насилия трибунов (*vi tribunicia*) ...подобные деяния искуплены, например, гибелью Сатурнина и Гракхов (*Saturnini atque Gracchorum casibus*). Но таких дел в наше время не совершалось и не было в помышлении (*quarum rerum illo tempore nihil factum, ne cogitatum quidem*)».

³ Термин, предложенный С. Л. Утченко 1965, 172.

⁴ Ср.: Утченко 1969, 312.

⁵ Помпей примкнул к *optimates* только в конце 50-х гг. до н. э.; до этого Цицерон постоянно называл его «популяр». См.: Cic., Com. pet., I, 5; XIII, 51; Att., I, 19, 4; II, 20, 4; 21, 1.

Att., II, 24, 3; Fam., XV, 18, 1). Таким образом, эти котерии и *partes* в глазах самих римлян как бы наследовали одна другой в идеологическом смысле¹.

Итак, даже такой краткий анализ показывает, насколько сложной и запутанной была ситуация в политической жизни Поздней республики. Несомненно, говорить о существовании политических партий в Риме абсолютно неверно. Последние исследования показывают, что в мирное время существовали аристократические котерии, не имевшие, правда, того влияния и той организованности, о которых сложилось устойчивое представление в историографии. Также следует отметить особые политические группировки (*partes*), складывавшиеся во время гражданских войн, которые имели свои специфические римские особенности, такие как персонифицированность, дуализм и др. Все эти политические организации (аристократические котерии и *partes*) обладали отличительной чертой – у них не было своих «партийных идеологий», в то время как в позднереспубликанской идеологии наблюдаются две четко прослеживающиеся и противостоящие друг другу тенденции.

§ 2. *Optimates/boni* и *populares*

Рассмотрение вопроса о политических группировках в Риме было бы неполным без трактовки понятий *optimates* и *populares*.

Для сторонников «традиционного» направления понятия *optimates* и *populares* означают в той или иной мере политическую партию. Так, Т. Моммзен полагал, что *optimates* – это представители нобилитета, а также поддерживавшие их приверженцы традиционного политического строя Республики из различных слоев римского общества, составлявшие «аристократическую партию», а «популярные» – выходцы из общественных низов, которые формировали «демократическую партию»². Точка зрения Т. Моммзена разделяется, в общем, большинством сторонников «традиционного» направления³. Однако проведенный выше краткий анализ политических группировок показал, что нет никаких оснований говорить о существовании в республиканском Риме политических партий.

Наоборот, исследователи, принадлежащие к «просопографическому» направлению, а также последователи Ф. Миллара и П. А. Бранта традиционно вслед за Ж. Эллиугаром стали отделять эту проблему от вопроса о политических группировках, считая, что она является лишь частью последнего.

¹ Ср.: Brunt 1988, 35, 38.

² Моммзен 2002, т. 2, 83–84.

³ Ср.: Ферреро 1916, т. 2, 18–20; Виппер 1995, т. 2, 16–17; Meyer 1919, 12, 68–69; Ростовцев 2003, 31, 34; Heaton 1939, 24, 33, 34, 38; Машкин 1947, 126–139; Hill 1952, 51, 114–115; Sherwin-White 1969, 151–161; Селецкий 1979, 122; Трухина 1986, 48–52; Евсеев 2005, 210–220.

Обратимся в начале к разбору термина *optimates*. Сложность анализа этого слова заключается в том, что единственным аутентичным источником для эпохи Поздней республики являются сочинения Цицерона. В речи в защиту П. Сестия Цицерон дает собственное толкование понятия *optimates*. По мнению римского оратора, «оптиматы» – это «благонамеренные» граждане *всех сословий*, даже вольноотпущенники (*etiam libertini*); «те, кто не преступен, кто от природы не склонен ни к бесчестности, ни к необузданности, кто не обременен расстроенным состоянием»; те, кто противостоит *multitudo* (презр. множество, народная масса) и *plebescula* (презр. чернь, простонародье) (Cic., *Pro Sest.*, 96 sqq., пер. В. О. Горенштейна). Некоторые исследователи делают это пояснение Цицерона исходной точкой своего анализа термина *optimates*. В результате они приходят к выводу, что под «оптиматами» следует понимать межсословное понятие «добропорядочного» гражданина, а не политическую группировку или сословное обозначение аристократов, и таким образом, по сути, отвергают существование «широкого» и «узкого» значений понятия *optimates*¹.

Против такой интерпретации совершенно справедливо выступают Х. Штрасбургер, Х. Виршубски, Б. П. Селецкий, П. А. Брант, Х. Муритсен и К. Фили, которые считают определение Цицерона авторским толкованием уже существующего значения². Ж. Эллегуар идет еще дальше. Он полагает, что никто из современников Цицерона, кроме него и его ближайшего окружения, не понимал термин *optimates* в «цицероновском» смысле³.

Однако ни один из исследователей не объясняет причин такой «цицероновской» интерпретации. Выводы К. Фили, которая считает, что Цицерон намеренно приспособлял значения слов *populares* и *optimates*, чтобы завоевать доверие и плебса, и сенаторов, весьма сомнительны⁴. По нашему мнению, такая трактовка *optimates* была вызвана временным противостоянием Цицерона после возвращения из изгнания с его бывшими союзниками, которых называли *optimates* (речь идет о М. Катоне, Кв. Гортензии, Ап. Клавдии Пульхре, Кв. Арии и др.). Последние всегда смотрели на Цицерона, как на выскочку (*homo novus*), и после его изгнания попытались не допустить восстановления того положения, которое знаменитый оратор занимал после своего консульства: «Не испытываю никакой скорби от того, что всемогущен один человек [Гн. Помпей], но от этого готовы лопнуть те, кто скорбел от того, что я обладал

¹ Напр., см.: Утченко 1962, 628 слл.; 1963, 84–87; Машкин 1949; König 2000, 441.

² Strasburger 1939, 773–775; Wirszubski 1950, 39, note 3; Селецкий 1979, 117–126; Brunt 1988, 54, note 89; Mouritsen 2001, 134, note 8; Feeley 2006, 5.

³ Hellegouarc'h 1963, 505.

⁴ Feeley 2006, 5.

некоторой силой» (Cic., Att., IV, 18, 2, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Att., IV, 2, 5; 5, 2; Fam., I, 9, 10; XIV, 1, 1). В ответ римский оратор высказывает сомнение, что эта группа имеет моральное право носить название *optimates* – «лучшие» (Cic., Att., I, 5, 1; VIII, 16, 1–2; IX, 1, 2–3)¹. Далее Цицерон заявляет, что главное это не происхождение, а доблесть: «Неужели и ты [Ап. Клавдий Пульхр, консул 54 г.] ...находишь, что эти пустяки, какая-нибудь *аптийность* или *лентульность* имеет в моих глазах большее значение, нежели украшение доблести? ...после того как я взял на себя и осуществил такую величайшую власть, ...у меня появилась надежда, что я... ни разу не превзойдя вас, сделался равным вам» (Cic., Fam., III, 7, 5, пер. В. О. Горенштейна; ср.: De re pub., I, 51–52). Продолжением именно этой сентенции и является трактовка термина *optimates* в речи за Сестия, когда «наилучшими людьми» в государстве становятся не благодаря происхождению, а благодаря личным качествам.

Такая трактовка Цицерона предполагает тот факт, что понятие *optimates* было самоназванием римской аристократии (ср.: Cic., De leg., II, 30; III, 10, 33, 38; Liv., III, 39; VI, 39), которая использовала его в политической борьбе для того, чтобы подчеркнуть свое нравственное превосходство (ср.: Cic., De re pub., I, 50). И именно с этим и связана такая болезненная реакция римского оратора. Между тем такое понимание Цицероном *optimates* говорит и о том, что большую роль играл моральный оттенок этого термина².

Большинство исследователей, опираясь на употребление термина «оптиматы» в речах, трактатах, переписке Цицерона и на свидетельства более поздних источников (Т. Ливия, Веллея Патеркула и др.), как раз указывает на то, что термин *optimates* имел несколько значений: «широкое (или моральное)» и «узкое»³.

«Широкое» значение не вызвало особой дискуссии. По мнению Х. Штрасбургера, в этом значении *optimates* использовалось для характеристики «неопределенной элиты, состоящей из отдельных личностей или семей, которые наиболее совершенно представляют свою сущность» (*die sein Wesen am reinsten repräsentieren*)⁴. Ж. Эллегуар и Б. П. Селецкий, напротив, настаивают на том, что «широкое» значение – это, в сущности, цицероновское понимание этого термина⁵.

¹ Ср.: Селецкий 1979, 121; Brunt 1988, 54, note 89.

² Wissowa 1894–1897, Bd. 2, 39–40; Strasburger 1939, 773; Badian 1976, 753–754; Asmis 2001, 117; Зарщиков 2003, 52.

³ Ср.: Strasburger 1939, 773; Hellegouarc'h 1963, 505; Volkmann 1964, Bd. 4, 320; Егоров 1977, 7–9; Зарщиков 2003, 52.

⁴ Strasburger 1939, 773; ср.: Volkmann 1964, Bd. 4, 320; Зарщиков 2003, 52.

⁵ Hellegouarc'h 1963, 505; Селецкий 1979, 117–126.

Гораздо больше споров ведется вокруг «узкого» значения термина *optimates*. М. Гельцер, Х. Штрасбургер, Ж. Эллегуар, Г. Фолькманн, Д. Кинаст, А. В. Заршиков, Ф. де Оливейра и А. М. Уорд считают, что *optimates* – это наименование римской аристократии, составлявшей *ordo*¹. Однако эта точка зрения полностью не отражает существовавшего положения дел. Ведь *populares* также принадлежали к этому сословию, и многие из них были родовитыми аристократами. На это указывает сам Ж. Эллегуар².

С точки зрения Х. Виршубски, Э. А. М. Бедиана и К. Фили, *optimates* – это самоназвание римской олигархии, составлявшей ядро римской *pobilitas*, вокруг которой объединялись различные по социальному составу сторонники установившегося порядка, которые, впрочем, не формировали партии в современном понимании и не имели отчетливой политической программы³. Недостатком этой теории является игнорирование факта нестабильности политических группировок. Кроме того, сомнительным выглядит утверждение о реальной поддержке политики римской олигархии различными социальными слоями. Говорить об активном участии в политике широких слоев населения можно лишь для периода гражданских войн, когда практически все римское общество делилось на два противоборствующих лагеря.

Резко отличается от вышеперечисленных взглядов мнение А. С. Балахванцева. Российский историк полагает, что термин *optimates* впервые появился около 63 г. до н. э. Его авторство принадлежит Цицерону, который так обозначал состоятельных граждан, защитников существующего строя⁴. Фактически идентична предположению А. С. Балахванцева точка зрения Р. В. Лапырёнка. Он считает, что *optimates* – это коалиция римских собственников с довольно разношерстным социальным составом, представлявшая все сословия римского общества: как бывших марианцев, так и бывших сулланцев. Эта коалиция существовала только на протяжении 60–50-х гг. до н. э., объединившись для того, чтобы противостоять движению плебса, возглавляемому амбициозными политиками (Л. Катилиной и П. Клодием), стремившимися создать режимы личной власти⁵. Попытки исследователя доказать, что термин *optimates* не употреблялся в другие хронологические отрезки абсолютно неубедительны.

¹ Gelzer 1937, 1 sqq; Strasburger 1939, 773–798, esp. 773; Hellegouarc'h 1963, 505; Volkmann 1964, Bd. 4, 320–322; Kienast 1999, 11; Заршиков 2003, 52; Oliveira 2004, 111–112; Ward 2004, 105.

² Hellegouarc'h 1963, 521; ср.: Taylor 1949, 13; Meier 1965, 549 sqq; Shottet 1994, 27; Lintott 2006, 52.

³ Wirszubski 1950, 39–40; Badian 1958b, 280; 1976, 753–754; Feeley 2006, 64–72.

⁴ Балахванцев 2002, 838, прим. 36. Впрочем, впервые это предположение высказала Н. Н. Трухина 1986, 52.

⁵ Лапырёнок 2005, 160–162.

С нашей точки зрения, более объективно к интерпретации этого понятия подходят К. В. Лейси, Э. Грюэн, А. Б. Егоров, Г. Ашар, Д. Эрл, Д. Шотер, П. А. Брант, А. Линтотт, Л. Буркхардт и К. Лопес¹. Расходясь в мелких деталях, они соглашаются с тем, что термин *optimates* был самоназванием *части* аристократии, которая защищала первенство сената в политической жизни Древнего Рима и придерживалась традиционных моральных и идеологических представлений. Некоторое сомнение вызывает тезис об ориентации только этой группы политиков на традиционные идеологические представления². Как мы покажем ниже, их политические соперники в своей деятельности также опирались на римские традиции и *mos maiorum*.

Разбор переписки Цицерона ясно демонстрирует, что *optimates* не были единой группировкой или объединением, а состояли из нескольких небольших групп или отдельных знатных политиков. В частности, котерия Катона Младшего активно боролась за влияние с группой сенаторов, в состав которой входили П. Корнелий Лентул Спинтер и Цицерон (Cic., Fam., I, 9, 2; ср.: Att., V, 17, 5; VI, 8, 5; VII, 2, 6–7; Fam., I, 5, 3–4; 5a, 2; 7, 2, 4, 7–8; Q. fr., II, 3, 2; 4a, 3). Катон также противодействовал и другой группе нобилей, в состав которой входили Г. Помптий (претор 61 г. до н. э.) и Аппий Клавдий (Cic., Att., IV, 18, 4). Следует отметить показательный факт, что Цицерон также недоброжелательно относился к последней группировке (Cic., Att., V, 16, 2; ср.: Att., V, 17, 6; Fam., III, 6 и др.)³. И все это уже после совещания Помпея, Цезаря и Красса в Лукке и во время беспорядков, творимых вооруженными группами Клодия и Милона! Однако после начала гражданской войны все перечисленные римские политики приняли сторону Помпея и активно противодействовали Цезарю. Незадолго до начала противостояния между Цезарем и Помпеем уже упоминавшийся Ап. Клавдий в письме Цицерону отмечает, что «все мужи государства сплотились вокруг Помпея» (Cic., Fam., III, 11, 4). Сам Цицерон, готовясь к войне с М. Антонием, в марте 43 г. до н. э. повторяет подобную мысль: «Поэтому, мой Квинт [Корнифиций], взойди с нами на корму; ведь теперь один корабль у всех честных, который мы стараемся направить по прямому пути» (Cic., Fam., XII, 25, 5, пер. В. О. Горенштейна). Таким образом, только непосредственная опасность изменения государственного строя и угроза их доминирующему положению заставляла объединяться сторонников сената, которые в мирное время были постоянными соперниками.

¹ Lacey 1970, 6–7; Gruen 1974, 50; Egorov 1977, 7–9; Achard 1981, 3–8; Earl 1984, 54; Brunt 1988, 35 sqq. 470–471; Shotter 1994, 27; Lintott 1999, 173–175; 2006, 49–53; Burckhardt 1988, 15 sqq.; 2000, 1270–1273; López 2005, 258.

² Marco Simón, Pina Polo 2000, 267.

³ Ср.: Meier 1965, 564.

В общем, следуя такой трактовке, термин *optimates* можно определить как «идейно-политическое течение»¹, в рамках которого существовали небольшие котерии аристократов, стремившиеся сохранить господствующее положение и опиравшиеся в своей политике на сенат.

Однако *optimates* не был единственным термином для характеристики этой группы политиков. Более распространенным было понятие *boni* («честные»).

Н. Н. Трухина, разрешая это противоречие, считает, что *boni* - это политическая партия средних слоев, проводившая свою политику и в различных ситуациях примыкавшая или к нобилям, или к демократической партии². Выводы исследовательницы не подтверждаются свидетельствами источников. Как уже указывалось, говорить о партиях в Риме нет никаких оснований, тем более выделять в отдельную партию *boni*.

Ж. Эллегуар в своем фундаментальном труде предложил другой выход из ситуации. По его мнению, *boni* – это «сторонники превосходства сената; люди, располагающие определенным богатством, для сохранения которого сенаторский режим им кажется наилучшей защитой; но в то же самое время они рассматриваются как приверженцы честности и охранники морали в политических отношениях». В свою очередь *optimates* – это «аристократы, которые, составляя сенаторское сословие, очевидно, также были заинтересованы в поддержке сената; но главное для них – укрепление и сохранение привилегий своей касты»; *boni* для них – масса чернорабочих, которые полезны для осуществления их намерений³. Таким образом, историк также разделяет понятия *optimates* и *boni*, в целом не приводя убедительных доводов в пользу этого. В источниках во многих случаях найти разделение или противопоставление этих терминов практически невозможно (напр., см.: *Cic., Att., I, 13, 2*)⁴.

Во многом с мнением Ж. Эллегуара сходна точка зрения П. А. Бранта. Он отмечает крайне негативное отношение к низам общества и вообще к плебсу Цицерона⁵, противопоставлявшему простому народу *boni* – людей состоятельных, заботящихся о безопасности государства (*Cic., Att., I, 19, 4; Phil., XIII, 16; In Cat., IV, 19*). В эту категорию, по мнению П. А. Бранта, входили сенаторы, всадники и муниципальная аристократия, которые должны были служить опорой для *optimates*⁶.

¹ Термин, предложенный С. Л. Утченко 1965, 172.

² Трухина 1986, 52–55.

³ Hellegouarc'h 1963, 505.

⁴ Ср.: Утченко 1962, 630.

⁵ Напр.: *sordes urbis et faex* (городские грязь и подонки) (*Cic., Att., I, 16, 11*; ср. также: *Cic., Att., I, 19, 4; VII, 3, 5; XVI, 8, 2* и др.).

⁶ Brunt 1988, 54–55.

Х. Моуритсен, также соглашаясь с французским исследователем, считает, что термин *boni* означал зажиточную часть плебса, стоящую на социальной лестнице сразу за сенаторами и всадниками¹.

Напротив, С. Л. Утченко, А. Линтотт и М. Робб полагают, что *optimates* и *boni* были синонимичными понятиями и являлись латинскими эквивалентами греческих *οἱ ἄριστοι* (лучшие), *οἱ χρηστοί* (порядочные, честные)². При этом С. Л. Утченко настаивает на том, что термин *boni* (как и *optimates* в его трактовке) – это только обозначение «благонамеренных» граждан, в сущности, латинский эквивалент греч. *οἱ ἄριστοι*³. На этом основании советский исследователь даже датировал возникновение термина «оптиматы», беря за точку отсчета начало широкого проникновения греческих влияний на римскую политическую мысль с конца II в. до н. э.⁴.

С нашей точки зрения, более справедливо мнение В. К. Лейси, который, уточняя значение *boni*, указывает на то, что термин имел несколько оттенков. В политическом смысле *boni* был синонимом понятия *optimates*. *Boni* и *optimi* были самоназванием членов помпеянской *partes* (Cic., Att., VII, 23, 1; VIII, 12d). Однако Цицерон в определенных случаях (особенно в политических речах) использовал этот термин так же, как и *optimates*, то есть не как обозначение партии или сословной характеристики, а как синоним всех «добропорядочных» граждан. Для римского оратора *boni* – это те, кто поддерживает законы, гражданский мир (*otium*), ищет гражданское согласие, защищает интересы *res publica*⁵. В сущности, идентичную точку зрения высказал Б. П. Селецкий. Только советский исследователь говорит

¹ Mouritsen 2001, 133–134.

² Утченко 1962, 628; 1963, 79; Lintott 1999, 174; 2006, 49; Лапыренко 2010, 246 (рецензия на работу М. Робба); ср.: Burckhardt 1988, 11 sqq.

³ См. также: Заршиков 2003, 37–40; Badian 1976, 753–754; Lacey 1970, 3; Strasburger 1939, 774; Volkmann 1964, Bd. 4, 320.

⁴ Утченко 1954, 21–32, особ. 32; Утченко 1963, 83–84. Однако изыскания в области этимологии показывают независимое возникновение *optimates*. Термин является производным от *optimus*, которое возникло от основы слова *ops* (сила, мощь, могущество, власть, влияние) и суффикса «-tum-» [Hellegouarc'h 1963, 500; Walde 1954, Bd. 2, 216–217]. В ранних источниках *optimates* не имел морального оттенка. Эний именуется коринфских матрон «*optimates*», имея в виду их знатное происхождение (Enn., Trag., CV ed. Joyselyn). Сервий сохранил отрывок из истории Катона Старшего, в котором последний, описывая государственный строй Карфагена, называет пунийскую аристократию *optimates* (Serv., In Ver. Aen., IV, 682). Итак, из этих сообщений видно, что первоначально этот термин был синонимом римской аристократии, не имея отчетливо выраженного морального (нравственного) оттенка, который он приобрел позже. Видимо, переосмысление значения *optimates* как синонима *οἱ ἄριστοι* как раз и произошло в конце II – нач. I в. до н. э., когда началось широкое проникновение греческих влияний. Впервые в таком значении *optimates* встречается в «Реторике к Гереннию» (нач. I в. до н. э.) ([Cic.], Rhet. ad Heren., IV, 12, 45) [Strasburger 1939, 773; Walde 1954, Bd. 2, 217; Wirszubski 1950, 39, note 1].

⁵ Lacey 1970, 3–16.

о трех значениях термина *boni*: моральном (=οἱ ἀρίστοι), политическом (=optimates) и социальном (=высшие сословия)¹.

К этому следует добавить один показательный факт, на который исследователи ранее не обращали внимания, а именно употребление понятия *boni* в письмах адресатов Цицерона. В подавляющем большинстве случаев корреспонденты римского оратора используют *boni* только в политическом значении, как синоним термина *optimates*. Его употребляют М. Целий Руф (Cic., Fam., VIII, 4, 2), П. Корнелий Лентул Спинтер (Cic., Fam., XII, 15, 3), Г. Мунаций Планк (Cic., Fam., X, 4, 3; 8, 2; 18, 1), М. Юний Брут (Cic., Att., XIII, 40, 1; Brut., I, 16, 1), Гн. Помпей Магн (Cic., Att., VIII, 12d, 1). Д. Брут Альбин и Г. Кассий Лонгин используют в схожих случаях и в этом же значении *optimus* (Cic., Fam., XI, 19, 2; XII, 11, 1; 12, 4). Сам Цицерон, обращаясь к своим политическим союзникам, намного чаще использует понятие *boni* как синоним *optimates*, чем в письмах к Аттику (напр., см.: Cic., Fam., X, 13, 2; 22, 3; 27, 2; XI, 28, 1; XII, 5, 3; 6, 1–3; 14, 7; 22, 2; 23, 2; XIV, 18; XVI, 12, 1; Brut., II, 5, 3 и др.). Кроме того, следует обратить внимание, что довольно часто, но не всегда, Цицерон называет вольноотпущенников и муниципалов *homo bonus* или *civis bonus* (Cic., Fam., VI, 9, 1; XIII, 11, 3; 12, 2; 13, 1; 17, 3; 19, 3; 70, 1), тогда как своих политических сторонников именует *vir bonus* (напр., см.: Cic., Att., IV, 6, 1)².

Таким образом, понятие *optimates* не было единым обозначением группы римских политиков, ориентировавшихся на сенат. *Boni* был более широкоупотребляемым термином. Цицерон только в своей переписке использовал это слово более 160 раз³, тогда как термин *optimates* всего 17 раз⁴. Объяснением этому может послужить его намеренное использование в политической борьбе, так как в отличие от *optimates* понятие *vir bonus* достаточно рано, а возможно, и изначально, имело ярко выраженное значение морального превосходства (ср.: Plaut., Pseudol., 1143–1144; Cato, De agri cult., Pref.). О широком употреблении *boni* говорит и то, что этот термин продолжали использовать и в эпоху империи. Во второй половине

¹ Селецкий 1976, 142–156.

² Также показательно, что провинциалов в официальных документах называли οἱ ἄνδρες ἀγαθοί, а не οἱ ἄνδρες ἀρίστοι (*virī boni*), тогда как Плутарх называет οἱ ἀρίστοι убийц Цезаря, то есть сторонников сенатской *res publica* (Plut., Brut., 12). Напр., см.: «Λεύκιος Οὐαλέριος Λευκίου υἱὸς στρατηγὸς συνβουλευσάτο τῇ συγκλήτῳ εἰδοῖς Δεκεμβρίαις ἐν τῷ τῆς Ὀμονοίας ναῶ ... περὶ ὧν Ἀλέξανδρος Ἰάσονος καὶ Νομῆνιος Ἀντιόχου καὶ Ἀλέξανδρος Δωροθέου Ἰουδαίων πρεσβευταί, ἄνδρες ἀγαθοί καὶ σύμμαχοι» («Претор Л. Валерий, сын Луция, сделал следующее предложение сенату в декабрьские иды в храме Согласия ... относительно предложения иудейских старейшин: Александра, сына Ясона, Нумения, сына Антиоха и Александра, сына Дорорея, мужей доблестных и [римских] союзников») (Joseph. Flav., Antiq. Jud., XIV, 145–146, пер. Г. Г. Генкеля).

³ Селецкий 1976, 143–152.

⁴ Hellegouarc'h 1963, 504.

Г. в. н. э. сенат делился на «*multi boni* (честное большинство)» и «*pauci et validi* (могущественное меньшинство)», то есть этот термин, даже получив новый смысл, все равно сохранил оттенок морального превосходства¹.

Трактовка понятия *populares*² вызывает у современных ученых меньше споров. Тщательный анализ источников привел к тому, что мнение Т. Моммзена и его последователей о том, что этот термин обозначал «демократическую партию», формировавшуюся из общественных низов, было отвергнуто. Большинство исследователей полагает, что понятие *populares* обозначало некую совокупность разрозненных политиков или небольших групп (по происхождению аристократов или выходцев из всаднических семей), опиравшихся в своей политической деятельности на народное собрание, которых объединяли некоторые общие признаки: апелляция к народному собранию в обход сената, агитация введения тайного голосования, принятие аграрных и хлебных законов и др.³ Кроме того, многие ученые различают «ранних» и «поздних» *populares*. «Ранние» – это Гракхи, Л. Апулей Сатурнин, М. Ливий Друз, которые являлись представителями римской демократии; «поздние» – это демагоги и политические авантюристы, использовавшие традиционные лозунги только для достижения власти⁴.

На этом фоне несколько выделяется точка зрения Х. Мейера, который в своей фундаментальной статье, посвященной *populares*, чрезвычайно понижает значение этого термина. Немецкий ученый настаивает на том, что «популярны» – это не партия и не определенная группа политиков, а политический стиль, линия поведения⁵. «Популярская политика (*popularis ratio*) в целом в политической жизни для отдельного политика была только дорогой к получению и удержанию власти... В политические будни она

¹ Кнабе 1970, 63–85, особ. 71–78.

² Что касается значения понятия *populares*, то, несомненно, следует отвергнуть точку зрения Р. Сайма, который считает, что этот термин был самоназванием этой части римских политиков [Syme 1939, 65]. Более справедливо мнение Х. Виршубски и Д. Шотера, которые полагают, что «популярами» называли своих противников их политические антагонисты, так как в самом имени содержится крайне негативный и уничижительный оттенок [Wirszubski 1950, 39–40; Shotter 1994, 27–28]. Д. Шотер переводит *populares* как «пособники толпы» («mob-panderers») [Shotter 1994, 27]. Ср. подобные замечания Х. Штраасбургера относительно термина *optimates* [Strasburger 1939, 773]. Не случайно Саллюстий и Цезарь не используют этот термин для самообозначения.

³ Strasburger 1939, 782–785, 794; Syme 1939, 65; Taylor 1949, 11–24; Wirszubski 1950, 39–40; Утченко 1963, 90–94 (с оговорками); Lacey 1970, 6; Badian 1976, 753–754; Еропов 1977, 9–10; 2009, 199–232; Levick 1978, 89; Earl 1984, 54; Paterson 1985, 37–38; Brunt 1988, 35, 53; Shotter 1994, 27–28; Tatum 1999, 1–7; Lintott 1999, 174; 2006, 52–53; Piñeiro 2003, 199 sqq.; Ward 2004, 105; Morstein-Marx 2004, 66 sqq., 204–207; Лапырёнок 2005, 77–87, 155–162 (с оговорками); 2010, 241–247 (рецензия на работу М. Робба); Roddaz 2005, 98–109; Feeley 2006, 64 sqq. (с оговорками); Glockemann 2010, 4 sqq.

⁴ Wirszubski 1950, 40; Bleicken 1962, 7; Badian 1976, 754; Еропов 1977, 9–10; Brunt 1988, 53; Tatum 1999, 5–6.

⁵ Meier 1965, 555; ср.: Meier 1988, 116 sqq.; 1995, 40 sqq.; Kolb 1995, 250.

была периферийным явлением. Большинство «популяр» являлись таковыми только один год или очень краткий промежуток времени в их политической карьере (единственные знаменитые исключения – Цезарь и Клодий), и это являлось только частью (и необязательно самой важной) в их политической деятельности»¹.

Точка зрения Х. Мейера вызвала большие дебаты и привела к пересмотру роли и места «популяр» в политической жизни Поздней республики в работах некоторых ученых. Р. Сиджер, Л. Перелли, Н. Макки, Ж.-Л. Феррари, Л. Буркхардт в своих исследованиях представили, по нашему мнению, весомые доводы в пользу того, что в Риме все же существовала *относительно* устойчивая группа нобилей, ориентировавшихся на определенный политический лексикон и избравших для себя линию поведения «популяр» в политике². Подобные взгляды разделяли и современники рассматриваемых нами событий. Саллюстий отмечает, что «когда при консулах Гнее Помпее и Марке Крассе была восстановлена власть трибунов, молодые люди³, дерзкие ввиду своего возраста и по складу ума, начали, достигнув высшей власти, своими обвинениями против сената волновать плебс, затем еще больше разжигать его подачками и посулами; таким образом, они приобретали известность и силу. С ними ожесточенно боролась большая часть знати – под видом защиты сената, на деле ради собственного возвышения. Ибо – скажу коротко правду – из всех тех, кто с этого времени правил государством, под благовидным предлогом одни, будто бы отстаивая права народа, другие – наибольшую власть сената, каждый, притворяясь защитником общественного блага, боролся за собственное влияние» (Sall., Cat., 38, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Sall., Bell. Iug., 41; Cic., De re pub., I, 31; Flor., III, 13). Ему вторит Цицерон: «Среди наших граждан было *два рода людей* (duo genera), стремившихся участвовать в государственной деятельности и играть в государстве выдающуюся роль: одни из этих людей хотели и считаться, и быть популярами, другие – оптиматами. Те, кто хотел, чтобы их поступки и высказывания были приятны толпе (multitudini iucunda), считались популярами...» (Cic., Pro Sest., 96, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Cic., Comm. pet., I, 5).

А. Б. Егоров пришел к сходным выводам, подойдя к разрешению проблемы с иной стороны. Российский исследователь для изучения структуры нобилитета в конце II – нач. I в. до н. э. (133–88 гг. до н. э.) и его

¹ Meier 1965, 567; ср.: Malitz 2004.

² Seager 1972b, 328–338; Perelli 1982, 5–61; Mackie 1992, 49–73; Ferrary 1997, 227–229; Burckhardt 2000, 1271. Против – Морштейн-Маркс, который, отстаивая точку зрения Х. Мейера, даже полагает, что если отбросить письма Цицерона и посмотреть на последнего глазами плебса, перед которым он выступал на народных собраниях, то в нем вполне можно увидеть «популяра» [Morstein-Marx 2004, 207–230].

³ Римлянин считался молодым человеком до 35 лет.

политической позиции применил просопографический метод. Ученый разбил нобилитет на группы по количеству занимаемых консульств знатными семьями. В результате получилось четыре группы: группа А (группа семей, имеющая три и более консульств), группа В₁ (группа семей, имеющая два консульства), группа В₂ (группа семей, имеющая одно консульство) и группа С (группа семей, не имеющая консульств). Это позволило показать различную степень участия знатных родов в управлении государством и разделить весь нобилитет на две группы: правящую *nobilitas* (группы А и отчасти В₁) и аутсайдеров (группы В₂ и С). Именно этот конфликт между правящими нобилиями и аутсайдерами и являлся определяющим для времени Поздней республики¹. А. Б. Егоров отмечает, что при сопоставлении терминов *nobilitas* и *optimates* (в узком смысле) видно, что в политическом контексте они часто играют роль синонимов². Также следует отметить и тот факт, что «популярами» были именно аристократы и выходцы из всаднических семей. Еще более отчетливо этот конфликт заметен на примере гражданской войны между Цезарем и Помпеем. «В этих раздорах, как я [Цицерон] предвижу, на стороне Гнея Помпея будет сенат и те, кто производит суд; к Цезарю примкнут те, кто живет страхом или без надежды (*qui cum timore aut mala spe vivant*)...» (Cic., Fam., VIII, 14, 3).

Таким образом, говоря о *populares*, следует подразумевать определенную группу римских политиков (родом из высших сословий), опиравшихся на народное собрание, которые, вне всяких сомнений, не формировали политической партии. Но в то же время не следует впадать в другую крайность и сводить эту традицию до уровня политического стиля или линии поведения большинства римских политиков.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что термины *optimates/boni* и *populares* не обозначали политических партий. Эти понятия являлись наименованиями двух идейно-политических течений, внутри которых существовали небольшие котерии, опиравшиеся в своей политической деятельности на сенат, или действовали отдельные политики, рассчитывавшие на поддержку народного собрания. Все они принадлежали к римской аристократии, то есть борьба шла внутри нобилитета. Политические аутсайдеры, не имевшие возможности опереться в своей деятельности на сенат, стремились сделать карьеру или прийти к власти, используя народное собрание. Однако отказываться от использования этих терминов, описывая политическую борьбу в эпоху Поздней республики, в пользу *factio* и *partes* (как это делают некоторые исследователи) не совсем корректно, так как именно с этими терминами в глазах самих древних римлян и связано идеологическое противостояние в римском обществе.

¹ Егоров 1977, 15–18.

² Там же, 16–17.

§ 3. Идеология «оптиматов»

Изучение идеологии *optimates* является отдельным и довольно объемным вопросом. Поэтому мы ограничимся разбором некоторых ключевых лозунгов – *res publica (restituta)*, *libertas*, *paux*, использование которых Октавианом, по мнению некоторых исследователей, подразумевает под собой его ориентацию на «республиканизм»¹. Такой подход в целом является достаточно обоснованным, так как эти лозунги представляют собой основу идеологии «оптиматов»².

***Res publica* как лозунг «оптиматов»**

Современные исследователи, толкующие значение понятия *res publica*, отталкиваются от высказывания Цицерона о том, что «*est ... res publica res populi*» (*res publica* – это дело народа) (Cic., *De re pub.*, I, 39)³. Однако трактовка этого термина затрудняется тем, что Цицерон довольно часто вкладывает в него разные смысловые оттенки: «государство», «общественная деятельность», «общественные дела», «общественный интерес», «сообщество», «страна»⁴. В результате историки предлагают различные толкования данного термина.

По мнению многих ученых, семантически понятие *res publica* у римлян в большей или меньшей мере соответствовало понятию «государство». При этом оно не является эквивалентом современного термина «республика», так как *res publica* не было противоположностью автократической системе правительства принципата, ведь Цицерон принимает царскую власть (автократию) в качестве одного из положений своего идеального государственного устройства⁵. Такое же значение *res publica* взято В. О. Горенштейном за основное в русском переводе сочинений Цицерона. А. А. Деревнин и П. А. Брант соотносят *res publica* с термином *civitas*, что, в общем, довольно близко к вышеназванной точке зрения⁶. Практически ту же мысль высказывает и В. В. Дементьева, которая полагает, что понятием *res publica* римляне обозначали сферу политического управления своей общиной⁷.

Точка зрения Р. Ю. Виппера отличается от современных дефиниций. Ученый подчеркивает, что, хотя для Цицерона *res publica* – это всенародное дело (*res populi*), тем не менее народное верховенство для него –

¹ Напр., см.: Межеричкий 1994, 3; Gowing 2005, 4 и др.

² См.: Syme 1939, 9; Егоров 1985, 36; Ахиев 2001а, 8; Sumi 2005, 11.

³ Напр., см.: Schofield 1999, 63; ср. также: Castritius 1982, 9.

⁴ Schofield 1999, 66; ср.: Judge 1974, 280–285, esp. 285; Брагова 2004, 13.

⁵ Wirszubski 1950, 100 sqq.; Drexler 1957, 247–281; Stark 1967, 56; Егоров 1985, 16–17; Meier 1988, 1; Камалутдинов 1990, 53; Stanton 1998, v. 1, 282–288; Брагова 2005, 13–14.

⁶ Деревнин 1984, 46; Brunt 1988, 299.

⁷ Дементьева 2004, 25.

лишь общий принцип, который остается в теории и допустим только в качестве фикции¹. Напротив, М. Шофилд отвергает это мнение и настаивает на том, что формулировка Цицерона «*res publica* = *res populi*» была для римлян не видимостью, а прямым выражением суверенитета римского народа, характеризующего систему, краеугольным камнем которой являлась законность и порядок². Таким образом, он пытается, видимо, поддержать популярную сейчас среди некоторых американских и европейских ученых теорию, трактующую государственное устройство Древнего Рима эпохи Поздней республики как разновидность демократии³.

Более емкое определение понятия *res publica* мы находим у Я. Ю. Межеричко. Для римлян последнего века Республики *res publica* было ценностным понятием, ассоциировавшимся с приоритетом интересов гражданской общины над чьими бы то ни было личными, с верховенством традиции и закона, с *libertas*, связанной с функционированием народных собраний, сената и магистратур. Все это было призвано обеспечить равенство граждан с учетом их социального статуса между собой и их преимущество над негражданским населением Италии и провинций⁴.

Однако эти трактовки мало что дают для понимания того, какой смысл вкладывали в понятие *res publica* как политический лозунг *optimates*. Политические и судебные речи Цицерона, как и его трактаты, на которые опирается большинство ученых⁵, не могут быть основой для исследования идеологических взглядов просенатских политиков, так как они крайне необъективны и тенденциозны⁶. Как пример можно привести «признание» Цицерона в своей неискренности. «Моя основная мысль была следующей: значение сословия сенаторов, согласие с всадниками, единодушие в Италии, затухание заговора, понижение цен, гражданский мир. Тебе [Аттику] знакомы мои звоны, когда я говорю по этому поводу» (Cic., Att., I, 14, 4). Между тем даже при поверхностном чтении писем Цицерона и его корреспондентов бросается в глаза довольно специфическое использование ими римского термина *res publica*, которое не соответствует разобранным выше трактовкам.

Рассмотрим несколько примеров. «...*nihil agens* [М. Пупий Пизон Кальпуриан, консул 61 г. до н. э.] *cum re publica, seiunctus ab optimatibus, a quo nihil speres boni rei publicae...* *Eius autem collega* [М. Валерий

¹ Виппер 1995, т. 2, 427.

² Schofield 1999, 63–84.

³ Напр.: North 1990, 3–21; Lintott 1999; Millar 2002. См. рецензию А. Л. Смышляева 2003, 46–60 на сборник статей Ф. Миллара. Впрочем, вполне конструктивно и обстоятельно этот подход критикуют Х. Моуритсен, А. Ризе, А. М. Уорд и Р. Морштейн-Маркс [Mouritsen 2001, 91–92, 144; Reese 2004, 35–40; Ward 2004, 101–119; Morstein-Marx 2004, 119 sqq.].

⁴ Межеричкий 1994, 11–12; ср.: Earl 1990, 49.

⁵ Напр.: Syme 1939, 153.

⁶ Ср.: Carcopino 1947b, т. 2, 72; Селецкий 1979, 117; Morstein-Marx 2004, 194 sqq., 206.

Мессала, консул 61 г. до н. э.]... *partium studiosus defensor bonarum* (...он совершенно не заботится о *res publica*, держится в стороне от оптиматов; от него не приходится ждать чего-либо хорошего для *res publica*, ...зато его коллега... усердный защитник дела честных)» (Cic., Att., I, 13, 2). В русском переводе В. О. Горенштейна картина довольно нелепа: консул (высший магистрат государства) не занимается государственными делами. А какими тогда? Мало того, «от него не приходится ждать ничего хорошего для государства». И все потому, что он держится в стороне от «наилучших». Противопоставлением этому является образ Мессалы, но только потому, что он является усердным защитником интересов «честных». Какое отношение имеет защита интересов «честных» к заботе о «делах государства», «цивитас», «деле народа» или «общем благе»?

Следующий пример. В начале мая 43 г. до н. э. из Диррахия М. Брут пишет Цицерону в отношении войска Антия Вета, перешедшего на сторону убийц Цезаря: «*Hunc exercitum esse utilem rei publicae* (это войско должно быть полезным *res publica*)» (Cic., Brut., I, 11, 2). А 7 мая 43 г. до н. э. из лагеря в Сирии Г. Кассий Лонгин в подобных же словах (*sic!*) пишет Цицерону: «*Crede mihi, hunc exercitum, quem habeo, senatus atque optimi cuiusque esse* (верь мне, это войско, которым я располагаю, принадлежит сенату и наилучшим мужам)» (Cic., Fam., XII, 12, 4). Вся разница состоит в том, что в первом случае войско должно защищать *res publica*, а во втором – «*senatus et optimi quique!*»! Какое отношение здесь *res publica* имеет к «государству», «цивитас», «делу народа», «общему благу» (ср. также: Cic., Fam., X, 18, 3; 32, 5; XII, 10, 2)?

Еще один пример. «...оправдание Клодия [когда тот проник к жене Цезаря и оскорбил Добрую богиню] – это тяжелая рана *res publica*» (Cic., Att., I, 16, 7). Вполне можно заявить, что был нарушен закон – и это «тяжелая рана государству». Но чуть ниже Цицерон пишет, что именно «сенаторы не должны пасть духом от удара, им нанесенного» (Cic., Att., I, 16, 9). Причем здесь сенаторы к «государству», «делу народа» или «общему благу»?

Смотрим далее. П. Корнелий Долабелла, цезарианец, пишет Цицерону: «Если он [Помпей] теперь избегнет этой опасности и удалится на корабли, ты забота о своих делах и будь, наконец, другом лучше себе самому, чем кому бы то ни было. Ты уже удовлетворил и чувство долга, и дружбу, удовлетворил также *partes* и *то государственное дело, которое ты одобрял* (*satisfactum etiam partibus et ei rei publicae, quam tu probabas*)» (Cic., Fam., IX, 9, 2, пер. В. О. Горенштейна). Показательно, что Долабелла говорит «*ei rei publicae, quam tu probabas*», – значит, есть и другое «государственное дело», которое отстаивают противники Цицерона? Если нет, почему тогда «дело Цицерона» государственное? А «дело Долабеллы», выходит, «негосударственное»? Из контекста совершенно ясно,

что речь идет вовсе не о государстве. Также не подходят и другие определения, предложенные исследователями («дело народа», «общее благо» и др.)¹.

Утверждение Цицерона о том, что *res publica* – это *res populi*, не более чем популистское заявление одного из «честных» перед гражданской войной Цезаря и Помпея². Можно указать и на еще одно

¹ Эти примеры можно многократно умножить: *Cic.*, *Att.*, IV, 8a, 2; IV, 18, 2; V, 3, 1; VII, 4, 2; VII, 5, 4 («за положение государства – страшусь с каждым днем больше, ведь, как думают, между честными нет согласия»); VII, 9, 3 («но тогда ...он [Цезарь] был сильнее, чем *все государство*» (*sic* !)); VIII, 1, 2; 3, 3–4; 12a, 4; 12c, 3 (Помпей Домиций Агенобарбу); 12d, 1 («...ведь и в настроении тех солдат, которые находятся со мной, я не уверен достаточно, чтобы сразиться за всю судьбу государства» (Помпей Домиций Агенобарбу)); IX, 7, 1; 11a, 2; XI, 10, 2; *Fam.*, I, 7, 10 («ты [П. Корнелий Лентул Спинтер] пишешь о своем желании знать, каково положение государства (*qui sit rei publicae status*) ... Об этом я пишу тебе более кратко, так как это положение государства (*status hic rei publicae*) не радует меня»); очень важно – не «в государстве» (*in re publica*) где?, а «общего дела» (*rei publicae*) кого? чего? Ср. обратный пример. Цицерон пишет своему врагу М. Крассу: «мы [Цицерон и Красс] современники одних и тех же событий в государстве [здесь *in re publica*, то есть именно в государстве]» (*Cic.*, *Fam.*, V, 8, 3–4); 9, 4, 9–10; 12; IV, 7, 5; 13, 5; V, 2, 6; VI, 1, 3, 6; 6, 2; 9, 1; 17, 1; VII, 3, 4; VIII, 4, 4; 5, 3; IX, 3, 5; 14, 3, 8; 20, 1; 24, 2; X, 8, 2; 10, 1; 14, 2; 24, 2–4 (Г. Мунаций Планк); 26, 3 («откладываем их [комитии] на январь месяц, так как по многим причинам считаем это полезным для государства»); 32, 5 («но если бы государство (*res publica*) и большинство сената (*maior pars senatus*) достаточно знали меня (*sic*!)» – Г. Азиний Поллион Цицерону); 34, 2 («я [Лепид] не оставлю без поддержки ни сената, ни государства (*nes senatus nes rei publicae*)»); XI, 10, 1 (Децим Брут Цичерону); 23, 1; XII, 5, 1; 7, 1–2; 10, 1; 11, 1–2; 12, 1, 2; 14, 3, 6 («я первым привлек конницу Долабеллы на сторону государства ...первым я произвел набор во имя общего спасения ...один я присоединил к Кассию и государству» – П. Лентул Цицерону); 24, 1–2; 28, 1; XV, 15, 1; XVI, 11, 3; 12, 1; Q. fr., I, 2, 15; III, 4, 2; *Brut.*, I, 5, 1; 10, 2; 12, 3; 15, 1; 18, 1, 2; II, 1, 3; 2, 1, 3; 4, 2 и др.

² Ср.: «Я [Цицерон] провожу все время, рассматривая, сколь великой силой обладает тот муж, которого я достаточно тщательно ... изобразил в своих книгах [речь идет о трактате «De re publica», где Цицерон пишет, что *res publica* – это «дело народа»]. Итак, помнишь ли ты *moderatore* *illum rei publicae* (В. О. Горенштейн переводит – «того правителя государства»), в котором мы хотели бы представить все? Ведь Сципион говорит, думается мне, в пятой книге так: «Как благоприятный путь для кормчего, здоровье для врача, победа для императора, так для этого *moderatori rei publicae* служит целью счастливая жизнь граждан (*beata civium vita*), – чтобы она была обеспеченной благодаря средствам (*opibus firma*), богатой благодаря изобилию (*copiis locuples*), чтимой благодаря славе (*gloria ampla*), почетной благодаря доблести (*virtute honesta*). Я хочу, чтобы он был исполнителем этого величайшего и прекрасного человеческого труда. Об этом наш Гней и раньше никогда не думал, а менее всего в этом деле. К господству стремились они оба [Помпей и Цезарь], не добивались, чтобы граждане были счастливы и жили в почете ... Но ни у одного из них нет той цели, чтобы мы были счастливы (*ut nos beati simus*); оба хотят царствовать» (*Cic.*, *Att.*, VIII, 11, 1–2). Очевидно, что речь здесь идет не о «римском народе», а о *boni*. *Ops*, *gloria*, *virtus*, *honestas* – все это характеристики знатных нобилей, но никак не *sordes urbis et faex*. Цицерон определенно говорит, что ни у Цезаря, ни у Помпея нет цели, чтобы мы были счастливы. Следует отметить, что в латинском оригинале стоит местоимение *nos*, хотя латинские глаголы употреблялись без личных местоимений. Цицерон специально сделал акцент на *nos*, то есть именно «мы» не будем жить счастливо, а не кто-то другой. Без сомнения он имеет в виду «богатых и честных».

подобное заявление. В своей речи перед войском незадолго до битвы при Филиппах Г. Кассий Лонгин заходит так далеко, что объявляет «народ» (ὁ δῆμος – в передаче Аппиана, то есть народное собрание) чуть ли не средоточием всей власти (App., B. C., IV, 91, 92).

Optimates, или boni, вкладывали в это понятие совершенно другой смысл. Res publica была для них «общим делом», – но не «делом народа», а «делом честных». Для того чтобы отличать res publica как лозунг optimates от других его значений, мы предлагаем употреблять расширенное выражение, а именно res publica omnium bonorum (общее дело всех честных), что, несомненно, и имели в виду «оптиматы», когда использовали этот термин в приведенных выше примерах. Другими словами, res publica omnium bonorum – это защита власти, доминирующего положения (в государстве) и интересов всех optimates, или boni (ср.: Cic., Fam., I, 8, 3–4). Только в этом случае приведенные нами примеры из писем Цицерона и его корреспондентов получают внутреннюю логику и смысл.

Консул не заботится об «интересах честных», и поэтому от него не приходится ждать ничего хорошего для «общего дела». Совершенно логично, что он держится в стороне от «оптиматов». Поэтому и его коллега, «усердный защитник партии честных», вполне естественно, характеризуется с самой положительной стороны. Римское войско принадлежит не «государству», а защищает интересы сената и «общее дело честных». И «дело Цицерона» – это не государственное дело, а «интересы честных», которые он и отстаивал.

Также подтверждает нашу точку зрения то, что Цицерон и его корреспонденты время от времени использовали вместо res publica выражения «res nostra», «res communis», «causa communis», «causa publica», «ea causa», «causa libertatis», «causa», «summa», которые можно перевести как «общее (наше) дело». Это говорит о том, что и res publica (как лозунг «честных») следует понимать только как «общее дело», но никак не «государство», «дело народа» или «общее благо».

Приведем примеры. «Так как Росций-отец всегда сочувствовал знати (nobilitatis), то и во время последних потрясений, когда высокому положению и жизни всех знатных людей (omnium nobilium) угрожала опасность, он ...ревностно отстаивал на своей родине их дело (causam)» (Cic., Pro Rosc. Am., 16). «...защищающему не свое дело, а общее (quidem roganti nec suam causam, ...sed publicam)» (Cic., Att., IX, 1, 4, пер. В. О. Горенштейна, с изменениями). «В моем и общем деле принял сторону консулов (in mea atque in publica causa consulum partes suscepisti)» (Cic., Fam., XV, 21, 2, пер. В. О. Горенштейна, с изменениями). «Несмотря на гибель всего, сама доблесть может поддержать себя. Но если есть какая-нибудь надежда на

общее дело (*rebus communibus*), ты [А. Торкват] при любом положении не должен быть лишен ее» (Cic., Fam., VI, 1, 4, пер. В. О. Горенштейна). «Мы уже давно погибли ...*дело погибнет* (*causam perisse*), если ему [Цезарю] будет устроено погребение» (Cic., Att., XIV, 10, 1). «Я [Цицерон] все же скорблю из-за того, что *общее дело* (*rem communem*) настолько распалось, что не остается даже надежды, что когда-либо станет лучше» (Cic., Fam., VIII, 28, 3, пер. В. О. Горенштейна). «Впрочем, неразумие людей [«оптиматов»] невероятно ...меня [Цицерона], которого они, относясь ко мне благожелательно, могли бы иметь помощником в общем деле (*in communi causa*)...» (Cic., Fam., I, 7, 7, пер. В. О. Горенштейна). «Перед сенатом и римским народом я [Цицерон] объявил себя главой, а после того, как я взял на себя *дело свободы* (*causam libertatis*), не упустил ни малейшего случая защитить всеобщее благоденствие и свободу (*salutis libertatisque communis*)» (Cic., Fam., XII, 24, 2). «Я [Альбин Брут] продвинулся с войском в область инальпийцев – не столько гоняясь за званием императора, сколько желая удовлетворить солдат и сделать их надежными для защиты *нашего дела* (*nostras res*)» (Cic., Fam., XI, 4, 1, пер. В. О. Горенштейна; ср. также: Fam., VIII, 11, 1; Cic., Att., VII, 13, 1; VIII, 1, 3; 11c, 1; Fam., I, 9, 14; V, 17, 2; VI, 1, 5; 10, 5; IX, 5, 2; XII, 4, 1; 5, 2; 9, 1; XIII, 52, 1; XV, 21, 2; Brut., I, 3, 1; II, 1, 3; 3, 1).

Весьма показательно, что, характеризуя деятельность Цезаря и его сторонников, Цицерон и его корреспонденты используют те же термины. «Когда наш Брут и Кассий написали мне, чтобы я своим авторитетом сделал более честным Гирция, который до сего времени был честным. Я знал, но не был уверен, что он будет таким; ведь он, быть может, несколько сердит на Антония, *но делу очень предан* (*causae vero amicissimus*) [*«делу» цезарианцев, которое противопоставляется «общему делу»*]» (Cic., Att., XV, 6, 1). «Я [Целий Руф] говорю это не потому, что не верю в это дело (*huic causae*); верь мне, лучше погибнуть, чем видеть этих [*цезарианцев у власти*]» (Cic., Fam., VIII, 17, 1).

Следует отметить, что на специфическое употребление *res publica* в переписке Цицерона исследователи обращали внимание и ранее. Но нужно сделать уточнение: они в первую очередь стремились объяснить только те места в корреспонденции, где использовались такие выражения, как «*res publica amissa* (утраченная)», «*nulla* (отсутствие) *res publica*», «*res publica perdita* (потерянная)» и т. п. Однако их попытки выглядят запутанно и сбивчиво, если не сказать больше.

В частности, Х. Мейер, который поддерживает точку зрения, согласно которой *res publica* = «государство», заявляет, что выражение *res publica amissa* и подобные ему означали только то, что на более или менее продолжительный период времени основные государственные функции целиком или частично были ограничены (работали с перебоями, нахо-

дились в опасности, *aussetzen*) и что государство не соответствовало очень высокому стандарту, который был теоретически установлен. Ввиду этого стандарта можно было действительно говорить о том, что *res publica* исчезла или уничтожена. То есть это значит, что явное расхождение между стандартом и действительностью весьма ярко проявлялось в государственной деятельности. Однако же значение цicerоновских высказываний ограничивается тем, что их автор из огромной раздражительности и идеализма якобы часто чрезмерно драматизировал суть дела (*sic!*)¹.

М. Шофилд, напротив, оспаривает эту точку зрения. Английский историк говорит, что в заявлениях Цицерона об утрате и потере *res publica* речь идет вовсе не о том, что от «республики» осталось лишь название. В действительности римский оратор, по его мнению, сожалеет о пренебрежении древними обычаями и отсутствии патриотически настроенных людей (*sic!*)². К. Брингманн, в сущности, объединяет обе точки зрения. По его мнению, социальные конфликты, гражданские войны вели к «падению» *res publica*. Однако для самих римлян важную роль играл и моральный упадок римского общества, отход от *mos maiorum*, забвение которых вело, по их представлениям, к «гибели» *res publica*³.

По нашему мнению, высказывания Цицерона о «потере», «гибели» *res publica* являются еще одним доказательством того, что знаменитый оратор и его союзники имели в виду прежде всего защиту власти и интересов сторонников сената.

Цицерон довольно часто пишет о том, что *res publica* уже нет (*Cic., De off., II, 29; Cic., Att., II, 25, 2; VIII, 11d, 6; Fam., II, 5, 2; Cic., Q. fr., I, III, 15; III, 4, 1; 5, 4 и др.*). Однако он сожалеет не только об утрате *res publica*. Он сожалеет о «былом блеске на форуме, авторитете в сенате и влиянии у честных людей» (*Cic., Att., IV, 1, 3*, пер. В. О. Горенштейна). Римский оратор подчеркивает: «Ведь то, на что я рассчитывал, выполнив почетнейшие обязанности и перенеся величайшие труды, – с достоинством высказывать свое мнение (*dignitas in sententiis dicendis*) и независимо заниматься государственными делами (*libertas in re publica capessenda*), – все это полностью уничтожено, и притом в такой же степени для меня, как и для всех. Остается либо без всякого достоинства соглашаться с немногими, либо тщетно не соглашаться... Изменилось все положение сената, судов, всего государства» (*Cic., Fam., I, 8, 3–4*, пер. В. О. Горенштейна; ср.: *Cic., Fam., II, 5, 2; Q. fr., III, 4, 1*).

¹ Meier 1988, 2.

² Schofield 1999, 66.

³ Bringmann 2002a, 113–123.

Таким образом, Цицерон говорит о потере *dignitas* и *libertas*, двух фундаментальных качеств, характеризующих положение именно римских аристократов в государстве¹ (ср.: *Cic., Fam.*, I, 9, 25; *In Verr.*, II, 1; *Pro Marc.*, 8; *Phil.*, I, 34). То есть для того, чтобы *res publica* существовала, необходимо условие, при котором лидеры «оптиматов» были бы окружены почетом и имели непосредственный доступ к управлению государством. Цицерон выразил это положение в кратком лозунге *cum dignitate otium*: «При управлении государством все мы, как я очень часто говорил, должны ставить себе целью покой, соединенный с достоинством» (*Cic., Fam.*, I, 9, 21, пер. В. О. Горенштейна; ср.: *Pro Sest.*, 98; *De orat.*, I, 1). Под этим он понимал внутреннюю стабильность, гражданский мир и первенствующее положение «честных» в государстве².

Любое изменение сложившегося положения, по мнению *optimates*, ведет к потрясению *res publica*. Принятие новых законов, введение новых должностей или сосредоточение большой власти в руках одного человека воспринималось как посягательство на *libera res publica*. Именно поэтому Цицерон часто говорит о том, что *res publica* не может существовать без сената, магистратур, судов, справедливости, законов (*Cic., Att.*, VII, 13, 1; IX, 7, 5; *Fam.*, I, 8, 3; IV, 1, 2; X, 1, 1; XII, 2, 3; *Q. fr.*, III, 4, 1 и др.), – то есть тех уже сложившихся условий, которые определяли доминирующее положение лидеров «оптиматов» в государстве. Когда эти условия нарушались, их следовало вернуть. Тогда часто звучали призывы к восстановлению *libera res publica* (особенно в период гражданских войн, когда на первенствующее положение претендовали другие группы нобилей) (см.: *Cic., Fam.*, XI, 5, 3; *Att.*, VIII, 3, 2; 3, 4; 12с, 3; XIV, 4, 1; 14, 6; XV, 13, 4; *Fam.*, XI, 8, 1; XII, 2, 1; 6, 2; 10, 4; *Brut.*, II, 1, 1; 5, 1; *De domo suo*, 146; *De senect.*, 20 и др.).

Следовательно, понятие *res publica* как политический лозунг *optimates* (*res publica omnium bonorum*) означало в мирное время государственный строй, при котором *optimates* занимали господствующее положение в государстве. Во время гражданских неурядиц это понятие обозначало защиту «дела оптиматов», то есть борьбу за прежний государственный строй, восстановление прежнего положения *optimates* в государстве. Именно эту идею и выражал лозунг *res publica restituta*.

¹ Wirzubski 1950, 15–17; 1954, 1–13; Adcock 1959, 13; Balsdon 1960, 44–46; Bleicken 1962, 14–16; Scheer 1971, 185; Камалутдинов 1986, 21; Sumi 2005, 86.

² Выражение Цицерона *cum dignitate otium* породило в историографии целую литературу и многочисленные интерпретации. Мы следуем за трактовкой Х. Виршубски и Дж. Балсдона [Wirzubski 1954, 1–13; Balsdon 1960, 46–50; ср.: Brunt 1988, 55].

Libertas в трактовке «честных»

Термин *libertas* достаточно подробно разобран в историографии, его трактовке посвящено огромное количество научных работ¹. Большинство исследователей соглашается с тем, что те или иные политические силы вкладывали в этот термин различный смысл, вследствие чего много внимания уделяется интерпретации *libertas* и как лозунга *optimates*, и как лозунга *populares*². Однако, в сущности, эти толкования не вызвали большой дискуссии, так как выводы историков во многом схожи, а различия касаются только частных моментов³. Поэтому перед нами не стоит задача полноценного разбора или даже самостоятельной трактовки этого понятия. Существенно, что выводы нескольких исследователей по отдельному вопросу целиком вписываются в контекст наших общих рассуждений. Вследствие этого для нас важно акцентировать внимание на характерных особенностях понятия *libertas* как лозунга *boni*, показать смысловую нагрузку, которую вкладывали в этот термин сторонники «честных».

Optimates считали, что после свержения царской власти в государстве господствует *libertas*. Но этот «свободный порядок» постоянно пытаются свергнуть отдельные политики, стремящиеся к неограниченной власти, или политики, опирающиеся в своей деятельности на народное собрание и призывающие к принятию аграрных и земельных законов или отмене долгов⁴. Эти попытки рассматривались как стремление к тирании (*tyrannis*) или царской власти (*regnum*), то есть попытке ограничить власть нобилей (*servitas*)⁵. Обвинение в стремлении к царской власти политиков, агитировавших за принятие земельных законов или отмену долгов (в этом обвиняли Спурия Кассия, Манлия Капиталийского, братьев Гракхов и др.), стало классическим⁶. В эпоху Цицерона это уже было *locus communis* (напр., см.: Cic., *De amit.*, 41; *De leg. ag.*, II, 8, 15, 20, 32, 35).

¹ Напр., см.: Wissowa 1894–1897, Bd. 2, 2031–2034; Blanchet 1904, 1199; Syme 1939, 155–161; Wirzubski 1950, 91–96; Bleicken 1962, 1–20; Hellegouarc’h 1963, 542–559; Hammond 1963, 93–113; Утченко 1965, 171; Kunkel 1969, 68–93; Штаерман 1972, 41–61; Sousa 1974, 47–49; Brunt 1988, 321–334; Yoshimura 1988, 1–22; Fears 1997, 1–39; Vanotti 1999, 161–179; Barchiesi 1997, 87–89; Marco Simón, Pina Polo 2000, p. 261–292; Mouritsen 2001, 9–15; Roller 2001, 230 sqq.; Павлов 2001, 164–167; Weiwei 2004, 217–229; Sumi 2005, 86–89.

² Напр., см.: Syme 1939, 155–161; Wirzubski 1950, 91–96; Bleicken 1962, 1; Hellegouarc’h 1963, 542–559; Утченко 1965, 171; Sousa 1974, 47–49; Brunt 1988, 321–334; Vanotti 1999, 161–179; Marco Simón, Pina Polo 2000, p. 261–292; Mouritsen 2001, 10–14; Павлов 2001, 164–167; Weiwei 2004, 217–229; Morstein-Marx 2004, 217–222; Sumi 2005, 86.

³ Токарев 2006, 7–11.

⁴ Ср.: Утченко 1965, 171.

⁵ Напр., см.: «Сенат противился принятию этого земельного закона (*rationi agrariae*) в целом, подозревая, что Помпей ищет какой-то новой власти (*novam quandam potentiam*)» (Cic., *Att.*, I, 19, 4, пер. В. О. Горенштейна).

⁶ Ср.: Bleicken 1962, 4; Morstein-Marx 2004, 220 sqq.

Поэтому на протяжении всей истории республики в аристократической среде существовала определенная жесткая оппозиция «тирания–свобода» (*tyrannis–libertas*). Противостояние *libertas* триаде *tyrannis–regnum–servitas* красной нитью проходит в письменном наследии Цицерона: «...почему мне называть царем (*regem*) ...человека, жаждущего господства или единоличной власти (*hominem dominandi cupidum aut imperii singularis*), угнетающего народ, а не называть его тираном (*tyrannum*)? Ведь и тиран может быть милосерден в такой же мере, в какой царь нестерпим, так что для народов имеет значение лишь одно: у милостивого ли властителя они в рабстве или у сурового; но совсем не быть в рабстве они не могут (*quin serviant quidem fieri non potest*)» (Cic., *De re pub.*, I, 50; ср.: *De off.*, I, 112; II, 23; III, 19, 32, 82; *De amit.*, 52; *De leg. ag.*, II, 8, 15, 20, 32, 35; *Pro Sulla*, 25; *Att.*, I, 16, 10; II, 12, 1; 13, 2; 18, 1; 22, 6; XIV, 4, 4; *Fam.*, VI, 19, 1; IX, 19, 1; XI, 5, 3; XI, 8, 1; XII, 1, 1; XII, 1, 2; *Q. fr.*, III, 6, 4; *Brut.*, I, 4, 5). Эти взгляды разделял и М. Брут, который пишет Цицерону: «...ни одно условие рабства, каким бы хорошим оно ни было, не отпугнет меня от ведения войны с самим рабством, то есть с царской властью и с чрезвычайными военными полномочиями, и с господством, и с могуществом, которое хочет быть превыше законов» (Cic., *Brut.*, I, 17, 6, пер. В. О. Горенштейна).

Под *libertas optimates* подразумевали не «личную свободу», а прежде всего *dignitas*, *auctoritas*, то есть возможность определяющего влияния на управление государственными делами, совокупность политических прав знати¹. Термины *regnum*, *tyrannis* или *servitas* выражали собой ситуацию, когда власти римской аристократии существовала непосредственная угроза (см.: Cic., *Att.*, IV, 8a, 2; *Fam.*, I, 8, 3; *Q. fr.*, III, 5, 4).

У римского плебса, по мнению «оптиматов», *libertas* также существует, но это скорее «личная свобода» (см.: Cic., *Pro Sest.*, 137). Показательно, что Цицерон называет «древнюю свободу» *libertas plebis* (Cic., *Pro Flacco*, 137), в то время как *libertas populi* он всегда использует, говоря о современном ему положении (напр., см.: Cic., *Pro Sull.*, 86; *Pro Sest.*, 103; *De re pub.*, I, 55; II, 53; III, 23). *Libertas plebis* для него – это произвол плебса. Само выражение указывает на период, когда народ имел собственные интересы, которые в эпоху Цицерона утратил. Используя же выражение *libertas populi*, знаменитый оратор затушевывает собственные интересы плебса идеей общих интересов, то есть фактически интересов «честных»². *Libertas* плебса Цицерон подменяет *aequitas*. Под этим понятием римский оратор понимает «равенство» граждан общины перед

¹ Syme 1939, 155; Wirszubski 1950, 91–96; Bleicken 1962, 6; Hellegouarc'h 1963, 559; Kunkel 1969, 85–86; Brunt 1988, 326–330; Fears 1997, 10; Mouritsen 2001, 10; Павлов 2001, 167; Welwei 2004, 220; Sumi 2005, 87–89.

² Павлов 2001, 166–167.

законом, но отвергает как социально-политическое равенство, так и равенство избирательных прав (Cic., *De re pub.*, I, 52–53; II, 39–40), используя, в сущности, идеи, разработанные греческой политической теорией¹. Другими словами, *boni* использовали иерархическую концепцию *libertas*², когда римский народ был свободен, но отстранен от управления государством. Знать же имела непосредственную возможность для реализации коллективного управления государством через сенат и магистратуры.

Итак, наличие «свободы» в *res publica* является неперменным условием, при котором *optimates* могут находиться у власти. Для них *libertas* – это не «личная свобода», а возможность свободно заниматься государственными делами. *Libertas nobilium* консервативна и статична. Для Цицерона и его политических союзников *libertas* была неразрывно связана со спокойствием (*otium*), то есть с внутренней стабильностью в государстве. Любое посягательство на гегемонию «честных», по их мнению, – это узурпация и свержение законной власти, попытка установления «тирании».

Рах в идеологии optimates

Рах как политический лозунг имел два различных аспекта. Один касался римской общины, другой – остального мира. Основной акцент современные историки делают на изучении второго аспекта, рассматривая рах в контексте «имперской» идеологии Рима, его агрессивной внешней политики. Они подчеркивают тесную семантическую связь этого термина с латинским глаголом *pacare*, который, с одной стороны, имеет значение «делать мирным», а с другой – «усмирять», «укрощать»³. Что касается «гражданского» значения рах, то ему уделяется значительно меньше внимания. Обычно исследователи ограничиваются замечанием, что рах означает внутренний мир, отсутствие гражданских раздоров. Состояние рах зависит от гражданского согласия (*concordia*)⁴. Его противоположностью являются гражданские раздоры (*dissensio*), гражданская война (*bellum civile*). По римским представлениям, те, кто пытался начать гражданскую смуту, были нечестивцами (*impij*) и угрожали самому существованию *civitas*.

Рах как лозунг *boni* вовсе не привлекал к себе внимания, хотя использование Августом этого понятия в своей идеологии некоторыми историками связывается с заимствованием римским императором лозунгов

¹ Brunt 1988, 325–326; Павлов 2001, 166–167.

² Hellegouarc'h 1963, 542 sqq.

³ Syme 1939, 304; Koch 1949, 2430 sqq.; Weinstock 1960, 44–46; Stier 1975, 3–54; Straub 1986, Bd. 2, 26–38; Чернышов 1994, ч. 1, 11–12; Парфёнов 2001, 46–47; Botermann 2002, 279–298.

⁴ Напр., см.: Koch 1949, 24–30; Weinstock 1960, 45.

«республиканской идеологии»¹. Основным источником для трактовки рах как лозунга «честных» является *корреспонденция* Цицерона. Интерес вызывает эволюция значений, которые знаменитый оратор вкладывал в это понятие в своих письмах.

Согласно представлениям «честных», любое выступление против их господствующего положения в государстве было посягательством на рах. Римский политический деятель должен поддерживать общественное спокойствие и охранять *существующий порядок, то есть власть boni*². Таких взглядов «оптиматы» придерживались и во время гражданской войны между Суллой и Марием. Об этом определенно свидетельствует один из сохранившихся фрагментов истории Грания Лициниана (Gran. Licinian., p. 15 ed. Flemisch). Родной брат Цицерона Квинт специально написал для него наставление по соисканию консульства, где указывает, что кандидат должен действовать так, «чтобы римские всадники и честные и богатые мужи сочли..., что ты будешь *поддерживать тишину и общественное спокойствие...*» (Cic., Comm. pet., XIII, 53, пер. В. О. Горенштейна). Сам знаменитый оратор говорит о том, что все должны стремиться к тому, «чтобы речь шла о покое, о мире, о согласии между гражданами» (Cic., Att., IX, 11a, 1, пер. В. О. Горенштейна). Это optatissima рах (наилучший мир) для всех optimates. Именно такой смысл вкладывали в понятие рах «честные», к такому миру они стремились. Однако если их власти была реальная угроза или управление государством переходило в руки их противников, то они трактовали рах иначе.

Несомненно, Цицерон в своей переписке выражал взгляды «честных». Об этом он говорит сам. В 59 г. до н. э. в письме к Аттику знаменитый оратор заявляет, что «после смерти Катула я держусь пути оптиматов» (Cic., Att., I, 20, 3, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Att., IX, 11a, 3; Fam., XII, 25, 5; Brut., I, 4, 3; Plut., Cras., 14). Находясь на пике своей политической карьеры, Цицерон крайне враждебно отреагировал на создание Первого триумвирата. В июне 59 г. он пишет Аттику: «Я не считаю, чтобы можно было оказать противодействие без кровопролития; с другой стороны, не вижу, где предел уступкам, если не в гибели» (Cic., Att., II, 20, 3, пер. В. О. Горенштейна). Здесь он фактически призывает к развязыванию гражданской войны! Таким образом, «честные» в случае угрозы для своей власти были готовы даже начать такую войну.

Но менее чем через год политическая карьера Цицерона потерпела полный крах. Он отправился в изгнание, после чего его влияние никогда, за исключением нескольких месяцев в 44 г. до н. э., не достигало прежнего уровня. Вернувшись из изгнания, знаменитый оратор стол-

¹ Напр., см.: Ramage 1987, 86; Чернышов 1994, ч. 1, 11–12.

² Syme 1939, 156.

кнулся с противодействием со стороны его бывших союзников, которые посчитали, что его политическая карьера закончена. Котерия Катона стала откровенно бороться с Цицероном. В этих условиях, лишенный поддержки, Цицерон пошел на временный союз с триумвирами. После развала триумvirата Цицерон оказался не у дел. Скорее всего, он был лидером сенатского «болота» и выражал «общее» мнение. Большая часть римского общества страстно желала мира: «Ты [Аттик] считаешь честными... откупщиков, которые никогда не были надежными, а теперь лучшие друзья Цезарю, или ростовщиков, или земледельцев, для которых самое желанное – это мир. Если ты только считаешь, бояться быть под царской властью те, кто никогда не отвергал ее, лишь бы жить спокойно» (Cic., Att., VII, 7, 5, пер. В. О. Горенштейна). В это время Цицерон говорит абсолютно противоположное тем заявлениям, которые он делал до изгнания: «Со своей стороны, не перестаю склоняться к миру. *Даже несправедливый, он полезнее, чем самая справедливая война с гражданами*» (Cic., Att., VII, 14, 3, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Att., VII, 3, 5; 5, 4; Fam., XVI, 12, 2).

Напротив, взгляды на рах *optimates*, которые в это время пошли на союз с Помпеем, не претерпели изменений. «Я [Цицерон] предпочел разрешение посредством соглашения..., они [помпеевцы] же – оружием» (Cic., Att., VIII, 11d, 8, пер. В. О. Горенштейна). «Ты [Аттик] спрашиваешь, есть ли какая-нибудь надежда на примирение; насколько я понял из длинных и обстоятельных рассуждений Помпея, *нет и желания*» (Cic., Att., VII, 8, 4, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Cic., Att., VII, 4, 2; Att., VIII, 11c, 1; Fam., IX, 6, 2; Caes., Bell. Civ., I, 4, 26; III, 19; Sall., Hist., I, 77, 2).

Вскоре после начала гражданской войны и перемирия со своими бывшими союзниками римский оратор присоединяется к *partes* Помпея. Его интерпретация рах вновь кардинально меняется. «Если будет война, – *дело полезное*. О этот позор для *res publica*, который едва ли можно вознаградить каким-либо миром!» (Cic., Att., VII, 18, 2, пер. В. О. Горенштейна). «Другой [Помпей]... *подготавливает войну... не несправедливую, с его стороны, но и законную, и необходимую*» (Cic., Att., X, 4, 3, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Att., VII, 9, 4; 26, 2; Fam., VI, 1, 3; 4, 2).

После убийства Г. Юлия Цезаря Цицерон на короткое время вновь выходит на первые роли. Он становится фактически идейным вдохновителем «оптиматов»/помпеевцев¹. Содержание его заявлений становится еще более категоричным. «...не могу переносить тех, которые, *притворяясь, что хотят мира, защищают преступные действия*» (Cic., Att., XIV, 15, 2, пер. В. О. Горенштейна). «...самый мир, полагал я, можно было создать посредством войны и оружия; я – все в целях свободы, которой без мира не

¹ Welch 1998, v. 1, 244–256.

бывает» (Cic., Brut., II, 5, 1, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Cic., Att., XIV, 14, 6; XVI, 1, 4; Fam., X, 27, 1, 2; 6, 1; XI, 6, 3; 18, 2; XII, 3, 1).

В это время использование лозунга *рах* в политической борьбе достигло таких масштабов, что появляется новый политический термин – *расificatorius*, или *расificator*. Причем эти слова имели для «честных» ярко выраженный негативный смысл и использовались ими в ироническом смысле для обозначения своих политических противников (Cic., Att., XV, 7, 1; Fam., X, 27, 2; Phil., XII, 3; ср.: Dio Cass., XLIV, 49)¹.

Таким образом, если власти *optimates* начинает что-либо угрожать, они были готовы начать гражданские раздоры и даже гражданскую войну. «Честные» не желали мириться с тем, что власть находилась в руках других. Такое положение, по их мнению, не было настоящим миром. Это был *turpa rah* (постыдный мир) (Cic., Att., VII, 18, 1), и против него следовало бороться.

Между тем С. Вейнсток приводит в пример два денария, чеканенных «помпеянцами», которые, по его мнению, содержат «мирную пропаганду». Первый – это денарий Кв. Сициния (ок. 49 г. до н. э.), на реверсе которого присутствует изображение кадуцея (символа мира)² (прил. А, рис. 1). Между тем сам кадуцей не является центром всего изображения, как это имеет место на «цезарианских» денариях: он составляет единое целое с пальмовой ветвью и венком над ними. Поэтому более справедлива, по нашему мнению, интерпретация Х. А. Грюбера, который полагает, что здесь вектор агитации направлен не в будущее, а в прошлое. С его точки зрения, монетарий Кв. Сициний осознанно выбрал этот тип чеканки, чтобы подчеркнуть прошлые заслуги Гн. Помпея перед римским народом. Так, пальмовая ветвь символизирует многочисленные победы Помпея во всех частях *orbis terrarum*, кадуцей – восстановление морской торговли после компании против пиратов, лавровый венок – золотой венец, дарованный ему римскими гражданами в знак признания его деяний. Эти деяния были следствием особого расположения к нему богини Фортуны, чья голова изображена на аверсе³. Подобную позицию занимает и М. Х. Крауфорд, отмечающий, что изображения на монете подчеркивали *felicitas* и военные заслуги Гн. Помпея⁴.

Второй денарий был выпущен Кв. Метеллом Пием Сципионом и П. Лицинием Крассом Юнианом в 47–46 гг. до н. э. в Утике. Здесь на реверсе изображена богиня Победа с кадуцеем в правой руке и щитом в левой (RRC, № 460/4)⁵ (прил. А, рис. 2). Как и в первом случае, кадуцей

¹ Ср.: Syme 1939, 156.

² Weinstock 1960, 45.

³ CRRBM, v. 1, p. 503, note 2.

⁴ RRC, p. 460, № 440.

⁵ Ср.: Weinstock 1960, 45.

не играет главной роли, а наряду со щитом является атрибутом Виктории, символизируя войну и мир, то есть речь идет не о «гражданском» рах, а о внешнем. Подтверждением этому, по нашему мнению, является похожее изображение богини Победы с кадуцеем и трофеем из галльского оружия (*troaeum*) вместо щита на «цезарианском» денарии 48 г. до н. э. (CRRBM, № Rome 3989; RRC, № 448/1a) (прил. А, рис. 3). Здесь на связь кадуцея с «внешним» миром указывает *troaeum gallicus*. Показательно, что в этой же эмиссии Л. Гостилия Сазерны на одной из монет присутствует изображение Верцингеторига, прославляющее заслуги Цезаря в Галльской войне (CRRBM, № Rome 3994; RRC, № 448/2a). Следует также отметить изображение жреца-салия с крылатым кадуцеем и круглым щитом на ауреусе 17 г. до н. э. (Babelon, № Sanquinia 1; CREBM I, Augustus №№ 69–70). Как известно, деятельность коллегии салиев находилась в связи с воинственной стороной культа бога Марса и родственных ему божеств, то есть с внешними войнами. Таким образом, тип «богиня Виктория с кадуцеем и щитом (или трофеем)» символизирует победу римского полководца над внешним врагом и вряд ли имеет отношение к внутривластной «мирной» агитации.

Разбор рах как лозунга «оптиматов» показывает, что он имел специфический смысл и не был популярным среди широких слоев римского общества. *Вопи* были готовы защищать свою власть любой ценой, и такие их пропагандистские заявления и лозунги отталкивали широкие массы. В 49 г. до н. э. Цицерон с горечью пишет о том, что жители италийских городов и муниципиев с радостью встречали Цезаря, надеясь, что он быстро завершит гражданскую войну, и боялись возвращения Помпея (Cic., Att., VIII, 13, 2, пер. В. О. Горенштейна; ср.: VIII, 16, 1; IX, 10, 2; 13, 4; Suet., Div. Iul., 75, Nero, 2).

Подводя итог, следует сказать, что «честные», по сути, использовали общеримские традиционные ценности – «общее дело народа», «свобода», «гражданский мир» – в своих интересах. В устах *optimates libera res publica, libertas*, рах в первую очередь выражали законность их господствующего положения в государстве. Мало того, они связывали наличие этих ценностей в государстве с существованием своей власти. В случае утраты власти «оптиматами» должны были исчезнуть и «правильный» государственный строй, и свобода, и гражданское согласие. Очевидно, что эти лозунги не были «национальными», принимаемыми всеми слоями римского общества. Они выражали идеологические взгляды лишь ее небольшой части, а именно части римской аристократии, имевшей непосредственный доступ к управлению государством. Собственно, то, что среди большинства граждан эти лозунги не были особо популярны, и было одной из причин, почему *вони* потерпели столь сокрушительное поражение в гражданской войне.

Из этого вытекает, что римский «республиканизм» следует связывать именно с идеологией «честных», последовательно отстаивавших существование сенаторского режима, а в сущности тимократическую «конституцию». Поэтому такие понятия, как римский «традиционализм» и «республиканизм», не являются тождественными. Последний уже и является только частью «традиционализма», то есть «традиционализм» был не идеологией «оптиматов», а ее основой.

§ 4. Идеологические воззрения «популяр»

Характерной чертой республиканской идеологии было то, что и *optimates*, и *populares* довольно часто использовали в идеологической борьбе одни и те же лозунги. Показательно, что основу идеологии «популяр» составляли все те же понятия *res publica*, *libertas*, *pax*¹. Правда, главенствующее место здесь занимает *libertas*, а *res publica* и *pax* играют скорее второстепенную роль.

Res publica как лозунг «популяр»

Из текстов, современных рассматриваемым нами событиям и оппозиционных идеологии *optimates*, до наших дней сохранились только несколько фрагментов речей Г. Семпрония Гракха, а также сочинения Г. Юлия Цезаря и Г. Саллюстия Криспа. Сегодня исследователи при трактовке понятия *res publica* практически не обращают внимания на то, что и Г. Гракх, и Цезарь, и Саллюстий ни разу не использовали термин *res publica* в «оптиматском» значении, но, как и другие римские политики, применявшие в своей деятельности лозунги «популяр», часто подразумевали под *res publica* «*res populi Romani*» (дело римского народа) или «*salus publica*» (общее благо).

Однако прямое указание на такую трактовку *res publica* мы встречаем у Цицерона. В своем сочинении «*De re publica*» знаменитый оратор, описывая три «чистые» формы государства – царскую власть, власть «оптиматов» и власть народа, рассказывает о последней, с точки зрения сторонников «народной власти», то есть *populares*: «...когда в народе находился один или несколько более богатых и более могущественных человек, тогда – *говорят они* [сторонники народной власти] – из-за их высокомерия и надменности и создавалось вышеуказанное положение [рабство]... Но если народ сохраняет свои права, то – *говорят они* – это наилучшее положение, сама свобода, само благоденствие, так как он – господин над законами, над правосудием, над делами войны и мира, над союзными договорами, над правами каждого гражданина и над его имуществом. По их мнению, только такое устройство и называется с полным

¹ Syme 1939, 153–156; Mackie 1992, 53 sqq.

основанием *res publica*, то есть дело народа (*hanc unam rite rem publicam, id est rem populi*)» (Cic., *De re pub.*, I, 48). Такую же интерпретацию *res publica* мы находим в одном из отрывков речей Г. Гракха, который заявляет, что, «если ко мне обратится народ с просьбой, я одобрю выгоду общего дела (*rei publicae commoda*)» (ORF², 48, Fr., 30), и у Грания Липиниана, использовавшего здесь гракханскую риторику: «...в самом деле, с такой умеренностью он [П. Лентул] вел дело, чтобы и общему делу услужить (*rei publicae commodaret*)» (Gran. Licinian., p. 9 ed. Flemisch). То есть они напрямую связывали «общее дело» с делом народа.

В таком же смысле *res publica* употребляет Цезарь: «Что при величии власти римского народа (*in tanto imperio populi Romani*), он [Цезарь] считал величайшим позором для себя и для общего дела (*sibi et rei publicae*)» (Caes., *Bell. Gall.*, I, 33). Будущий диктатор соединяет «общее дело» с «величием власти римского народа». В следующем фрагменте примечательно разделение Цезарем «общего» и «частного» дел. Здесь под «общим делом» подразумевается ведение внешних войн, что, очевидно, было делом всего римского народа: «Этим [разгромив часть гелльветов] Цезарь отомстил не только за государство, но и за себя лично (*in re Caesar non solum publicas, sed etiam privatas iniurias ultus est*), так как в упомянутом сражении тигуринцы убили вместе с Кассием его легата Л. Пизона, деда цезарева тестя Л. Пизона)» (Caes., *Bell. Gall.*, I, 12, пер. М. М. Покровского). В другом месте *res publica* у Цезаря имеет оттенок «общественные дела». «...*simul iudiciorum metus, adulatio atque ostentatio sui et potentium, qui in re publica iudiciisque tum plurimum pollebant* (...к этому присоединяется страх перед судебными процессами, тщеславное самохвальство и основанные на взаимной лести связи с могущественнейшими людьми, которые тогда имели очень большое влияние на общественные и судебные дела)» (Caes., *Bell. Civ.*, I, 4, пер. М. М. Покровского, с изменениями). Характерной особенностью употребления Цезарем понятия *res publica* было и то, что иногда он подменяет этот термин выражением *populus Romanus* или считает их равнозначными понятиями (см.: Caes., *Bell. Gall.*, I, 20, 31, 34–36, 42, 44; II, 1, 3, 15, 34; IV, 16, 22; V, 41; VI, 1; VIII, 6, 52; *Bell. Civ.*, I, 7–9; ср.: Ps.-Caes., *Bell. Alex.*, 65–67; *Bell. Afr.*, 64, 77, 97).

Саллюстий также довольно часто подразумевает под *res publica* «общее дело римского народа»: «...но когда их [плебеев], мало-помалу согнанных с земель, праздность и бедность лишили постоянного жилья, они начали посягать на чужое имущество, свободу свою и общее дело выставили на продажу (*libertatem suam cum re publica venalem habere*)» (Sall., *Epist. ad Caes.*, II, 5; ср.: II, 11; Sall., *Cat.*, 4, 18, 20; *Bell. Iug.*, 30, 31, 40). Римский историк в некоторых случаях заменяет *res publica* выражением *imperium populi Romani*: «...более того, ради твоей гибели они [«оптиматы»]

предпочли подвергнуть опасности свободу, чем допустить, чтобы благодаря тебе держава римского народа из великой стала величайшей (*quam per te populi romani imperium maximum ex magno fieri*)» (Sall., Epist. ad Caes., II, 4). «Не допускай [Цезарь], чтобы величайшая и непобедимая держава римского народа (*populi romani summum atque invictum imperium*) приходила в упадок от дряхлости и распадалась из-за внутренних раздоров» (Sall., Epist. ad Caes., II, 12, пер. В. О. Горенштейна).

Цицерон, когда это было ему выгодно, также нередко использовал терминологию «популяров», особенно в своих речах. Как мы уже отмечали, речи Цицерона следует использовать для трактовки различных политических лозунгов *sunt grano salis*. В частности, в них встречается выражение *populi Romani causa* (дело римского народа) (Cic., Pro Caes., 76), что в принципе невозможно в его переписке. В речах против Верреса Цицерон часто использует выражение *communis causa*, но контекст его «Веррин» не оставляет сомнений в том, что здесь римский оратор использует лексикон «популяров», так как «общее дело» неизменно употребляется с *libertas* (*populi*): «...общее дело римского народа (*populi Romani communis causa*)...; ...это близко касается всеобщего дела свободы и достоинства (*ad communem causam libertatis et dignitatis*)...; ...ты [Веррес] был недругом общему делу свободы (*causae communi libertatis*)...; ...всеобщую свободу и гражданские права (*communem libertatis et civitatis causam*) обрек на муки и на распятие...» (Cic., In Ver., II, I, 84; V, 143, 169, 170). Все это говорит о том, что Цицерон имел в виду весь римский народ, а не только *nobilitas*.

С нашей точки зрения, ярким примером того, что политики, использовавшие в своей деятельности идеологию «популяров», понимали под *res publica* прежде всего «дело народа», является их трактовка основополагающего лозунга в политической борьбе этого времени – *rem publicam in libertatem vindicare* (восстанавливать свободу в государстве). Однако большинство исследователей считает, что этот лозунг в эпоху Поздней республики стал всего лишь разменной монетой в пропаганде различных политических сил и служил «для обмана общественного мнения и клеветы на политических противников»¹. Между тем, по нашему мнению, контекст сохранившихся источников позволяет опровергнуть такую точку зрения и вполне разрешает показать различие в трактовке этого выражения теми или иными политическими силами.

В сочинениях Цицерона, который разделял взгляды «оптиматов», мы встречаем эту формулировку четыре раза. В трех случаях – в трактате «Брут» и в письмах к Г. Куриону Младшему и Октавиану – знаменитый оратор использует именно *res publica*. «Недаром я уже говорил...

¹ Welwei 2004, 217; ср.: Wirszubski 1950, 103–104; Walser 1955, 353; Scheer 1971, 183–185; Sousa 1974, 47–48; Mouritsen 2001, 9–10.

о Публии Сципионе, который, будучи частным лицом, освободил *res publica* от тирании Тиберия Гракха (*qui ex dominatu Ti. Gracchi privatus in libertatem rem publicam vindicavit*)» (Cic., Brut., 212, пер. И. П. Стрельниковой; ср.: Ps.-Caes., Bell. Afr., 22). «...подготавливай, размышляй, обдумывай то, чем должен обладать гражданин и муж, намеревающийся возратить пораженной и подавленной *res publica*... бывшее достоинство и свободу (*rem publicam adflictam et oppressam... in veterem dignitatem et libertatem vindicaturus*)» (Cic., Fam., II, 5, 2, пер. В. О. Горенштейна). «...если бы ты [Октавиан] ничего не прибавлял к той услуге, благодаря которой я при твоём посредстве освободил бы себя заодно с *res publica* (*me una cum re publica in libertatem vindicasset*)» (Cic., Epist., fr., IV, 14, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Cic., Pro Flacco, 25; Pro Sest., 144).

Однако в четвертом случае Цицерон вместо *res publica* использует *res populi*: «Поэтому, по их [*populares*] словам, дело народа обычно освобождается и от господства царей и отцов, но не бывает, чтобы свободные народы искали для себя царей или власти и могущества оптиматов (*et a regum et a patrum dominatione solere in libertatem rem populi vindicari, non ex liberis populis reges requiri aut potestatem atque opes optimationum*)» (Cic., De re pub., I, 48, пер. В. О. Горенштейна). Объяснить такую метаморфозу достаточно просто. Этот отрывок из сочинения «De re publica» мы уже цитировали выше и отмечали, что знаменитый оратор рассказывает о «народной власти» с точки зрения «популяров».

Действительно, и Цезарь, и Саллюстий в выражении *rem publicam in libertatem vindicare* заменяют *res publica* на *populus Romanus* или *plebs*. В начале гражданской войны Цезарь заявляет Лентулу Спинтеру, что он начал военные действия для того, «чтобы освободить и себя, и народ римский от притеснений преступной клики (*ut se et populum Romanum factione paucorum oppressum in libertatem vindicaret*)» (Caes., Bell. Civ., I, 22). Саллюстий, рассказывая о начале гражданских раздоров, отмечает, что братья Гракхи впервые стали требовать свободы для плебса (*Ti. et C. Gracchus... vindicare plebem in libertatem... coepere*) (Sall., Bell. Iug., 42, пер. В. О. Горенштейна). В тех же словах римский историк описывает деятельность плебейского трибуна 111 г. до н. э. Г. Меммия: «Гай Меммий... склонял на сходках народ к восстановлению свободы (*contionibus populum ad vindicandum hortari*)» (Sall., Bell. Iug., 30).

Таким образом, для *optimates* лозунг *rem publicam in libertatem vindicare* означал восстановление «свободы» в государстве, то есть восстановление их власти. Для *populares* же *populum Romanum in libertatem vindicare* означало восстановление «свободы» плебса, передачу плебсу больших политических прав и т. д. В сущности, для «популяров» понятия *res publica* и *res populi Romani* являлись синонимичными и отчасти взаимозаменяемыми.

Итак, данные источников определенно свидетельствуют о том, что в эпоху Поздней республики «оптиматы» и «популяры» по-разному трактовали *res publica* как политический лозунг. Под *res publica* «популяры» подразумевали «общее дело всего народа», а в некоторых случаях значение *res publica* сужается до понятия *res populi* и даже *res plebis*¹.

Libertas populi Romani

При характеристике *libertas* как лозунга *populares* перед нами (вследствие того, что он подробно разобран исследователями) остаются те же задачи, которые мы сформулировали в отношении «оптиматского» понимания *libertas*: сосредоточить внимание на характерных особенностях понятия *libertas* как лозунга *populares*; показать то значение, которое вкладывали в этот термин сторонники «популяров».

В идеологии *populares libertas* играла ключевую роль. Под *libertas* они понимали не «личную», а прежде всего «политическую свободу», политические права плебса. Цицерон устами *populares* говорит: «Если народ сохраняет свои права, то... это наилучшее положение, сама *свобода*, само благоденствие, так как он – господин над законами, над правосудием, над делами войны и мира, над союзными договорами, над правами каждого гражданина и над его имуществом...» (Cic., *De re pub.*, I, 48, пер. В. О. Горенштейна).

По мнению «популяров», *libertas* была в прошлом, ее завоевал плебс в борьбе против патрициев. Плебейский трибун 111 г. до н. э. Г. Мемний утверждал, что плебс получил «свободу» от своих предков (Sall., *Bell. Iug.*, 31).

Но со временем плебс утратил *libertas*. «Римский народ, еще недавний повелитель народов, теперь, лишенный верховной власти, славы, прав, возможности существовать и презираемый, больше не получает даже пищи, положенной рабам» (Sall., *Hist.*, I, 55, 11, пер. В. О. Горенштейна). Власть в государстве захватили несколько знатных человек, которые осуществляют *dominatio* (господство = *tyrannis, regnum*). Катилина заявляет своим приспешникам: «С того времени, как кучка могущественных людей целиком захватила власть в государстве (*postquam res publica in paucorum potentium ius atque dicionem concessit*), цари и тетрархи... народы и племена платят им подати, мы, все остальные, деятельные, честные, знатные и незнатные, были чернью, лишенной влияния, лишенной авторитета...» (Sall., *Cat.*, 20, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Sall., *Bell. Iug.*, 31; *Hist.*, I, 55, 2; III, 48, 3, 6, 11, 23, 28). Для их обозначения *populares* использовали особые термины *pauci* и *factio* по отдельности, а нередко и в сочетании, например «*factio paucorum*» (Sall., *Bell. Iug.*, 3, 8, 27, 30, 41, 42; *Cat.*, 20, 30, 39, 58; *Hist.*, I, 55, 12, III, 48, 3,

¹ Ср. заявления Цицерона о том, что двумя столпами *res publica* являются сословия сенаторов и всадников (Cic., *Att.*, I, 18, 3; *Fam.*, VIII, 9, 2).

6, 8, 28; Caes., Bell. Gall., VIII, 50, 52; Bell. Civ., I, 22, 85), причем вкладывали в них сугубо негативный смысл (напр., см.: Sall., Bell. Iug., 31; Cat., 18, 32, 34).

Исходя из этого, положение плебса в сложившихся обстоятельствах – это противоположность *libertas* – *servitas*. Плебейский трибун отмечает, что все находится в руках знати: «Провинции, законы, право, суд, война и мир, все дела божеские и человеческие находятся в руках немногих» (Sall., Bell. Iug., 31, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Sall., Bell. Iug., 41; Cat., 33, Hist., I, 55, 13; III, 48, 6). Поэтому «популяры» хотят лишить власти эту клику и призывают к борьбе за «свободу» (ср.: Sall., Bell. Iug., 30, 42; Hist., I, 55, 1–27; III, 55, 17–18).

Выше мы уже произвели разбор выражения *plebem/populum Romanum in libertatem vindicare*, отметив, что его использовали обе стороны. Однако следует указать, что в идеологии «популяров» это выражение стало ключевым политическим лозунгом. На звание *vindex libertatis populi Romani* (освободителя римского народа) претендовали многие *populares* и политики, использовавшие лозунги «популяров» в своей деятельности: Гракхи (Sall., Bell. Iug., 42), Г. Меммий (Sall., Bell. Iug., 30), Катилина (Sall., Cat., 20), Г. Юлий Цезарь (Caes., Bell. Civ., I, 22; Sall., Epist. ad Caes., II, 2).

Таким образом, в отличие от «честных» «популяры» вкладывали в *libertas* совершенно противоположный смысл. Под «свободой» они понимали «политическую свободу» плебса, которая исчезла из-за того, что «преступная группа» нобилей захватила власть в государстве. Под этим лозунгом они боролись со своими политическими противниками. Такие лозунги, как *vindex libertatis, in libertatem vindicare*, как мы видели, нельзя соотнести только с одной политической силой. Они использовались и *optimates*, и *populares*, которые совершенно по-разному их интерпретировали.

Рах в агитации «популяров»

Рах как лозунг «популяров», по нашим данным, никогда не привлекал к себе интереса исследователей¹. Между тем свидетельства источников позволяют сделать несколько замечаний о трактовке рах противниками «оптиматов».

В отличие от «честных», которые видели разрешение противоречий в государстве и защиту своей власти только в развязывании гражданской войны или раздоров, среди «популяров» были разногласия по поводу линии поведения в отношении борьбы с *pauci*. Часть *populares* стремилась к вооруженному сопротивлению. Обращаясь к толпе, плебейский трибун Г. Меммий призывает к борьбе: «Либо быть нам в рабстве, либо оружием вернуть свободу (*aut serviendum esse aut per manus libertatem retinendam*)»

¹ Напр., см.: Koch 1949, 2430–2436; Weinstock 1960, 44–46.

(Sall., Bell. Iug., 30; ср.: Sall., Bell. Iug., 42; Hist., I, 55, 1–27). К вооруженной борьбе также призывали Марк Лепид, Л. Квинций, П. Клодий и М. Целий Руф (Sall., Hist., I, 55, 7; Plut., Lucul., 5; Caes., Bell. Civ., III, 20–22).

Однако среди «популяров» была и противоположная точка зрения. Плебейский трибун Г. Лициний Макр предостерегал от вооруженной борьбы: «Я не склоняю вас к мщению за противозакония – *лучше стремитесь к покою*; не призываю вас к раздорам, ...но... требую возвращения нам нашего достояния. Но если они [знать] станут упорно удерживать за собой принадлежащее нам, то я подам голос не за борьбу с оружием в руках и не за сецессию, а только за то, чтобы вы более не отдавали им своей крови» (Sall., Hist., III, 55, 17–18, пер. В. О. Горенштейна). То есть здесь речь идет только об акте неповиновения, отказе от военной службы¹. О своей приверженности к рах говорит также Г. Матий (Cic., Epist. ad Fam., X, 31, 5). Замечательное подтверждение заявлениям Г. Матия и Г. Лициния Макра в передаче Саллюстия мы находим на одном из римских денариев. Этот денарий был выпущен Л. Лоллием, римским монетарием, вероятно, в 45 г. до н. э. в память о своем отце, плебейском трибуне 71 г. до н. э. М. Лоллии Паликане², боровшемся за восстановление прав плебейских трибунов, а позже – против Г. Верреса (Cic., In Verr., II, 2, 100). На аверсе показана голова богини Либертас в диадеме, в левом поле – легенда LIBERTATIS ([голова богини] Свободы); на реверсе изображена ораторская трибуна, украшенная рострами (CRRBM, № Rome 4011; RRC, № 473/1) (прил. А, рис. 4). Присутствие ораторской трибуны показательно, так как подчеркивает мирный характер выступлений Паликана³.

Эту линию поведения продолжил Цезарь. Он объявляет себя «популяр» и заявляет, что стремление *populares* к вооруженной борьбе было делом минувших дней: «Это [объявление «оптиматами» чрезвычайного положения в государстве] делалось в случае внесения губительных законов (*perniciosis legibus*), насилия трибунов (*vi tribunicia*)... подобные деяния искуплены, например, гибелью Сатурнина и Гракхов (*Saturnini atque Gracchorum casibus*). Но таких дел в наше время не совершалось и не было в помышлении (*quarum rerum illo tempore nihil factum, ne cogitatum quidem*)» (Caes., Bell. Civ., I, 7).

Цезарь постоянно выставляет себя защитником мира и обвиняет в развязывании гражданской войны своих противников (Caes., Bell. Gall., VIII, 55; Caes., Bell. Civ., I, 4, 5, 9, 26, 32; III, 10; Cic., Att., VIII, 11c, 1; IX, 9, 4). Много внимания приемный отец Августа уделял агитации в пользу

¹ Короленков 2002, 118.

² Broughton 1986, v. 2, 127.

³ Ораторская трибуна, как и римская тога, были символами законности и гражданского мира. Ср.: Cic., In Piso, 29: «Cedant arma togae (пусть уступит оружие тоге, то есть война миру)».

мира и согласия. Сохранилось несколько его денариев с изображениями головы Пакс, кадуцея, символизировавшего мир, рукопожатия как символа согласия, легенд PAXS и PAX IVL[ia] (Babelon, № Aemilia 17–18; CRRBM, №№ Rome 3964, 3987, 4157, 4162; RRC, № 480/6)¹ (прил. А, рис. 5–6). Кроме того, было основано несколько римских колоний с говорящими названиями. Например, Pax Iulia в Лузитании (CIL II, № 47–48, 55; ILS, № 6899–6900; Ptolem., Geogr., II, 5, 5) и Colonia Pacensis или Forum Iulii Pacatum в Нарбоннской Галлии (CIL XII, № 3203; ILS, № 6984; Plin., N. H., III, 35). Изображение на денарии времен Августа указывает на то, что существовал и алтарь Пакс². С. Вейнсток предполагает, что Цезарь хотел ввести культ богини Пакс в официальный римский пантеон и что существовала некая программа «цезарева мира»³. Во всяком случае, эту гипотезу подтверждает свидетельство Диона Кассия, который приводит речь М. Антония на похоронах диктатора. В ней будущий триумвир объявляет Цезаря *οἰρηνωροῖός* (миротворцем) (Dio Cass., XLIV, 49), что в переводе на латынь должно означать или *pacificator*, или *pacificus*. Тот же исследователь даже настаивает, что этот эпитет был осознанным выбором самого диктатора⁴.

Такую модель поведения после смерти Цезаря продолжили его сторонники. «Цезарианцы» очень активно использовали этот лозунг в гражданской войне. Как и Цезарь, его эпигоны активно использовали монеты для «мирной» пропаганды (напр., см.: CRRBM, №№ Rome 3994, 4201, 4236, 4242, 4274, 4292; RRC, № 485/1; 494/10–12, 24, 41, 42a) (прил. А, рис. 7–11). Все это вызывало раздраженные комментарии их противников. Цицерон недовольно бросает: «...не могу переносить тех, которые, притворяясь, что хотят мира, защищают преступные действия» (Cic., Att., XIV, 15, 2, пер. В. О. Горенштейна).

Виднейшие деятели «цезарианской» *partes* объявляют себя приверженцами рах. Г. Азиний Поллион в письме Цицерону фактически повторяет пропагандистские заявления Цезаря: «Поэтому считай, что именно я являюсь... величайшим сторонником мира (ведь я стремлюсь к тому, чтобы все граждане были вполне невредимы)» (Cic., Epist. ad Fam., X, 31, 5, пер. В. О. Горенштейна). В таком же ключе высказывались и Г. Мунаций Планк (Cic., Fam., X, 6, 1), и М. Лепид (Cic., Fam., X, 35, 1–2; ср.: Cic., Fam., X, 27, 1; XI, 18, 2). Подобные взгляды разделяло также большинство легионеров, воевавших на стороне Цезаря и его сообщников: «...когда Лепид говорил на сходке, его солдаты, бесчестные сами по себе, ...закричали..., что *они*

¹ См. также: Weinstock 1960, 46; ср.: Koch 1949, 2430; Mastino, Ibba 2006.

² Weinstock 1960, 46.

³ Ibid.; ср.: Meyer 1919, 515.

⁴ Weinstock 1960, 46.

хотят мира и ни с кем не будут сражаться, после того как уже убито два выдающихся консула, пало за отечество столько граждан, наконец, все враги разоблачены... Лепид этого не покарал и не пресек» (Cic., Fam., X, 21, 4, пер. В. О. Горенштейна). Эти заявления вызывали беспокойство «честных», которые считали, что такие настроения солдат опасны для их положения. По их мнению, «эта часть войска Лепида развратилась и стала враждебной общему делу» (Cic., Fam., X, 15, 3). Показательно, что во времена империи такие заявления превратились в поговорку у восхвалителей *temporibus actis*: «Cum domino pax ista venit (мир приходит с господином)» (Lucan., I, 670; ср.: App., B. C., I, 6).

Итак, данные источников показывают, что среди *populares* были различные подходы в трактовке *рах* как политического лозунга. Та часть «сторонников народа», которая призывала к вооруженной борьбе, старалась не использовать это понятие. Другая активно употребляла его в политической борьбе. Эту традицию унаследовала «цезарианская» *partes*. В результате в период гражданской войны Помпея и Цезаря и последовавшей за ней Мутинской войны лозунг *рах* фактически принадлежал политическому лексикону «цезарианцев».

Таким образом, «популяры» использовали те же общеримские традиционные ценности, что и *boni*, то есть основой их идеологии также был римский «традиционализм». Однако «общее дело народа», «свобода», «гражданский мир» в их агитации получают совершенно иное толкование. Нобили-аутсайдеры, опиравшиеся в своей политической деятельности на народное собрание, вынуждены были отражать в них идею суверенитета римского народа, его главенства в государстве. *Res publica* в их агитации становится синонимом *res populi Romani*, а в некоторых случаях ее значение сужается до понятия *res populi* и даже *res plebis*. *Libertas* означала «политическую свободу» плебса. Под ее флагом «популяры» и вели свою борьбу с «преступной шайкой». Практически каждый знаменитый *popularis* объявлял себя *vindex libertatis populi Romani* или *plebis* – защитником народной свободы. Эволюция трактовки *рах* привела к широкому использованию *populares* этого лозунга в периоды гражданских смут, и в результате – его употребление рассматривалось их противниками как враждебная агитация.

Из этого следует, что «республиканизм» нельзя соотносить с идеологией «популяров», которая в целом противостоит ему в рамках Поздней республики.

Итак, подведем общий итог главы. В Риме в эпоху Поздней республики не существовало политических партий или даже более или менее постоянных и стабильных политических группировок. Борьба шла между аристократическими котериями (объединениями аристократов вокруг политика-лидера, которые составляли его *consilium*). На их основе в периоды

гражданских войн возникали аморфные, многочисленные политические группировки – *partes*, которые имели такие специфически римские черты, как персонифицированность, дуальность и др. Особенностью политической борьбы в Риме было то, что ни аристократические котерии, ни *partes* не имели собственных идеологических программ. Они использовали лозунги *optimates* и *populares*.

В свою очередь, эти термины не были наименованием политических партий, как считают сторонники Т. Моммзена. Один из них был обозначением правящей части нобилитета, в своей деятельности опиравшейся на сенат, а другой – знатных политиков-аутсайдеров, которые в своей политической карьере делали ставку на народное собрание. То есть, в сущности, «оптиматы» и «популяры» представляли собой «идейно-политические течения».

Таким образом, в идеологии Поздней республики существовало две тенденции: *optimates* и *populares*. Характерной особенностью идеологической борьбы в эпоху Поздней республики было то, что эти «течения» использовали в своей агитации одни и те же традиционные «полисные» ценности: *res publica*, *libertas*, *paх* и др., – вкладывая в них при этом различный смысл, а зачастую даже противоположный. Лозунг *res publica* мог означать и *res publica omnium bonorum*, и *res populi Romani*; *libertas* – и свободный доступ к управлению государством «честными», и политические права народа; *vindex libertatis* – и защитника власти *optimates*, и «освободителя» римского народа; *paх* – положение, когда власти «оптиматов» ничего не угрожает, и гражданский мир в агитации «сторонников народа». Другими словами, лозунги августовской эпохи (*res publica restituta*, *vindex libertatis p. R.*, *paх*) можно рассматривать не только как «республиканскую идеологию», но и как традицию «популяров».

Разбор политических лозунгов *optimates* и *populares* показывает, что под «республиканизмом» следует понимать идеологические представления *boni* и противопоставлять его идеологии «популяров». Полностью следует отвергнуть трактовку, согласно которой «республиканизм» – это «традиционализм». На наш взгляд, римский «традиционализм» следует отличать от «республиканизма». Пропаганда традиционных ценностей в политической борьбе и «честными», и «популярами» показывает, что «традиционализм» был основой не только для идеологии *optimates*, но также и для идеологии *populares*. Таким образом, «республиканизм» имеет более узкое значение, чем «традиционализм», и является только его частью. Все это, по нашему мнению, заставляет пересмотреть выводы ряда исследователей, которые слишком свободно используют эти термины при трактовке истоков официальной идеологии императора Августа.

ГЛАВА 2

ЗАРОЖДЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ПРИНЦИПАТА ИМПЕРАТОРА ЦЕЗАРЯ АВГУСТА (44–30 ГГ. ДО Н. Э.)

Уже долгое время ученых интересует процесс перехода от идеологических «полисных» установок Республики к пропаганде монархических идей в эпоху Принципата. Этому вопросу посвящено большое количество исследований. Однако постоянные попытки сравнения пропаганды противоборствующих сторон с идеологией эпохи Принципата, стереотипы, переходящие из одной работы в другую, заявления о широком использовании младшим Цезарем «республиканских» лозунгов позволяют вновь обратиться к этой проблеме. Подробная трактовка пропагандистской политики Октавиана в первые месяцы после смерти Цезаря и в эпоху Второго триумvirата (44–30 гг. до н. э.) во многом будет способствовать не только правильному пониманию процессов и изменений, проходивших в сфере идеологии в это время, но и в эпоху раннего Принципата.

Вывод, который мы сделали во второй главе о том, что в эпоху Поздней республики существовало различное восприятие «оптиматами» и «популярами» таких ценностных понятий, как *res publica*, *libertas*, *rex*, в свою очередь, ставит новые вопросы: использовались ли эти «партийные» представления в эпоху Второго триумvirата противоборствующими силами? Если да, то насколько они были эффективными? И какое место они занимали в пропаганде Октавиана? Кроме того, показанное нами различие понятий «традиционализма» и «республиканизма» выдвигает проблему их соотношения в идеологической политике Октавиана и в конечном счете вопрос о справедливости заявлений об использовании младшим Цезарем в это время «республиканских» лозунгов.

§ 1. Особенности политической пропаганды «помпеянцев»

Выводы большинства исследователей, изучавших идеологическое противостояние конца 40 гг. до н. э., сводятся к тому, что убийство Г. Юлия Цезаря вызвало новый раскол среди римской аристократии на сторонников и противников погибшего диктатора. «Цезарианцы» объявляли своих врагов «отцеубийцами», в свою очередь их противники называли сторонников Цезаря «убийцами отечества», а себя –

«спасителями» и «освободителями» *res publica*¹. Тираноубийцы свое деяние провозглашали актом «освобождения» римского народа, в связи с чем в своей пропаганде широко использовали лозунг *libertas*, без которой не может существовать *res publica*². Таким образом, пропаганда *liberatores* отчасти идеализируется, так как все их идеологические лозунги и акции рассматриваются как «республиканский образец»³. По мнению части современных исследователей, точка зрения которых в последнее время обретает все большую популярность, в дальнейшем *libertas* в своей пропаганде стал использовать Август, что якобы указывает на его ориентацию на «республиканизм»⁴. Такая трактовка событий заставляет нас обратить внимание на идеологическую агитацию и пропаганду *liberatores*.

Прежде всего следует подчеркнуть, что «освободители», или «тираноубийцы», были наследниками *optimates*. Источники прямо указывают на то, что *partes Pompeianae* (а затем и *Brutianis Cassianisque partes*) сформировалась на основе политических группировок «честных», объединившихся перед лицом общей для них опасности (ср.: Cic., *Fam.*, VIII, 14, 3; XII, 25, 5; Plut., *Brut.*, 10, 12; Cic., 37; Pomp., 64; App., *B. C.*, IV, 94).

¹ Особенно часто ученые используют вместо термина «помпеянцы» понятие «республиканцы», которое на самом деле является изобретением современной историографии. Античные авторы ни разу не именуют так убийц Цезаря и сторонников М. Брута и Г. Кассия. По словам Диона Кассия, сами они называли себя «οἱ ἐλευθερωτοὶ τυραννοφόνοι τε... (освободители и тираноубийцы)» (Dio Cass., XLIV, 35); Цицерон также называет их *liberatores* и *tyrannoc-tonos* (Cic., *Att.*, XIV, 6, 2; 12, 2; 15, 1; 21, 3; XVI, 15, 3; *Brut.*, I, 16, 2; *Phil.*, I, 6, 36; II, 31, 89, 114; X, 8; XIV, 12); Веллей Патеркул – *Pompeianis partes* (*Vell. Pat.*, II, 62); Светоний – *optimates, causa optimatum, tyrannicidae* (Suet., *Div. Aug.*, 10, 12; *Tib.*, 4; *Vita Lucani*); Аппиан – οἱ ἀριστοὶ (лучшие), οἱ δημοκρατικοὶ (противники монархии), οἱ τυραννοκτόνοι (тираноубийцы), οἱ Πομπηϊανοὶ (помпеянцы) (App., *B. C.*, II, 121, 122, 127, 131, 137, 140; III, 4, 6, 82, 87; IV, 36, 69, 94); Плутарх – οἱ ἀριστοὶ (Plut., *Brut.*, 10, 12); эпитоматор Ливия – *Pompeianae partes* (Liv., *Epit.*, 127). Термин «республиканцы» стал употребляться как обозначение сторонников «республиканского» строя в противовес Цезарю с его якобы монархическими устремлениями. В результате он настолько укоренился в современных работах, что некоторые ученые полагают, что сам термин вполне самодостаточен и от него можно отталкиваться в дальнейших трактовках событий или поступков римских политиков. Например, Р. Сайм приписывает слову «помпеянец» ослабленное значение термина «республиканец» [Syme 1939, 317, note 5, 464, note 2; 1938, 125]. Действительно, эта группа римской знати («помпеянцы») боролась за сохранение сенатской *res publica*. Но, как показал наш анализ, понятие *res publica* не имеет никакого отношения к демократической форме правления. Поэтому использование термина «республиканцы» ведет только к дальнейшей путанице.

² Напр., см.: Ростовцев 2000, т. 1, 44; Машкин 1949, 205–206; Bleicken 1962, 13; Шифман 1990, 44–45; Межерицкий 1994, 124–125; Kienast 1999, 20; Ахиев 2001a, 14–15; Sumi 2005, 74, 96; Osgood 2006, 98–99; ср.: Syme 1939, 155.

³ Крест 1997, т. 1, 225; Марков 2007, 85–89; Жаровская 2010, 14, 19; см. противоположное мнение: Ахиев 2001a, 16.

⁴ Напр., см.: Ферреро 1916, т. 3, 436; Hammond 1965, 42, 47 sqq.; Ramage 1987, 77 sqq.; Чернышов 1994, ч. 2, 7 слл.; Межерицкий 1994, 136 слл., 150; 1996, 156–160; Ахиев 2001a, 16–17; ср.: Welwei 2004, 217–218.

В основе идеологических представлений «помпеянцев» также лежат лозунги *optimates*. Античные историки характеризуют *liberatores* как ярых противников «тирании» и защитников *libertas* (App., B. C., II, 120–121, 137–141; IV, 67; Plut., Brut., 9–10, 18, 30; Dio Cass., XLVII, 42–43).

Однако условия гражданской войны привели к определенным изменениям в политической пропаганде «освободителей». Наша трактовка источников позволяет по-другому посмотреть на сущность этой агитации. Прежде всего здесь следует отметить сохранившуюся у Аппиана речь Г. Кассия Лонгина, адресованную войску «помпеянцев» перед битвой при Филиппах, а также нумизматические источники как наиболее аутентичный материал.

Мнения современных ученых об исторической ценности речи Г. Кассия разделились. Н. А. Машкин и А. Берне полагают, что она является свободной конструкцией античного историка¹. А. Гоунг в свою очередь считает, что Аппиан все же использовал оригинал, но подверг его значительной стилистической переработке. В связи с этим он отмечает, что Аппиан не переводил речь Кассия, а только передал общий смысл, скомпилировав ее из отдельных фрагментов истории Валерия Мессалы и, возможно, Азиния Поллиона². По мнению П. Вальманна и Э. Габбы, следует исходить из того, что эта речь неподлинна в имеющемся у нас виде. Однако может быть вполне вероятным, что по меньшей мере ее основные моменты восходят не к Аппиану, а к его источнику. Исследователи указывают на то, что много подробностей, сообщенных лидером *liberatores*, полностью могли быть понятны только его современникам³.

Выводы Э. Габбы, А. Гоунга и П. Вальманна, согласно которым Аппиан заимствовал речь Кассия через вторые руки и подверг ее стилистической переработке, вполне можно принять⁴. Однако сохранившиеся

¹ Машкин 1949, 210; Берне 2004, 310.

² Gowing 1990, 176, 180–181.

³ Gabba 1955, 310; Wallmann 1989, 63.

⁴ Gabba 1955, 310; Wallmann 1989, 63; Gowing 1990, 176, 180. С определенной долей вероятности можно предположить, что изначальным источником для речи Г. Кассия был все же аутентичный документ, а именно агитационная прокламация, распространявшаяся среди войск «помпеянцев». Дион Кассий сохранил свидетельство, согласно которому такие «речи» *liberatores* действительно существовали: «сторонники Брута призывали в речах своих сотоварищей к свободе и демократии, против тирании и господства одного человека, говорили о достоинствах равенства и недостатках монархии, что когда-то сами они извели или иным способом узнали от других и сравнивали и сопоставляли эти достоинства и недостатки и умоляли их защищать первое и преследовать второе» (Dio Cass., XLVII, 42). Вообще, политические памфлеты (*libelli*) в I в. до н. э. получили чрезвычайно широкое распространение. Они активно использовались противоборствующими силами для пропаганды своих взглядов (напр., см.: Cic., Att., XII, 40, I; 41, 4; XIII, 27, I; Cic., Brut., 218; Suet., Caes., 56, 73, 75; Div. Aug., 2, 4, 7, 10, 16, 63, 68, 70, 84–85; Tac., Ann., IV, 34; App., B. C., II, 9; III, 31, 44; Plut., Cato Min., 57; Caes., 54) [ср.: Вехов 1888, 40–41; Ахиев 2001а, 11].

данные и сам контекст у Аппиана позволяют нам говорить, что античный историк в этом фрагменте зависит от своего источника гораздо больше, чем на это указывают современные исследователи. Существенным доводом в пользу такой точки зрения является тот факт, что практически каждый абзац этой речи можно прокомментировать с помощью монет, которые массово чеканили М. Брут и Г. Кассий в это время.

Обратимся к разбору текста. В отрывке у Аппиана Г. Кассий приводит «оптиматские» доводы убийства Цезаря и развязывания гражданской войны: «В области мирных дел он [Г. Юлий Цезарь] оказался заслуживающим порицания... в отношении законов, в отношении государственного строя: ведь более ни одного не оставалось в силе закона, ни связанного с властью знати, ни с властью народа (οὐδεὶς νόμος οὔτε ἀριστοκρατικὸς κύριος οὔτε δημοτικὸς). А все это установили еще наши предки (οἱ πατέρες ἡμῶν), когда по изгнании царей они дали клятву и зарок никогда более не потерпеть новых царей (οὐκ ἀνέξεσθαι βασιλέων ἐς τὸ μέλλον ἑτέρων). Храня эту клятву и отвращая от себя проклятие, мы, потомки клявшихся, не могли дольше допускать, чтобы один человек... в себе одном сосредоточил всю власть, от народа взял себе распоряжение государственной казной и войском и выборы магистратов, от сената – управление провинциями, чтобы вместо всех законов он сам стал единственным законом; чтобы вместо власти народа явилась власть господина (ὁ αὐτοκράτωρ); чтобы вместо сената занял место во всем самодержец...» (App., B. C., IV, 91, 93, пер. Т. Н. Книпович; ср.: App., B. C., II, 111, 113–114, 119). Вслед за этим Г. Кассий призывает бороться за *libertas*: «...идем, соратники, ... идем воевать за свободу (ὑπὲρ ἐλευθερίας), на пользу одному только римскому сенату и народу» (App., B. C., IV, 98, пер. Т. Н. Книпович).

Эти же идеи нашли свое яркое отражение и в монетной чеканке «тираноубийц»¹. На многочисленных монетах встречается изображение богини Свободы и легенда *libertas* (Babelon, № Junia 31, 33–34; CRRBM, №№ Rome 3861, East 83–84; RRC, № 433/1, 505/1, 505/3)² (прил. А, рис. 12, 22–23). Иногда встречается старинное написание *leibertas* (CRRBM, №№ East 38–39; RRC, №№ 501/1–2) (прил. А, рис. 13, 16), которое, по справедливому мнению Д. Манншпергера, поясняет, что этот лозунг

¹ А. Н. Жаровская 2010, 18–19 в кандидатской диссертации, посвященной М. Юнию Бруту, попыталась, по ее словам, «обратиться к анализу смысла надписи *libertas* на монетах республиканцев». В результате она пришла к весьма несурзным и удручающим выводам (они вполне соответствуют уровню всей диссертации), что «довольно часто на монетах Брута встречаются изображения божеств, в частности Аполлона... в целом, нумизматические источники дают свидетельства того, что Брут стремился подчеркнуть правильность своей политической линии с отсылкой на примеры его предков, хотя и использовал изображения божеств и предметов жреческого культа».

² Ср.: Машкин 1949, 206.

«освободителей» следует понимать как древнюю «свободу отцов», которые изгнали царя¹, то есть в «оптиматском» смысле. Показательно, что в Афинах бронзовые статуи М. Брута и Г. Кассия были поставлены рядом с изваяниями тираноубийц Гармодия и Аристоклитона (Dio Cass., XLVII, 20)².

Ссылки на «отцов», боровшихся против царской власти, имеют свою параллель в другой эмиссии, которую Дж. Сами вслед за Х. А. Грюбером не вполне обоснованно датирует 59 г. до н. э.³. Датировка М. Х. Крауфорда – 54 г. до н. э. – также сомнительна⁴. По нашему мнению, больше доверия заслуживает точка зрения Э. Бабелона и Н. А. Машкина, относящих эти денарии к 44–43 гг. до н. э.⁵. На этих монетах изображены герои старинных аристократических преданий, которых М. Брут считал своими предками по отцовской и материнской линиям: легендарный римский консул Л. Юний Брут, изгнавший Тарквиния Гордого, и Г. Сервилий Агала, убивший по преданию в 439 г. до н. э. Спурия Мелия, которого подозревали в стремлении к тирании из-за того, что он во время голода раздавал хлеб неимущим (CRRBM, №№ Rome 3861, 3864; RRC, №№ 433/1, 433/2) (прил. А, рис. 12, 14).

Обвинения Г. Кассия в стремлении Юлия Цезаря к тирании и царской власти и оправдание его убийства также находят подтверждения в нумизматических источниках. На реверсе одного из денариев Л. Платория и М. Брута помещено изображение фригийского колпака (pileus) между двумя кинжалами. Фригийский колпак был символом освобождения раба, но в такой трактовке это изображение означало избавление от рабства⁶. Соответственно, убийство Цезаря признавалось законным, а легенда EID[ibus] MAR[tiis] (то есть «в мартовские иды»), сопровождавшая эту композицию, указывала на то, что в этот день римский народ был освобожден от ига тирании и царской власти (CRRBM, № East 68; RRC, № 508/3) (прил. А, рис. 15).

Однако на этом совпадения между речью Г. Кассия у Аппиана и нумизматическими свидетельствами не заканчиваются. Лидеры liberatores, стремясь развеять сложившийся у многих римских легионеров романтический ореол вокруг Цезаря-полководца⁷, наряду с традиционными лозун-

¹ Mannsperger 1975, 329.

² См.: Хабихт 1999, 351–352.

³ Sumi 2005, 84; ср.: CRRBM, v. 1, p. 479.

⁴ RRC, p. 455, № 433/2; ср.: Morstein-Marx 2004, 90 and note 104; Жаровская 2010, 13.

⁵ Babelon 1888, t. 2, p. 114; Машкин 1949, 205.

⁶ Аппиан поясняет возникновение этого изображения тем, что в день убийства один из убийц Цезаря навесил на копье войлочную шапку (ὁ πῖλεος, pileus) как знак свободы (App., B. C., II, 119; ср.: Dio Cass., XLVII, 25).

⁷ Ср.: Машкин 1949, 143.

гами *optimates* активно пропагандировали свои *virtus* и *felicitas* как военных вождей, подчеркивая также единство и общность полководцев и войска. То есть «помпеянцы» использовали риторику «цезарианцев»¹.

Уже Децим Брут в октябре 44 г. до н.э. заявляет в письме к Цицерону, что он стремится переманить солдат на сторону «помпеянцев»: «Я продвинулся с войском в область инальпийцев – не столько желая за званием императора (*nomen imperatorium captans*), сколько желая удовлетворить солдат и сделать их надежными для защиты нашего дела (*firmos eos ad tuendas nostras res efficere*)» (Cic., Fam., XI, 4, 1, пер. В. О. Горенштейна).

Отголоски этой агитации можно, по нашему мнению, заметить и в речи Кассия. Аппиан, предвзято ее, поясняет, что обращение с речью к войску (а скорее всего, распространение *libelli* подобного содержания среди легионеров) как раз и было задумано для того, «чтобы кто-нибудь из них из-за вида или сходства [имени] нового Цезаря не попытался перейти на другую сторону (μή τις ἐς τὴν ὅψιν ἢ ὁμοωνμίαν τοῦ νέου Καίσαρος πεωτερίσειεν ἐλθόντος)» (App., B. C., IV, 89). Г. Кассий на протяжении всей речи старается подчеркнуть взаимное доверие и единение лидеров «освободителей» и простых воинов: «Во взаимном друг к другу доверии нас объединяет главным образом опасность, являющаяся для нас общей. Но нас объединяет также и выполнение на деле всех данных нами обещаний как самое надежное ручательство в том, что мы обещаем вам в будущем... Так что есть ли нужда призывать вас речью к преданности, да и к единомыслию, коль скоро нас связывает вооружение и общее дело?.. Пусть не тревожится и тот, кому, может быть, пришлось быть воином у Цезаря. Даже и тогда ведь мы принадлежали не ему, а родине, и дававшееся нам жалование и награды давались не Цезарем, а государством; и теперь вы не больше являетесь войском Кассия или Брута, чем римским войском; мы же, римские полководцы, – ваши товарищи по военной службе» (App., B. C., IV, 90, 98, пер. Т. Н. Книпович). Также Г. Кассий подчеркивает заботу о солдатах и знание военного дела полководцами (App., B. C., IV, 99).

К этому следует добавить важный факт, на который исследователи обращали мало внимания. Г. Кассий несколько раз называет солдат *οἱ συστράται* (соратники) (App., B. C., IV, 90, 91, 98–100). Но этот термин является эквивалентом латинскому слову *commilitones*², которое целиком принадлежит лексикону цезарианцев! Приведем несколько примеров. «На сходках (*pro contione*) он [Г. Юлий Цезарь] обращался

¹ Cp.: Carter 1970, 37; Yavetz 1988, 64.

² Cp.: Campbell 1984, 32–59, esp. 33, note 6; Campbell 2002, 112; Gowing 1990, 179, note 60; Lendon 1997, 253, note 105; Колобов 1999, 56; Махлаук 2000, 86–87.

к ним не “воины!” (*milites*), а ласковее: “соратники!” (*commilitones*)» (Suet., *Div. Iul.*, 67, пер. М. Л. Гаспарова; ср.: Suet., *Div. Claud.*, 10; *Galba*, 20; *Vitell.*, 11; *ILS*, № 2609, 5; *Caes.*, *B. C.*, III, 71; [*Caes.*] *De bello afric.*, 45; *Liv.*, II, 55; *Tac.*, *Hist.*, I, 29–30, 35, 37–38, 83–84; II, 66; IV, 72; *App.*, *B. C.*, III, 65). «После гражданских войн (*post bella civilia*) он [Август] уже ни разу ни на сходке, ни в эдикте (*aut in continione aut per edictum*) не называл воинов “соратниками” (*commilitones*), а только “воинами” (*milites*), и не разрешал иного обращения ни сыновьям, ни пасынкам, когда они были военачальниками: он находил это слишком льстивым и для военных порядков, и для мирного времени, и для достоинства своего и своих ближних» (Suet., *Div. Aug.*, 25, пер. М. Л. Гаспарова; ср.: [*Aur. Vict.*], *Epitom. de Caesar.*, I, 14).

Правда, этот термин использовал и Цицерон. Но всего два раза: в XIII Филиппике и в письме к Дециму Бруту. В XIII Филиппике употребление *commilitones* несамостоятельно, так как Цицерон цитирует открытое письмо М. Антония к А. Гирцию и Октавиану (*Cic.*, *Phil.*, XIII, 33). В письме к Бруту римский оратор называет ветеранов его «соратниками», которые перешли на сторону сената: «...наконец, не считай, что деревенские люди [т. е. ветераны], но храбрейшие мужи и честнейшие граждане были безумны – во-первых, солдаты-ветераны, твои соратники; затем Марсов легион, четвертый легион, которые признали своего консула врагом и предоставили себя для защиты блага *res publica*» (*Cic.*, *Fam.*, XI, 7, 2, пер. В. О. Горенштейна). Но сам контекст этого пассажа, когда Цицерон называет ветеранов Цезаря вначале деревенскими людьми (*homines rustici*), затем храбрейшими мужами (*vires fortissimi*) и честнейшими гражданами (*cives optimi*) и в конце допускает, что кто-то считает их безумными (*dementi*), – указывает на несколько ироничный смысл (*commilitones tui*, т. е. твои боевые товарищи), который вкладывает в этот термин знаменитый оратор. Ирония также заключается в том, что Цицерон крайне негативно относился к сельским жителям, которых во время гражданской войны набирали в легионы, он прямо называет их скотиной (*pecus*) и чумой (*pestis*) (*Cic.*, *Phil.*, VIII, 9, ср.: *Phil.*, X, 22)¹. На наш взгляд, единичность употребления и ироничность контекста подтверждают, что это слово, вышедшее из солдатского сленга, всецело принадлежало именно лексикону «цезарианцев».

Таким образом, здесь можно принять две версии. Либо Аппиан, стилизуя латинский оригинал, использовал устоявшийся шаблон обращения полководца к солдатам (в эпоху гражданских войн I в. до н. э.). Такое же обращение к солдатам греческий историк приписывает и Гн. Пом-

¹ Махлаюк 1999, 48.

пею, и М. Бруту, и Л. Антонию, и М. Антонию (App., В. С., II, 72; III, 38; IV, 117, 119; V, 39). Либо такое обращение Г. Кассия действительно имело место. В пользу второй версии свидетельствует то, что такое обращение не единично (App., В. С., IV, 90, 91, 98–100). Кроме того, оратор употребляет другие «нестандартные» обращения по отношению к солдатам: *ὁ δῆμος* (плебс) (App., В. С., IV, 92), *οἱ πολῖται* (граждане) (App., В. С., IV, 92, 96).

Примечательно, что в нумизматической пропаганде эти идеи выражены более ярко. Руководители «антицезарианцев» всячески стремились подчеркнуть свои *virtus* и *felicitas*, особенно большое внимание уделяя пропаганде военных побед¹. На реверсе уже рассмотренного нами денария М. Брута (прил. А, рис. 13) изображена лира между плектром и лавровой ветвью. Исходя из того, что лира и лавр были символами Аполлона, а также учитывая, что греческий город Аполлония с I в. до н. э. стал чеканить на своих монетах лиру (CGCBM VII, №№ Apollonia 80–82), Х. А. Грюбер, а вслед за ним и П. Вальманн пришли к выводу, что это изображение символизирует победу М. Брута над Г. Антонием и захват Аполлонии². На одном из квинариев присутствует изображение якоря и корабельного носа, соотносящееся с морским господством (прил. А, рис. 16). По-видимому, это напоминание о морской победе М. Брута, возможно, над тем же Г. Антонием³. На реверсах еще нескольких монет присутствуют изображения богини Виктории с лавровым венком в руке, военных трофеев в знак побед над ликийцами и фракийцами, что, несомненно, символизирует *virtus* и *felicitas* полководца, находящегося под покровительством божества (CRRBM, №№ East 46, 55, 59, 63; RRC, №№ 502/1, 504/1, 506/2, 507/1b, 507/2)⁴ (прил. А, рис. 17–21). Монеты Кассия также несут изображения (*aplustre* и розы – символ о. Родос), которые указывают на его морские победы над родосцами (Cohen I, №№ Cassius 3–6, 8–10; CRRBM, №№ East 83–84; RRC, № 505/1, 505/3)⁵ (прил. А, рис. 22–23). Таким образом, и в монетной пропаганде просматриваются заимствования из «цезарианской» агитации⁶.

Такая важная проблема во взаимоотношениях с ветеранами, как финансовый вопрос, также нашла свое отражение и в речи Г. Кассия, и в монетной чеканке. Вне всяких сомнений, лидеры *liberatores* отчетливо осознавали, что их агитация имела небольшой успех среди легионеров,

¹ Ср.: Парфёнов 1983b, 60.

² CRRBM, v. 2, p. 471–472, note 1; Wallmann 1989, 32.

³ Wallmann 1989, 33.

⁴ Ср.: Ibid., 34.

⁵ Ср.: Ibid., 41–42.

⁶ Ср.: Машкин 1949, 206; Парфёнов 1983b, 60–61.

многие из которых служили под начальством Цезаря¹. С этой проблемой столкнулся уже Гн. Помпей. В письме к Л. Домицию он пишет: «...ведь в настроении тех солдат, которые находятся со мной, я не уверен достаточно, чтобы сразиться за всю судьбу *res publica*» (Cic., Att., 12d, 1, пер. В. О. Горенштейна; ср.: Att., VII, 13, 2). Поэтому *donativa* использовались для укрепления авторитета М. Брута и Г. Кассия в глазах солдатской массы. Тот же Гн. Помпей в 49 г. до н. э. открыто обещал солдатам превзойти щедростью Г. Юлия Цезаря (Cic., Att., IX, 9, 2). Вообще, «антицезарианцы» обращали особое внимание на денежные раздачи. В день убийства Цезаря соратники Брута и Кассия даже приняли решение раздать деньги плебсу, чтобы переманить часть народа на свою сторону (App., B. C., II, 120).

Г. Кассий в своей речи два раза возвращается к денежным задачам. В середине речи, рассказывая о проскрипциях, он заявляет: «...поступая таким образом, они [триумвиры] все же не выплатили своим воинам обещанных подарков. Мы же... выплатили нашим воинам все обещанное и имеем средства для еще больших наград» (App., B. C., IV, 96 пер. Т. Н. Книпович). Во второй раз «помпеянец» говорит о денежных выплатах в конце речи. Симптоматично, что этим пассажем он и заканчивает свое выступление: «...денег, которые называют главным нервом войны, у них [триумвиров] нет: они не выплатили войску обещанных наград; не соответствуют их ожиданиям и доходы от проскрипций, ... не поступают к ним средства и из других источников... У нас же благодаря нашим стараниям и наличные средства имеются в изобилии, так что вам может быть тотчас же выдано все, что потребуется; и сверх того поступает еще много из находящихся у нас в тылу провинций... мы, по примеру прежних случаев, отдав вам все, что обещали, и вознаградив вашу верность множеством даров, воздадим и за большее дело по заслугам, если на то будет воля богов... мы теперь же, с этой же кафедры, выдадим деньги: каждый солдат получит тысячу пятьсот италийских драхм, центурион – в пять раз больше и военный трибун – соответствующую его званию сумму» (App., B. C., IV, 99–100 пер. Т. Н. Книпович; ср.: Plut., Brut., 38, 46).

Изображения на монетах Л. Сестия, монетария *liberatores*, пропагандируют те же идеи. На аверсах этих денариев помещена покрытая голова богини Цереры с ожерельем и венком из колосьев (CRRBM, №№ East 41, 46; RRC, №№ 502/1, 502/2) (прил. А, рис. 18, 24). Вокруг нее размещена легенда *L[ucius] SESTI[us] PRO Q[ui]aestor* (Л. Сестий проквестор). По мнению Х. А. Грюбера, М. Брут назначил Л. Сестия проквестором для снабжения продовольствием своих легионов, – на что

¹ Ср.: Ростовцев 2000, т. 1, 44; Charlesworth 1934, 23; Syme 1939, 204; Parain 1978, 26–27; Парфёнов 1983b, 55, 58, 64; Brunt 1988, 86; Wallmann 1989, 63–64.

со всей очевидностью указывает изображение богини плодородия¹. К этому П. Валльманн добавляет замечание, что изображение Цереры символизирует изобилие и потому должно демонстрировать для получателей денежных подарков, что финансы имеются в изобилии, – таким образом, все это должно укреплять связь тираноубийц с войском². Та же идея заложена в денарии Л. Плетория Сестияна, на аверсе которого помещено все то же изображение Цереры (CRRBM, № East 66; RRC, № 508/2) (прил. А, рис. 25).

Подводя итог, следует отметить, что Аппиан для составления речи Г. Кассия использовал документ эпохи гражданских войн, который является важным источником для изучения пропаганды «антицезарианцев». Сведения, извлеченные из этого документа, и данные монетной чеканки *liberatores* показывают, что наряду с магистральной идеологической установкой «оптиматов» сторонники М. Брута и Г. Кассия активно использовали лозунги и пропагандистские клише «цезарианцев», тогда как многие современные исследователи отмечают только «оптиматскую» традицию. По нашему мнению, именно слабость идеологических позиций среди плебса и ветеранов вынуждала «освободителей» сознательно заимствовать удачные идеологические лозунги и акции, характерные для «цезарианцев». Следовательно, такой подход вынуждает нас с иной точки зрения подойти к изучению пропаганды Октавиана в конце 40-х – начале 20-х гг. до н. э. и пересмотреть вопрос значимости «республиканизма» для идеологической политики наследника Цезаря.

§ 2. Первые шаги Октавиана в политике и образ «нового Цезаря»

В современных исследованиях, которые были вызваны в первую очередь постоянным интересом историков к взаимоотношениям между Октавианом и Цицероном, идейным вдохновителем *liberatores*³, все чаще встречаются утверждения о «предательстве» Октавианом в начале его политической карьеры Цицерона, сената и Республики⁴. Также свою роль сыграло заявление Октавиана в завещании о том, что он в 19 лет от роду вернул свободу государству (*rem publicam... in libertatem vindicavi*) (RGDA, 1). Исследователи усматривают в этом заявлении использование «республиканской фразеологии» и рассматривают его в контексте событий 27 г. до н. э., когда Октавиан «отказался» от власти и «восстановил

¹ CRRBM, v. 2, p. 472, note 2.

² Wallmann 1989, 34.

³ Напр., см.: Slaughter 1922, 97; Walser 1955, 354–355, 362; Schäfer 1957, 310–335; Bellen 1985, 161–189; Eder 1990, 90–91; Чернышов 1996, 95–101; Southern 1998, 34–42; Bringmann, Schäfer 2002b, 135–142.

⁴ Eder 1990, 91; Shotter 1999, 21; Чеканова 2005, 370; ср.: Benario 1975, 75.

Республику»¹. Таким образом, с одной стороны, уделяется чрезмерное внимание влиянию на идеологию Октавиана «республиканских» лозунгов, с другой – пропагандистские установки более позднего времени переносятся на 40-е гг. до н. э. В результате агитация наследника Цезаря в начале его политической карьеры среди ветеранов и плебса, оказавшая существенное влияние на дальнейшее формирование идеологических образов и не связанная с «республиканизмом», *отчасти* остается «за кадром»². Поэтому обращение к первым шагам Октавиана в сфере идеологии, несмотря на относительную изученность этой темы, представляется нам вполне обоснованным.

Убийство Цезаря застало Г. Октавия³ в Аполлонии, где он проходил обучение военному делу среди македонских легионов, готовившихся к войне с парфянами (App., B. C., III, 9). Их представители, а также друзья Октавия из Рима советовали поднять с помощью этих легионов восстание, причем Сальвидиен Руф и Агриппа рекомендовали принять это предложение (Nic. Dam., Vita Caes., 16; App., B. C., III, 10). Однако наследник Цезаря благоразумно отказался (Suet., Div. Aug., 8).

Во-первых, Октавий был частным лицом и такие действия однозначно следовало бы трактовать как мятеж против законной власти⁴. Во-вторых, ему шел только девятнадцатый год и даже его легитимная политическая деятельность была для римского общества, основанного на традициях (римский «традиционализм»), чем-то из ряда вон выходящим⁵. Цицерон, М. Брут и Т. Аттик неоднократно называют его в письмах *puer* («мальчиком») (Cic., Ad Att., XIV, 12, 2; XVI, 11, 6; 15, 3; Fam., X, 28, 3; XI, 7, 2; Brut., I, 15, 7; 16, 2, 5–6; 17, 1, 4; 18, 3; ср.: Ad Att., XVI, 8, 1; Phil., IV, 3), М. Антоний – «мальчиком, всем обязанным своему имени (*puer, qui omnia nomini debes*)» (Cic., Phil., XIII, 24; ср.: App., B. C., III, 43)⁶, хотя, по римским представлениям, он был уже *adulescens* (юноша)⁷. Скрытый смысл заключался в том, что *puer* имел и другое значение – взбалмошный, легкомысленный, слуга, раб⁸. Показательно, что после Мутинской войны употребление этого слова (в применении к Октавиану) было запрещено постановлением сената (Serv., In Ver. Bucol., I, 42)⁹, а Светоний говорит,

¹ Утченко 1969, 313; Southern 1998, 41.

² Ср.: Парфёнов 1979, 105.

³ Об именах Октавиана в различные периоды его жизни см.: Fitzler, Seck 1918, 275–276; Syme 1939, 112–113; Syme 1958, 172–188; Машкин 1949, 136, прим. 49; Schmitthenner 1973, 65–72; Rubincam 1992, 88.

⁴ Ср.: Löwenstein 1985, 533; Шифман 1990, 50; Eck 2003, 15; Welwei 2004, 220.

⁵ Malitz 2004, 383.

⁶ См.: McCarthy 1931, 362–373.

⁷ Кнабе 1993, 605.

⁸ Lewis, 1958, 1478, s. v. *puer*; Дворецкий 2000, 635, s. v. *puer*.

⁹ Malitz 2004, 406, Anm., 164.

что это оскорбление якобы даже стало поводом к разрыву с «оптиматами» (Suet., Div. Aug., 12; ср.: Dio Cass., XLVI, 41). В-третьих, обстановка в Риме была нестабильной и вряд ли Октавий имел более или менее достоверные сведения о происходящих там событиях¹. Можно только предполагать, что до наследника Цезаря доходили слухи о двусмысленных поступках М. Антония, претендовавшего на лидерство в «цезарианской» *partes*. Это тоже не давало повода для начала активных военных действий, ведь заговорщики и М. Антоний вполне могли объединиться против выскочки (в 40 г. до н. э. М. Антоний едва не начал штурм Брундизия, соединившись с Секстом Помпеем), чтобы завоевать политические симпатии римского общества².

Октавий, отказавшись от авантюры, прибыл в Италию в качестве частного лица. О том, что он вряд ли обладал обширной информацией о положении в Риме, говорит тот факт, что высадился он рядом с небольшим городком Лупии на Адриатическом побережье (Nic. Dam., Vita Caes., 17)³. Однако прибыв в Брундизий, племянник погибшего диктатора получил торжественный прием со стороны ветеранов (App., B. C., III, 12). По мнению многих исследователей, именно эти настроения солдат повлияли на окончательное решение Октавия претендовать на наследство и принять имя погибшего диктатора⁴.

Это давало ему весомые преимущества. Усыновление Цезарем и принятие его имени означало в глазах многочисленной цезарианской клиентелы и наследование положения диктатора⁵. Солдаты и ветераны Цезаря, по сообщению Николая Дамасского, также смотрели на Октавия, как на политического наследника (Nic. Dam., Vita Caes., 29)⁶.

По-видимому, уже на этой сходке Октавий поддержал лозунг «Месть за Цезаря», впервые провозглашенный М. Лепидом еще 16 марта, через день после убийства диктатора (Nic. Dam., Vita Caes., 27)⁷, который сыграл ключевую роль в формировании пропаганды Августа в начальный период его политической деятельности⁸. Тогда же, скорее всего, были выдвинуты и

¹ Парфёнов 1979, 107.

² Ср.: Graw-Fow 1988, 192.

³ Carter 1970, 28; Parain 1978, 10; Toher 2004, 174; Sumi 2005, 125.

⁴ Напр., см.: Hönn 1938, 31; Schmitthenner 1973, 66; Парфёнов 1979, 107; Toher 2004, 174; Lange 2009, 13.

⁵ Dettenhofer 2000, 29; Sumi 2005, 128–129; Lange 2009, 13, note 3. Противоположная точка зрения у В. Шмиттхеннера. По его мнению, усыновление не было особенно важно для Октавиана и стало бы недействительным, если у Юлия Цезаря родился бы сын. Мало того, в завещании не шла речь об усыновлении [Schmitthenner 1973, 26, 32–35, 39–64]. Со справедливой критикой этих положений выступил Д. Кинаст [Kienast 1999, 3–8, см. также: Osgood 2006, 31].

⁶ Ср.: Alföldi 1973, 119–120.

⁷ Ср.: Sumi 2005, 89.

⁸ Пропаганда *ultio* (мщение) тесно переплетается в августовой идеологии с мифом об

Оресте. В позднереспубликанском Риме в среде аристократии было популярным сравнение римских политических деятелей с героями греческих мифов для создания позитивного или негативного образа того или иного политика [Sauron 2009, 187 sqq.]. Ярким примером является ассоциация с «царем царей» Агамемноном Гн. Помпея Магна [см.: Champlin 2003, 297–303], чье вызывающее поведение раздражало многих его современников, подозревавших полководца в стремлении к «царской власти». Плутарх, описывая настроения в лагере помпейцев перед битвой при Фарсале, сохранил любопытное свидетельство: «Между тем, пока Помпей таким образом спокойно следовал за врагом, окружающие начали осыпать его упреками, обвиняя в том, что он-де воюет не против Цезаря, а против отечества и сената, чтобы навсегда сохранить свою власть и навсегда превратить тех, что считали себя владыками вселенной, в своих слуг и телохранителей... Домиций Агенобарб, называя Помпея при каждом удобном случае Агамемноном и царем царей, возбудил к нему сильную зависть» (Plut., Pomp., 67, пер. Г. А. Стратановского, ср.: Plut., Comparatio Agesilai et Pompeii, 4; Caes., 41; App., B. C., II, 67; Dio Cass., XLII, 5). Впрочем, в письмах Цицерона мы находим намеки на то, что сам Помпей за несколько лет до этого стремился представить себя как нового Агамемнона (Cic., Att., VII, 3, 5). В 55 г. до н. э. он устроил роскошные игры, которые вызвали вполне определенные ассоциации (Cic., Fam., VII, 1, 2). Вернувшись с Востока и узнав о любовной связи своей жены Муции с Юлием Цезарем, он называл их не иначе, как Климентестра и Эгисф (Suet. Div. Iul., 50).

Также можно вспомнить самопрезентацию М. Антония как Геракла [подр.: Anderson 1928, 42–44; Zanker 1988, 45–46; Strazzulla 1990, 17–22; Gurval 1995, 92–93; Hüttner 1995, 103–112; Welch 2005, 124–126; Pérez 2009, 177–186; Sauron 2009, 189]. Род Антониев возводил свое происхождение к знаменитому греческому герою через его сына Антона (RRC, № 494/2a; App., B. C., III, 16, 19; Plut., Ant., 4, 36, 60) (прил. А, рис. 33), а Плутарх отмечает, что самый знаменитый представитель рода даже внешне походил на Геракла и старался подражать ему в одежде: «котличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели. Это предание, которому, как уже сказано, придавало убедительность обличие Антония, он старался подкрепить и своею одеждой: всякий раз, как ему предстояло появиться перед большим скоплением народа, он опоясывал тунику у самых бедер, к поясу пристегивал длинный меч и закутывался в тяжелый военный плащ» (Plut., Ant., 4, пер. С. П. Маркиша). Сообщение древнего автора подтверждает находка в Помпеях резного кольца с изображением Геракла, которому приданы черты М. Антония [см. Zanker 1988, 45, fig. 35]. Так же как и в случае с Гн. Помпеем Магном, противники М. Антония с успехом использовали отрицательные мотивы в мифах о знаменитом греческом герое для его дискредитации, например рассказ о пребывании Геракла в рабстве у лидийской царицы Омфалы. До наших дней сохранился отпечаток в глине и небольшие остатки серебряного кубка, который внутри был украшен рельефом. Последний содержит несколько сцен. На одной из них изображен М. Антоний в женской одежде, сидящий в колеснице, запряженной связанными кентаврами. Он призывно смотрит на Клеопатру, которая, одетая в шкуру льва и с дубиной в руках, следует за ним во второй колеснице. Рядом с Антонием стоят две рабыни с зонтом от солнца и опахалом, всем своим видом намекая на женственность и любовь их хозяйки к роскоши [см.: Schaubenburg 1960, 64; Zanker 1988, 57–60, fig. 45; Ritter 1992, 89–102; Hüttner 1995, 111; Hekster 2004, 159–166; Pérez 2009, 183–185, fig. 2]. Об этом же пишет и упоминает в одной из своих элегий и Проперций, тем самым иронично намекая на отношения Антония и Клеопатры (Propert., IV, 9, 45–50) [см. Welch 2005, 125–126].

Для Октавиана выбор Ореста в качестве модели, без сомнения, был чрезвычайно удачным. Т. Хельшер указывает, что эта мифическая модель настолько хорошо подходит, что ее существование следовало бы предположить, даже если бы она не была засвидетельствована в источниках [Hölscher 1990, 164]. Орест являлся мифическим прообразом мщения, а Октавиан сделал лозунг «Месть за Цезаря» основным в своей идеологии в начале

политической карьеры; Орест отомстил за своего отца Агамемнона, который был убит, а Октавиан отомстил за своего отца Юлия Цезаря; Орест стал противником Клитемнестры, жены Агамемнона, а Октавиан – противником Клеопатры, любовницы Цезаря; кроме того, Орест стал противником Эгисфа, любовника Клитемнестры, а Октавиан – противником Антония, любовника Клеопатры; Оресту пришлось бороться за принадлежащее ему по праву наследство против притязаний этой пары, а Октавиану – за политическое наследство Юлия Цезаря; Орест свершил свою месть по приказанию Аполлона, а Октавиан сражался под покровительством этого бога; Орест, наконец, пролил кровь родичей и нуждался в оправдании; победа Октавиана над согражданами также являлась осквернением, требовавшим очищения [Dewar 1988, 564; Hölischer 1990, 164; Tilg 2008, 368–369].

Точка зрения Н. Чечини, согласно которой «темная сторона» мифа об Оресте была использована антицезарианской пропагандой не сразу, а несколько позднее [Cecioni 1993, 506], представляется нам некорректной. Подобные аналогии, возможно, возникли уже в 40-е гг. до н. э. и вначале, как мы полагаем, в лагере противников Октавиана. Отталкивающее изображение последнего в образе Ореста, возникшее в среде аристократии, заимствовал Вергилий. М. Девар еще в 1988 году справедливо предположил, что римский поэт в конце первой Георгики аллегорически сравнивает приемного сына Юлия Цезаря с героем греческих мифов. Ученый отметил, что Вергилий, возможно, полагал, что как верность Ореста долгу только усугубила его вину и возродила древнее проклятие, так и стремление Октавиана отомстить за отца стало продолжением наследственной вины его народа и привело к греховному пролитию римлянами римской крови в битве при Филиппах [Dewar 1988, 565; 1990, 580–581]. То, что сравнение Октавиана и Ореста было хорошо известным риторическим приемом антицезарианской пропаганды подтверждает отрывок из позднеримского автора Клавдия Клавдиана. Поэт изображает Гонория, который подавил восстание, поднятое комитом Африки Гильдоном, как верного долгу мстителя за многие оскорбления, нанесенные его отцу Феодосию Гильдоном. Эта верность долгу затем сравнивается с верностью долгу Ореста и Августа, разумеется, не в их пользу: «*Quorum nunc meritam repetens non inmemor iram / supplicis fruitur natoque triumphat. / Ense Thyestiadae poenas exegit Orestes, / sed mixtum pietate nefas dubitandaque caedis / gloria, materno laudem cum crimine pensat; / pavit ulcoso invisio sanguine manes / Augustus, sed falsa pii praeconia sumpsit / in luctu patriae civili strage parentans / at tibi causa patris rerum coniuncta saluti / bellorum duplicat laurus, isdemque tropaeis / reddita libertas orbi, vindicta parenti*» (Claudian., *De Sexto Consulatu Honorii*, 111–121) [см.: Dewar 1990, 580–582].

В то же время сторонники погибшего диктатора стали рассматривать Ореста как положительного героя. Уже во время погребальных игр в честь Юлия Цезаря, чтобы вызвать ненависть к его убийцам, пели отрывки из разных трагедий, среди которых была пьеса Атилия «Электра» (Suet. *Div. Jul.*, 84), которая представляла собой перевод на лагинский язык знаменитого одноименного произведения Софокла (Cic., *De finibus bon. et mal.*, I, 5). С. Тилг верно заметил, что трагедия, сочиненная по образцу Софокла справедливость мести Ореста нигде не оспаривается. Убив своих ненавистных противников, Орест выполняет свой долг, и пьеса заканчивается на ноте радостного триумфа. Во время после смерти Юлия Цезаря она должна была выражать идею мести. Поэтому пьеса отдавала Октавиану роль мстителя раньше, чем та могла оказаться полезной для оправдания неудобного прошлого [Tilg 2008, 369–370]. Скорее всего, уже после битвы при Акции, ознаменовавшей завершение гражданских войн, в образ Августа как Ореста стали вкладывать новый смысл. Точно так же как греческий герой, отомстив, смог прекратить кровопролитие в доме Атрея, «Новый Орест» выполнил свой долг, лишив жизни убийц Юлия Цезаря, и тем самым уничтожил скверну гражданских войн, а заодно снял с себя «проклятье» участника братоубийственных раздоров. Эти идеи воплотились в большое программное мероприятие. Гигин сообщает, что «*Orestis ossa Aricia Romam translata sunt et condita ante templum Saturni, quod est ante clivum Capitolium iuxta*

другие лозунги, тесно связанные с последним: *pietas Caesaris* (что полностью соответствовало традиционным римским представлениям о *mos maiorum*) и имя *Caesar*. Все современные исследователи отмечают огромную важность имени диктатора для его приемного сына¹. Оно имело настолько большое значение для Октавия, что он даже пошел против традиций, игравших огромную роль в римской политической жизни. Объявив об усыновлении на сходке, он вел себя так, как будто оно было законным, хотя на самом деле легитимное *adoptio* состоялось только по куриатному закону в августе 43 г.²

Concordiae templum» (Hyginus, *Fabul.*, 261; ср. Serv., In *Ver. Aen.*, II, 116). К. Фиттшен высказал весьма обоснованное мнение, согласно которому это событие следует отнести ко времени после битвы при Акции, когда Л. Мунаций Планк построил новый храм Сатурна, чье убранство должно было напоминать о морской победе над М. Антонием [Fittschen 1976, 208–210; ср. также: Pfister 1912, 454; Simon 1979, 264; Hölscher 1990, 165; Champlin 2003, 309]. Перенос костей Ореста из святилища Дианы в Ариции в Рим празднует и «рельеф с виллы Медичи». На его заднем плане помещен храм Сатурна, перед которым находится погребальная урна сына Агамемнона, на переднем плане изображены Диана и Аполлон, боги-покровители Ореста и Августа [Simon 1979, 264 sqq.; см. также: Fittschen 1976, 192, Anm. 76; Hölscher 1990, 165; Champlin 2003, 309]. Возможно, частью этого действия было также переименование статуи Ореста на родине героя греческих мифов – в Аргосе. Павсаний передает, что рядом с храмом Геры, располагавшемся между Микенами и Аргосом, среди других статуй находилось изображение Ореста, однако надпись на нем гласила, что это император Август (Pausan., II, 17, 4). Очевидно, что статуя репрезентовала Октавиана как мстителя [Cecioni 1993, 506; Hölscher 1990, 164–165; Champlin 2003, 309]. Ф. Харди в свою очередь предположил, что «Энеида» Вергилия сыграла ту же роль для эпохи Августа, какую – Орестей для Афин V в. до н. э. [Hardie 1991, 29–45], а С. Тильг указал, что Овидий в «Скорбных элегиях» (Ovid., *Trist.* II, 395–396) намекает на то, что миф об Оресте был одним из любимых для самого Октавиана [Tilg 2008, 370]. Изображения Ореста становятся в это время весьма популярны среди римской аристократии. Х. Фронинг привела весомые доводы в пользу того, что так называемый «рельеф Эгисфа» относится к эпохе Августа и выполнен в намеренно архаизированном стиле [Froning 1981, 81–100, Taf. 25; ср.: Schollmeyer 2008, 28]. В отличие от традиционной иконографии, где изображение Ореста сопровождается преследующими его Эриниями, здесь они отсутствуют, в то время как сын Агамемнона он вершит месть над Эгисфом и Климентестрой. Следовательно, этот поступок рассматривается как справедливый. На связь с Октавианом указывает и место находки рельефа, который был обнаружен в том же районе, что и святилище Дианы, на вилле близ Ариции [Hölscher 1990, 165–166]. Х. Фронинг также отнесла к эпохе Августа «рельеф с Орестом», найденный в Неаполе. Показательно, что на нем Эринии изображены спящими, а Орест – с вынутым из ножен мечом [Froning 1981, 72–80; ср.: Hölscher 1990, 166–168]. Однако, в конце концов, культ Ореста угас. Т. Хельшер справедливо отмечает, что в долгосрочной перспективе роль мстителя за отца и значимость Ореста оказались ограничены коротким этапом политической карьеры Августа. Поэтому культ Ореста остался эпизодом в процессе построения политического мифа об императоре среди римской знати [Hölscher 1990, 168]. Впрочем, не следует забывать, что ассоциация Октавиана и Ореста сыграла более значимую роль, чем репрезентация Августа в качестве других греческих героев – Диомеда, Тесея, Геракла или Ахилла [Anderson 1928, 44–45; La Rocca 1985, 89–90; Maderna 1988, 56–80; Hölscher 2000, 262; Sauron 2009, 190].

¹ Hamp., см.: Carter 1970, 28–29, 31; Schmitthenner 1973, 10; Zanker 1988, 33; Шифман 1990, 67; Stevenson 1998, v. 1, 265; Shotter 1999, 20; Millar, 2000, 3; Malitz 2004, 386.

² Malitz 2004, 402; ср.: Sumi 2005, 100.

Сверх этого, приняв имя умершего диктатора, Октавиан отказался от обыкновенного в этом случае добавления своего предыдущего имени, что, как замечает В. Шмиттхеннер, «было полностью необычным и совершенно против традиции»¹.

Однако стоит отметить, что дальше ветеранов и плебса эти лозунги не шли. Благодаря своей интуиции, а возможно, и по совету своего «штаба» Октавиан занял откровенно выжидательную, нейтральную позицию по отношению к аристократии и «помпеянкам». Это расценивается сторонниками «восстановления Республики» как ориентация приемного сына Цезаря на «республиканизм» уже в начале его политической деятельности². На самом деле наследник диктатора проводил многочисленные консультации с различными представителями сенатской аристократии, прощупывая почву для легализации своего положения³.

Д. Кинаст особо подчеркивает, что традиционное представление о существовании в сенате в 44 г. до н. э. трех политических групп – сторонников М. Антония, *liberatores* и умеренных «цезарианцев», которые не рассматривали восстановление «оптиматской» *res publica* как угрозу своему положению⁴, – ведет к сильному упрощению политической ситуации этого времени. Так, плебейский трибун Л. Антоний, брат консула М. Антония, представил перед народной сходкой Октавиана, только что прибывшего в Рим, в надежде заполучить в нем для котерии Марка противовеса в борьбе с П. Корнелием Долабеллой, другим консулом-«цезарианцем», претендовавшим на лидирующие позиции в политической борьбе того времени⁵. Следует иметь в виду, что большинство в сенате составляли не «помпеянцы», а «цезарианцы». Нельзя забывать и того, что Цезарь расширил сенат до 900 членов и примерно 400 человек получили благодаря ему ранг сенатора. Кроме того, лидеры «освободителей» не присутствовали на заседаниях, опасаясь за свою жизнь, а вскоре и вовсе отправились на Восток, куда за ними последовали многие представители молодой аристократии, настроенные «помпеянски»⁶.

К наблюдению Д. Кинаста можно добавить, что взаимоотношения между политиками нередко проходили на уровне межличностных связей. Весьма показательно, что Октавиан сотрудничал не с «помпеянской» *partes* в целом, а только с Цицероном и еще некоторыми просенатски настроенными аристократами, то есть это были контакты частного рода.

¹ Schmitthenner 1973, 67; ср.: Vittinghoff 1959, 27; Eck 2003, 13.

² Межеричский 1994, 141–142, 144; Крист 1997, т. 1, 225; Чеканова 2005, 370.

³ Ср.: Syme 1939, 113; Kienast 1999, 17; Toher 2004, 174.

⁴ Ср.: Машкин 1949, 140; Jones 1970, 13; Carter 1970, 42; Парфёнов 1979, 114; Межеричский 1994, 134–135; Eck 2003, 14.

⁵ См.: Yavetz 1988, 73; Kienast 1999, 27; Sumi 2005, 129.

⁶ Kienast 1999, 20.

Так, его отчим Л. Марций Филипп несколько раз встречался с Цицероном. По мнению М. Дж. Дж. Гро-Фоу и И. Ш. Шифмана, эти встречи следует, по-видимому, расценивать как элемент в политической игре Октавиана, который стремился внушить оратору превратные представления о своих целях¹. Нужно подчеркнуть, что Брут и Кассий относились к самому Октавиану и к его связям с Цицероном весьма отрицательно (Cic., Brut., I, 4, 5; 16, 1–2, 4–6; 17, 5; Plut., Cic., 45; Brut., 22).

Рассуждения Я. Ю. Межеричко о том, что «из далекой Аполлонии Цицерон представлялся Октавию живым классиком и романтичным борцом за свободу», так же мало соответствуют действительности, как и заявления Ф. Б. Марша о том, что юноша изначально проникся большой любовью к «республиканским» обычаям и традициям². Несомненно, «восхищение» Октавия Цицероном³ – это «кабинетные реконструкции» современных историков. Как мы показали во второй главе, в римском обществе существовали различные понимания таких фундаментальных для римлян понятий, как «свобода», «республика», «мир». Этого же мнения придерживается Д. Кинаст. Он на основе переписки Цицерона и Г. Матия обращает внимание на то, что знаменитый оратор под свободой понимал «свободу оптиматского государства», без которой невозможна *res publica*, тогда как для «цезарианца» Г. Матия последнее было абстрактным понятием. Также Д. Кинаст указывает, что Г. Матий имел иное представление о *libertas*, и дает примеры популярского понимания *libertas* другими «цезарианцами». Поэтому, как справедливо заключает исследователь, «нельзя было ожидать от Октавиана какого-либо понимания аристократического *libertas* и нельзя было требовать от него защиты *libera res publica*, о которой он ничего не знал»⁴.

Вместе с тем не стоит рассматривать знаменитого оратора как эталон римского патриота и проницательного политика или носителя высоких моральных качеств⁵. Цицерон заявлял, что Октавиана нужно использовать до тех пор, пока он будет нужен в борьбе против М. Антония (Cic., XV, 12, 2; XVI, 8, 1; Fam., XII, 25, 4; Brut., I, 10, 3; I, 15, 7, 9; ср.: Att., XVI, 14, 1; Brut., I, 14, 2), а затем и его «следует восхвалить, украсить, поднять (*laudandum, ornandum, tollendum*)» (Cic., Fam., XI, 20, 1; Suet., Div. Aug., 22)⁶. Ю. Малиц отмечает, что такая позиция Цицерона вытекала из того, что противники сильно недооценивали юного наслед-

¹ Graw-Fow 1988, 193–196; Шифман 1990, 45; ср.: Syme 1939, 128; Машкин 1949, 135.

² Marsh 1975, 223; Межеричкий 1994, 135–136, 142, 144.

³ Ср.: Beacham 2005, 152.

⁴ Kienast 1999, 19–20.

⁵ Напр., см.: Бейкер 2003, 69.

⁶ Ср.: Hönn 1938, 32; Syme 1939, 122; Scullard 1963, 161; Welwei 2004, 223.

ника диктатора¹, и особенно этим страдал сам знаменитый оратор. Возможно, как полагает Д. Шотер, он хотел возродить политику сглаживания между собой Цезаря и Помпея, которую проводил Катон Младший². С. Л. Утченко оправдывает Цицерона, считая, что это была чрезвычайно перспективная попытка добиться раскола в лагере «цезарианцев» их руками³. Однако следует напомнить, что Цицерон неоднократно делал ставку на молодых политиков, которые с таким же постоянством «предávalи» его. В годы Первого триумvirата он пытался привлечь на свою сторону Г. Куриона Младшего, вскоре благополучно перешедшего на сторону Цезаря (Cic., Att., II, 8, 1; 12, 2; 18, 1; Fam., II, 5, 2; VIII, 4, 2; ср.: Att., VI, 3, 4; Fam., VIII, 6, 5), его примеру последовал и М. Целий Руф (Cic., Fam., VIII, 17, 1). Октавиан не стал первым молодым политиком после смерти Цезаря, на которого обратил внимание знаменитый оратор. Первой его ставкой был Долабелла. Цицерон с радостью воспринял размолвку между консулами-«цезарианцами» и предпринял все усилия, чтобы увеличить разрыв между ними (Cic., Att., XIV, 15, 2; 16, 2; 17a; 18, 1; 19, 5; 20, 2, 4). Показательно, что, как и в случае с Октавианом, «помпеянцы» упрекали оратора за его чрезмерные похвалы в адрес Долабеллы (Cic., Att., XIV, 18, 1). И только после неуспеха с последним Цицерон обратил свое внимание на Октавиана, но и здесь потерпел неудачу.

Менее разработанным является вопрос о взаимоотношениях Октавиана и плебса и его деятельности как *popularis*. Остановимся на нем подробнее. Наряду с поддержкой ветеранов для Октавиана в начале его политической деятельности также было важно формирование общественного мнения в благоприятном для себя свете. В сущности, эта задача стояла перед всеми борющимися за власть политическими группами, которые для этого использовали агитацию среди римского плебса на сходках (*contiones*), различные раздачи и зрелища. Как ни странно, но именно Октавиан в этой гонке выглядел бесспорным фаворитом. Лидеры *liberatores* пользовались такой неприязнью плебса, что, опасаясь за свою жизнь, были вынуждены покинуть Рим уже в начале апреля (Nic. Dam., Vita Caes., 52; App., B. C., III, 6; Dio Cass., XLV, 6; ср.: Cic., Att., XII, 11, 1; XV, 20, 2)⁴. М. Антоний утратил доверие римской черни, разогнав движение Лже-Мария, и пользовался, по словам Аппиана, меньшей ненавистью со стороны народа (App., B. C., III, 3–4)⁵. В то же время наследник диктатора вновь использовал политический капитал Юлия

¹ Malitz 2004, 383.

² Shotter 1994, 89.

³ Утченко 1973, 338–339; ср.: Чеканова 2005, 378–380.

⁴ Ср.: Carter 1970, 37; Parain 1978, 13, 15; Yavetz 1988, 64.

⁵ Ср.: Syme 1939, 115; Парфёнов 1979, 110; Kienast 1999, 24; Eck 2003, 13.

Цезаря, всюду эксплуатируя его имя. Таким образом, поддержка плебса была гарантирована ему *a priori*. Однако внимание Октавиана к пропаганде среди городской бедноты не удивительно, так как успехи его приемного отца не давали, конечно, весомых преимуществ в будущем.

Преобладающей точкой зрения среди современных исследователей на характер действий Октавиана в этот период стало авторитетное мнение Р. Сайма, согласно которому поступки младшего Цезаря можно квалифицировать как демагогию и популизм, переплетенные с «цезарианской» пропагандой¹. Такая оценка, подразумевающая абсолютную беспринципность наследника диктатора, и ведет к дальнейшим выводам о его «республиканизме» и защите «помпейской» *libertas* в период Мутинской войны². Между тем, по нашему мнению, действия Октавиана можно охарактеризовать, опираясь на данные дошедших до нас источников, как деятельность «популяра».

В римском обществе по-прежнему считали, что старший Цезарь был защитником римского плебса³. Цицерон в начале июня 44 г. до н. э. в письме к Л. Мутацию Планку замечает: «...ведь он [Цезарь-старший] был популяром, как ты знаешь (*erat enim popularis, ut noras*)» (Cic., Att., XVI, 16a, 3; ср.: Nic. Dam., Vita Caes., 50)⁴. Октавиан, прибыв в Рим и объявив городскому претору Г. Антонию о желании принять согласно завещанию наследство и имя Цезаря (App., B. C., III, 14; ср.: Dio Cass., XLV, 5), таким образом заявлял и о наследовании политики погибшего диктатора как «популяра». Действительно, вскоре выступив с речью на народной сходке, он сообщил, что собирается вступить в наследство для того, чтобы выполнить волю Цезаря и раздать каждому плебею по 300 сестерциев (соответствующее традициям проявление *pietas* по отношению к приемному отцу) (Cic., Att., XIV, 20, 5; 21, 3; XV, 2, 3; Nic. Dam., Vita Caes., 28).

Эти заявления еще больше увеличили популярность Октавиана и привели к конфликту с М. Антонием, который, опасаясь нового конкурента, помешал провести закон о его усыновлении в куриатных комициях и продолжал противодействовать ему в дальнейшем (Liv., Epit., 117; Cass. Dio, XLV, 5; Flor., IV, 4)⁵. В сложившихся условиях противостояние с М. Антонием было его единственным шансом начать борьбу за власть. Показа-

¹ Syme 1939, 116; ср. также: Ферреро 1916, т. 3, 65; Welwei 2004, 221; Beacham 2005, 152.

² Крист 1997, т. 1, 225.

³ См.: Машкин 1949, 141.

⁴ Сверх того А. Б. Егоров 2009, 230–231 справедливо указывает на то, что лагерь Юлия Цезаря в конце 50-х – первой половине 40-х гг. до н. э. стал для «популярров» спасительной гаванью. В гражданской войне 49–45 гг. до н. э. большинство из них приняло сторону Цезаря. Единственным знаменитым исключением стал Т. Атий Лабий.

⁵ Höpp 1938, 35.

тельно, что и здесь Октавиан вел себя как *popularis*. В эпоху Поздней республики громкие процессы над известными политиками были обычным политическим дебютом для молодых римлян. Этой дорогой пошел и Октавиан. Он также начал обвинять в различных «преступлениях» одного из самых влиятельных политиков своего времени, что еще больше способствовало росту его известности среди простых граждан Рима.

В частности, его сторонники распространяли слухи о том, что М. Антоний скрывал хлеб, когда в апреле 44 г. до н. э. в Риме появились задержки с поставкой зерна (ср.: Cic., Att., XIV, 3, 1)¹. К этому добавлялись еще более тяжкие обвинения в расправе М. Антония над беднотой, восставшей под руководством П. Долабеллы еще при жизни Г. Юлия Цезаря (Dio Cass., XLV, 6; см.: Liv., Epit., 113; Plut., Ant., 9; Dio Cass., XLII, 29–33)². Сам Октавиан на многочисленных сходках напоминал плебеям о том, что М. Антоний допустил преступную несправедливость по отношению к памяти его приемного отца, не став мстить его убийцам, как и выплачивать народу завещанных диктатором подарков (App., B. C., III, 28; ср.: Dio Cass., XLV, 6). Младший Цезарь, израсходовав на выполнение воли Цезаря свое состояние, денежные средства матери и отчима, а также части наследства Л. Пинария и Кв. Педия и заслужив этим большое одобрение плебса, приложил огромные усилия для того, чтобы раздачи воспринимались как подарки не от старшего Цезаря, а уже как денежные дары от лица самого Октавиана (App., B. C., III, 23).

На волне успеха среди римского плебса он предпринял первую попытку легализовать свое по сути незаконное положение, выдвинув собственную кандидатуру на место недавно скончавшегося плебейского трибуна, хотя он был патрицием и еще не был сенатором (Suet., Div. Aug., 10). Смысл этой акции вполне сознавал уже Дион Кассий: «Тогда он попытался получить должность плебейского трибуна (ἐπεχειρήσε μὲν δημαρχῆσαι), которая являлась исходной точкой популярности среди плебса (τὴν τῆς δημαγωγίας ἀφορμὴν), и обеспечить себе власть, которая должна следовать из этого» (Dio Cass., XLV, 6). Видимо, поддержка народного собрания была настолько серьезной, что, совершенно уверенный в его победе, М. Антоний попросту отменил довыборы в коллегию трибунов (App., B. C., III, 31)³.

Несмотря на эту неудачу, популярность Октавиана, как отметил В. Экк, стала политическим фактором⁴. На это вполне определенно указывает Аппиан: «Цезарь... выбежал к ним... и кричал, что он сам

¹ Машкин 1949, 140.

² Ферреро 1916, т. 3, 65; Машкин 1949, 136; Kienast 1999, 24; ср.: Yavetz 1988, 65.

³ Ср.: Southern 1998, 37.

⁴ Eck 2003, 14.

подвергается преследованиям со стороны Антония за свою дружбу к народу (ἐξ τὴν παρὰ τῷ δήμῳ φιλίαν), которая все еще являлась единственным его достоянием» (App., В. С., III, 39; пер. О.О. Крюгера; ср.: Cic., Att., XVI, 8, 2). Уже в июне, чтобы провести закон об обмене провинций, М. Антоний был вынужден пойти на союз с Октавианом, который, по сути, контролировал народное собрание (см.: App., В. С., III, 29–30). Позже, осенью 44 г. до н.э., политика наследника Цезаря как «популяра» принесла ему еще более значимые дивиденды. Октавиан, начав вербовку солдат, избрал своим плацдармом Этрурию (ср.: Cic., Att., XVI, 8, 1), область, которая со времен Г. Мария являлась традиционной опорой populares¹. По мнению М. Сорди, именно здесь младший Цезарь из своих политических сторонников создал свою преторскую когорт².

Еще одним «полем боя» для Октавиана стали театральные представления и зрелища, которые не только были средствами массовой пропаганды³, но и вообще играли большую роль в духовной жизни римлян⁴. Цицерон в письме к Аттику в середине июля 59 г. до н.э. заявлял, что «о настроении народа можно судить главным образом по театру и зрелищам» (Cic., Att., II, 19, 3, пер. В.О. Горенштейна)⁵. На протяжении всей своей переписки он постоянно интересуется реакцией простого народа на те или иные события (см.: Cic., Att., X, 12a, 6; XIII, 44, 1; XIV, 2, 1; 3, 2; XVI, 2, 3).

В сложившихся обстоятельствах, когда широкие слои населения не воспринимали «оптиматскую» идеологию⁶, liberatores задумали провести роскошные игры, надеясь, что «народ во время зрелища изменит свое мнение и вызовет обратно сторонников Брута» (App., В. С., III, 23, пер. О.О. Крюгера; ср.: Plut. Brut., 21). Игры в честь Аполлона (ludi Apollinares), прошедшие в начале июля 44 г. до н.э. на средства М. Брута, не принесли ожидаемого эффекта. Пропагандистский успех был сорван Октавианом, который в это время специально начал денежные раздачи плебейм по завещанию Цезаря (App., В. С., III, 24).

Что касается самого Октавиана, то он с помощью общественных представлений и театральных зрелищ пытался добиться для себя одного весомого преимущества. Как мы уже упоминали, он принял имя Caesar и объявил о принятии наследства, тогда как М. Антоний не допустил официального усыновления через куриатные комиции. Между тем только юридическое постановление могло ему дать право на наследование

¹ Sordi 1972, 11; Папфёнов 1979, 111; 1987, 17; ср.: Carter 1970, 50.

² Sordi 1972, 14.

³ Ахиев 2001a, 10.

⁴ См.: Sauron 2009, 187 sqq.

⁵ Ср.: Syme 1939, 116; Reese 2004, 82–84.

⁶ Yavetz 1988, 64.

клиенты Цезаря¹, которая, как мы знаем, сыграла чрезвычайно важную роль в возвышении Октавиана². Следовательно, публичное проявление чувств по отношению к приемному отцу должно было заменить принятие *lex curiata*.

Уже во время празднований в честь Марса (*ludi Martiales*) и прошедших позднее игр в честь Цереры (*ludi Cereales*), организованных эдилем Критонием, по всей вероятности, в середине мая³, он попытался выставить на всеобщее обозрение курульное кресло Цезаря (*sella curulis*) и его диадему (*corona aura*) (App., В. С., III, 28). Изображения *imperii insignia* (знаки высшей власти) играли огромную роль в предвыборной борьбе за высшие (курульные) должности в эпоху Поздней республики. Но золотой трон Цезаря после того, как состоялось сенатское постановление, на основании которого во время всех зрелищ полагалось выставлять его в честь диктатора рядом с местами для богов, стал индикатором не только высшей власти, но и намекал на его божественность⁴. Для Октавиана демонстрация этих символов подчеркивала *сыновнюю pietas*⁵, то есть вводила его в круг семьи Цезаря. И хотя М. Антоний не позволил провести эти акции, он все равно сумел использовать игры с выгодой для себя.

Еще большего Октавиан добился в конце июля, во время проведенных им самим игр в честь победы Цезаря при Тапсе (*ludi Victoriae Caesaris*), превратившихся в мощную пропагандистскую кампанию приемного сына диктатора⁶. Роскошные зрелища были увязаны с продолжавшимися денежными раздачами и широкой агитацией (Nic. Dam., Vita Caes., 28). В частности, он использовал в своих целях религиозное почитание Цезаря плебсом, возникшее сразу после его гибели⁷. В период игр на небе появилась комета, что было расценено простым народом как несомненное доказательство принятия старшего Цезаря в сонм богов (Hor., Od., I, 12, 46–48; Suet., Div. Iul., 88; Plin., N. H., II, 93–94; Dio Cass., XLV, 7). Воспользовавшись случаем, Октавиан разместил над головами статуй погибшего полководца звезду как символ его «бессмертия»⁸. Эта акция была широко растиражирована с помощью монетной агитации

¹ Ср.: Chilver 1954; Southern 1998, 48.

² Ср.: Schmitthenner 1973, 89; Парфёнов 1987, 11; Kienast 1999, 15; Bringmann, Schäfer 2002b, 26.

³ Syme 1939, 116, note 3.

⁴ Alföldi 1973, 122; Schäfer 1988, 427–428; ср.: Edwards 2003, 50–53.

⁵ Alföldi 1973, 123.

⁶ Carter 1970, 38; Beacham 2005, 152; Sumi 2005, 150–153.

⁷ Цветаева 1947, 230–232.

⁸ См.: Scott 1941, 257 sqq.; Wagenvoort 1956a, 10–11; Barton 1994, 39; Harrison 1995, 154; Southern 1998, 34; Абрамзон 2002, 132–133; Williams 2003, 5 sqq.; Sumi 2005, 153; Osgood 2006, 21–22; Carswell 2009, 32–38.

(CRRBM, № Rome 4165, Africa 33; CREBM I, Augustus №№ 124, 323–328; RIC I, Augustus №№ 37–38; RRC, №№ 480/5b, 540/2)¹ (прил. А, рис. 26–28). Следовательно, он ни много ни мало продолжал линию поведения Лже-Мария как «популяра», которая стоила тому жизни. М. Антоний и на этих играх не разрешил показ *insignia Caesaris*, но для Октавиана было важным, что в их организации приняли участие *amici* и *familiares* Цезаря (Cic., Att., XV, 2, 3; XVI, 15, 3; Fam., XI, 28, 6), а многие плебеи и ветераны стали смотреть на него, как на нового Цезаря (App., B. C., III, 28; ср.: Dio Cass., XLV, 7).

Было бы странным, если бы в этих условиях Октавиан перешел на сторону «помпейцев» или заключил с ними союз. Но именно такое мнение утвердилось в современной историографии. Историки даже стали называть этот «альянс» «протivoестественным симбиозом»² или «*la curieuse alliance*»³. На самом деле, на наш взгляд, события развивались несколько иначе. Осенью 44 г. до н. э. разногласия между наследником Цезаря и М. Антонием достигли критической точки. После того как консул отправился в Брундиций, куда прибыли легионы из Македонии, Октавиан, опасаясь остаться перед ним безоружным, сумел достаточно быстро собрать в Кампании около 3 тыс. ветеранов (Nic. Dam., Vita Caes., 31; App., B. C., III, 40). С этими силами он двинулся к Риму. При этом Октавиан объявил себя «вождем» в предстоящей войне с М. Антонием.

Цицерон 2 ноября сообщает об этих событиях Аттику, но сомневается в этой авантюре: «За кем следовать? Прими во внимание имя, прими... возраст». Оратор отмечает, что, по словам Октавиана, «мы не должны отказывать ему в поддержке» (Cic., Att., XVI, 8, 1–2; пер. В. О. Горенштейна). Итак, до 2 ноября никаких договоренностей не было. Наследник Цезаря всего лишь решил использовать личного врага М. Антония, Цицерона⁴, для укрепления своих позиций. Октавиан 4 и 5 ноября заваливает его письмами с просьбой о том, чтобы тот «взялся за дело», явился в Рим (Cic., Att., XVI, 9, 1; 11, 6). Конечно же, Цицерон не приехал в Рим и «не взялся за дело»⁵. В середине ноября он пишет Аттику: «Если Октавиан очень силен, то указы тирана будут одобрены гораздо тверже... и это будет направлено против Брута» (Cic., Att., XVI, 14, 1; пер. В. О. Горенштейна).

Причины этой интенсивной переписки были банальными. В сущности, младший Цезарь был бунтовщиком, набравшим на частные средства «личную» армию и выступившим против римского консула. Это

¹ Ср.: Zanker 1988, 34–36.

² Межеричкий 1994, 135; Чеканова 2005, 380.

³ Alföldi 1973, 106; см. также: Chilver 1957, 73; Rich 2010, 175, 178.

⁴ Белкин 2002, 133–162.

⁵ Southern 1998, 39.

был мятеж против законной власти¹. Октавиан крайне нуждался в легализации своего положения. Ведь «цезарианский» сенат, который до конца надеялся на мир с М. Антонием, вполне мог признать наследника диктатора «врагом государства». Насколько была нужна ему помощь Цицерона? И много ли было сторонников Цицерона в сенате? Ведь лидеры *liberatores*, как мы упоминали, покинули Рим еще весной, и вскоре за ними отправились многие «помпеянски» настроенные аристократы. Все дело, разумеется, было в самой процедуре заседаний римского сената. Молодому Цезарю была нужна *auctoritas* оратора. Цицерон был консуляром, знаменитым политиком и в обсуждении высказывал свое мнение одним из первых. Как общеизвестно, большинство сенаторов просто поддерживало ту или иную точку зрения одного из авторитетных политиков. То есть с его помощью Октавиан надеялся получить официальную поддержку своим действиям со стороны высшего государственного органа².

Прибыв в Рим, он обратился с речью к народной сходке. С точки зрения сторонников «республиканизма» и «интегральной концепции», можно было бы ожидать от этого выступления «республиканской» риторики. Однако оно было выдержано в духе *pietas Caesaris*³. Мало того, Дж. Сами приводит серьезные доводы в пользу того, что Октавиан апеллировал к самым горячим сторонникам Юлия Цезаря, из-за которых лидеры *liberatores* и были вынуждены покинуть Рим⁴. В своей речи младший Цезарь напомнил о заслугах своего приемного отца, обрушился с обвинениями на М. Антония и объявил, что готов начать военные действия против него, но в то же время настаивал на легальности своих действий, подчеркивая, что всегда будет стоять на страже законов (ср.: Dio Cass., XLV, 12; App., B. C., III, 41, 48). Последнее заявление позволяет думать, что Октавиан якобы объявил себя сторонником сенатской *res publica*. Так, полагают Г. Вальзер и В. Эдер⁵. Однако тот же Дж. Сами обоснованно считает, что с помощью таких заявлений Октавиан стремился завуалировать свое незаконное положение (*privatus*)⁶. Неудивительно, что, получив эту речь, Цицерон был крайне возмущен: «Но какая речь на народной сходке! Он клянется [в верности законам]... и одновременно протягивает правую руку к статуе [Юлия Цезаря]. Не

¹ Ср.: Syme 1939, 125; Walser 1955, 359; Schmitthenner 1960, 6 sqq.; André 1974, 15; Marsh 1975, 179; Борухович 1983, 139; Löwenstein 1985, 533; Парфёнов 1987, 16; Trillmich 1988, 476; Шифман 1990, 50; Southern 1998, 38; Eck 2003, 15; Welwei 2004, 220.

² Парфёнов 1979, 110.

³ Ср.: Scott 1933, 11; Парфёнов 1987, 16; Sumi 2005, 161–168.

⁴ Sumi 2005, 166.

⁵ Walser 1955, 358; Eder 1990, 89; см. также: Еропов 1985, 77.

⁶ Sumi 2005, 167; ср.: Alföldi 1973, 118; Lehmann 2004, 151.

рассчитывая на спасение под началом вот этого» (Cic., Att., XVI, 15, 3; пер. В. О. Горенштейна).

Между тем некоторые современные историки все равно отмечают в агитации наследника Цезаря в это время «республиканские» черты. В частности, Э. Рэмейдж видит его стремление противопоставить свои действия политике Г. Юлия Цезаря, которого «считали» тираном, деспотом и «разрушителем» Республики¹. В качестве примера исследователь приводит ауреус Октавиана, чеканенный, по-видимому, в 43 г. до н. э.² На аверсе изображен Октавиан с непокрытой головой, вокруг легенда C CAESAR COS[ul] PONT[ifex] AUG[ur] (Г. Цезарь консул, понтифик, авгур); на реверсе изображена голова Цезаря в золотой диадеме, окруженная легендой C CAESAR DICT[ator] PERP[etuo] PONT[ifex] MAX[imus] (Г. Цезарь вечный диктатор, великий понтифик) (прил. А, рис. 29).

По мнению Э. Рэмейджа, здесь изображены разрушитель и реставратор Республики, на что указывает легенда. Цезарь назван вечным диктатором, но эта экстраординарная магистратура была запрещена по предложению М. Антония сразу после смерти Цезаря как раз из-за того, что тот злоупотребил своим положением. Тогда как Октавиан назван консулом, что якобы должно намекать на его приверженность к «республиканским ценностям». Кроме того, исследователь отмечает, что Октавиан изображен с непокрытой головой, а Цезарь носит золотую диадему, что как будто свидетельствует о его монархических наклонностях³. Тонкое наблюдение Э. Рэмейджа за стремлением Октавиана выйти из тени своего приемного отца и приумножить его успехи заслуживает большого внимания с точки зрения формирования официальной идеологии Принципата, однако, по нашему мнению, эта тенденция зародилась позже. В 40-х гг. до н. э. для Октавиана была важна легитимизация его положения. Образ Цезаря был одним из краеугольных камней пропаганды наследника диктатора, направленной на его интеграцию в политическую систему Рима⁴. Выпуск монет с совместным изображением Октавиана и Цезаря как раз и служил таким целям.

Во-первых, монета должна была подтвердить усыновление Цезарем Октавиана, что было немаловажно, так как официально законное

¹ Ramage 1985, 224 sqq.; 1997, 119. Его точку зрения поддержала Р. Эдвардс [Edwards 2003, 52–53].

² Мы придерживаемся общепринятой датировки этой монеты 43 г. до н. э. [Babelon, t. 2, p. 36–37; RRC, p. 499, № 490/2; Giard 1971, 91–92; Ramage 1985, 224, note 5]. Датировка А. Козна [Cohen I, p. 21, № Jules Cesar et Octave 2] – 44 г. до н. э. – представляется слишком ранней, мнение Х. А. Грюбера и Ж. Гаже, согласно которому монета была выпущена в 40 г. до н. э., также не находит поддержки у других нумизматов [CRRBM, v. 2, p. 404, № Gaul 74; Gagé 1931, 79].

³ Ramage 1985, 224–225.

⁴ Giard 1971, 92–93; Sumi 2005, 179.

усыновление состоялось только в августе 43 г. до н. э. Во-вторых, юный наследник демонстрировал свою *pietas* по отношению к погибшему отцу¹. Что касается легенды, то следует обратить внимание на то, что наряду с титулами «консул» и «диктатор» находится жреческая титулатура «понтифик», «авгур». Другими словами, ауреус должен был продемонстрировать высокое общественное положение обоих политиков.

В пользу нашего мнения свидетельствуют также данные К. Мадерны-Лаутер, изучившей геммы эпохи Августа. Исследовательница отмечает, что политические цели молодого Цезаря пропагандировались в этот период также с помощью значительной серии портретных гемм (сохранилось более чем 100 экземпляров), изготовленных преимущественно из стекла, которые вновь и вновь указывают на тесную связь Октавиана с его приемным отцом². Она подчеркивает, что практически вся эта серия состояла из недорогого стекла и, весьма вероятно, что эти камеи находились во владении многочисленной клиентелы, которую Октавиан унаследовал от Цезаря и которая составляла важную основу его кoterии. Любопытно, что К. Мадерна-Лаутер даже предполагает, что эти геммы могли выполнять функцию «партийного значка» и распределялись, возможно, в больших количествах среди определенных кругов населения, чтобы завоевать новых приверженцев. По ее мнению, молодой политик раздавал многочисленные геммы с портретом Цезаря для того, чтобы подчеркнуть выражение законности его притязаний на наследство и его связь с погибшим диктатором³.

Что касается непокрытой головы Октавиана на ауреусе как символа его «республиканизма» и золотой диадемы Цезаря как индикатора монархизма, то и здесь предположение Э. Рэмейджа имеет слабые обоснования. Изображение диадемы на монете, по нашему мнению, служит напоминанием пропагандистской акции молодого наследника, предпринятой на *ludi Victoriae Caesaris*, когда он попытался выставить на всеобщее обозрение золотой трон и диадему погибшего диктатора с целью почтить его память⁴. Т. Шефер предложил остроумное решение проблемы многочисленности вышеупомянутых портретных гемм. Кстати, на некоторых из них как раз и был изображен золотой трон Цезаря. По его мнению, эти геммы были предназначены для массовой раздачи именно во время игр в честь Цезаря⁵.

Еще одним подтверждением этому служит изображение денария, чеканенного, по всей вероятности, в 43–42 гг. до н. э. На аверсе – все та же

¹ Cp.: Sousa 1974, 32; Trillmich 1988, 477.

² Maderna-Lauter 1988, 445, 466, Kat. 241.

³ Ibid., 445.

⁴ Cp.: Syme 1939, 116; Zanker 1988, 36.

⁵ Schäfer 1988, 430, Kat. 210.

обнаженная голова Октавиана, на реверсе изображено курульное кресло, увенчанное диадемой. На *sella curulis* помещена та же легенда, что и на ауреусе: CAESAR DIC[tator] PER[petuo] (CRRBM, № Gaul 76; RRC, № 497/2a) (прил. А, рис. 30). Никакого противопоставления юного наследника диктатору здесь нет и в помине. Напротив, Октавиан стремится как можно теснее связать себя со знаменитым полководцем, создавая образ «нового Цезаря».

У. В. Клозен указывает на еще один пример использования молодым политиком «республиканских» лозунгов. Комментируя 27 строчку первой эклоги «Буколик» Вергилия, исследователь считает, что слова *libertas* и *servitas* использованы поэтом как политические метафоры. По его мнению, «*libertas* была лозунгом Октавиана и его партии. Вергилий преднамеренно путает частный и общественный оттенок *libertas* и так решает литературную проблему выражения благодарности Октавиану в пасторальном стиле»¹. С нашей точки зрения, никакого смешения частного и общественного понимания *libertas* нет. Первая эклога написана в виде беседы между двумя пастухами Мелибеєм и Титиром. В ходе разговора Мелибей интересуется у Титира причиной его посещения Рима. Тот отвечает, что в Риме он выкупился на волю за свои сбережения². Другими словами, Титир был рабом.

Напомним, что выражение *in libertatem vindicare* основным значением имело освобождение раба на волю. О том, что термин *libertas* употреблен Вергилием в юридическом смысле, говорит последующая тирада Титира: «Не было надежды ни на свободу, ни на получение имущества (*nec spes libertatis erat nec cura peculi*)» (Verg., Bucol., I, 32). Характерно, что *libertas* стоит рядом с термином *peculium*. Как известно, освобождение на волю раба иногда сопровождалось передачей ему некоторого имущества, которое и носило название «пекулий». Таким образом, Вергилий употребил здесь слово *libertas* в его первоначальном юридическом смысле, описывая общественное и имущественное положение бывшего раба, пастуха Титира.

В. Триллмих видит в серии ауреусов монетария триумвиров Л. Ливиния Регула «республиканский» характер. На аверсах помещены портреты триумвиров М. Эмилия Лепида, М. Антония и Октавиана. На реверсах изображены мифические предки соответствующего рода: весталка Эмилия, сын Геракла Антон и Эней, родоначальник Юлиев (RRC, №№ 494/1, 494/2a, 494/3a)³ (прил. А, рис. 31–33). Здесь налицо смешение понятий «республиканизм» и «традиционализм». Помещение на монетах символов и изображений, прославляющих или подчеркивающих

¹ Clausen 1995, 31–32, 43.

² См.: Мелихов 1912, 18; Старостина 1971, 384.

³ Trillmich 1988, 478, Kat. № 210, 292, 293.

знатность и древность рода, было характерно для всех без исключения римских политиков, независимо от их политических взглядов¹. Образы легендарных предков помещали на денариях и Г. Юлий Цезарь во время диктатуры (CRRBM, № East 31; RRC, № 458/1) (прил. А, рис. 34), и М. Брут после мартовских ид (прил. А, рис. 12, 14).

Возвращаясь к рассмотрению пропагандистских акций Октавиана, следует отметить, что он в конце концов (благодаря в том числе и Цицерону) добился того, чего так страстно желал с начала своей политической деятельности, а именно легализации своего положения. Он стал сенатором, получил ранг пропретора и возглавил совместно с новыми консулами военные действия против М. Антония (RGDA, 1; Liv., Epit., 118; App., B. C., III, 51; Plut., Cic., 45; Dio Cass., XLVI, 29). Вынужденный передать свою «армию» под командование А. Гирция и Г. Пансы, младший Цезарь в этом «триумvirате» играл второстепенную роль. И только «счастливый» для него случай – гибель обоих консулов – позволил ему стать во главе войска. Стремясь сохранить свою власть, Октавиан принял решение добиваться консульства. С помощью войска он достиг поставленной цели, став консулом 19 августа 43 г. до н. э. (RGDA, 1; Dio Cass., XLVI, 45).

Получив свободу действий, наследник Цезаря не изменил своим убеждениям. Через куриатные комиции он провел закон о своем усыновлении (App., B. C., III, 94; Dio Cass., XLVI, 47). Также с его подачи был принят закон Кв. Педия, по которому убийцы Цезаря подвергались судебному преследованию (RGDA, 2; Liv., Epit., 120; Dio Cass., XLVI, 48). Кроме того, приемный сын диктатора смог сделать самое важное: выплатить ветеранам обещанные им подарки (Dio Cass., XLVI, 46; App., B. C., III, 94), ведь раздача *donativa* играла в его политике одну из главных ролей. Поэтому не случайно, что все источники постоянно сообщают о подкупках Октавианом ветеранов Цезаря (напр., см.: Cic., Att., XVI, 8, 1; App., B. C., III, 42; Dio Cass., XLV, 12).

Несколько позднее между М. Антонием, М. Лепидом и Октавианом был заключен союз, оформленный в виде чрезвычайной магистратуры, получившей название *tres viri rei publicae constituendae per quinquennium* (триумвиры для устройства государственных дел сроком на пять лет) (Liv., Epit., 120). А вслед за этим последовали проскрипции. Апогеем «цезарианской» пропаганды стал эдикт о проскрипциях, полностью дошедший до нас в изложении Аппиана (App., B. C., IV, 8–11). Ключевым в нем был лозунг «Месть за Цезаря». С точки зрения Я. Ю. Межерицкого, этот документ вообще не содержал «республиканской фразеологии», что, по мнению исследователя, говорит о его «монархическом» характере².

¹ Ср.: Zanker 1988, 44 sqq.

² Межерицкий 1994, 144.

Однако П. Вальманн более обоснованно указывает на то, что триумвиры старались подчеркнуть легальность их действий: они якобы всегда действовали в рамках закона, тогда как убийцы диктатора обвинялись в «государственных преступлениях», «измене родине»¹. Триумвиры стремились показать, что их интересы и интересы плебса полностью совпадают, и вообще, эдикт должен был вызвать симпатии нижних слоев населения². Другими словами, этот документ был полностью выдержан в рамках римского «традиционализма» и пропитан духом агитации «популяров». Естественно, что о его «монархическом» характере речь не идет.

Однако после победы над М. Брутом и Г. Кассием в битве при Филиппах в идеологической компании Октавиана стал проявляться кризис, ведь его главный зажигательный лозунг «Местъ за Цезаря» во многом потерял свое значение³. Еще одним ударом стал резко возросший авторитет М. Антония среди ветеранов, так как победа над «помпеянами» приписывалась полностью ему (см.: App., B. C., V, 14, 53, 58)⁴. Наследник диктатора не слишком удачно попытался исправить ситуацию. Возвращаясь в Рим, он в письме к сенату заявил, что его действия будут умеренными и гуманными, то есть он фактически объявлял, что будет следовать примеру Цезаря и его политике *clementia* (Dio Cass., LXVIII, 3). Впрочем, этот «новый курс», как назвал его П. Вальманн⁵ (в котором, как видно из ссылок на погибшего диктатора, также не было ничего «республиканского»), потерпел крах. На имидж Октавиана резко повлиял разгул солдатни⁶, кроме того, ему предстояло изъять в пользу ветеранов земли 18 итальянских городов, что в конце концов вызвало взрыв негодования и ослабление влияния его идеологических лозунгов.

Кризис еще больше усилился во время Перузинской войны против консула 41 г. до н. э. Л. Антония. Опираясь на сообщения Аппиана, согласно которым брат Марка был человеком, настроенным «демократически»⁷ и выступавшим против триумvirата (App., B. C., V, 19 sqq.), многие современные исследователи делают выводы о том, что Л. Антоний использовал в своей пропаганде «республиканские» лозунги⁸.

На самом деле, война была вызвана спором между ними из-за того, кто должен был распределять землю между ветеранами. Ведь тот, кто основывал

¹ Wallmann 1989, 45–52; ср.: Grant 1946, 39.

² Wallmann 1989, 52; ср.: Trillmich 1988, 478.

³ Carter 1970, 104.

⁴ См.: Парфёнов 1983а, 48.

⁵ Wallmann 1989, 90; ср.: Carter 1970, 103.

⁶ Подр.: Машкин 1949, 220–222.

⁷ См. однако: Yavetz 1988, 84–85.

⁸ Scott 1933, 27; Gabba 1971, 146; Roddaz 1988, 323 sqq.; Межеричкий 1994, 147–148; Крист 1997, т. 1, 84; Ахиев 2003, 3–11; Белкин 2008, 276; 2009, 240–241; Lange 2009, 27.

новую колонию, становился ее патроном¹. Л. Антоний, отстаивая позиции своего старшего брата, активно пропагандировал свою *pietas*, то есть почитание брата². Он даже принял прозвище *Pietas* (Dio Cass., XLVIII, 5), а на серии монет поместил надпись *PIETAS COS[ulius]* (CRRBM, № Gaul 70; RRC, № 516/2) (прил. А, рис. 35). Пытаясь увеличить популярность Марка, Л. Антоний объявил, что после возвращения с Востока тот откажется от звания триумвира и удовольствуется должностью консула. В дополнение к этому он инкриминировал Октавиану узурпацию власти и беззаконие, охватившее Италию³. Положение осложнилось тем, что, обвиняя наследника диктатора в конфискации земель, против него восстали не только жители городов, чьи земли были предназначены для раздач ветеранам, но и другие италики, опасавшиеся будущих земельных переделов. Л. Антоний в свою очередь активно поддерживал эти настроения (App., B. C., V, 19)⁴.

Агитация Октавиана между тем была выдержана полностью в «цезарианском» духе и направлена исключительно на ветеранов. Наследник диктатора обвинял Л. Антония в противодействии власти триумвиров, в развязывании гражданской войны и, самое главное, в стремлении не допустить раздачи земель ветеранам (Dio Cass., XLVIII, 5; ср.: App., B. C., V, 19)⁵. Другими словами, он позиционировал себя как «солдатского вождя», как нового Цезаря. «Штаб» молодого триумвира по инерции еще использовал лозунг «Месть за Цезаря», по-видимому, намекая на то, что легионеры Октавиана сражались не против «цезарианских» войск, а против италиков, недовольных экспроприацией земель⁶. Это видно из кратких надписей, найденных на ядрах для пращи, которые использовались во время Перузинской войны: «*Mars Ultor*» (Марс Мститель), «*divus Iulius*» (божественный Юлий) (CIL, № XI, 6721, 26)⁷. Возможно, что «республиканизм» Л. Антония – это контрпропаганда наследника диктатора среди «цезарианских» поселенцев, боявшихся утратить свои приобретенные наделы. Итогом агитации во время Перузинской войны стало укрепление авторитета Октавиана среди ветеранов, с одной стороны, но резкое его падение среди гражданского населения – с другой.

Сокращение популярности приемного сына Цезаря среди городского плебса, не говоря уже об аристократии, привело к серьезным последствиям. Его катализатором стал разгоревшийся в 41 г. до н.э. конфликт

¹ Ср.: Charlesworth 1934, 27–28; Машкин 1949, 223; Утченко 1969, 186; Parain 1978, 56; Парфёнов 1983а, 55.

² Scott 1933, 26, note 7.

³ Ibid., 25–26; Carter 1970, 106; Gabba 1971, 149.

⁴ Ср.: Ростовцев 2003, 84.

⁵ Ахиев 2003, 10–11.

⁶ Ср.: Charlesworth 1934, 29, note 1; Машкин 1949, 230.

⁷ Zangemeister 1885, 52–78.

с С. Помпеем, действия которого по блокаде Италии привели к перебоям в поставках зерна (App., B. C., V, 67). В Риме в это время несколько раз вспыхивали бунты бедноты против Октавиана (App., B. C., V, 67–68; Dio Cass., XLVIII, 31)¹, а во время цирковых зрелищ зрители демонстративно аплодировали статуе Нептуна (Dio Cass., XLVIII, 31; ср.: Suet., Div. Aug., 16), считавшегося покровителем С. Помпея (App., B. C., V, 100)². Недовольство младшим Цезарем приняло такие масштабы, что он был вынужден пойти на заключение мира с С. Помпеем в 39 г. до н. э. (Suet., Div. Aug., 16; App., B. C., V, 69)³. ПUTEОЛАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ стало начальной точкой в трансформации политической пропаганды. «Республиканская» агитация Помпея-младшего дала шанс Октавиану вновь использовать свой главный козырь – лозунг «Месть за Цезаря». Однако с этого времени в его пропаганде, направленной на гражданское население, начинают, правда, еще редко, появляться такие лозунги, как *pax* (мир), *securitas* (безопасность), *prosperitas* (благополучие) (ср.: Fasti Capitolini, p. 109 ed. A. Degrassi; Verg., Bucol., I, 6–10, 44–45).

Таким образом, по нашему мнению, для Октавия первостепенной задачей в начале его политической карьеры была легализация его деятельности. В сфере идеологии существовала не менее амбициозная цель, а именно создание образа «нового Цезаря» в первую очередь у ветеранов и плебса. И то, и другое ему при всех издержках удалось. Заявления некоторых современных исследователей об ориентации Октавиана на «республиканизм» в те или иные периоды его ранней карьеры по большому счету некорректны, так как ни один из его поступков нельзя напрямую интерпретировать как «республиканскую» акцию. В своей деятельности Октавиан опирался на традиционные римские представления, широко использовал «цезарианские» лозунги, а самое главное, его деятельность четко вписывается в рамки политики «популяров». Создание образа «нового Цезаря» требовало от него наследования действий «популяра» Юлия Цезаря.

§ 3. Эволюция идеологических лозунгов Октавиана от ПUTEОЛАНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ до начала «пропагандистской войны» с М. Антонием

По мнению большинства исследователей, 36 г. до н. э. является поворотным пунктом в эволюции политической пропаганды Октавиана, так как мероприятия этого года несли в себе ростки будущего Принципата

¹ См.: Parain 1978, 73; Yavetz 1988, 86.

² Scott 1933, 29–30; Sousa 1974, 19 Taylor 1979, 120–121; Gowing 1992, 309–310; Абрамзон 1995, 319; Рязанов 1999, 206.

³ См.: Wallmann 1989, 192.

и его идеологии¹. Однако в последнее время раздается все больше голосов в пользу того, что в новых тенденциях можно видеть стремление Октавиана использовать в пропагандистских демаршах 36 г. до н. э. элементы «республиканской идеологии» и попытку ориентации триумвира на «республиканскую» аристократию². По нашему мнению, такая точка зрения является ошибочной и проблема требует более детального изучения.

Из-за скудости источников и их противоречивости вопрос о сближении Октавиана в первой половине 30-х гг. до н. э. с римской аристократией является спорным. Р. Сайм отмечает отсутствие сенаторов и их детей в «революционной партии» Октавиана до 39 г. до н. э.³ Не лучше складывалась ситуация для Октавиана и в последующие годы. Нобили и муниципальная аристократия стали возвращаться в Рим и Италию после заключения ПUTEОЛАНСКОГО соглашения в 39 г. до н. э. (Vell. Pat., II, 77, 3). Представители сенаторской знати уже не могли надеяться на восстановление помпеянской *partes*. Пребывание в Сицилии показало им, что С. Помпей далеко не похож на того идеального спасителя *res publica*, каким его представляли⁴. Деморализованные в политическом отношении представители нобилитета готовы были идти на соглашение с триумвирами⁵. Но в то же время многие из них оставались в оппозиции к Октавиану. Наиболее видные из прибывших аристократов примкнули к М. Антонию, а некоторые даже вернулись обратно к С. Помпею⁶. Октавиан в это время не пользовался популярностью⁷.

В связи с этим довольно странно выглядит мнение Дж. Картера и Д. Шотера, которые утверждают, что уже в 39 г. до н. э. главы «оптиматских» семей могли, наконец, вернуться в общественную жизнь под патронажем нового Цезаря⁸. На самом деле Р. Сайм насчитывает только три фамилии аристократов, принявших сторону наследника Цезаря до 36 г. до н. э., и несколько малозначительных *homines novi*. Так, Ап. Клавдий Пульхер был дальним родственником Октавиана со стороны его новой жены Ливии Друзиллы. П. Эмилий Лепид был племянником

¹ Напр., см.: Виппер 1995, т. 2, 340; Syme 1939, 234; Машкин 1949, 262–266; Утченко 1969, 197; Gabba 1984, 70; Егоров 1985, 84; Парфёнов 1987, 94–99; Yavetz 1988, 88; Trillmich 1988, 480; Wallmann 1989, 268–273; Шифман 1990, 78; Межеричкий 1994, 150–151; Крист 1997, т. 1, 93, 225; Pelling 2005, 37; Sumi 2005, 199.

² Напр., см.: Кубанова 1958, 66; Carter 1970, 170; Huzar 1978, 146; Palmer 1978, 315 sqq.; Meier 1990, 64; Eder 1990, 92, 94–95; Earl 1993, 36; Межеричкий 1994, 150–151; Pelling 2005, 48.

³ Syme 1939, 235; ср.: Парфёнов 1987, 71.

⁴ Gardthausen 1891, Т. 1 Bd. 1, 314 sqq.; Wallmann 1989, 188–190, 192; Рязанов 1999, 04–211. Попытка А. Пауэлла вслед за Ф. Мильтнером «оправдать» С. Помпея определенно неудачна [Powell 2002; ср.: Miltner 1952, 2247].

⁵ Машкин 1949, 254.

⁶ Syme 1939, 227.

⁷ Машкин 1949, 254; Vittinghoff 1959, 38; Gabba 1971, 148; Eck 2003, 29.

⁸ Carter 1970, 141; Shotton 1994, 93; ср.: Егоров 1985, 110.

триумвира М. Лепида, который записал имя его отца в проскрипционные списки. М. Валерий Мессала был проскрибирован, но в дальнейшем прощен Октавианом. Из них только последний играл значительную роль в последующих событиях¹.

Заявления некоторых исследователей о том, что развод со Скрибонией и брак младшего Цезаря с Ливией в 39 г. до н. э. были попыткой сближения с «помпеянами» в сенате², вызвали справедливую критику со стороны П. Вальманна. Он отмечает, что сама Скрибония принадлежала к аристократическому и к тому же «помпеянски» настроенному роду³. Поэтому этот развод сторонники *libera res publica* должны были воспринимать как оскорбление. Скандальные обстоятельства брака с Ливией также не способствовали завоеванию популярности Октавианом среди аристократии⁴.

О ситуации в 36 г. до н. э. источники дают противоречивую информацию. Остается неясным, простил ли Октавиан после победы над С. Помпеем его приверженцев из высших сословий. В то время как Аппиан (App., B. C., V, 127) говорит, что он отпустил «помпеянских» руководителей безнаказанно, Дион Кассий (Dio Cass., XLIX, 12) сообщает, что все за немногим исключением были казнены. Поэтому нельзя напрямую утверждать, что Октавиан простил всех приверженцев С. Помпея, как это делает В. Экк⁵.

Таким образом, нельзя согласиться с точкой зрения, согласно которой Октавиан в первой половине 30-х гг. до н. э. идет на сближение с римской аристократией. Скорее следует говорить о том, что небольшая часть римской знати, среди которой мало кто поклонялся идеалам сенатской *res publica*, переходит на сторону наследника Цезаря. Н. А. Машкин справедливо указывает, что «благодаря победе над С. Помпеем Октавиану удалось добиться перелома в настроении италийских рабовладельческих кругов. Правда, можно говорить еще только о переломе настроений, а не о поддержке»⁶.

Обратимся теперь непосредственно к мероприятиям 36 г. до н. э. Аппиан сообщает, что при возвращении победоносного триумвира в Рим сенаторы и народ, украшенные венками, встретили его, выйдя на далекое расстояние от города (App., B. C., V, 132). З. Явец полагает, что эти демонстрации были организованы искусственно⁷. Однако эта точка зрения не

¹ Syme 1939, 237; Машкин 1949, 263.

² Carter 1970, 141, 172; Flory 1988, 343–359; Earl 1993, 36; Southern 1998, 75; Shotter 1999, 23; Vanotti 1999, 177, nota 62.

³ Barrett 2002, 19–20.

⁴ Wallmann 1989, 202–203, Anm. 93; Barrett 2002, 22 sqq.

⁵ Eck 2003, 28.

⁶ Машкин 1949, 263.

⁷ Yavetz 1988, 22.

находит опоры в источниках. Нужно сказать, что такое внимание было очень редким¹. В последний раз подобная честь была оказана Цицерону в 57 г. до н. э., когда тот вернулся из изгнания, и это стало, по сути, политической акцией «оптиматов» (Cic., Att., IV, 1, 4–5)². Аналогичные почести были оказаны Августу еще два раза: в 30 г. до н. э. (Dio Cass., LI, 4) и в 19 г. до н. э. (Dio Cass., LIV, 10; RGDA, 11–12). Причем первый раз римляне встречали полководца-победителя, «защитившего» Италию от «притязаний» Востока, а второй раз – принцепса, прекратившего гражданские раздоры. По этому случаю был даже освящен алтарь Fortuna Redux (RGDA, 12).

Сенат и народное собрание заочно осыпали Октавиана различными почестями. Он получил право носить лавровый венок, право на переднее место в театре, привилегию ездить верхом в городе, в его честь была построена арка, увенчанная трофеями (Dio Cass. XLIX, 15). Его изображения были поставлены в городах рядом со статуями местным богам (App., B. C., V, 132).

Кроме того, сенат дал ему право либо принять все эти почести в целом, либо выбрать то, что он пожелает сам (Dio Cass., XLIX, 15). Дион Кассий указывает, что от некоторых из них Октавиан отказался, так как они были чрезмерными (Dio Cass., XLIX, 15). Триумvir принял только оvação, ежегодный праздник дня победы над С. Помпеем и золотую статую на форуме. В связи с этим П. Вальмани замечает, что скромность стала средством пропаганды, которая должна была приобрести для него симпатии народа и сената³. Так, триумvir отказался от передачи ему от М. Лепида звания верховного понтифика, о чем было принято решение народного собрания (App., B. C., V, 131; Dio Cass., XLIX, 15; Suet., Div. Aug., 31; RGDA, 10). С точки зрения Э. Хьюзар, М. Лепид был оставлен в живых после известных событий только потому, что Октавиан считал верховный понтификат одним из символов «республиканского» строя⁴. Почему pontifex maximus являлся символом сенатской res publica, остается неясным. Верховный понтифик был главой римской религии, эта должность была пожизненной, поэтому В. Н. Парфёнов справедливо замечает, что лишение М. Лепида этого звания шокировало бы римское общественное мнение, за которое так боролся Октавиан⁵. Кроме того, по мнению Ф. Инара, наследник диктатора надеялся на скорый уход из жизни М. Лепида, который принадлежал к старшему поколению (он родился, видимо, в 89 г. до н. э.)⁶.

¹ Ср.: Wallmann 1989, 270; Sumi 2005, 35–41.

² См.: Утченко 1973, 224–225; Sumi 2005, 39–41.

³ Wallmann 1989, 270.

⁴ Huzar 1978, 146.

⁵ Парфёнов 1987, 93–94, сноска 13; см. также: Jones 1970, 32; Weigel 1992, 94; Eck 2003, 28; Scheid 2009, 126–127.

⁶ Hinard 2003, 335.

Овация состоялась 13 ноября 36 г. до н. э. (ЕJ, р. 34). Несомненно, младший Цезарь намеренно отказался от триумфа, чтобы подчеркнуть, что победа была одержана не в гражданской войне над С. Помпеем, а в войне с беглыми рабами (RGDA, 25). Кроме учреждения ежегодного праздника в честь одержанной победы над С. Помпеем (App., B. C., V, 130), сенатским постановлением «сыну божественного» ежегодно в годовщину победы было позволено проводить пир с женой и детьми в храме Юпитера Капитолийского (Dio Cass. XLIX, 15). 3 сентября, день победы над С. Помпеем, стал постоянным днем произнесения благодарственного молебна (Dio Cass. XLIX, 15). Все эти почести, особенно предложение о благодарственном молебне, говорят о том, что Октавиан защитил римскую общину от опасности, отвел *внешнюю* угрозу, то есть эта война была внешней, а не гражданской¹. Другими словами, в пропаганде Октавиана он и в борьбе с С. Помпеем, и в войне против М. Антония непременно выступает как представитель римской *civitas*. Его образ персонифицируется с римской *civitas*, тогда как образы С. Помпея и М. Антония противостоят ей. Победа была одержана не над С. Помпеем, а над рабами, широко стекавшимися под знамена сына Гн. Помпея Магна (ср.: Hor., Epod., IV, 17–19; IX, 7–10; Vell. Pat., II, 73). Так же и война против М. Антония представляется как война против Клеопатры². Х. Мейер относит становление этого образа к концу 30-х гг. до н. э.: «Октавиан сумел представить себя защитником Италии. В городах по всей стране он принимал меры, чтобы была подтверждена присяга, что так или иначе влекло за собой требование, чтобы он стал лидером в борьбе против Клеопатры. Та же самая присяга была подтверждена городами западных областей. Таким образом, проявилась новая ситуация: *divi filius* имел хорошее основание, посредством которого он мог идентифицировать себя с римским обществом»³. Однако наша трактовка показывает, что формирование этого образа начало складываться уже в 36 г. до н. э.

Несколько иную идеологическую нагрузку несла статуя Октавиана в золотой одежде, установленная на форуме на колонне с рострами с надписью «на суше и на море он восстановил нарушавшийся долгими распрями мир» (App., B. C., V, 130, пер. А. И. Тюменева). Несомненно, эта статуя символизировала окончание гражданских войн и подчеркивала главенствующую заслугу в этом младшего Цезаря⁴. Однако она имела и дополнительное пропагандистское значение. Дело в том, что статуя стояла рядом с колонной Дуилия, которая была установлена в честь морской победы у мыса Милы в 260 г. до н. э., полностью копируя ее

¹ Eck 2003, 29.

² Ср.: Syme 1939, 270; Rich, Williams 1999, 184; Lange 2009, 49.

³ Meier 1990, 64–65; ср.: Sousa 1974, 30.

⁴ См.: Lange 2009, 35.

форму (изображение сохранилось на одном из денариев Октавиана (RIC I, Augustus № 271)) и тем самым вновь подчеркивая внешний характер войны с С. Помпеем (прил. А, рис. 36). Комментируя этот поступок, П. Цанкер отмечает, что «приверженцы Октавиана не чувствовали никаких раскаяний в уподоблении победы в гражданской войне с победой над внешним врагом, устанавливая новую колонну рядом со старой на ораторском возвышении»¹.

Тот же исследователь на основании нумизматических данных считает, что в Риме в это время была установлена еще одна статуя наследника диктатора. Это изображение появляется в эмиссии, чеканенной вскоре после битвы при Навлохе. Как победитель в морском сражении, Октавиан держит в правой руке верхнюю часть кормы (τὸ ἄφλαστον) вражеского корабля в качестве трофея. Копье в левой руке показывает, что перед нами полководец. Правой ногой он опирается на шар (ἡ σφαῖρα), символ всеобъемлющей власти над миром (CRRBM, № Rome 4341; RIC I, Augustus № 256) (прил. А, рис. 37). Крайне экспрессивная поза уже использовалась в изображениях эллинистических правителей, подчеркивая идею богоподобной силы. И хотя к этому времени такой тип несколько утратил свою эффективность, П. Цанкер подчеркивает, что это изображение несло особое «монархическое» значение². Однако мы считаем, что на самом деле это изображение было не статуей, а монетным типом. Богоподобная экспрессия изображения в условиях провозглашения мира и окончания гражданских войн в первую очередь предназначалась для солдат Октавиана, а не для гражданского коллектива. Кроме того, сам П. Цанкер указывает, что этот монетный тип мог быть ответом на более раннюю пропаганду С. Помпея, так как он очень сильно напоминает реверс одного из его денариев³. Статуя стоит в той же позе, но это не изображение божества, как считают некоторые нумизматы⁴, а победный памятник С. Помпея⁵. Победитель, как и на изображении Октавиана, держит в руке изогнутую часть корабельной кормы (aplustre), но ногой опирается на ростру корабля, символизируя морскую победу над приемным сыном Цезаря (прил. А, рис. 38). Также нужно указать, что образцом для чекана Секста Помпея, в свою очередь, послужила тетрадрахма Деметрия Полиоркета, реверс которой с изображением Посейдона монетарии Помпея фактически скопировали.

Кроме перечисленных почестей, Октавиану была также дарована *tribunicia potestas* (App., B. C., V, 132, см.: Dio Cass. XLIX, 15; Oros. VI,

¹ Zanker 1988, 41; ср.: Osgood 2006, 300–301 and note 16.

² Zanker 1988, 39.

³ Ibid., 40.

⁴ См.: Babelon, t. 2, p. 354; CRRBM, v. 2, p. 560, № Sicily 7; Seaby 1967, p. 105, № Pompey 17; RRC, p. 520, № 511/3a.

⁵ Zanker 1988, 40.

18)¹. Как объясняет Аппиан, «чтобы этой пожизненной властью побудить отказаться от прежней» (App., В. С., V, 132, пер. А. И. Тюменева)². Современные исследователи отмечают важную роль трибунской власти в дальнейшем формировании идеологии Октавиана. В частности, А. Х. М. Джоунз отмечает, что *sacrosanctitas* не только делала посягательство на личность младшего Цезаря нечестивым, но и подчеркивала связь с его приемным отцом и демонстрировала его поддержку «популяр»³. Как мы видим, принятие трибунской власти никак не увязывается с «республиканской» идеологией. *Tribunicia potestas* декларирует совершенно иную политику, противоположную «республиканизму» (ср.: Tac., Ann., I, 2).

Таким образом, почести, предоставленные наследнику Цезаря сенатом и плебсом, едва ли можно считать «республиканскими». Это были почести, которые получил всесильный диктатор, а не республиканский магистрат. Следует отметить нагромождение различных почестей, весьма характерное для эпохи раннего Принципата, но никак не для эпохи Республики.

Гораздо больше «республиканизма» можно было бы усмотреть в мероприятиях самого Октавиана. Дион Кассий передает, что когда Октавиан прибыл в Рим, он собрал сенаторов вне города, *согласно древней традиции*, и дал им отчет того, что сделал (Dio Cass. XLIX, 15)⁴. Однако Аппиан излагает эту историю несколько иначе, делая акцент не на *древней традиции*, а на *агитации* младшего Цезаря. Согласно античному историку, Октавиан выступил с речью, где излагал свои дела и «меры управления государством» с начала политической карьеры и до победы над С. Помпеем. Причем триумvir выступил не только перед сенаторами, но и перед народом. Для нас очень важно замечание Аппиана о том, что это выступление Октавиана было записано и распространялось в виде отдельной книжки (*libellus*) (App., В. С., V, 130), то есть это было программное выступление, и оно должно было быть доступно по возможности как можно большему числу граждан⁵. Смысл и общую направленность этого памфлета восстановить несложно, имея перед собой «Деяния божественного Августа» и сообщения Диона Кассия и Аппиана. Его речь была разрывом с триумvirским прошлым. Главным содержанием памфлета было *провозглашение мира* (*пax*), *безопасности* (*securitas*), *окончания гражданских войн* и прославление действий Октавиана (App.,

¹ Вопрос о том, была ли трибунская власть в 36 г. до н. э. вручена Октавиану полностью либо только частично, остается в историографии весьма дискуссионным. Краткий обзор проблемы в статье К. В. Вержбицкого 2003, 268–270; также см.: Bauman 1981, 167–183; Михайловский 1984, 82–104; 1989, 33–40; Last 1985, 241–263; Pelling 2005, 68–69.

² Ср.: Wallmann 1989, 272.

³ Jones 1970, 32; ср.: Yavetz 1988, 89.

⁴ Ср.: Sumi 2005, 206.

⁵ Wallmann 1989, 271.

В. С., V, 131–132). Возможно, это было попыткой переложить всю ответственность за произошедшие во время проскрипций преступления только на М. Антония и М. Лепида (см.: Dio Cass., XLIX, 15; Tac., Ann., I, 9). Весьма показательно, что с этого времени с монет Октавиана исчезает легенда *triumvir rei publicae constituendae* («триумвир для устройства государственных дел»)¹, хотя в надписях этот титул используется до 33 г. до н. э. (ILS, № 77)². Можно предполагать, что война с С. Помпеем объявлялась внешней: это была война против беглых рабов³. Также Октавиан обещал восстановить прежний строй после возвращения М. Антония из парфянского похода (App., В. С., V, 132).

Таким образом, за исключением обещания о восстановлении *res publica*, в речи наследника Цезаря не просматривается «республиканской» риторики. Все это были обычные заявления в духе римского «традиционализма»⁴.

Октавиан не только объявил об установлении мира и прекращении гражданских войн, но и сделал к этому реальные шаги. В сущности, все мероприятия были направлены на внутреннюю стабилизацию римского общества. Так, триумвир вернул многие права в государственном управлении, за исключением консулов (Dio Cass., LIII, 1), ежегодным должностным лицам (App., В. С., V, 132). Они стали предметом насмешек в эпоху триумвиров, так как их число было сильно увеличено Цезарем. В конце концов магистраты отправляли свою должность в течение нескольких недель только затем, чтобы их быстро заменили суффектами: в 38 г. до н. э. было 67 преторов вместо восьми республиканских и 16 Юлия Цезаря. Естественно, их полномочия были сильно урезаны. Эти должности оценивались исключительно как социальный престиж, как предоставление доступа и более высокое положение в сенате⁵.

Были прощены недоимки по долгам в пользу государства, также освобождены от навязанных силой финансовых обязательств сборщики налогов (App., В. С., V, 132; Dio Cass., XLIX, 15). Были сожжены многие

¹ Wallmann 1989, 271.

² Ср.: Wardle 1995, 496–497; Kearsley 1999, 53; Pelling 2005, 52; Lange 2009, 53–54. Недавно Ф. Верваэнт предложил весьма спорную трактовку юридического положения Октавиана в 31–27 гг. до н. э. Исследователь считает, что все это время приемный сын Цезаря продолжал пользоваться триумвирской властью [Vervaeke 2009, 49–71; Vervaeke 2010a, 79–152]. К сожалению, ученый ничего не знает о статье О. Шульца, опубликованной в 1935 году в последнем томе журнала «Zeitschrift für Numismatik», в которой немецкий исследователь приходит к весьма сходным выводам [Schulz 1935, 101–127; ср.: Парфёнов 1998, 223]. Впрочем, это уже устойчивая тенденция в современной англо-американской историографии – игнорирование работ на иностранных языках и небольшой интерес к исследованиям первых десятилетий XX века.

³ Ср.: Rich 2010, 172–173.

⁴ Ср.: Pelling 2005, 37.

⁵ Jones 1970, 32.

документы, относящиеся ко времени смут (App., B. C., V, 132), что символизировало прекращение проскрипций¹. В самые краткие сроки Октавиан восстановил порядок в Риме и Италии (App., B. C., V, 131). Было объявлено о строительной кампании. Октавиан предоставил для общественных нужд многочисленные дома, приобретенные через прокураторов (Vell. Pat., II, 81, 3).

Еще одним важным шагом стало возвращение 30 тыс. рабов их хозяевам (App., B. C., V, 131; RGDA, 25; Oros., VI, 18; 20; Vell. Pat., II, 73), хотя положения Путеоланского договора специально объявляли этих рабов свободными (App., B. C., V, 131). Еще около 6 тыс. рабов, у которых не нашлось владельцев, были распяты (App., B. C., V, 131; Dio Cass., XLIX, 12). Очевидно, так как С. Помпей снова спровоцировал войну, триумvir рассматривал договор как несостоявшийся². Несомненно, эта акция символизировала завершение гражданских войн и установление мира³.

С точки зрения ориентации Октавиана на «республиканскую» идеологию, очень важным является вопрос о его обещании «восстановить» *res publica* в 36 г. до н. э., на которое часто ссылаются современные исследователи. Единственным источником по данному вопросу является Аппиан. Он сообщает, что наследник Цезаря «обещал вполне восстановить государственный строй после возвращения М. Антония из похода против парфян, ибо он был убежден, что и тот пожелает с прекращением гражданских войн сложить свою власть... и от себя написал М. Антонию все, что думал относительно верховной власти» (App., B. C., V, 132, пер. А. И. Тюменева). Некоторые исследователи, отталкиваясь от последующих событий 27 г. до н. э., всерьез воспринимают заявления Октавиана. Р. И. А. Палмер исходит из действительного намерения Октавиана сложить с себя триумvirскую власть, которое было якобы сорвано поведением М. Антония⁴. Той же точки зрения придерживается М. С. Слотер: «В 36 г. он [Октавиан] впервые был свободен, чтобы показать свой настоящий характер. По характеру он был умеренным, консервативным и благоразумным (*sic!*)... Его инстинкт власти не был военным, но ярко выраженным гражданским, и он верил, что в постоянном внимании к восстановлению и сохранению Республики лежит его единственный шанс для настоящей службы государству»⁵. Подобное мнение разделяют также В. Эдер и Ф. Фадингер⁶. При этом они упускают из виду, что такие предложения отказа от власти и со стороны Октавиана, и со стороны М. Антония делались только тогда,

¹ См.: Wallmann 1989, 271.

² Ibid., 269; Lange 2009, 36–38.

³ Eck 2003, 28.

⁴ Palmer 1978, 322–323; ср.: Sumi 2005, 205.

⁵ Slaughter 1922, 101.

⁶ Fadinger 1969, 178; Eder 1990, 95; ср.: Buchheim 1960, 48; Benario 1975, 79.

когда другая сторона не могла согласиться на это. На явно провокационное содержание таких заявлений обращается так же мало внимания, как и на исторический контекст¹. Впервые такие заверения прозвучали во время Перузинской войны 41–40 гг. до н. э. от Л. Антония, который обвинял Октавиана в тирании и узурпации власти и объявлял, что М. Антоний вскоре сложит свою власть триумвира (App., В. С., V, 30, 39, 42–43). В дальнейшем, во время заключения Путеоланского договора в 39 г. до н. э., Октавиан, М. Антоний и С. Помпей «изъявили готовность» восстановить прежний государственный строй в недалеком будущем (App., В. С., V, 73). Следующим идет рассматриваемое заявление Октавиана от 36 г. до н. э. В 32–31 гг. до н. э. такие шаги предпринимал М. Антоний, который вновь обвинил Октавиана в узурпации власти и выразил готовность сложить свою чрезвычайную магистратуру (Dio Cass. XLIX, 41; L, 7; Suet., Div. Aug., 28)². Если мы вспомним исторические события, соответствующие каждому такому «заявлению», то становится ясно, что противная сторона никоим образом не могла согласиться с таким предложением.

Таким образом, обещание Октавиана было, в сущности, провокацией М. Антония³. Ведь теперь последний представлялся в негативном свете, так как именно он становился преградой к восстановлению «старого порядка»⁴. Здесь, правда, нужно учесть и тот факт, что такие заявления могли склонить часть аристократии и сенаторов на сторону Октавиана. А. Х. М. Джоунз, Х. Мейер и П. Вальманн отмечают, что после заключения Путеоланского соглашения из Сицилии и других мест в Италию вернулось много сенаторов и всадников, и было бы благоразумно пробовать получить их расположение в случае уже планировавшегося столкновения с М. Антонием⁵. В любом случае это заявление Октавиана стало выигрышной политической акцией⁶, которой М. Антоний на тот момент ничего не смог противопоставить⁷.

Подводя итоги, следует отметить, что к 36 г. до н. э. наследник диктатора не имел значительной поддержки среди римской аристократии и тем более среди сторонников сенатской *res publica*. Его поддерживала небольшая часть нобилей, видевших в Октавиане возможность для удовлетворения своих политических амбиций. Как мы видели, младший Цезарь не использовал в своей пропаганде «республиканской» риторики. В это время он выдвинул другие лозунги: *paх*, *securitas*, *prosperitas*, –

¹ Wallmann 1989, 272, Anm. 98.

² Ср.: Смыков 2002, 94.

³ Ср.: Brunt 1988, 35.

⁴ Ср.: Bringmann, Schäfer 2002b, 37.

⁵ Jones 1970, 32; Wallmann 1989, 272; Meier 1990, 64.

⁶ Ср., однако: Meier 1990, 64.

⁷ Ср.: Смыков 2002, 94; Bringmann, Schäfer 2002b, 37.

которые не принадлежали к политическому лексикону «помпейцев»¹. Его пропаганда не выходила за рамки римского «традиционализма». Стремление к миру было основным мотивом, которым руководствовались италийские жители в своем отношении к различным политическим деятелям и событиям во время Сицилийской войны. И Октавиан чутко уловил эти настроения. Основной чертой его политики в сфере идеологии после битвы при Навлохе стали лозунги мира, стабильности и процветания. Именно в это время (в 37 или 36 г. до н. э.) под влиянием Мецената Вергилий приступает к своим «Георгикам», где поэт призывает к мирному труду, восхваляет землю Италии и т. д.² Эта же тенденция заметна и в творчестве Горация (Ног., Ерод., I, VII). Фактически все мероприятия триумвира были в первую очередь направлены на стабилизацию общественных отношений. Конституционные моменты отошли в этой агитации на второй план³. Заявлениями о сложении своих полномочий Октавиан стремился переиграть своего соперника попыткой завоевать поддержку сенаторов, в том числе и вернувшихся после Путоланского соглашения нобилей. Такие заявления были только «общим местом» в пропаганде различных *partes* в эпоху Второго триумвирата.

§ 4. Пропаганда Октавиана накануне Актийской битвы и «республиканизм»

Несмотря на то, что пропагандистской борьбе между Октавианом и М. Антонием посвящено большое количество научных работ, в историографии уже довольно давно установилась точка зрения, что наследник диктатора выиграл борьбу за общественное мнение, используя «республиканские» лозунги, которые якобы вызвали большой резонанс в римском обществе⁴. Однако, по нашему мнению, ключевым моментом в понимании изменений, произошедших в идеологии этого времени, является постановка проблемы о соотношении «республиканизма» и «традиционализма» в пропаганде младшего Цезаря в конце 30-х гг. до н. э.

Рассмотрим все «республиканские» акции, приписываемые Октавиану. Я. Ю. Межерицкий заявляет, что «приобрести доверие гражданского населения Италии... можно было, прежде всего, зарекомендовав себя приверженцем “республиканских”, исконно римских традиций, завоевав авторитет удачливого военного вождя, стремящегося к гражданскому миру и процветанию “народа”. Именно такие пропагандистские цели и ставились прежде всего перед иллирийскими походами (35–33 гг. до н. э.)»⁵.

¹ Ср.: Scullard 1963, 170; Nicolet 1984, 109; Shotter 1994, 92.

² Подр. см.: Машкин 1949, 265.

³ Ср.: Wallmann 1989, 269.

⁴ Напр., см.: Kolbe 1985, 73; Межерицкий 1994, 159.

⁵ Межерицкий 1994, 159.

Здесь налицо смешение понятий «республиканизма» и «традиционализма». Исследователь подменяет традиционные представления, характерные для всех римлян, идеологическими представлениями сторонников *libera res publica*. С такой точки зрения можно заподозрить в «республиканизме» и М. Антония, которого Я. Ю. Межерицкий всячески «обвиняет» в склонности к «монархизму». Ведь этот триумвир в то же время организовал целых два военных похода против парфян. Конечно можно указать, что парфянская кампания была авантюрой, тогда как Иллирия расположена рядом с Италией, и замирение беспокойных соседей было делом государственной важности. Именно так поступил Октавиан. По словам Аппиана, он, подчинив Иллирию, в противоположность бездействию М. Антония доложил сенату, что умиротворил Италию, освободив ее от народов, с которыми трудно бороться и которые часто ее беспокоили (App., B. Illir., 16). Однако стоит напомнить, что вначале Октавиан планировал грандиозную экспедицию против Британии (Dio Cass., XLIX, 38), которая выглядела не менее авантюрной, чем парфянская кампания.

Настоящей целью Октавиана было укрепление собственного престижа как победоносного полководца в глазах ветеранов и гражданского населения¹. Ф. Гардтгаузен и Н. А. Машкин отмечают, что до этого младший Цезарь вел только гражданские войны, и это была его первая внешнеполитическая кампания². Дж. Картер указывает на еще один немаловажный момент: Октавиану нужно было занять огромное количество легионов, рассчитывавших на постоянные раздачи подарков³. Иллирийский поход должен был принести необходимые для этого средства⁴.

Заявления полководца о том, что он «умиротворял» племена варваров и действовал в интересах римской *civitas*, были совершенно традиционными для римской практики и никакого отношения к «республиканизму» не имели. Для примера сравним действия Юлия Цезаря и Октавиана. Последний, стараясь преувеличить личные заслуги, превратил доклад сенату о своих военных действиях против иллирийцев в подробный каталог покоренных племен, подчас упоминая совершенно неизвестные и незначительные названия⁵. То же мы встречаем и в действиях Юлия Цезаря, которого вряд ли можно записать в «республиканцы» во время его галльских войн. Мало того, Цицерон в речи о консульских провинциях полностью одобряет успехи полководца с позиции «патриота»: «Так неужели я могу быть недругом тому, чьи донесения, чья слава, чьи посланцы изо дня в день радуют мой

¹ Tarn, Charlesworth 1934a, 88–89; Scullard 1963, 170; Sousa 1974, 51; Малеванный 1977, 141.

² Gardthausen 1891, T. I Bd. 1, 317; Машкин 1949, 270.

³ Carter 1970, 152, 168; также см.: Машкин 1949, 270; Wallmann 1989, 282.

⁴ Wallmann 1989, 281.

⁵ Малеванный 1977, 141; Wallmann 1989, 282.

слух новыми названиями племен, народов, местностей? Поверьте мне, отцы-сенаторы,... я горю неимоверной любовью к отечеству... Это мое исконное и неизменное отношение к государству мирит и снова соединяет меня с Гаем Цезарем и восстанавливает добрые отношения между нами» (Cic., Pro Marc., 9, пер. В. О. Горенштейна).

Я. Ю. Межеричкий видит «республиканские» черты также и в эдилитете М. Агриппы. По его мнению, широкомасштабная строительная деятельность ближайшего соратника Октавиана в 33 г. до н. э. и разыгранные им пышные зрелища были составной частью более масштабной политики, подчеркивавшей лояльность младшего Цезаря к старой Республике¹. В частности, якобы только Октавианом уделялось большое внимание «национальной» религии. Исследователь указывает, что к этому времени *divi filius* был членом нескольких жреческих коллегий. В то же время восстанавливались древние храмы и запрещались азиатские и египетские культы, и именно в этом русле следует рассматривать высылку М. Агриппой магов из Италии².

Однако, с нашей точки зрения, это слишком упрощенный взгляд на рассматриваемые события. Во-первых, строительная деятельность М. Агриппы не была уникальной. Дж. Сами замечает, что при желании постройку в конце 40-х гг. до н. э. М. Лепидом Септы, символа суверенитета *populus Romanus*, и восстановление Г. Мунацием Планком храма Сатурна, одного из древнейших памятников римского форума, вполне можно трактовать как стремление этих политиков опереться на идеалы и идеологию Республики³. Во-вторых, эдилитет Агриппы никак не вкладывается в рамки «республиканизма». Дело в том, что в римской республиканской практике сложилась четкая система занятия магистратур эдил-претор-консул, а молодой полководец уже был и претором, и консулом. Таким образом, его избрание эдилом – это грубое нарушение традиционной практики⁴. Кроме того, тот же Дж. Сами допускает, что Агриппа был в этом году единственным эдилом, что было беспрецедентным для римской практики⁵. И вообще, эдилитет Агриппы скорее следует сравнить с поведением «популяр» Поздней республики, чем с действиями сторонников *libera res publica*⁶. В-третьих, Я. Ю. Межеричкий «забывает» указать, что М. Антоний также входил в состав различных жреческих коллегий (он был авгуром, фламинем божественного Юлия, то есть входил в коллегия понтификов), постоянно

¹ Межеричкий 1994, 159.

² Scullard 1963, 170; Межеричкий 1994, 160.

³ Sumi 2005, 190.

⁴ Ср.: Wright 1937, 83; Sousa 1974, 60; Sumi 2005, 208; Lange 2009, 53.

⁵ Sumi 2005, 208.

⁶ Roddaz 1980, 947 sqq.

использовал сакральные символы в чеканке своих монет¹, а М. Лепид и вовсе был великим понтификом. В-четвертых, восстановлением древних храмов занимались и «антонианцы»². В 34–32 гг. до н. э. Г. Сосий восстановил храм Аполлона Врача и украсил его шедеврами греческой живописи и скульптуры³. В связи с этим Ф. В. Шипли констатирует, что «в это время в Риме шла ожесточенная борьба за общественное мнение между друзьями Октавиана и агентами М. Антония. То, что Октавиан строил новый храм Аполлона на Палатине, было достаточной причиной для «антонианцев» восстановить старый храм с его 400-ми годами религиозной традиции, чтобы попытаться возместить любое религиозное преимущество, которое мог бы получить Октавиан»⁴. Ф. Инар добавляет к этому тот факт, что отделка храма Аполлона, восстановленного Г. Сосием на средства от триумфа над Иудеей, не соответствовала восточному триумфу, а была оформлена в традиционном римском стиле⁵. Исследователь указывает на то, что в это время культ Аполлона являлся предметом напряженного соперничества между триумвирами. Показательно, что Октавиан «выкупил» этот храм у Сосия, сохранив ему жизнь после битвы при Акции⁶. В-пятых, высылка магов и астрологов из Италии связана, по справедливому мнению З. Явеца, с ожесточенной пропагандистской борьбой между триумвирами⁷. В конце 40-х – начале 30-х гг. до н. э. большое распространение получила магическая литература, во многом оппозиционная Октавиану, поэтому действия Агриппы, который перед началом столкновения с М. Антонием стремился ликвидировать любые проявления оппозиции, выглядят абсолютно логичными⁸.

Еще одной «республиканской» акцией младшего Цезаря Я. Ю. Межеричский считает строительство мавзолея в конце 30-х гг. до н. э. (прил. Б, рис. 1)⁹. Он полагает, что мавзолей должен был стать «республиканским» патриотическим ответом на желание М. Антония быть похороненным в Александрии. В своих выводах исследователь опирается на мнения К. Крафта и П. Цанкера. К. Крафт, критикуя предыдущих исследователей, которые видели в создании этого здания проявление монархизма

¹ Cp.: Haverfield 1915, 249–250; Машкин 1949, 214; Sousa 1974, 12, 22.

² Syme 1939, 241; Carter 1970, 177; Sousa 1974, 60–61; Zanker 1988, 65–69; Kolb 1995, 345; Kienast 1999, 410; Pelling 2005, 47.

³ Sauer 1897–1902, Bd. 3, 409; Platner, Ashby 1929, 15–16; La Rocca 1985; 1988, 121–136; Viscogliosi 1988, 139.

⁴ Shipley 1931, 27, note 3.

⁵ Hinard 1992, 57–72; 2003, 332; cp.: La Rocca 1988, 121–136; см. однако: Sear 1998, 64.

⁶ Hinard 1992, 57–72; 2003, 332.

⁷ Yavetz 1988, 90; cp.: Tarn, Charlesworth 1934a, 90.

⁸ Машкин 1949, 271.

⁹ Межеричский 1994, 319–323, см. также: Reeder 1992, 272 sqq.

Октавиана¹, считает, что строительство мавзолея было связано с пропагандистской борьбой триумвиров. В 32 г. до н. э. племянник Юлия Цезаря незаконно обнародовал завещание М. Антония, в котором тот якобы сообщал о передаче римских территорий в собственность Клеопатры и ее детей² и о своем желании быть похороненным в Александрии, что сторонники Октавиана считали доказательством намерения М. Антония перенести столицу в Египет. В ответ Октавиан принял решение о строительстве усыпальницы, чтобы подчеркнуть свою приверженность Риму и Италии³. П. Цанкер принимает эту точку зрения только как объяснение первоначальных целей, но в дальнейшем, по его мнению, монумент подчеркивал династические притязания новой правящей фамилии⁴. Таким образом, К. Крафт и П. Цанкер отмечают стремление «сына божественного» опереться в противостоянии с М. Антонием на Рим и Италию и указывают на использование Октавианом традиционных патриотических лозунгов, которые, в сущности, были характерны для всех римлян вне зависимости от их политических устремлений.

С. Л. Ф. Бренджэрс предлагает иную интерпретацию. Она видит в мавзолее памятник, который изначально строился как победный монумент. Он, совместно с другими строениями в северной части *campus Martius*, алтарем Мира и солнечными часами Августа (*horologium*), должен был передавать сообщение о победе над М. Антонием и наступлении мира⁵. Кроме того, П. Рихэк полагает, что место расположения *bustum*, который находился недалеко от мавзолея, было выбрано одновременно с началом строительства последнего. Причем, Октавиан специально выбрал место в северной части Марсова поля, где, по римским преданиям, Ромул поднялся на небеса. Если эта гипотеза верна, то следует говорить не о «республиканизме» Октавиана, а о стремлении первого римского императора ассоциировать себя с Ромулом⁶.

Следует далее. Я. Ю. Межеричский, поддерживая мнение И. С. Свенцицкой, видит в М. Антонии «ориенталиста», так как его поведение на Востоке якобы совершенно не соответствовало римским обычаям⁷, тогда как врожденные «республиканские представления и ценности» наследника диктатора должны были сформировать в нем «поклонника

¹ Platner, Ashby 1929, 332; Kornemann 1938, 83; Syme 1939, 305, 522; ср.: Машкин 1949, 602; Richard 1970, 378 sqq.; Millar 1984, 57; Kolb 1995, 337–340; см.: Kienast 1999, 412, Anm. 120.

² Об этом см.: Смыков 2002, 100 слл.; Pelling 2005, 40–41.

³ Kraft 1967b, 195 sqq.; ср.: Carter 1970, 194; Вулих, Неверов 1988, 165–166; Rodriguez 1989, vol. 1, 282–285; Rehak 2006, 36–37.

⁴ Zanker 1988, 72–77; см. также: Hesberg, Pansiera 1994, 54–55; Rehak 2006, 31–61.

⁵ Brangers 2007, 59–82.

⁶ Rehak 2006, 33–35, 61; ср.: Brangers 2007, 25.

⁷ Свенцицкая 1982, 134; Межеричский 1994, 152–155, 160; ср.: Бабст 1854, 166; Машкин 1949, 214–215.

Республики»¹. Здесь также просматривается смешение понятий «республиканизма» и «традиционализма». На самом деле и сторонники младшего Цезаря, и агенты М. Антония стремились опереться в своей пропаганде на традиционные римские ценности. Такая борьба между ними в итоге привела к тому, что соперники всячески пытались обвинить друг друга в «забвении» *mos maiorum*. Дион Кассий сохранил свидетельство, согласно которому уже в 36 г. до н. э. или чуть позднее сторонники М. Антония и М. Лепида подчеркивали жестокость Октавиана и перекладывали на него ответственность за преступления во время проскрипций (Dio Cass., XLIX, 15). По всей вероятности, эти обвинения имели под собой какие-то основания, на что указывает Светоний (Suet., Div. Aug., 12–16). Как мы уже упоминали, М. Антоний также обвинял Октавиана в нежелании складывать чрезвычайную магистратуру и возвращать власть сенату и народу (Dio Cass., XLIX, 41; L, 7; Suet., Div. Aug., 28).

Однако выиграть борьбу за общественное мнение удалось Октавиану. И этому во многом способствовало, несмотря на все усилия его агентов в Италии, поведение М. Антония на Востоке². Переломным моментом в этом противостоянии стало решение наследника Юлия Цезаря сделать в своей контрагитации ставку на Клеопатру, с которой М. Антоний жил уже несколько лет³. Зимой 35 г. до н. э. младший Цезарь отправил свою сестру Октавию, которая была официальной женой М. Антония, на Восток, предварительно передав ей небольшие средства и только 2 тыс. легионеров в «поддержку» парфянской кампании. Октавиан рассчитывал на резкую реакцию М. Антония, ведь, согласно договору, заключенному в 37 г. до н. э., в обмен на 120 кораблей «сын божественного» должен был передать 20 тыс. ветеранов⁴. Подачка в виде 2 тыс. легионеров должна была взбесить импульсивного М. Антония. Действительно, он написал письмо Октавии, находившейся в Афинах, с тем, чтобы она возвращалась в Рим. Сторонники Октавиана развернули грандиозную пропагандистскую акцию: римский магистрат отверг законную жену-римлянку ради восточной царицы, запятнавшей себя многочисленными пороками⁵. Самого М. Антония обвиняли в поведении, противоречившем *римским традициям*, а не «республиканизму»⁶. Ему инкриминировали возмутительные, с римской точки зрения, поступки: он якобы отказался от римской одежды и носит восточную, Клеопатру называет своей «госпожой»

¹ Межеричкий 1994, 135–136, 142, 144.

² См.: Виллер 1995, т. 2, 111; Zanker 1988, 57–65; Malitz 2007, 39–42.

³ Reinhold 1981/2, 97–103; Ахиев 2001b, 94–101.

⁴ Syme 1939, 225.

⁵ Ср.: Tarn, Charlesworth 1934a, 93; Carter 1970, 181; Sousa 1974, 30; Eck 2003, 30; Pelling 2005, 39; Портнягина 2006, 315–316.

⁶ Ср.: Kolbe 1985, 73.

и «царицей», что он собирается перенести столицу в Александрию, а римских воинов сделал телохранителями царицы, а ее имя написано на их щитах и др. (Hor., Epod., IX. 11–16; Liv., Epit., 132; Vell. Pat., II, 82; Dio Cass., L, 5; Eutrop., VII, 7, 1; ср.: Propert., II, 16, 37–40)¹.

Однако вряд ли можно согласиться с мнением, согласно которому «М. Антоний не ощущал своей связи с традициями римской гражданской общины»². Е. В. Смыков совершенно справедливо указывает на то, что триумвир был продуктом этих традиций даже в своих пороках, проявления которых носили демонстративный характер. Это было «антиповедение», в котором исходным моментом для отрицания служили все-таки традиционные ценности³. С. Д. Литовченко, изучая римско-армянские отношения в конце I в. до н. э., также отмечает, что действия М. Антония не выходили за рамки римской внешнеполитической практики конца Республики⁴.

В заключение следует отметить важный факт, на который современные исследователи практически не обращали внимания, концентрируясь на выявлении либо «республиканских», либо «монархических» черт в идеологических акциях триумвиров. Между тем их пропагандистские усилия фокусировались в основном на *частных моментах*. По нашему мнению, это отличительная черта второй половины 30-х гг. до н. э., которая была вызвана тем, что в это время не использовалась «партийная» идеология. «Помпеянская» *partes* была разгромлена, а ее лозунги даже в пору ее расцвета пользовались небольшой популярностью среди широких кругов римского общества. Утратила свое значение и «цезарианская» идеология. Мстить за Цезаря было больше некому.

В итоге большую популярность приобрели личные нападки, пасквилы, инвективы, широко использовавшиеся в политической борьбе Поздней республики⁵. В частности, М. Антоний инкриминировал Октавиану его низкое происхождение, жестокость, половую распущенность, аморальное поведение, профанацию сакральных действий и увлеченность азартными играми (Suet., Div. Aug., 2, 4, 10, 16, 63, 68–70; Nero, 3)⁶. К. Скотт отмечает, что в конце 30-х гг. до н. э. противники младшего Цезаря использовали обвинения, которые были в ходу и в более раннее время⁷. Октавиан в свою очередь обвинял своего соперника в тех же преступлениях. Римской общественности навязывался образ М. Антония как

¹ См. также статью Ахиева 2009, 242–248 о роли Цезариона в пропаганде триумвиров.

² Slaughter 1922, 99; Tarn, Charlesworth 1934a, 66 sqq.; Свенцицкая 1982, 134.

³ Смыков 2002, 83, прим. 6; ср.: Панченко 1990, 73–80.

⁴ Литовченко 2003, 134; ср.: Carter 1970, 157, 169.

⁵ Шталь 1963, 141–152; Pelling 2005, 40–42.

⁶ Charlesworth 1933, 172–177; Scott 1933, 31–33; Carter 1970, 183–184; Wallmann 1989, 273–274; Pelling 2005, 43.

⁷ Scott 1933, 7 sqq.

пьяницы, распутника, религиозного отступника (FrGH, 192; Hor., Epod., IX, 11–16; Suet., Div. Aug., 69; Plin., N. H., XIV, 148; XXXIII, 50; Plut., Ant., 21, 24, 28, 36, 54, 58; Dio Cass., L, 5)¹. Он даже не гнушался использовать нецензурную лексику (Mart., XI, 20)² и агитацию порнографического характера³.

Таким образом, в своей пропаганде в конце 30-х гг. до н. э. Октавиан не использовал «республиканских» лозунгов, характерных для сторонников *libera res publica*. Напротив, сторонники младшего Цезаря в своей деятельности время от времени использовали традицию «популярров», на что со всей определенностью указывает эдилитет Агриппы. Мероприятия и пропагандистские акции наследника Юлия Цезаря в первую очередь были направлены на формирование образа удачливого полководца и мудрого политика, стоящего на страже интересов Италии и Рима и заботящегося о благосостоянии римских граждан. В его контрпропаганде М. Антоний изображается как враг римской общины, который готов предать отечество ради капризов египетской царицы. Другими словами, здесь Октавиан опирается на традиционные римские ценности. В то же время падение значения «партийных» идеологий привело к росту личных нападков и большему значению личного момента в контрагитации.

Итак, подведем итог нашему разбору. В период после смерти Цезаря наблюдается кризис «помпеянской» идеологии, так как лозунги сторонников *libera res publica* не были популярны среди плебса и ветеранов. В то же время «цезарианская» агитация пользовалась большей поддержкой в связи с тем, что время от времени лидеры «цезарианцев» применяли лозунги или копировали поведение *popularares*. В этих условиях уже в начале своей политической карьеры Октавиан сделал ставку на «цезарианскую» идеологию. Его основной и главной задачей стала легализация его положения в государстве. Эта цель проходит красной нитью через все действия наследника диктатора. Активно эксплуатируя имя своего приемного отца, он стремился создать среди плебса и ветеранов образ «нового Цезаря». В этот период ни один из его поступков нельзя напрямую интерпретировать как «республиканскую» акцию. Напротив, создание образа «нового Цезаря» требовало от Октавиана наследования действий «популярра» Юлия Цезаря. Именно агитация в духе «популярров» принесла ему широкую известность и большие дивиденды. Изменение политической ситуации привело к смене акцентов в идеологии Октавиана в начале 30-х гг. до н. э. Он постепенно отошел от «партийных» «цезарианских» лозунгов в пользу пропаганды мира, безопасности и проц-

¹ См.: Scott 1929, 133–141; Tarn, Charlesworth 1934a, 97–99; Kraft 1967c, 496–499; Davis 1969, 91–94; Carter 1970, 183–184; Geider 1980, 112–114; Huzar 1982, 639–657.

² Hallett 1979, 151–171.

³ Журавлёв 2004, 133, 149, рис. 9, I, 3.

ветания всех граждан, руководствуясь стремлением римского общества к миру. Следует подчеркнуть, что эти лозунги все равно не входили в политический лексикон «помпеянцев», а *рах* и *concordia* широко применялись в агитации «цезарианцев». Период перед Актийской битвой характеризуется еще большим отходом от «партийной» идеологии, хотя будущий принцепс продолжал использовать акции «популярлов». На первый план выходит пропаганда традиционных римских ценностей. Формируется новый образ Октавиана как удачливого полководца и защитника этих ценностей, которому противостоит развращенный Востоком М. Антоний. Таким образом, младший Цезарь в своей пропаганде не использовал «республиканскую» риторику. Его агитация опиралась на традиционные римские представления, характерные для всех римских политических сил.

ГЛАВА 3

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АВГУСТА В 20-Е ГГ. ДО Н. Э.: «ТРАДИЦИОНАЛИЗМ» И МОНАРХИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Разгром М. Антония и фактически незаконный приход к власти заставили Октавиана приложить большие усилия в сфере пропаганды для оправдания своих действий. В период с 30 г. до н. э. по 18–17 гг. до н. э. официальная идеология раннего Принципата в общих чертах уже сформировалась. Однако стремление Августа к власти, с одной стороны, и использование им политических лозунгов эпохи Поздней республики, с другой, оставляет открытым вопрос о сущности и направленности этой идеологии. Сторонники «интегральной концепции» и «теории республиканизма Августа» в таких лозунгах, как *res publica restituta*, *vindex libertatis*, рах, видят желание принцепса если не возродить, то опереться на республиканские порядки, тогда как приверженцы «теории фасада» – стремление императора завуалировать монархический строй с помощью республиканской риторики. Но и те, и другие никак не дифференцируют «республиканские» заимствования, фактически приписывая их «сторонникам» старого режима. Наряду с этим недостаточное внимание уделяется «монархическим» тенденциям в идеологии Августа: прозвище *augustus*, понятия *virtus*, *iustitia*, *clementia*, *pietas* в большинстве случаев рассматриваются сквозь призму республиканских реалий.

Следовательно, для нас важно не только дать свое толкование целям и намерениям принцепса в области идеологии, установить связь официальных лозунгов с «республиканизмом» (если таковая существовала), но и показать, какая из тенденций превалировала – «традиционализм» или «монархизм».

§ 1. Лозунг *res publica restituta* и «восстановление» Августом государства

Лозунг *res publica restituta* привлек большое внимание исследователей в связи с их толкованиями сущности политического режима императора Августа. Сторонники «теории фасада» считают его республиканской вывеской монархического режима¹, тогда как их противники – доказательством

¹ Winspear 1935, 51; Машкин 1949, 429; Wirszubski 1950, 107 sqq.; Bleicken 1990, 87; Mellor 1990, 27–28; Fears 1997, 14; Kienast 1999, 88–91; Shotter 1999, 27; Борисов 2001, 40–45; Сидорович 2005, 76; Марков 2007, 92.

«республиканизма» Августа¹. Так, по мнению П. Цанкера, «Октавиан спас Республику от разрушения, но теперь нужно было “восстановить” ее. Никто... не ожидал, что победитель возвратит всю власть сенату, но он, по крайней мере, должен был найти способ сделать монархию приемлемой для старых аристократических родов»². Напротив, Я. Ю. Межеричкий отмечает, что «принципат Августа имел едва ли не официальное наименование “восстановленная республика” (*respublica restituta*)»³.

Между тем в 1973 и 1974 гг. вышли статьи Ф. Миллара⁴ и Э. А. Джаджа⁵, в которых ученые поставили под сомнение не только трактовку *res publica restituta* как «восстановленная Республика», но даже существование этого лозунга в эпоху Августа. Ф. Миллар, сравнив изменения в провинциальном управлении и положении римских магистратов и сената в период триумvirата и после 27 г. до н. э., пришел к выводу, что деятельность Октавиана в 28–27 гг. до н. э. не имела в себе ничего «республиканского». В результате исследователь задается вопросом: «Имеем ли мы какое-либо свидетельство, чтобы подтвердить утвердившуюся точку зрения, что в 27 г. до н. э. можно видеть либо действительное, либо объявленное “восстановление Республики”?»⁶ Рассмотрев свидетельства источников, Ф. Миллар указывает на показательный факт, что поэты эпохи Августа не использовали выражение *res publica restituta*. Этот термин встречается лишь два раза в документах, современных рассматриваемому нами периоду, а именно в надписях, где он восстанавливается по эмэндациям эпиграфистов (CIL, I², p. 231; VI, № 1527, II, 26–27). Кроме того, Ф. Миллар пришел к принципиально важному заключению, что единого термина, обозначавшего *status novus*, не существовало, а выражение *res publica* означало «государство, государственные дела», а вовсе не «Республика»⁷.

Э. А. Джадж, в свою очередь считая, что старые республиканские институты и обычаи сохранили свою силу и после 27 г. до н. э., также усомнился в «восстановлении» Октавианом Республики. Он при рассмотрении свидетельств источников уделил все внимание уже упомянутым нами двум аутентичным надписям: «Пренестинским фастам» и так называемой «*Laudatio Turiae*». Э. А. Джадж указал, что в «Пренестинских фастах», кроме моммзеновской эмэндации «*corona quern[a uti super ianuat*

¹ Pelham 1911, 31–33, 35; Фепперо 1916, т. 3, 432–454; Hammond 1933, 20–21; 1965, 147 sqq.; 1966, 141–158; Castritius 1982, 9.

² Zanker 1988, 90.

³ Межеричкий 1994, 3.

⁴ Millar 1973, 50–63; 2002, 241–260.

⁵ Judge 1974, 279–311; 2008, 140–164.

⁶ Millar 1973, 63.

⁷ Millar 1973, 63–67; 1968, 265–266; 2002, 260–270.

domus imp. Caesaris] Augusti poner[etur senatus decreuit quod **rem publicam**] p(opulo) R(omano) rest[it]u[it] (сенат постановил, чтобы над дверью дома императора Цезаря Августа был размещен дубовый венок за то, что он восстановил res publica римского народа)» (CIL, I², p. 231), возможны и другие восстановления. В частности, он предложил свое довольно сомнительное исправление: «Corona querc[ea autem id est civica uti super ianuam] Augusti poner[etur quod civibus ab eo servatis ipse] p(opulo) R(omano) rest[it]u[it] sibi videbatur eodem s.c. sanctum est]»¹. Следовательно, по мнению исследователя, приводить этот источник в качестве примера «восстановления» Республики не представляется возможным.

Вместе с тем Э. А. Джадж согласился с дополнением *pacato orbe terrarum res[titu]ta republica* («после умиротворения круга земель была восстановлена res publica») (CIL, VI, № 1527, II, 26–27) в «*Laudatio Turiae*» и отверг эмендацию Р. Фабретти «re[ddi]ta (возвращена)», так как в самой надписи все же заметна буква s: *res...a republica*². Однако, по его мнению, в этом отрывке речь идет не о «восстановлении» Республики, а о помиловании Августом проскрибированного аристократа. Следовательно, под *restitu]ta republica* нужно понимать «отечество было возвращено в прежнее состояние» или еще точнее – «отечество было восстановлено для нас». Другими словами, выражение *res publica restitu]ta* здесь использовано для обозначения возвращения из изгнания. В результате он сделал вывод, что нет ни одного свидетельства, согласно которому Август утверждал, что «восстановил» Республику³.

Однако выводы Ф. Миллара и Э. А. Джаджа не нашли повсеместного признания у современных ученых⁴, среди которых уже стало правилом хорошего тона делать на эти работы лишь ссылку, иногда даже без комментариев к ней⁵. Д. Шоттер, Ю. Г. Чернышов, К. Брингманн и вовсе не ссылаются на эти статьи⁶. С другой стороны, часть историков – и сторонники «теории фасада», и сторонники «интегральной концепции» – подвергли взгляды Ф. Миллара и Э. А. Джаджа критике, которая касается слабых мест в общих рассуждениях этих ученых, но самого разбора лозунга *res publica restitu]ta* непосредственно не затрагивает.

¹ Judge 1974, 288–298.

² Ibid., 299 and note 26.

³ Ibid., 298–301.

⁴ Эту точку зрения поддержали лишь Н. К. Макки, А. Дж. Вудмен, Дж. Р. Стэнтон, К. Х. Ланге и М. Цитрони [Woodman 1983, 254; Mackie 1986, 302–340; Stanton 1998, v. 1, esp. 282–284; Lange 2009, 184–185; Citroni 2009, 245–246].

⁵ Ср.: Lacey 1974, 177, note 14; Wallace-Hadrill 1982, 36b, note 33; Castritius 1982, 10, Anm. 10; Ramage 1987, 59, note 117; Southern 1998, 232–234, note 13; Kienast 1999, 88, Anm. 33; Gowing 2005, 4–5, note 13; Deremetz 2009, 283; Freyburger-Galland 2009, 325.

⁶ Чернышов 1994, ч. 2, 6–21; Shotter 1999; Shotter 2004; Bringmann 2002a, 113–123.

Ф. Юрле и Б. Минео совершенно справедливо критикуют Э. А. Джаджа, который отмечал, что ни в каком виде не существовало Августовой программы восстановления, при этом фактически не привел убедительных примеров в поддержку своей точки зрения¹.

В то же время П. А. Карплидж, полагая, что Август был способен на любой обман, выступил против рассуждений Ф. Миллара на том основании, что известный отрывок из «Деяний Августа» «*rem publicam ex mea potestate in senatus populique Romani arbitrium transtuli* (я передал *res publica* из своей власти в управление сената и римского народа)» (RGDA, 34) якобы должен означать «восстановление Республики» и, следовательно, под термином *res publica* нужно понимать «Республику»². В свою очередь Я. Ю. Межеричский критикует Ф. Миллара за то, что тот, указывая на монархические изменения в провинциальном управлении, использует только материалы из восточных провинций, тогда как, по мнению Я. Ю. Межеричского, политические и идеологические структуры двух частей империи выстраивались на различных фундаментах, а природу принципата Августа можно уяснить, только принимая во внимание специфику римского менталитета³.

Таким образом, с одной стороны, большинство исследователей продолжают традиционно переводить словосочетание *res publica restituta* как «восстановленная» Республика, что не соответствует, по нашему мнению, значению этого лозунга, которое в него вкладывали в 20-е гг. до н. э. С другой стороны, нам трудно согласиться с некоторыми положениями в выводах Ф. Миллара и Э. А. Джаджа. Поэтому имеет смысл вновь обратиться к трактовке выражения *res publica restituta*.

Показательно, что сам Август не использовал лозунга *res publica restituta*⁴. В своем политическом завещании он заявляет, что «*in consulatu sexto et septimo, postquam bella civilia exstinxeram, per consensum universorum potens⁵ rerum omnium, rem publicam ex mea potestate in senatus populique Romani arbitrium transtuli* (в шестое и седьмое консульство, после того как я потушил гражданские войны, по всеобщему согласию достигший высшей власти, я передал *res publica* из своей власти в управление сенату и римскому народу)» (RGDA, 34). П. А. Карплидж и Э. Рэмейдж считают, что в этом месте под термином *res publica* следует

¹ Hurler, Mineo 2009a, 13–14.

² Cartledge 1975, 30–40, esp. 38.

³ Межеричский 1994, 94–97.

⁴ См.: Galinsky 1996, 65.

⁵ В 2003 г. П. Боттери опубликовала новый фрагмент «*Res gestae*» из Антиохии (Писидия). Этот фрагмент показывает, что следует читать *potens* («овладевший, достигший»), а не *potitus* («облеченный») [Botteri 2003; ср.: Lebek 2004; Lehmann 2004, 151, Anm. 1; Drew-Bear, Scheid 2005, esp. P. 233–236; Lobur 2008, 14–17]. Ранее общепризнанным было восстановление Т. Моммзена – «*potitus rerum omnium* (облеченный высшей властью)» [Mommmsen 1883, 144].

понимать «Республика»¹. Однако из этого отрывка можно только сделать вывод, что Октавиан прежде всего ставил себе в заслугу прекращение гражданских войн и сложение полномочий триумвира. Сам контекст говорит в пользу перевода *res publica* как «государственные дела», но никак не Республика.

Такая трактовка подтверждается интересным лингвистическим наблюдением, сделанным К. Галински. Исследователь указывает на тот факт, что Август два раза подряд использует термин *res*: «он был господином “всех вещей” (*potitus rerum omnium*), из них он передал “общественную вещь” (*rem publicam transtuli*) в *arbitrium* сената и римского народа»². *Arbitrium*, в свою очередь, также несет определенную смысловую нагрузку. Первоначальное значение *arbitrium* – решение, свободное суждение о том, что хорошо и справедливо. *Arbitrium* означает общий оценочный процесс³. К. Галински поясняет, что этот термин – признак людей, которые осуществляют *potestas*, но это не просто власть (*imperium*), но также и *ius*, и *cura*⁴. В этом отношении важно свидетельство Т. Ливия, который различает законодательную власть народного собрания (*potestas populi*) и консультативные полномочия сената (*arbitrium senatus*) (Liv., X, 24). В таком свете трактовка Августом событий 28–27 гг. до н. э. выглядит следующим образом: он передает *res publica* из его власти (*potestas*) не во власть (*potestas*) сената и римского народа, а в их *arbitrium*. Сила их *arbitrium*, учитывая трактовку *res publica* как «государственные дела», будет пропорциональна их обязательствам в отношении моральных ценностей, которые являются существенными для того, чтобы поддерживать *ius* и *cura* и, следовательно, способствовать длительному существованию римской общины. Август, таким образом, приглашает сенат и народ участвовать с ним в заботе о государстве на основе закона (*ius*) и заботы (*cura*) ради общественной пользы (*res publica*)⁵.

В доказательство «республиканизма» Августа исследователи часто приводят известный отрывок из бревниария Веллея Патеркула: «*Finita vicesimo anno bella civilia, sepulta externa, revocata pax... restituta vis legibus, iudiciis auctoritas, senatui maiestas, imperium magistratuum ad pristinum redactum modum... Prisca illa et antiqua rei publicae forma revocata* (по прошествии двадцати лет окончены гражданские войны и похоронены внешние, возобновлен мир... восстановлена сила законов, возвращен авторитет судам, сенату – величие, магистратам – власть и старинные полномочия... Возобновлена старинная и древняя форма *res publica*)»

¹ Cartledge 1975, 30–40, esp. 38; Ramage 1987, 38 sqq.; cp.: Kolbe 1985, 75–76.

² Galinsky 1996, 65.

³ Walde 1938, Bd. 1, 62, s. v. *arbitr*; Lewis, 1958, 151, s. v. *arbitrium*; OLD, p. 160, s. v. *arbitrium*.

⁴ Galinsky 1996, 65.

⁵ Ibid.

(Vell. Pat., II, 89)¹. Примечательно, что Веллей Патеркул также делает акцент на окончании гражданских войн и установлении мира. Восстановление древней формы *res publica* он связывает с восстановлением законов, полномочий судов, сената и магистратов. Другими словами, историк подчеркивает заслугу Августа в наступлении мира и восстановлении полномочий государственных органов власти, чья работа была нарушена во времена гражданских войн. Кроме того, Ф. Миллар отмечает, что это не оригинальное суждение Веллея Патеркула, а, вероятнее, «более детальная и украшенная версия» обращения Цицерона к Г. Юлию Цезарю из его речи «По поводу возвращения М. Клавдия Марцелла»: «*Omnia sunt excitanda tibi, C. Caesar, uni... constituenda iudicia, revocanda fides, comprimendae libidines, propaganda suboles: omnia, quae dilapsa iam difflexerunt, severis legibus vincienda sunt* (тебе одному, Гай Цезарь, приходится восстанавливать все... учреждать суд, восстанавливать кредит, обуздывать страсти, заботиться о грядущих поколениях, а все то, что распалось и развалилось, связывать суровыми законами)» (Cic., Pro Marc., 23, пер. В. О. Горенштейна)².

К тому же почти в тех же словах, что и приход к власти Августа, Веллей описывает приход к власти Тиберия: «...на форум призвано доверие, с форума удален мятеж, с Марсова поля – домогательства, из курии – раздоры, и возвращены государству одряхлевшие от долгого бездействия и погребенные правосудие, справедливость, энергия; к магистратам пришел авторитет, к сенату – величие, к судьям – вескость» (Vell. Pat., II, 126, пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой). Таким образом, приведенные выше доводы свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что сообщение Веллея нельзя трактовать как подтверждение «республиканизма» Августа.

Т. Ливий единственный из современников Августа, кто использует выражение *res publica restituta*. Правда, он употребляет его всего лишь один раз в третьей книге, опубликованной в составе первой декады незадолго после 27 г. до н. э.³ Рассказывая о борьбе патрициев и плебеев во время заговора Аппия Гедрония, Ливий так описывает реакцию плебса и сената на патристическую речь консула 460 г. до н. э. Л. Квинкция Цинцинната: «*Moverat plebem oratio consulis; erecti patres restitutam credebant rem publicam* (речь консула взволновала плебс, а воодушевленные сенаторы стали полагать, что государственные дела восстановлены)» (Liv., III, 20). Несомненно, здесь *res publica* означает «государство» или даже, скорее, «государственные дела», но никак не Республика⁴.

¹ Harp.: Benario 1975, 79.

² Millar 1973, 64.

³ Syme 1959, 42–57; Petersen 1961, 451, note 61; Luce 1965, 209 sqq.; Hurlet, Mineo 2009a, 12.

⁴ Ср.: Millar 1973, 63.

В эпиграфических источниках *res publica* также имеет значение «государство» либо «община»¹. Так, в надписи, найденной на римском форуме и относящейся к 29 г. до н.э., говорится о сохранении государства: «*Senatus populusque Romanus imp. Caesari divi Iuli f... re publica conservata* (сенат и народ римский императору Цезарю, сыну божественного Юлия... за сохраненное государство)» (ILS, № 81). Здесь «восстановление» государства связывается с победой Октавиана над М. Антонием. Еще более ярко эта связь проявляется в свидетельствах пренестинских и амитернских фаст, а также отчетов арвальских братьев. Под 1 августа 30 г. до н.э. мы читаем: «...eo die imperator Caesar Augustus rem publicam tristissimo periculo liberavit (...в этот день император Цезарь Август освободил государство от величайшей опасности)» (EJ, p. 49). Тот же смысл выражение *res publica* несет в надписи, датирующей 29 г. до н.э., которая была начертана на победном памятнике Октавиана, располагавшемся на месте Актийской битвы близ города Никополя, основанного в честь победы над М. Антонием: «...Imp Caesa[r] Div[i Iuli] f[ilius] vict[oriam] consecutus bell[is] quod pro [re] p[ub]lic[a] ges[sit] in hac region[e] consul[us] quintum i[m]perat[or] se[ptimum] pace parta terra [marique] Nep[er]tuno [et] Ma[r]t[i] c[ae]stra [ex] quib[us] ad hostem in]seq[ue]ndum egr[eg]essu[s] est navalibus spolijs [exorna]ta c[on]sacrauit... (Император Цезарь, сын Божественного Юлия, одержав недавнюю победу в войне, которую он вел ради государства в этом регионе, когда был консулом в пятый раз и императором в седьмой, после утверждения мира на суше и море, Нептуну и Марсу лагерь, из которого он выступил, чтобы преследовать врага, украсив морской добычей, посвятил)»².

Что касается восстановления *res publica restituta* в «Пренестинских фастах», то, по нашему мнению, оно маловероятно³. Следует согласиться с точкой зрения Э. А. Джаджа, что, кроме моммзеновской эмендации «...quod **rem publicam** p[ro]pulo R[oma]no rest[it]u[it] (...за то, что он восстановил *res publica* римского народа)» (CIL, I², p. 231), возможны и другие добавления⁴. Однако здесь нужно отметить, что и сам Т. Моммзен

¹ Ср.: Lange 2009, 122.

² Oliver 1960, 180; Murray, Petsas 1989, 62–77; Zachos 2003, 74–76.

³ См. также: Freyburger-Galland 2009, 325.

⁴ Кроме восстановления Э. А. Джаджа, также укажем на новую попытку Ф. Миллара, который, опираясь на легенду «*Leges et iura p[ro]puli R[oma]ni restituit*», найденного в 90-е гг. XX в. ауреуса [Rich, Williams 1999], добавил: ...[quod *leges et iura*] / p. R. rest[it]u[it] [Millar 2000, 6–7; ср.: Suspène 2009, 146, note 6]. Еще одну эмендацию предложила в 2007 г. итальянская исследовательница Э. Тодиско: «*corona querc[ea] a senatu, uti super ianuam Imp. Caesaris] Augusti poner[etur], decreta quod ciues servavit, re publica*» p. R. rest[it]u[it] [a] (по сенатскому решению, чтобы над дверью дома императора Цезаря Августа был размещен дубовый венок за то, что он спас граждан, когда была восстановлена *res publica*)», где она заменила перфект глагола *restituere* на причастие прошедшего времени. В результате,

вначале признавал, что *res publica* была неудачной эмендацией и в своем издании «*Res gestae divi Augusti*» предлагал *provinciae*: «...quod provincias] p R rest[it]u[it] (за то, что он восстановил провинции римского народа)»¹, то есть речь идет о «восстановлении» контроля над «всеми» провинциями. На наш взгляд, эта эмендация более приемлема. Об этом совершенно определенно свидетельствуют данные Овидия и Т. Ливия. Овидий указывает, что Октавиан получил прозвище Август за то, что «возвратил» провинции римскому народу: «*Redditaque est omnis populo provincia nostro / et tuus Augusto nomine dictus avus*» (Ovid., *Fasti*, I, 589–590). На то же указывает и Ливий: «*C. Caesar rebus compositis et omnibus provinciis in certam formam redactis Augustus quoque cognominatus est* (Г. Цезарь, приведя в порядок дела и установив должное устройство во всех провинциях, был назван Августом)» (Liv., *Epit.*, 134).

Относительно использования лозунга *res publica restituta* в так называемой «*Laudatio Turiae*», где говорится, что «*pacato orbe terrarum res[titut]a republica*» (CIL, VI, № 1527, II, 26–27), можно сказать, что эта эмендация вполне вероятна. Но опять-таки нет никаких оснований видеть в этом выражении «восстановленную» Республику, как это делает большинство исследователей. Приведенные выше свидетельства источников в отношении *res publica* показывают, что под этим термином в отрывке из «*Laudatio Turiae*» следует понимать «государство», то есть: «После умиротворения круга земель были восстановлены государственные дела»².

Таким образом, в 20-е гг. до н. э. понятие *res publica* трактовалось прежде всего как «государство» или «государственные дела». Единого термина, обозначавшего *status novus*, в источниках мы не встречаем³. Сам Август и современные ему поэты (Вергилий, Гораций, Овидий) выражение *res publica restituta* вообще не используют⁴. Веллей Патеркул употребляет выражение *prisca illa et antiqua rei publicae forma*, а в официальной надписи и на легендах монет встречается *res publica conservata*. По одному разу *res publica restituta* встречается у Т. Ливия и в надписи «*Laudatio Turiae*», где обозначает «государство».

На первый взгляд, такие выводы подтверждают мнение Ф. Миллара о том, что лозунг *res publica restituta* вообще не существовал. Однако эта

выражение «*re publica p. R. restituta*» получило значение *ablativus absolutus* и, соответственно, обстоятельства времени, то есть теперь оно не указывало на восстановление Августом *res publica*, а просто отмечало когда император спас граждан [Todisco 2007, 353; ср.: Hurler, Mineo 2009a, 11–12, note 10].

¹ Mommsen 1883, 151.

² Ср.: Millar 1968, 265.

³ Ср.: Freyburger-Galland 2009, 326–327.

⁴ Ср.: Galinsky 1996, 64–65.

точка зрения справедлива лишь в том случае, если выражение *res publica restituta* употребляется в значении «восстановленная Республика». Но если под ним понимать «восстановленное государство», то ситуация меняется.

Абсолютно для всех сторонников «интегральной концепции» и «теории республиканизма Августа» само собой подразумевается, что лозунг *res publica restituta* в таком же виде был заимствован из политического словаря *optimates*. Между тем Цицерон, говоря о «восстановлении» *res publica*, в восьми случаях из 14-ти использует не *rem publicam restituere*, а *rem publicam recipere* (Cic., Att., VIII, 3, 2; XIV, 4, 1; 14, 6; XV, 13, 4; Fam., XII, 2, 1; 6, 2; Brut., II, 1, 1), а еще в 3-х случаях – *rem publicam liberare* (Cic., Fam., XI, 5, 3; 8, 1; Brut., II, 5, 1). Выражение *res publica restituta* употребляется знаменитым оратором только два раза, но в обоих случаях речь идет о «восстановлении государства» (Cic., In Cat., III, 1; De senect., 20)¹.

При такой трактовке становится понятным выбор окружением Октавиана прилагательного *restituere*. Глагол *restituere* означает «восстанавливать, как было до того», «приводить в прежнее состояние»². Видимо, Август использовал этот термин, чтобы показать, что государственные дела приведены в порядок, гражданским войнам пришел конец и наступил мир³. *Recipere*, в свою очередь, имеет значение «опять, снова получать», «возвращать себе», «снова освобождать»⁴. Использование этого глагола Цицероном также вполне логично. Ведь «оптиматы», как мы показали в первой главе, под *res publica* понимали не «государство», а «общее дело всех честных». Другими словами, один из видных *optimates* призывал не к «восстановлению государства», а к возвращению власти «оптиматам».

Употребление Т. Ливием и неизвестным оратором в «*Laudatio Turiae*» выражения *res publica restituta* документально подтверждает существование этого лозунга в эпоху Августа. Правда, по нашему мнению, *res publica restituta* нужно рассматривать на более широком фоне использования понятия *restitutio*, связанного не только с «восстановлением государства», но и с пропагандистскими заявлениями о «восстановлении» всех сфер римского общества.

¹ Между тем Э. А. Джалдж насчитывает семь таких случаев. Кроме In Cat., III, 1 и De senect., 20, он еще указывает Post red. in sen. 36; Post red. ad Quir. 14; De domo suo, 145 и 146; Phil., XIII, 9. Однако, как отмечает сам историк, последние пять пассажей описывают возвращение Цицерона из изгнания [Judge 1974, 286–287]. Поэтому они не имеют прямого отношения к «восстановлению» государства или Республики.

² Lewis, 1958, 1583, s. v. *restituere*; OLD, p. 1637, s. v. *restituere*; Дворецкий 2000, 668, s. v. *restituere*; ср.: Mantovani 2008, 22–23.

³ Ср.: Freyburger-Galland 2009, 327–328.

⁴ Lewis, 1958, 1532, s. v. *recipere*; OLD, p. 1581, s. v. *recipere*; Дворецкий 2000, 654, s. v. *recipere*.

Традиционно время начала пропагандистской «переориентации» Октавиана увязывалось с «отказом» бывшего триумвира от власти и «восстановлением» Республики в 27 г. до н. э.¹ Обычно споры велись только по поводу искренности или лицемерности его намерений². Первым попытку перенести «основание» принципата на 28 г. до н. э. сделал П. Гренад³, но это вызвало резкие возражения П. А. Бранта⁴. Только в последнее время, после публикации в 1999 г. уникального ауреуса Октавиана⁵, в специальной литературе все чаще пропагандистский поворот датируют 28 г. до н. э.⁶ Действительно, вопрос о хронологии чрезвычайно важен, так как его правильная интерпретация поможет четче представить себе сущность официальной идеологии времени правления Августа. Мы также полагаем, что широкомасштабная агитация *restitutio rei publicae* началась в 28 г. до н. э., всего лишь через полгода после возвращения приемного сына Юлия Цезаря с Востока. Пропаганда Октавиана в конце 30-х гг. принесла ему много дивидендов, но после того, как он стал единственным правителем Рима, возникли определенные трудности. Возвращение победоносного полководца вызвало значительное беспокойство в Риме, так как воспоминания о проскрипциях еще не стерлись из памяти, а современники вполне отчетливо осознавали, что война между Октавианом и М. Антонием была борьбой за власть, а не патриотическим походом против Востока. Так, Корнелий Непот в биографии Аттика, которая была опубликована около 29 г. до н. э., мимоходом замечает: «...se uterque [Октавиан и М. Антоний] principem non solum urbis Romae, sed orbis terrarum esse superet (...каждый из них жаждал первенствовать не только в городе Риме, но во всем мире)» (Nep., Att., 20; ср.: Propert., II, 15, 45–46). Примечательно, что саму борьбу он называет не просто соперничеством (*aemulatio*), а завистливой враждебностью (*obtrectatio*) (Nep., Att., 20). Кроме того, Д. Эрл указывает на еще одно затруднение. Многие нобили, которые встали на сторону Октавиана в борьбе против Антония, сделали это в собственных интересах. По мнению исследователя, с поражением Антония часть из них вполне могла решиться восстановить власть *boni*, совершив покушение на Октавиана,

¹ Hanp., см.: Машкин 1949, 310; Утченко 1969, 205; Егоров 1985, 91–92; Bleicken 1990, 86, 111; Kienast 1999, 81, 83.

² См.: Drumann 1908, Bd. 4, 299; Gardthausen 1896, T. I Bd. 2, 489 sqq.; Wickert 1954, 2091; Charles-Picard 1962, 41–44; Hammond 1965, 139 sqq.

³ Grenade 1961, 100 sqq.

⁴ Brunt 1961.

⁵ Rich, Williams 1999.

⁶ Hanp., см.: Rich, Williams 1999; Millar, 2000, 5; Zehnacker 2003; Mantovani 2008; Ferrary J.-L. 2009; Rich 2009; Hurler, Mineo 2009a, 15 sqq.; Spannagel 2009, 27–28; Vervaeke 2009, 49; Hurler 2009b, 77.

так как вряд ли многие из них полностью разделяли взгляды племянника Юлия Цезаря и его ближайшего окружения¹.

В такой ситуации для Октавиана было важно обосновать свою неконституционную власть и исключительное положение в государстве. Пропаганда безопасности, процветания и мира, несмотря на всю свою привлекательность, в данном случае не оправдывала полностью нового положения вещей. Выход был найден в объявлении о восстановлении всех сфер римского общества, устои которого были якобы полностью ниспровержены в период Второго триумvirата². Таким образом, лозунг *restitutio rei publicae* мог дать возможность морального оправдания незаконной власти Октавиана.

Уже в начале 28 г. до н. э. Октавиан «восстановил» власть сената, проведя *lectio* и составив новый список сенаторов, где его имя было поставлено на первое место, в связи с чем он был признан «первоприсутствующим» в сенате (*princeps senatus*). Мы не будем останавливаться на трактовке этого термина, так как он подробно рассмотрен в историографии³. Следует лишь заметить, что титул *princeps* давал Октавиану важные пропагандистские преимущества. С одной стороны, он указывал на наивысший авторитет (*auctoritas*) в государстве, с другой – на событие неопределенность полномочий, что давало возможность его широкой трактовки. Объявляя себя лидером общины (*princeps civitatis*), Октавиан имел полное моральное право на «восстановление государства», которого не было у полководца, победившего в гражданской войне.

После избрания в том же году консулом в шестой раз Октавиан «восстановил» и полномочия высших римских магистратов, уравнивая с собой в правах своего коллегу М. Агриппу (Dio Cass., LIII, 1)⁴.

¹ Earl 1990, 53; ср., однако: Bleicken 1990, 84.

² В самое последнее время К. Х. Ланге, также отвергнув традиционные представления о восстановлении Октавианом в 27 г. до н. э. Республики, предложил весьма интересную трактовку урегулирования 28–27 гг. до н. э. По его мнению, это урегулирование было осуществлением тех целей, которые ставили перед собой участники Второго триумvirата, а именно упорядочивание государственных дел, что было заложено и в самом названии новой магистратуры: *triumviri rei publicae constituendae*. В этом свете передача сенатом власти Августу является лишь вопросом о новых полномочиях принцепса [Lange 2009, 181–188]. Таким образом, не смотря на кардинальные отличия в трактовке этих фактов, наши взгляды и мнение К. Х. Ланге, весьма близки. Разница заключается только в негативной или позитивной оценке намерений триумвиров в связи с теми событиями, которые произошли во времена Второго триумvirата.

³ Pelham 1911, 49–60; Reitzenstein 1917, 399–436, 481–489; Heinze 1924, 73–94; Wagenvoort 1936, 206–243; Машкин 1949, 309–310; Утченко 1952, 212–219; 1969, 303–312; 1977, 211–218; Béranger 1953, 31 sqq.; Wickert 1954, 1998–2296; Kunkel 1969, 69–79; Камалутдинов 1986, 19–31; Fontana 1993, 27–40; Kienast 1999, 204–212.

⁴ Ср.: Hurler 2009b, 78–81.

Кроме того, на протяжении всего года Октавиан позиционировал себя как *restitutor* римской религии. Сам Август особо отмечает, что в 28 г. до н. э. восстановил 82 римских храма (RGDA, 20), за что Т. Ливий называет его основателем и восстановителем всех римских храмов: «Augustus Caesar, templorum omnium conditor aut restitutor» (Liv., IV, 20)¹. Более того, в следующем году Октавиан озаботился судьбой всех сакральных мест и святилищ во всем государстве. В особом эдикте консулы 27 г. до н. э. Август и М. Агриппа распорядились восстановить общественные и священные участки в городах или на прилегающей к ним хоре по всем провинциям (δημόσιοι τόποι ἢ ἱεροὶ ἐν πόλεσιν ἢ ἐν χώραις περὶ πόλεως ἐκάστης ἐπαρχείας)², а на будущее запретили уничтожать,

¹ А. Барчези совершенно справедливо указывает на то, что политический дискурс о *restitutio rei publicae* тесно связан с восстановлением и защитой древних религиозных культов, являвшихся важными аспектами национальной специфики Рима. Идея, на которой он основывается, не была новой: «восстановление» рассматривалось как борьба против упадка «недавнего прошлого» и под ним подразумевалось возрождение обычаев и устоев «отдаленного прошлого», именно там искали примеры и образы для выздоровления современного общества. В эпоху Августа эти традиционные воззрения получают большую важность. В это время история Рима строилась вокруг дихотомии «правильного отдаленного прошлого», которое часто связывалось с «золотым веком», и «недавнего прошлого», характеризовавшегося упадком и преступлениями. Настоящее должно было стать искуплением за «недавнее прошлое» и возвращением к самой древней истории Рима, его сакральной основе. Именно с этим связано восстановление римских храмов, возрождение древних жертвенных обрядов и ритуалов. Последние имеют большую значимость, ведь они главные векторы идентификации с «правильным отдаленным прошлым», которые передают «конструктивные» послания, связывающие настоящее с отдаленной древностью [Barchiesi 1997, 218–219].

² Дж. Крук полагает, что эдикт следует датировать 28 г. до н. э., так как термин *οὐβαστός*, встречающийся в надписи, может быть анахронизмом, введенным резчиком по камню [Crook 1962, 23–28]. Впрочем, Ж.-Л. Феррари приводит весомые доводы в защиту традиционной датировки [Ferrary J.-L. 2009, 113, note 88].
Х. В. Плекет, ссылаясь на сообщение в RGDA, 24 (in templis omnium civitatum provinciae Asiae victor ornamenta gerousi quae spoliatis templis is cum quo bellum gesseram privatim possederat), считает, что речь идет не обо всех провинциях, а только о провинции Азия (эдикт был найден в малоазиатском городе Кимы). По его мнению, ἐκάστης относится к πόλεως, а перед ἐπαρχείας должен быть определенный артикль. Таким образом, он переводит «ἐν χώραις περὶ πόλεως ἐκάστης ἐπαρχείας» как «in the surrounding area of each city of the province» (на прилегающей территории каждого города провинции) [Pleket 1958, p. 49 sqq., № 57].
Аранхио Руис, поддерживая мнение Х. В. Плекета о том, что эдикт распространялся лишь на провинцию Азия, интерпретировал термин ἡ ἐπαρχία как «территория». В результате его перевод звучит как «на территории каждого города» [Arangio Ruiz 1961, p. 323 sqq.].
Дж. Х. Оливер также относит ἐκάστης к πόλεως, но переводит ἡ ἐπαρχία как «префектура» [Oliver 1963, 115 sqq.; ср. также Sherck 1969, p. 314–315, № 61]. В свою очередь К. М. Т. Аткинсон, В. Кункель, Ф. Миллар, Х. Энгельмани и А. Джованнини полагают, что в эдикт относится ко всем провинциям, а не только к провинции Азия. Они привязывают ἐκάστης к ἐπαρχείας, соответственно переводя «каждой провинции» [Atkinson 1960, p. 232 sqq.; Kunkel 1962, S. 599 sqq.; Millar 1966, 161; IKyme № 17, S. 47–48; Giovannini 1999,

продавать или дарить эти участки, которые также выводились из-под юрисдикции римской провинциальной администрации (IKyme, № 17 I, 1–11; SEG, XVIII, № 555 I, 1–11, XX, № 15).

Весьма примечательно, что этот эдикт можно напрямую увязать с использованием лозунга *restitutio*. От того же времени до нас дошло письмо проконсула Азии Л. Виниция жителям города Кимы, в котором идет речь об алтаре Диониса. Некий Лисий приобрел этот алтарь, а тиасоты напрасно пытались его выкупить. Римский проконсул, ссылаясь на упомянутый выше эдикт Августа (...iussu Auf[gu]sti Caesaris...), решает дело в пользу почитателей Диониса и отмечает, что на возвращенном алтаре следует поместить надпись «Imp(erator) Caesar deivei f. Augustu[s] re[st]ituit (Имп. Цезарь сын божественного Августа восстановил)» (IKyme, № 17 II, 12–22; SEG, XVIII, № 555 II, 12–22). И это был не единственный случай, а целенаправленная политика правительства: жители Италии и провинций, восстанавливая за свой счет храмы, алтари и др., должны были помещать на них подобные надписи. Как пример можно привести храм в Венафре, священный участок Дианы в Эфесе и др. (AE 1903, № 188; 1998, № 1345; 2002, № 1349).

В 28 г. до н. э. Октавиан также объявил себя «восстановителем» законов и права римского народа. Было возведено об отмене всех решений триумвиров (Dio Cass. LIII, 2; Tac., Ann., III, 28), о сожжении списков должников казны (Suet., Div. Aug., 32), об освобождении римских граждан, незаконно содержащихся в эргастулах (Suet., Tib., 8). Ярким подтверждением данных литературных источников стала находка нового ауреуса, датированного 28 г. до н. э.¹ На его реверсе изображен одетый

102–106]. А. Джованнини совершенно справедливо критикует интерпретацию Х. В. Плекета. Итальянский исследователь отмечает, что присоединение определенного артикля к *ἐπαρχίας* совершенно произвольно, также не ясно, зачем Августу и М. Агриппе в эдикте специально уточнять, что речь идет об общественных и священных участках *каждого* города провинции, когда в документе говорится о населенных пунктах в целом [Giovannini 1999, 103–104].

¹ Эта монета (единственный экземпляр) была приобретена Британским музеем в 1995 г. и опубликована в 1999 г. Дж. Ричем и Дж. Вильямсом [Rich, Williams 1999, 169–213; cp.: Kienast 1999, 83, Anm. 17; Millar, 2000, 5; Bringmann 2002a, 122–123; Bringmann, Schäfer 2002b, 188; Eder 2005, 23 sqq.; Ferrary J.-L. 2009, 92; Rich 2009, 153; Suspène 2009, 145–146; Vervaeke 2010b, 134]. Блестящим подтверждением ее подлинности стала находка второго экземпляра. В 2005 г. хранители Блэкбурнского музея, составляя каталог коллекции, переданной музею в 1946 г. местным промышленником Эдвардом Артом, обнаружили еще один ауреус из той же эмиссии [Abdy, Harling 2005, 175–176]. Трактровка этого ауреуса Дж. Ричем и Дж. Вильямсом, согласно которой легенда на реверсе «он восстановил законы и права римского народа» означает документальное указание на стремление Октавиана, на основе различных мероприятий, передать политические полномочия сенату и народному собранию, «восстановив» законы и их права [Rich, Williams 1999, 193–202], практически сразу завоевала большое доверие среди антиковедов и стало *opinio communis*. Иная интерпретация была предложена нами [Токарев 2010, 43–44], а также итальянским исследователем Д. Мантовани [Mantovani 2008, 9–11; cp.: Hurler, Mineo 2009a, 15, note 20;

в тогу Октавиан, сидящий на курульном кресле и держащий в руках свиток с законами, слева от него помещен ларец для свитков, вокруг – легенда LEGES ET IVRA P(opuli) R(omani) RESTITVIT (он восстановил законы и права римского народа)¹ (прил. А, рис. 39).

На то, что пропагандистские заявления Октавиана имели успех, а лозунг *restitutio* пользовался значительной популярностью, указывает огромное число надгробных памятников, зафиксировавших имя *RESTITUTUS (RESTITUTA)*, которое римляне стали давать своим детям начиная с эпохи раннего Принципата (напр., см.: CIL, II, №№ 145, 367, 3659, 4118, 5968; III, №№ 3643, 4731; V, №№ 1270, 2126, 4270, 4860; VI, № 23054; IX, № 2711; AE, 1987, № 1080; 1989, № 26).

Логическим завершением построенной нами цепочки античных свидетельств является, по нашему мнению, эдикт Октавиана, цитату из которого приводит Светоний: «Итак, да будет мне дано *возвести государство на прежнее место* целым и невредимым и пожинать плоды этого дела с тем, чтобы я мог называться *создателем лучшего государственного устройства* и при кончине унес бы с собой надежду на то, что основания государства, которые я воздвиг, останутся неизменными (*Ita mihi salvam ac sospitem rem publicam sistere in sua sede liceat atque eius rei fructum percipere, quem peto, ut optimi status auctor dicar et moriens ut feram mecum spem, mansura in vestigio suo fundamenta rei publicae quae iecero*)» (Suet., Div.

Suspense 2009, 146–147], согласно которой ауреус указывает на отмену противозаконных решений во времена Второго триумvirата и издание Октавианом соответствующего эдикта (Dio Cass. LIII, 2; Tac., Ann., III, 28), освобождение римских граждан, незаконно содержащихся в эргастулах (Suet., Tib., 8) и т. д.

¹ Французский ученый Ю. Зенакер [Zehnacker 2003, 3], вслед за Дж. Ричем и Дж. Вильямсом [Rich, Williams 1999, 183], на основе анализа иконографии реверса монеты и свидетельства Витрувия (Vitruv., 9) полагает, что сокращение P. R. подразумевает не родительный падеж – p(opuli) r(omani), а дательный (dativus commodi) – p(opulo) r(omano), то есть: он восстановил законы и права для римского народа. Также переводит эту легенду и В. Эдер [Eder 2005, 23]. Такой перевод не имеет особых отличий по смыслу от традиционного [ср.: Rich, Williams 1999, 182], однако Д. Мантовани, рассмотрев употребление выражения *populus romanus* в латинских источниках в косвенных падежах, привел убедительные доказательства в пользу родительного падежа [Mantovani 2008, 24–33].

² Важный лингвистический пословный анализ эдикта у Д. Уордла [Wardle 2005, 182–194]. В то же время П. Чеушеску обращает внимание, что выражения *in sua sede* и *status* имели эдикте не метафорический смысл, а свои обычные значения и никоим образом не указывают на законодательные или конституционные мероприятия Августа. Тогда как употребление глагола *sistere* (одно из значений – оставаться), по его мнению, намекает на расхожие слухи конца 30-х гг. до н. э. о переносе М. Антонием столицы в Александрию и, так же как речь М. Камилла против переселения в Вейи в изложении Ливия (Liv., V, 51–54), должно было подчеркивать патриотизм Октавиана и его верность Риму [Ceaușescu 1981, 348–353]. В свою очередь, В. Эренберг, Э. Кёстерманн, А. Дж. Вудмен, Й. Крист, Д. Уордл отмечают, что термин *status* в эпоху Поздней республики означал «неопределенную конституционную форму». Нейтральность этого слова позволила Августу использовать его, чтобы описать изменения, которые произошли в государственном устройстве [Köstermann 1937, 225–240];

Aug., 28). Однако среди ученых до сих пор ведутся споры не только о его датировке, но и о его пропагандистской направленности: К.-М. Гирардет считает, что он был издан в 29 г. до н. э.¹; Дж. Рич относит его к 28 г. до н. э.²; Д. Уордл – к 28–27 г. до н. э.³; К. Скотт, П. Гренад, В. Фадингер, А. Х. М. Джоунз и П. Чеушеску – к 27 г. до н. э.⁴; А. фон Премерштейн, Дж. И. Ф. Чилвер, Э. Салмон, Э. Р. Берли и Дж. Цеккини – к 23 г. до н. э.⁵; Э. А. Джадж – к 19 или даже к 2 г. до н. э.⁶; Дж. Вильямс – к 17 г. до н. э.⁷; в то же время Х. Стюарт Джоунз, Р. Сайм и Д. Кинаст указывают на невозможность датировать этот эдикт⁸. Также разнятся оценки идеологического содержания этого документа. Высказывались мнения, что этот эдикт – «объявление» о восстановлении Республики, акт учреждения Принципата, провозглашение монархии, заявление о начале стабилизации и преобразования расшатанного гражданскими войнами средиземноморского мира, «традиционная патрицианская» самореклама Августа, через которую он подчеркивал, что безопасность и благосостояние государства зависели от него лично⁹, часть публичного ответа Октавиана на декрет сената о вручении ему почетного имени Augustus и предоставлении проконсульского империя на 10 лет¹⁰, или просто программа широкой строительной деятельности Августа в Риме¹¹.

Действительно, очень трудно трактовать этот документ из-за его отрывочности и многозначности. Однако если рассмотреть контекст, в котором он употребляется у Светония, а также сопоставить данные эдикта со свидетельствами источников о *restitutio* в 28 г. до н. э., то можно прийти к определенным выводам.

Серьезной проблемой является то, что Светоний цитирует только последнее предложение из эдикта (*voluntas* Октавиана), тогда как само содержание остается неизвестным. К. М. Гирардет обращает внимание,

Ehrenberg 1974, 107; Woodman 1977, 280; Christes 1996/97, 221, Anm. 12; Wardle 2005, 189–190]. Некоторые исследователи указывают на важность термина *auctor*, видя в нем намек на почетное прозвище принцепса Augustus [Wardle 2005, 190–191, ср.: Scott 1932, 49; Grenade 1961, 68].

¹ Girardet 2000, 231–243.

² См.: Wardle 2005, 198, note 57.

³ Ibid., 200.

⁴ Scott 1932, 46 sqq.; Grenade 1961, 68, 76; Fadinger 1969, 139 sqq., 326; Jones 1970, 78; Ceașescu 1981, 353.

⁵ Premierstein 1937, 124; Chilver 1950, 422; Salmon 1956, 458; Zecchini 1996–1997, 131; Birley 2000, 737.

⁶ Judge 1974, 301–302.

⁷ Williams 1990, 274.

⁸ Jones 1934, 129; Syme 1939, 320, 324; Kienast 1999, 527.

⁹ См.: Girardet 2000, 231–232.

¹⁰ Wardle 2005, 200.

¹¹ Ceașescu 1981, 348–353.

что в цитате использован конъюнктив настоящего времени, выражающий пожелание, намерение¹, то есть в предшествующем неизвестном для нас тексте речь шла о каких-то конкретных обещаниях и заверениях. То, что этот эдикт не имел никакого отношения к «восстановлению» Республики, как переводит это место М. Л. Гаспаров², показывает сам текст Светония³. Древний автор увязывает цитату не с «восстановлением» Республики, а с началом единоличного правления Августа: «О возвращении государственных дел [сенату] он задумывался дважды: впервые сразу после победы над Антонием, когда его злопыхатели часто попрекали тем, что якобы только из-за него [государственные дела] не установлены и не возвращены, и еще раз после тяжелой и продолжительной болезни... Но посчитав, что и ему небезопасно будет жить частным лицом, и управление государством было бы необдуманно отдавать во власть (*arbitrium*) многих, он без колебаний удержал власть за собой... О таком решении он неоднократно объявлял, а эти высказывания к тому же подтверждаются в одном его эдикте...» (Suet., Div. Aug., 28).

С нашей точки зрения, в эдикте речь шла о «восстановлении» римского общества, на что указывают слова самого Августа «*rem publicam sistere in sua sede*», что можно перевести как «вернуть общественные дела на свое место», «привести в порядок все устои государства». Вместе с тем эта *restitutio* напрямую увязывается с личностью Октавиана: «Да будет мне дано... пожинать плоды этого дела, чтобы я мог называться создателем лучшего государственного устройства». Использование термина *auctor* (основатель, восстановитель) также подчеркивает связь этого эдикта с *restitutio rei publicae* 28 г. до н. э. В свою очередь, употребление конъюктива, выражающего пожелание, указывает на то, что эти действия еще не совершены, что, по нашему мнению, дает возможность датировать этот эдикт началом 28 г. до н. э. и подразумевать под ним официальное объявление о начале *restitutio rei publicae*.

В подтверждение нашей гипотезы можно привести и другие доводы. В 27 г. до н. э., сложив свои неконституционные полномочия, Октавиан получил проконсульский империй, который, однако, был ограничен десятью годами. Таким образом, срок его полномочий истек 31 декабря 18 г. до н. э., и Август воспользовался этим событием для проведения новой мощной пропагандистской кампании, в результате которой на протяжении 18–17 гг. до н. э. был проведен целый ряд мероприятий: состоялись секулярные игры, принято семейное законодательство,

¹ Girardet 2000, 234.

² Гаспаров 1991, 65.

³ Ср.: Wardle 2005, 201.

объявлено о наступлении «золотого» века¹. Таким образом подчеркивалось, что за время десятилетних «чрезвычайных полномочий» Август своими действиями настолько способствовал возрождению римской общины, что логическим завершением нахождения его у власти стало окончательное очищение возродившегося общества от скверны гражданских войн и его вступление в новую счастливую эпоху. Тем самым оправдывалось исключительное положение Августа в государстве, который имел все основания находиться у власти далее, ведь его личность стала залогом благосостояния и процветания римской общины.

Следующий год после грандиозных празднеств, организованных Августом, стал для римского общества первым годом «золотого века», временем процветания и могущества римского государства. Именно в 16 г. до н. э. монетарием Л. Месцинием Руфом был отчеканен денарий, на аверсе которого помещена надпись, являющаяся по сути логическим продолжением эдикта, который приводит Светоний: I[ovi] O[ptimo] M[aximo] S[enatus] P[opulus]Q[ue] R[omanus] V[ota] S[uscepta] PR[o] S[alute] IMP[eratoris] CAE[saris] QUOD PER EU[m] R[es] P[ublica] IN AMP[liore] ATQ[ue] TRAN[quilliore] S[tatu] E[st] (Юпитеру Наилучшему Величайшему сенат и народ римский по принятому обету за здоровье Императора Цезаря, так как благодаря ему государство находится в процветании и спокойном положении) (EI, p. 61, № 35; CREBM I, Augustus № 91; RIC I, Augustus № 358) (прил. А, рис. 40). Здесь выражение «quod per eum res publica in ampliore atque tranquilliore statu est» фактически является сбывшимся пожеланием Августа, который хотел,

¹ Источники сохранили указание на то, что принцепс стремился увязать проведение столетних игр с окончанием своего 10-летнего империя [Базинер 1901, 242–246]. Проведение секулярных игр стало завершающей вехой в становлении идеологии раннего Принципата. В сознании римлян *ludi saeculares* были символической границей, обозначающей конец одного века (*saeculum*) и начало другого. Во время их празднования все население должно было очиститься от прежних грехов, чтобы в новой эпохе начать новую жизнь. Другими словами, провозглашая наступление «золотого века», они символизировали новую эпоху – время мира и благоденствия [см.: Базинер 1901, 220–284; Nilsson 1920, 1710–1717; Charlesworth 1951, 16; Gagé 1955, 583–637; Wagenvoort 1956b, 193–232; Scullard 1963, 223; Jones 1970, 63; Wallace-Hadrill 1982a, 19–36; Hall 1986, 2564 sqq.; North 1986, 253; Syme 1986, 14; Zanker 1988, 167–238; Межерицкий 1994, 268; Чернышов 1994, ч. 2, 13–16; Barker 1996, 434 sqq.; Severu 2003, 57–59; Петречко 2008, 17–23]. В свою очередь, семейное законодательство Августа, по нашему мнению, тесно связанное с играми и принятое за некоторое время до их проведения, морально возрождало римское общество, как бы подготавливая его к вступлению в *saeculum aureum* [Токарев 2004, 222–231, также см.: Rawson 1999, 207; Severu 2003, 60; иные взгляды на роль семейного законодательства: Last 1934, 428–429; Field 1945, 414; Машкин 1949, 418–426; Levi 1951, 175; Frank 1975, 50; Csillag 1976, 138; Ferrero 1980, 278 sqq.; Wallace-Hadrill 1981a, 58 sqq.; Galinsky 1981, 126–144; Corte 1982, 539–558; Егоров 1985, 114–115; Korpanty 1991, 436–437; Межерицкий 1994, 239; Shotter 1999, 45].

чтобы его именовали «*optimi status auctor*»¹. Поэтому вряд ли можно согласиться с необоснованным мнением Я. Ю. Межеричкого, что этот денарий является свидетельством «заботы» Августа о Республике².

Весьма показательно, что по окончании второго 5-летнего срока нахождения у власти Августа в 12 г. до н.э. монетарий Косс Корнелий Лентул выпустил ауреус, реверс которого в аллегорической форме (изображение коленопреклоненной *res publica*, которую поднимает с земли Август, в сопровождении легенды AUGUST[us] и RES PUB[lica]) вновь напоминал римским гражданам о *restitutio rei publicae* и об Августе как учредителе наилучшего государственного устройства (*optimi status auctor*)³ (RIC I, Augustus № 413) (прил. А, рис. 41). Такая интерпретация изображения на реверсе монеты Косса Корнелия Лентула является, по нашему мнению, наиболее приемлемой. Рассмотрение же этого изображения в отрыве от *restitutio rei publicae* приводит к большим затруднениям. В частности, К. Вермель, М. Фуллертон и Э. Уоллас-Хедрилли видят в этом изображении акт «восстановления» Республики и наряду с этим трактуют его как символическое превосходство Августа над Республикой⁴. Но, с одной стороны, коленопреклоненный образ *res publica* явно противоречит идеям «республиканизма», а с другой – демонстрация униженного положения *res publica* была бы откровенным вызовом общественному мнению, за которое так боролся Август. Я. Ю. Межеричкий в свою очередь справедливо отбрасывая эти точки зрения, в конце концов так и не решается дать

¹ К.-М. Гирардет совершенно справедливо подчеркивает связь эдикта Августа в изложении Светония и денария Л. Месциния Руфа [Girardet 1990, 125, Anm. 165]. Ср.: Béranger 1953, 170; Ramage 1987, 60; Sutherland 1991, 51; Girardet 2000, 243.

Удивительно, но А. Суспэн в специальной статье, посвященной отражению лозунга *res publica restituta* в нумизматических источниках, рассматривая денарий Л. Месциния Руфа, проходит мимо его связи с эдиктом, упоминаемым Светонием. Мало того, французский историк заявляет, что ученые редко привлекают эту эмиссию как исторический источник. Трактовка денария А. Суспэном весьма сбивчива и запутана. *Amplius* и *tranquillus*, по его мнению, указывают на завоевание Египта и Армении, а также на рах. В то же время, он полагает, что легенда денария намекает на клятву, которую дали Октавиану жители западных провинций в 32 г. до н.э., и которая повторялась, каждые четыре года. Вопрос, почему ничего не известно о клятвах в 28, 24 и 20 гг. до н.э., остается без ответа. Кроме того, с точки зрения А. Суспэна, легенда реверса весьма напоминает пассаж у Валерия Максима, в котором упоминается отрывок молитвы за процветание римского государства: «*di immortales ut populi Romani res meliores amplioresque facerent*» (Val. Max., IV, 1, 10). Однако историк не в силах объяснить, почему вместо *melior* и *amplior* появились *amplior* и *tranquillior*; почему Август и сенат были «вдохновлены» молитвой, хотя Валерий Максим прямо сообщает, что Сципион Африканский, будучи цензором, изменил ее текст, причем, именно эту часть; да и вообще какова связь между этими выражениями [Suspène 2009, 149–152].

² Межеричкий 1994, 268, прим. 68.

³ Vermeule 1960, 5–11.

⁴ Ibid., 5 sqq.; Fullerton 1985, 478–479; Wallace-Hadrill 1986, 79 and note 76; cp.: Mantovani 2008, 24; Suspène 2009, 153.

объяснение этому реверсу, который так резко контрастирует с его теорией «республиканизма»¹.

Итак, подведем итог нашему разбору. Широко распространенная и глубоко укоренившаяся точка зрения о «восстановлении» Республики Августом в 27 г. до н. э. (все равно, настоящем или мнимом), на наш взгляд, является неверной. Также следует отказаться от мнения Ф. Миллара и Э. А. Джаджа, согласно которому первый император никогда не использовал лозунга *res publica restituta*. Наша трактовка источников дает возможность полагать, что *res publica restituta* не было заимствованием из политического словаря *optimates*, как считают многие исследователи, а скорее соответствовала значению «общее дело», которое вкладывали в понятие *res publica* «популярны». Начиная с 20-х гг. до н. э. выражение *res publica* трактовалось именно как «государство» или «государственные дела».

В то же время не следует считать этот лозунг одним из основных в политической пропаганде Августа. На самом деле единого термина, обозначавшего *status novus*, мы не встречаем: ни сам Август, ни знаменитые поэты той поры его не используют, тогда как в других источниках употребляются такие конструкции, как *res publica conservata*, *prisca rei publicae forma*. Объясняется это тем, что окружение принцепса использовало более широкое понятие *restitutio*, включавшее в себя вышеперечисленные лозунги. Это «восстановление» произошло в 28 г. до н. э. практически сразу же после возвращения Октавиана с Востока, в то время как в 27 г. до н. э. первый император только узаконил свою власть, получив проконсульский империй на 10 лет.

Широкая агитация *restitutio* (эдикт Октавиана о «восстановлении государства»), о котором упоминает Светоний; употребление лозунга *res publica restituta* не только близким Августу Т. Ливием, но и неизвестным оратором в погребальной речи; популярность имени *Restitutus* среди низших слоев населения), относительно короткий промежуток времени, за который были проведены эти «реформы», периодические напоминания о заслугах Августа в «восстановлении государства», которые совпадали с окончанием сроков его полномочий (денарии 16 и 12 гг. до н. э.), — позволяют нам утверждать, что это было не решением насущных проблем, а только пропагандистской акцией, призванной оправдать захват власти бывшим триумвиром.

§ 2. *Vindex libertatis Populi Romani*

В своем завещании Август заявляет, что «...*exercitum privato consilio et privata impensa comparavi, per quem rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi* (...по своему почину и на частные средства

¹ Межеричкий 1994, 315 и прим. 89.

я снарядил войско, с помощью которого освободил государство от господства преступной клики» (RGDA, 1). Также в 28 г. до н.э. в Эфесе была отчеканена тетрадрахма, на аверсе которой размещена легенда IMP[erator] CAESAR DIVI F[ilius] COS[ul] VI LIBERTATIS P[opuli] R[omani] VINDEX (император Цезарь, сын божественного, консул шестой раз, восстановитель свободы римского народа) (CREBM I, Augustus № 691; RIC I, Augustus № 476) (прил. А, рис. 42).

Таким образом, данные этих источников свидетельствуют об активном использовании Августом в пропагандистских целях словосочетания *rem publicam in libertatem vindicare*. Однако, как мы отметили выше, в эпоху Поздней республики существовали две интерпретации этого выражения: «оптиматская» и «популярская». Поэтому в связи с трактовкой лозунга Августа исследователи по-разному выходят из этого положения.

Часть из них, не обращая внимания на позднереспубликанскую ситуацию, безапелляционно утверждает, что Август, объявляя себя «защитником свободы», подражал Цицерону и его идеологическим сторонникам¹. Й. Бляйкен, желая обосновать эту точку зрения, указывает, что первый император якобы всеми силами стремился опереться на аристократию и, так как она с его благословения принимала участие в управлении государством, Август мог для своей пользы обращаться к аристократическому понятию *libertas*. Соответственно, он использовал «оптиматскую» трактовку *libertas*. Ведь такие учреждения, как народное собрание и народный суд, теперь исчезли окончательно, и уже никто не говорил о них, включая оппозиционную аристократию императорского времени, когда речь шла об определении свободы. Поэтому в «*Res gestae*» Август говорит об аристократической свободе, а не о *libertas populi*, так как его действия нужно рассматривать в качестве компромисса между властью одного человека и властью аристократического общества². В свою очередь Г. Ванотти предполагает, что Август использовал все же обе традиции – и «оптиматов», и «популярлов», хотя, по ее мнению, большее внимание уделялось идеологическим представлениям *optimates*³. Схожего взгляда придерживается В. Кункель. Он считает, что первый император должен был интенсивно использовать «республиканскую идею свободы», но предупреждает, что наряду с аристократической *libertas* нельзя недооценивать и использование «популярской» интерпретации

¹ Mommsen 1883, 145–147; Grant 1946, 69–70; Машкин 1949, 323–324, 380, 389; Walser 1955, 353–355; Вулих, Неверов 1988, 165 и прим. 18; Trillmich 1988, 482; Шифман 1990, 95; Sutherland 1991, 31; Korpanty 1991, 446; Межерицкий 1994, 175; Galinsky 1996, 54–57; Крист 1997, т. 1, 225; Mouritsen 2001, 11.

² Bleicken 1962, 19.

³ Vanotti 1999, 161–179.

«свободы». По его мнению, о значимости *libertas populi* говорит принятие Августом *tribunicia potestas*. Последняя не только давала законное право для осуществления его политической воли, но и через *ius auxilii* постоянно демонстрировала римскому плебсу, что теперь индивидуальная свобода граждан была гораздо эффективнее защищена, чем в эпоху Республики¹. Точка зрения Р. Шеера и Д. Манншпергера отличается от взглядов В. Кункеля только тем, что они в выражении *vindex libertatis* дополнительно отмечают многозначность, которая позволяла Октавиану одновременно апеллировать к различным слоям населения как в качестве защитника свободы «оптиматов», так и в качестве мстителя за Цезаря².

Другая часть современных историков занимает более осторожную позицию. Г. У. Бенарио указывает, что Август не отбросил «республиканскую» *libertas*, но только изменил смысловую нагрузку, которую стали вкладывать в этот лозунг³. К.-В. Вельвай отмечает, что выражение *vindex libertatis* в эпоху Поздней республики активно использовали *optimates* и *populares*, поэтому оно довольно скоро превратилось только в лозунг, предназначенный для обмана общественного мнения и дискредитации политических противников. Но в начале «*Res Gestae*» и на аверсе тетрадрахмы 28 г. до н. э. это выражение получает новый акцент. Исследователь полагает, что Август действительно пропагандировал «возвращение» республиканской *libertas*, хотя его истинной целью было желание скрыть фактическое господство одного человека с помощью обращения к республиканским традициям. Причем первый император апеллировал не только к аристократической *libertas*, но и к свободе «популяров», надеясь привлечь на свою сторону как можно более широкие круги населения⁴.

Э. Рэмейдж, со своей стороны, полагает, что поскольку *libertas* встречается уже в первом предложении «*Res gestae*», то она, несомненно, привлекает внимание читателей как «республиканская» коннотация, так как этот термин «постоянно использовался в качестве своего рода боевого клича различными *factiones* в борьбе за власть». Мало того, даже контекст, с точки зрения ученого, является полностью «республиканским» и имеет очевидные параллели с Цицероном (*sic!*). С другой стороны, известная монета 28 г. до н. э., где Октавиан назван *vindex libertatis*, а также некоторые пассажи в его политическом завещании и специфические упоминания о «свободе» в других источниках показывают Августову интерпретацию «республиканской» *libertas*. Другими словами, Август не только «восстановил» *libertas*, но расширил и приспособил этот лозунг для своей идеологии. Что касается тетрадрахмы, то для Августа было более

¹ Kunkel 1969, 86–88.

² Scheer 1971, 184–187; Mannsperger 1973, 398–400.

³ Benario 1975, 84.

⁴ Welwei 2004, 217–229.

важно сообщение реверса. В то время как на аверсе бывший триумвир изображен в качестве реставратора *libertas*, на реверсе помещена богиня Рах, которая ясно демонстрирует, что под «восстановлением свободы» следует понимать в первую очередь «освобождение» Октавианом римских граждан от угрозы их «порабощения» Востоком (то есть М. Антонием)¹.

Между тем некоторые ученые, принимая во внимание полисемантичность лозунга *libertas* в позднереспубликанскую эпоху, отрицают «оптиматские» заимствования Августа. Так, Р. Сайм отмечает, что в эпоху Поздней республики *libertas* была ключевым лозунгом, который часто ассоциировался с «республиканским» правительством (*sic!*), но в то же время был неопределенным и отрицательным понятием «свобода от тирана или партии», то есть *libertas* как *regnum* или *dominatio* являлся удобным термином для политического «мошенничества». Для Р. Сайма лозунг *libertatis P. R. vindex*, который появился на монетах после битвы при Акции, был символом победы в гражданской войне и никого не мог обмануть. Он знаменовал не «возвращение к свободе», а то, чего желали римские граждане, – «возвращение к гражданскому и организованному правительству, одним словом, к нормальной жизни»².

Еще более скептичен Х. Виршубски. Он считает, что *libertas* не играла особой роли в идеологии Августа. Исследователь, комментируя свидетельства источников, справедливо задается вопросом: хотел ли сам Август, чтобы его современники воспринимали пассаж из «*Res Gestae*» как «восстановление свободы»? Он указывает, что намерения первого императора становятся ясными, если это свидетельство рассматривать на фоне событий конца 44 – начала 43 гг. до н. э., а не в свете 27 г. до н. э., к которому оно не имеет никакого отношения. Его действия в 40-х гг. до н. э. были, в сущности, государственной изменой, и для Августа было важно оправдать свои поступки перед современниками. В политическом завещании он постоянно подчеркивал законность своих действий, и этот отрывок из «*Res Gestae*» следует понимать так: «Я набрал армию на свои средства и по собственной инициативе, но сделал это для защиты государства, что было одобрено сенатом». Что касается фразы «*rem publicam dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi*», то те, кто был знаком с политическим словарем Поздней республики, не придавали ей большого значения, не говоря уже о том, чтобы понимать ее буквально. Поэтому кажущееся сходство этого выражения с фразеологией *populares* не имеет под собой больших оснований. По мнению ученого, лозунги *dominatio factionis* и *rem publicam in libertatem vindicare* якобы слишком часто использовались разными политическими силами, чтобы сохранить

¹ Ramage 1987, 66–72.

² Syme 1939, 155, 306.

свое оригинальное содержание. В лучшем случае это означало патриотическое поведение политика, поэтому заявление о том, что *rem publicam in libertatem vindicavi*, было обычным способом сказать: я защищал интересы государства. Х. Виршубски указывает, что в той же манере несоответствующее значение приписывается монете 28 г. до н. э., чье свидетельство относится к победе при Акции, то есть к освобождению римских граждан от опасности господства Клеопатры, а не к «восстановлению» Республики¹.

Этой же линии придерживается и Л. Викерт. Он полагает, что «республиканская» *libertas*, под которой он понимает только ее «оптиматскую» трактовку, перестала существовать с началом Принципата. Только узкий круг лиц в римском обществе остро реагировал на ее исчезновение, тогда как для подавляющего большинства населения не только в провинциях, но и в Италии «свобода» означала не аристократическую *libertas*, а состояние, которое характеризуется обеспечением правопорядка. Это новое понимание «свободы» и лежит в основе пропаганды Принципата. Синонимами *libertas* становятся такие понятия, как *paux* и *securitas*².

То же мнение у В. де Соузы. Он указывает, что в эпоху Поздней республики различные политические силы часто злоупотребляли лозунгом *libertas*. Октавиан тоже воспользовался неопределенностью этого понятия для того, чтобы добиться преимущества в сфере пропаганды. Однако Август под *libertas* понимал мир и благосостояние всего общества, а не республиканскую «свободу»³.

Аналогичная точка зрения и у Дж. Р. Фирза. Дополняя своих предшественников, он говорит, что не только окружение Августа навязывало обществу свою интерпретацию *libertas*, но переосмысление понятия «свободы» проходило и внутри римского общества. Многие выходцы из нижних слоев общества стали воспринимать императора как гаранта и опекуна их «свободы», под которой понимались личная свобода, свободная экономическая деятельность и безопасность⁴.

Повторяет эту мысль и А. Мастино, который отмечает, что Октавиан противопоставил полемичной «республиканской» *libertas* свою «свободу», конкретную и настоящую, основанную на пропаганде *paux*⁵.

Таким образом, жаркая полемика, развернувшаяся вокруг концепции «свободы» в эпоху раннего Принципата, оставляет неразрешенным вопрос о месте лозунга *libertas* (*vindex libertatis*) в пропаганде императора Августа и позволяет нам дать свое видение этой проблемы.

¹ Wirszubski 1950, 101–106.

² Wickert 1954, 2080–2097; ср.: Kunkel 1969, 79–80.

³ Sousa 1974, 47–49.

⁴ Fears 1997, 19–22.

⁵ Mastino, Ibba 2006, nota 28.

В первую очередь обратимся к трактовке известной тетрадрахмы 28 г. до н. э. Заявления некоторых историков о том, что легенду на аверсе этой монеты нужно понимать как аристократическую интерпретацию *vindex libertatis*¹, являются следствием их невнимания к позднеереспубликанскому идеологическому противостоянию между различными политическими силами. Было бы удивительно, если бы Октавиан, ни разу не использовавший до этого идеологические установки *optimates*, стал употреблять их в своей пропаганде, особенно если учесть, что *libertas* в период гражданских войн 40–30-х гг. до н. э. была ключевым лозунгом «оптиматов». В легенде *imperator Caesar divi filius consul VI libertatis p(opuli) r(omani) vindex*, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на добавление *p(opuli) r(omani)*, которое вызывает очевидные ассоциации с политическими лозунгами *populares*. Напомним, что выражение *vindex libertatis* было краеугольным камнем в идеологии «популяров». На звание «освободитель римского народа» претендовали почти все сколь-нибудь значительные политики: Гракхи, Г. Меммий, Катилина, Г. Юлий Цезарь и др. Именно для того, чтобы отличать «свою» *libertas* от аристократической «свободы», Август, применив клише «популяров», специально подчеркнул, что он является защитником свободы именно *римского народа*. Такое поведение не было чем-то особенным в эпоху Поздней республики. Как мы уже упоминали, «популяры» в выражении *rem publicam in libertatem vindicare* всегда заменяли *res publica* на *populus Romanus* или *plebs*, а сторонники М. Брута и Г. Кассия чеканили монету с легендой *leibertas*, где старинное написание этого слова должно было указывать на то, что это лозунг «оптиматов».

Однако Август, используя лозунг *populares*, наполнил его новым «монархическим» смыслом. Об этом говорит размещение на реверсе тетрадрахмы символики *раха*. И вообще, вся композиция реверса подчеркивает личные заслуги Октавиана в «освобождении» римского общества от гражданских войн и в наступлении мира². В центре помещено изображение богини Мира, которая держит в правой руке кадуцей, символизирующий мир и согласие. Ногами богиня попирает образ гражданской войны – сломанный меч³, а вовсе не факел, как думают некоторые исследователи⁴. Слева от нее изображение *cista mystica* с поднимающейся над ней змеей – намек на религиозное возрождение общины. Вся композиция окружена лавровым венком – символом победы в гражданской войне. Таким образом, лозунг «популяров» *vindex libertatis P R* уже

¹ Bleicken 1962, 19; Ramage 1987, 68; Trillmich 1988, 482; Вулих, Невееров 1988, 165, прим. 18.

² Ср.: Syme 1939, 306; Wirszubski 1950, 105–106; Wickert 1954, 2097; Fears 1997, 19; Mastino, Ibba 2006.

³ См.: Mannsperger 1973, 382, Anm. 4; Ramage 1987, 71; Fears 1997, 19.

⁴ CRRBM, v. 2, p. 537; Wirszubski 1950, 105. Ср.: RIC I, p. 79, Augustus № 476.

означает не «защитник интересов плебса», а «освободитель римского народа от восточной угрозы». Другими словами, тетрадрахма символизирует не «восстановление» Республики (республиканизм Августа), а указывает на личные заслуги Октавиана в прекращении гражданских войн¹.

Отрывок из «*Res Gestae*» также не имеет никакого отношения к «восстановлению» аристократической *libertas*. Здесь мы присоединяемся к мнению Х. Виршубски и Дж. Р. Фирза, согласно которому этот пассаж является попыткой Октавиана оправдать перед современниками свои антиконституционные действия в конце 40-х гг. до н.э.² Поэтому заявления Р. Шеера, Д. Манншпергера, В. Трильмиха, К.-В. Вельвая и А. Мастино о том, что отрывок из «Деяний» имеет прямые параллели с данными эфесской монеты³, совершенно безосновательны⁴. Кроме того, от чеканки монеты сообщение «*Res Gestae*» отстоит по меньшей мере на пять лет. Август несколько раз переписывал свое политическое завещание. В самом тексте сохранились указания лишь на 14 г. н.э. (RGDA, 4; 35), но, возможно, первая редакция относится к 23 г. до н.э.⁵ Даже в этом случае предпочтительна точка зрения Х. Виршубски: тяжелая болезнь принцепса и заговор Мурены вынуждали Августа пояснять свои действия с конституционной точки зрения, а не пользоваться полузабытыми лозунгами своих противников, что могло только усугубить ситуацию. Возможно, именно поэтому первый император использовал ту же интерпретацию этого выражения, что и «популярны». Замечание Х. Виршубски о том, что фраза «*rem publicam dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi*» не имеет никакого сходства с лозунгами *populares*⁶, противоречит нашему анализу термина *factio*, который, как мы показали ранее, в эпоху Поздней республики принадлежал исключительно политическому словарю «популяров».

К.-В. Вельвай все же настаивает на том, что «восстановление республиканской свободы» было одной из целей в пропагандистской политике Октавиана. В доказательство он приводит, в общем, косвенные доводы. На «восстановление» Августом *libertas* якобы намекает Т. Ливий, который несколько раз использует выражение *vindex libertatis* в первой декаде своего труда, написанного вскоре после 27 г. до н.э.⁷ На это же

¹ Cp.: Wirszubski 1950, 105, note 3.

² Ibid., 101–104; Fears 1981b, 805.

³ Scheer 1971, 182, 186; Mannsperger 1973, 381; Mastino, Trillmich 1988, 482; Welwei 2004, 218–219; Ibba 2006.

⁴ Cp.: Wirszubski 1950, 105; Wickert 1954, 2081; Ramage 1987, 68 sqq.

⁵ Belloni 1987, 59.

⁶ Charlesworth 1951, 104.

⁷ Welwei 2004, 218; см.: Scheer 1971, 183.

будто бы указывает и реставрация в 28 г. до н.э. храма Юпитера Освободителя¹. Кроме того, он принимает точку зрения К. Крафта, сделавшего вывод о том, что серии монет с изображением Козерога, знака Августа по гороскопу, представляют принцепса как *natus ad rei publicae salutem* (и, следовательно, *ad rem publicam liberandam*) и тематически тесно связаны с монетным типом *vindex libertatis*².

На самом деле Т. Ливий в первой декаде употребляет выражение *vindex libertatis* только два раза. В первом случае он называет «защитником свободы» Л. Брута, изгнавшего из Рима последнего римского царя Тарквиния Гордого (Liv., II, 1), а во втором случае – М. Манлия Капитолийского, который боролся против патрициата, отстаивая интересы должников (Liv., VI, 14). То, что Ливий именует *vindices libertatis* древнеримских героев полуполюгендарных родовых сказаний, вряд ли может быть доказательством «восстановления» Августом «республиканской» *libertas*. К I в. до н.э. Л. Брут уже давно превратился в символ в политической борьбе для *optimates*, а М. Манлий – для *populares*. Мало того, о жизни и поступках знаменитых деятелей составлялись небольшие рассказы, так называемые *exempla*, которые дети на протяжении многих поколений изучали в риторических школах. Вряд ли Т. Ливий в этом случае мог чем-то удивить своих читателей, знавших о поступках Л. Брута и М. Манлия с самого детства.

Что касается восстановления храма *Iuppiter Libertas*, то Август в 28 г. до н.э. отремонтировал не один храм, а целых 82. В таком случае следует искать скрытый смысл в восстановлении каждого из этих храмов. Но даже если бы принцепс реставрировал только храм Юпитера Освободителя, то все равно нельзя объединять это событие с «восстановлением» аристократической *libertas*, так как храм был связан с политической деятельностью семьи Гракхов. Он был построен двоюродным дедом Тиберия Гракха в конце I Пунической войны на деньги от штрафов богатых собственников, а двоюродный дядя знаменитого трибуна посвятил храму картину, изображавшую празднество в честь победы в битве с карфагенянами, в которой впервые приняли участие бывшие рабы, освобожденные сенатом для борьбы с Ганнибалом (Liv., XXIV, 16). Также важно и то, что храм Юпитеру Либертас был построен на Авентине, холме, который издавна был центром религиозной и политической жизни плебеев.

Выводы К. Крафта³ о том, что серии монет с символикой Козерога использовались, чтобы представить Октавиана как *natus ad rei publicae salutem* (рожденного для благоденствия государства), представляются нам

¹ Welwei 2004, 218.

² Ibid., 218–219; см.: Kraft 1967a, 17–27.

³ Kraft 1967a, 20 sqq., cp., также: Barton 1995, 46.

вполне обоснованными. Между тем нет никаких прямых подтверждений тому, что они имели отношение к идее *natus ad rem publicam liberandam* (рожденный для освобождения Республики). Немецкий исследователь выстраивает свою гипотезу только на стилистическом единстве между единственной пергамской тетрадрахмой с символикой Козерога (CREBM I, Augustus № 698) (прил. А, рис. 43) и близкими между собой эфесскими типами *capricornus* (CREBM I, Augustus № 696) (прил. А, рис. 44) и *vindex libertatis* (прил. А, рис. 42). Однако остальные монеты, имеющие на реверсе изображение Козерога, отчеканены позже на других монетных дворах и в другом стиле (напр.: CREBM I, Augustus №№ 344–348, 664) (прил. А, рис. 45–46), поэтому нам представляется, что К. Крафт неправильно расставил акценты. Пергамский кистофор выполнен не только в похожем стиле, но и тематически тесно связан с эфесской тетрадрахмой, которая, как мы выяснили, указывает на личные заслуги Октавиана в установлении мира, а не на «восстановление» *libertas*. Более логично связать выпуск этих монет и вообще образ Козерога с пропагандой триумфа и теологией Победы, а через них с богоизбранностью его обладателя и тем самым с оправданием власти Августа, как это делает Дж. Р. Фирз¹.

Это предположение подтверждается также данными глиптики. На ранних дешевых стеклянных пастах, которые, возможно, раздавались сторонникам Октавиана во время игр в честь победы Цезаря при Тапсе, часто встречается изображение Козерога² (прил. Б, рис. 2). Как мы уже упоминали, эти геммы были предназначены именно для демонстрации связи Октавиана с погибшим диктатором. На более поздних инталиях и камнях изображения Козерога практически всегда сопровождаются символами военного триумфа и господства или плодородия и благосостояния нового времени³ (прил. Б, рис. 3–7). Также следует отметить, что изображение Козерога пользовалось большой популярностью у легионеров. *Capricornus* был символом нескольких легионов: I Вспомогательного, II Августового, XIII Близнаца, XXII Первородного. Иногда эти изображения появляются на штемпелях строительных кирпичей, а также на оружии⁴ (прил. Б, рис. 8–9).

Таким образом, эти свидетельства источников не дают каких-либо дополнительных данных в пользу «восстановления свободы» в 27 г. до н. э. В то же время сохранились прямые указания на то, что Август на

¹ Fears 1981b, 809–811.

² Maderna-Lauter 1988, 445, Kat. 241.

³ Неверов 1971, 42, илл. 71; 1988, 61, рис. 69; Maderna-Lauter 1988, 452–453, 458–459, Kat. 246, 262–264, 278, см. также: Carswell 2009, 104–112.

⁴ Künzl 1988, 544, Abb. 222, a, b.

протяжении всей своей жизни боролся против аристократической *libertas*¹. Светоний сообщает, что Октавиан сначала наложил огромную пеню, а затем выгнал из города жителей Нурсии за то, что они погибшим в Мутинской войне поставили памятник с надписью: «Они погибли за свободу» (Suet., Div. Aug., 12; ср.: Dio Cass., XLVIII, 13). Тот же римский автор сохранил еще одно уникальное свидетельство: «Свою ненависть к родственникам он (Тиберий) вначале обратил против своего брата Друза, выдав его письмо, в котором тот предлагал добиться от Августа восстановления свободы (*qua secum de cogendo ad restituendam libertatem Augusto agebat*)» (Suet., Tib., 50). Совершенно абсурдная ситуация: если *libertas* уже была восстановлена в 27 г. до н.э., то зачем ее опять восстанавливать?

В эпоху Империи большой популярностью пользовались риторические упражнения, которые оправдывали или осуждали поступки знаменитых римлян. В частности, широкое распространение получило одобрение действий М. Брута и обвинение приемного сына Юлия Цезаря за то, что он уничтожил «свободу». До наших дней дошло «Письмо Цицерона к Октавиану», являющееся сочинением неизвестного ритора I в. н.э., которое переполнено жалобами на утраченную *libertas* и упреками в адрес Октавиана за его стремление к «тирании»: «...вся Италия подавлена легионами, набранными ради нашей свободы и приведенными тобой [Октавианом] для порабощения... я [Цицерон] уйду из Рима, который я, сохранив его, чтобы он был свободным, не смогу видеть в рабстве... услышит Брут, что тот народ, который сначала он, а впоследствии его потомки избавили от царей, отдан в рабство...» (Ps.-Cic., Epist. ad Octav., 1 sqq., пер. В. О. Горенштейна). Иногда римские писатели использовали эти заготовки в тексте своих произведений. Вот, например, сентенция Лактанция: «Лишенный свободы, чей вождь и защитник Брут потерпел поражение, Рим вследствие этого стал приходить в упадок» (Lactant., Div. Inst., VII, 15, 16). Также Флавий Випсик приводит распространенное в эпоху Империи краткое описание римской истории: «Затем, после победы над Карфагеном, оно [государство] возросло еще больше, распространив свою власть за моря, но, пораженное гражданскими распрями, утратив ощущение счастья, оно вплоть до Августа истощало свои силы в гражданских войнах. Оно было вновь восстановлено благодаря Августу, если можно говорить о восстановлении, когда потеряна свобода» (SHA, v. Cari, XXX, 4, пер. С. П. Кондратьева; ср.: Tac., Ann., I, 2). О том же говорит и неизвестный автор «*Epitome de vita et moribus imperatorum Romanorum*»: «в самом деле, добываясь принципата, он [Август] выступал как подавитель свободы (*oppressor libertatis*)...» ([Aur. Vict.], Epitom. de Caesar., I, 29, пер. В.С. Соколова).

¹ Ср.: Wickert 1954, 2091.

Такие прямолинейные обвинения Октавиана в уничтожении аристократической *libertas* дают дополнительные доводы в пользу нашей точки зрения. Широкие массы населения не были заинтересованы в восстановлении «свободы» *optimates* и равнодушно отнеслись к ее гибели. Зато с воодушевлением приняли новую трактовку *libertas*, согласно которой Октавиан «освободил» государство от величайшей опасности, даровал гражданам мир и возможность свободно заниматься своими делами. Об этом свидетельствуют не только официальные источники и приближенные к императору писатели и поэты (EJ, p. 49; ILS, № 81; Propert., IV, 6, 41; Vitruv., Praef., 1; Philo, Legat. ad Gai., 21), но и один любопытный эпизод из жизни Августа, упоминание о котором сохранил древний писатель: «Проезжая гавань Путеол, он [Август] встретил только что прибывший александрийский корабль; моряки и путешественники, в белых одеждах, в лавровых венках, с курениями в руках, приветствовали его добрыми пожеланиями и осыпали высочайшими хвалами: в нем вся их жизнь, в нем весь их путь, в нем их *свобода и богатство* (*libertate atque fortunis per illum frui*)» (Suet., Div. Aug., 98, пер. М. Л. Гаспарова).

Таким образом, широко распространенное в историографии мнение о том, что Октавиан использовал в своей пропаганде «оптиматскую» интерпретацию *libertas*, представляется нам совершенно необоснованным. Август воспользовался «популярской» трактовкой этого лозунга для того, чтобы подчеркнуть идеологические различия со своими противниками. Но в то же время он стал вкладывать в него новое содержание, в результате чего понятие «свобода» все чаще стали переосмысливать как синоним слов *рах* и *securitas*.

§ 3. Pax Augusta

Понятие *рах* играло важную роль в идеологии раннего Принципата, поэтому от его интерпретации зависит оценка пропаганды Августа в целом. Использование первым императором лозунга *рах*, по мнению некоторых исследователей, является подтверждением того, что принципс после окончания гражданских войн сменил акценты в своей пропаганде в сторону «республиканской» идеологии, в результате чего агитация мира и согласия якобы косвенно свидетельствует о возрождении староримских традиций и даже о «восстановлении» Республики¹.

На наш взгляд, эта точка зрения в корне неверна. Понятие *рах* было персонифицировано только в конце Республики². Первым агитацию мира и согласия активно стал использовать Г. Юлий Цезарь. Возможно, что он, как мы упоминали выше, даже хотел ввести культ богини *Рах* в офи-

¹ Напр., см.: Ramage 1987, 86; Чернышов 1994, ч. 2, 11–12; ср.: Sousa 1974, 34.

² Ср.: Wissowa 1902, 277; 1902–1909, Bd. 3, 1719; Koch 1949, 2430.

циальный римский пантеон. Эту политику продолжили его эпигоны, в результате чего лозунг рах на протяжении гражданских войн, следовавших за смертью Юлия Цезаря, фактически принадлежал политическому лексикону «цезарианцев». Таким образом, пропаганда Августом этого понятия не указывает на восстановление староримских традиций. Напротив, все говорит о том, что Октавиан стремился подражать погибшему диктатору¹.

Но это не было простым копированием цезарианских мероприятий, как указывают, например, К. Кох, С. Вейнсток, В. де Соуза. Последний, в частности, называет Августа «миротворцем», в то время как претендентом на этот эпитет был именно Юлий Цезарь². По нашему мнению, семантика лозунга рах на протяжении последних десятилетий I в. до н. э. проделала определенную эволюцию.

Мы уже говорили о том, что после разгрома Секста Помпея в 36 г. до н. э. сторонники Октавиана распространяли *libelli*, в которых объявлялось об установлении мира и окончании гражданских войн, а также упоминалось, что сенат установил статую Октавиана с надписью: «На суше и на море он восстановил... мир». Однако к концу 30-х гг. до н. э. Август сменил акценты в пропаганде рах, усилив «монархическое» звучание этого лозунга.

С одной стороны, по-прежнему эксплуатировались старые мотивы возвращения к мирной жизни. Подражая Юлию Цезарю, его приемный сын основал в Галлии колонии *Pax Augusta* (Strab., III, 2, 15) и *Forum Iulii Colonia Octavonorum Pacensis Classica*³. Он так же, как и Цезарь, проводил политику «милосердия», о чем не преминул упомянуть в своих «Деяниях» (RGDA, 3, 34, ср.: ILS, № 3784, 3785)⁴.

В 29 г. до н. э. была проведена одна из важнейших пропагандистских акций Августа: были закрыты ворота храма Януса, что означало установление мира на всей земле (Liv., I, 19; Dio Cass., LI, 20; Plut., Fort. Rom., 9; Oros., VI, 20). Позднее, в 25 г. до н. э. и в еще один неизвестный год, этот церемониал был повторен (RGDA, 13; Dio Cass., LIII, 27; Oros., VI, 21). Вместе с закрытием храма Януса был возобновлен полузабытый обряд *augurium Salutis*, связанный с окончанием войн и испрашиванием у богов благоденствия для римского народа (Suet., Div. Aug., 31; Dio Cass., LI, 20)⁵. На Востоке после 29 г. до н. э. был отчеканен денарий с изображением богини Рах, держащей в правой руке оливковую ветвь (CRRBM, № East 236; RIC I, Augustus № 476) (прил. А, рис. 47), а чуть

¹ Weinstock 1960, 47.

² Koch 1949, 2430 sqq.; Weinstock 1960, 47; Sousa 1974, 38.

³ Ramage 1997, 120, 121.

⁴ Подр. о «милосердии» Августа см.: Dowling 2006, 76–168.

⁵ Ср.: Latte 1992, 140, 298; Kienast 1999, 80; Sumi 2005, 214–215; Lange 2009, 140–141.

позже были выпущены ауреусы и денарии с изображением идущего быка как символа возвращения к мирной жизни (CREBM I, Augustus №№ 659–663) (прил. А, рис. 48).

Для римского общества эти мероприятия стали своеобразным водоразделом¹. Об этом говорит Светоний, сообщая о литературных занятиях императора Клавдия: «Начал он свою историю с убийства диктатора Цезаря, но потом... взял началом установление гражданского мира» (Suet., Div. Claud., 41, пер. М. Л. Гаспарова). Неудивительно, что с этого времени становятся популярными имена, образованные от основы рах, тогда как ранее они давались только рабам². Например, жену наместника Мезии Помпония Лабеоны, который покончил с собой в 34 г. н. э., звали Рахаеа (Tas., Ann., VI, 29). В надгробной надписи из Рима встречаются такие имена, как Рахаеа Viticula, Рахаеус Philoxenus, Рахаеус Rufus (ILS, № 8088)³.

С другой стороны, стала подчеркиваться тесная взаимосвязь между рах и victoria. Дж. Р. Фирс совершенно справедливо отмечает, что римскому обществу навязывались представления о том, что рах могла быть достигнута только через победу и постоянный мир может гарантироваться только постоянной victoria. Другими словами, победа была существенной предпосылкой для мира⁴. Весьма показательно, что именно в эту эпоху знаки победы и триумфа лавр и trophaeum становятся также и символами мира (Ovid., Fasti, I, 711–722; Trist., III, 1, 39–44; Plin., N. H., XV, 133–138)⁵. Таким образом, не только установление, но и само существование мира напрямую связывалось с личностью победоносного полководца Августа⁶.

¹ Cp.: Wirszubski 1950, 97.

² Gardthausen 1891, T. 1 Bd. 1, 480; 1891, T. 2 Bd. 1, 265; Машкин 1949, 305.

³ Cp.: Hanslik 1949, 2436; Sousa 1974, 36–37.

⁴ Fears 1981, 807; cp., также: Gardthausen 1891, T. 1 Bd. 1, 477; Koch 1949, 2434–2435; Ramage 1987, 78–79; 1997, 24; Künzl 1988, 543; Brunt 1990, 96–109; Campbell 2002, 122–132; Mantovani 2008, 34–35; Rich 2009, 140–141; Lange 2009, 141.

⁵ Р. М. Шнайдер отмечает, что лавр был посвящен Аполлону, богу-покровителю Октавиана и гаранту «золотого века», поэтому как образ самого бога, так и изображение аполлонова треножника играли ту же роль, что и лавр, и военный трофей [Schneider 1990, 176].

⁶ Особенно ярко эта взаимосвязь проявилась в провинциальной политике Августа. Провинции в это время буквально пестрят памятниками с изображениями римского императора как победителя и подателя благ для их жителей [Ramage 1997, 119–120, 125 sqq., 145 sqq.; 1998, 454–473; 2000, 181–193]. Э. С. Рэмейдж, наиболее полно исследовавший этот вопрос, указывает, что сообщение, содержащееся в пропаганде для провинциалов было относительно простым и четким: «это была история успешного правителя, победоносные войны которого (victoria) не только дали ему полный контроль над миром, но и принесли мир (рах) и процветание (felicitas) народам, которыми теперь он и Рим управляют» [Ramage 1997, 124].

Эта новая тенденция четко прослеживается и в нумизматике¹. Об известной эфесской тетрадрахме с изображением богини Мира на реверсе мы уже упоминали. Другая монета – это ауреус 27 г. до н. э. На его аверсе помещено изображение головы Августа, которое окружает легенда CAESAR COS VII CIVIBUS SERVATEIS (Цезарь, консул в седьмой раз, за спасенных граждан), на реверсе – изображение орла, держащего в когтях дубовый венок, над которым размещена легенда AUGUSTUS (CREBM I, Augustus № 656) (прил. А, рис. 49). Тот же Дж. Р. Фирз трактует эту монету таким образом: орел² дарует победителю Августу дубовый венок, триумфальное отличие, за то, что он спас римских граждан в войне против Востока. Обнаженная голова принцепса, ссылки на его должность консула указывают на приход новой эры мира, которая наступила в результате божественно предоставленной Августу победы и его *felicitas*³. Сенаторский декрет, согласно которому косяки дверей дома принцепса были украшены дубовым венком, также свидетельствует о взаимосвязи между рах и *victoria* (RGDA, 34). Дион Кассий, во всяком случае, отчетливо указывает на это: «Цезарь получил много почестей; в том числе тогда было постановлено, чтобы в честь его, неизменного победителя врагов и спасителя граждан (τότε οἱ ὥς καὶ αἰεὶ τοὺς τε πολέμιους νικῶντι καὶ τοὺς πολίτας σῶζοντι ἐψηφίσθη), перед его дворцом выставлялись лавры и над ними вешался дубовый венок» (Dio Cass., LIII, 16, пер. Н. Н. Трухиной; ср.: Val. Max., II, 8, 7).

Развитием этих представлений стала уже ассоциация самого Августа с рах. Так, жители Бетики установили золотую статую императору в Риме «за то, что благодеяниями его и постоянными заботами провинция находится в мире (*pacata est*)» (ILS, № 103). Надпись из Кум называет Августа «*custos imperii Romani pacisque orbis terrarum* (хранителем римского государства и мира всего круга земель)» (ILS, № 108). В некоторых декретах, изданных малоазийскими городами, он назван спасителем всего человеческого рода, установившим мир на суше и на море, который рожден на благо всего мира (CIG, № 3957 b, 6–7; IGRR, IV, № 490; SEG, IV, № 490; V, № 815)⁴. Жители многих городов делали посвящения в честь Рах Augusta. В Испании найдено посвящение: «Augusto, Paci Perpetuae et Concordiae Augustae (Августу, Вечному Миру и Согласию Августа)» (CIL, II № 3349), в Пренесте – *Paci Augusti*

¹ Подр. см.: Trillmich 1988, 483–485. Вообще, изображение богини Мира при Августе появляется на монетах не менее шести раз: RIC I, Augustus № 252–253, 476; RPC I, 1529 (Пелла); I, 2062 (Никомедия).

² Орел, по представлениям римлян, был вестником Юпитера, ср.: Serv., In Ver. Aen., I, 394.

³ Fears 1981b, 807.

⁴ Ср.: Gardthausen 1891, T. 1 Bd. 1, 480; 1891, T. 2 Bd. 1, 264–265; Fears 1981b, 806; Свеницкая 2002, 262.

(ILS, № 3787), в Мирине Цезарейской – ὑπὲρ Εἰρήνης Σεβαστῆς (IGRR, IV, № 1173).

В конце концов в 13 г. до н. э. был учрежден культ *Pax Augusta*, а в 9 г. до н. э. в Риме на Марсовом поле освящен *Ara Pacis* (RGDA, 12; EJ, p. 49)¹. Подобные алтари были воздвигнуты в Нарбоне (ILS, № 3789) и, возможно, в Испании и Лугдунуме².

Чуть позднее «монархический» подтекст *рах* еще больше усилился. Несмотря на то, что понятие *рах* практически с самого начала связывалось с *securitas* (безопасностью) и *prosperitas* (процветанием), проведение секулярных игр способствовало более тесному сближению *рах* с такими лозунгами, как *abundantia* (изобилие) и *saeculum aureum* (золотой век), приход которых напрямую связывался с личностью Августа³. В Юбилейном гимне, который хор юношей и девушек пел во время секулярных игр, Гораций смог связать вместе наступление «золотого века», установление мира и приход изобилия: «*Iam Fides et Pax et Honos Pudorque / priscus et neglecta redire Virtus / audet adparetque beata pleno / Copia cornu* (Вот и Верность, Мир, вот и Честь, и древний Стыд, и Доблесть вновь, из забвения выйдя, к нам назад идут, и Обилие с полным близится рогом)» (Horat., Carm. Saec., 57–60, пер. Н. Гинцбурга).

Римское правительство широко поддерживало подобные тенденции, например, основывая колонии для ветеранов, получавшие названия с очевидным подтекстом. Так, *Copia Augusta Lugdunum* (совр. Лион) и *Colonia Iulia Augusta Florentia Vienna* (совр. Вена) связывали Августа с наступлением изобилия (*copia*) и процветания (*florentia*)⁴.

Эти же идеи были ярко выражены и на многочисленных геммах, изображения на которых соединяют воедино приход мира, наступление «золотого века» и личность самого императора. С середины 20-х гг. до н. э. происходит знаменательная метаморфоза: образы воинственных римских божеств, «покровительствовавших» Октавиану во время Актийской битвы, получают несвойственные им черты, или атрибуты⁵. Так, Марс Ультор на одной из гемм изображен вместе с Меркурием – богом мирной торговли⁶. Венера Победительница приобретает атрибуты, присущие образу Венеры Прародительницы, божества, являющегося символом мирной жизни. На гемме из яшмы Венера Виктрикс держит в руках

¹ Подр. о *Ara Pacis* см. Одну из последних работ: Rehak 2006, 96–137. Об отношении *Pax Augusta* к *Ara Pacis* см.: Weinstock 1960, 44–58; о неравнозначности понятий *Pax Augusti* и *Pax Augusta* см.: Koch 1949, 2432 sqq.

² Weinstock 1960, 47, 49, 51.

³ Ср.: Zanker 1988, 172 sqq.; Чернышов 1994, ч. 2, 11.

⁴ Ramage 1997, 121.

⁵ Maderna-Lauter 1988, 447.

⁶ Ibid., 471, Kat. 268.

скипетр и рог изобилия, рядом с ней стоят Амур и Приап¹. Впервые появляется изображение Аполлона с кадуцеем в руке². Наконец, даже Виктория становится провозвестницей мира и плодородия. На камее из стекла, хранящейся в Британском музее, эта богиня вместо характерных для нее пальмового венка или трофея держит в руках рог изобилия и виноградную ветвь³.

Не меньшее распространение получил образ богини Земли, заключающий в себе представления о процветании и изобилии. На так называемой «Гемме Августа», на верхнем уровне справа от Августа, сидящего на троне рядом с богиней Ромой, помещено изображение Теллус с двумя младенцами и рогом изобилия, которое одновременно символизирует рах и *abundantia*⁴ (прил. Б, рис. 10). Похожая композиция была размещена на восточной стороне стены Ара Рацис. Левый рельеф изображает ту же богиню Tellus с двумя младенцами на руках и плодами на коленях, у ее ног спокойно лежат бык и ягненок⁵ (прил. Б, рис. 11). Такие же мотивы с образом богини Теллус с рогом изобилия встречаются на знаменитом карфагенском алтаре⁶ (прил. Б, рис. 12), на панцире со статуи полководца из Шершеля⁷ (прил. Б, рис. 13) и на панцире со статуи Августа из Прима Порта⁸ (прил. Б, рис. 14).

Таким образом, говорить о связи «мирной» агитации с возрождением «республиканских» традиций и тем более с «восстановлением» Республики не приходится. Напротив, этот лозунг является важным звеном в пропаганде единоличной власти Августа. Однако в то же время нельзя согласиться с распространенным в современной историографии мнением, согласно которому первый римский император только копировал мероприятия Г. Юлия Цезаря. Значение рах на протяжении последних десятилетий I в. до н. э. постепенно трансформировалось от простого понятия, выражающего согласие в гражданском коллективе, до полисемантической идеи, одновременно связанной и с благоденствием римской общины, и с личностью одного человека, объединяющего в себе как черты победоносного полководца, так и образ подателя мира и процветания.

¹ Maderna-Lauter 1988, 471, Kat. 269.

² Ibid., 470–471, Kat. 267.

³ Ibid., 471, Kat. 270.

⁴ Hölscher 1988, 371–373, Kat. 204.

⁵ Ср.: Машкин 1949, 591–592; Sousa 1974, 36–37; Settis 1988, 423, Kat. 227.

⁶ Машкин 1949, 577, 591–592, рис. 30.

⁷ Fittschen 1976, 175–210.

⁸ Бритова, Лосева, Сидорова 1975, 31–31, илл. 31; Hölscher 1988, 388, Kat. 215.

§ 4. Место имени Augustus (Σεβαστός) в пропаганде императора Августа

После того как Октавиан в 27 г. до н. э. объявил о сложении своих триумвирских полномочий, он получил много различных почестей, среди которых почетное имя Augustus (греч. Σεβαστός), которое сыграло важную роль в формировании идеологии эпохи раннего Принципата.

В историографии достаточно большое внимание уделяется изучению как этимологии¹, так и семантики² латинского термина *augustus*, между тем как семантика его греческого аналога *σεβαστός* фактически не изучена. Мы можем указать только четыре работы³. Вовсе не предпринималась сравнительная характеристика значений латинского термина *augustus* и греческого *σεβαστός*. С нашей точки зрения, она позволит более точно раскрыть значение каждого из них, показать изменение их семантики в эпоху Принципата, когда оба термина входят в состав имени римского императора. Это, в свою очередь, разрешит раскрыть особенности пропаганды Августа, направленной на обоснование исключительного положения первого императора в государстве.

Этимология латинского прилагательного *augustus* до сих пор остается спорной и не вполне ясной, хотя среди ученых преобладает мнение о связи *augustus* с латинским глаголом *augeo*. Здесь наметилось два пути решения проблемы. Одни исследователи полагают, что это отглагольное прилагательное, образованное от глагола *augeo* «увеличивать», «умножать»⁴. По мнению других, и *augustus*, и *augeo* имеют один общий источник, гипотетически восстанавливаемый как **augus*, и тогда *augustus* – отыменное образование от существительного среднего рода **augus*, *-eris* «расширение»⁵. Между тем уже в древности делались попытки этимологически связать *augustus* с *augur* (авгур). Первую попытку обнаружить такую связь можно найти у Светония, который предлагает несколько версий происхо-

¹ Напр.: Corssen 1854, 269–272; Vaniček 1877, Bd. 2, 860–865, s. v. *augeo*; Curtius 1879, 187; Zimmermann 1890, 435–436; Wissowa 1896, 2313–2314; Ernout 1921, 234–238; 1939, 88–89, s. v. *augeo*; Scott 1925, 84; Heinze 1926, 348–366; Gagé 1930, 138; Koops 1937, 34–39; Walde 1938, Bd. 1, 82–83, s. v. *augeo*; Dumezil 1957, 149–150; Lewis, 1958, 123, s. v. *augustus*.

² Напр.: Neumann 1896, 2370–2372; Gardthausen 1896, T. 1 Bd. 2, 535; Haverfield 1915, 249–250; Taylor 1918, 158–161; Ehrenberg 1924, 207–213; Scott 1925, 84–105; 1938, 128; Gagé 1930, 138–139; Gatti 1949, 257; Машкин 1949, 383–384; Erckell 1952, 9–39; Межеричский 1994, 179–180; Чернышов 1994, ч. 2, 33–34.

³ TLG, p. 120–121, s. v. *σεβαστός*; Frisk 1960, Bd. 2, 686, s. v. *σεβαστα*; Chantraine 1977, t. 4, 1, 992, s. v. *σεβαστα*; Liddell, Scott 1996, 1587, s. v. *σεβαστός*; ср.: Levi 1985, 147–148.

⁴ Corssen 1854, 269–272; Walde 1938, Bd. 1, 82–83, s. v. *augeo*; Georges 1951, Bd. 1, 729–730, s. v. *augustus*; Lewis, 1958, 123, s. v. *augustus*; OLD, p. 214, s. v. *augustus*; Дворецкий 2000, 91–92, s. v. *augustus*.

⁵ Vaniček 1877, Bd. 2, 865, s. v. *augeo*; Curtius 1879, 187; Zimmermann 1890, 435; Fowler 1918, 111; Ernout 1939, 88–89, s. v. *augeo*.

ждения этого слова. Согласно одной из них, *augustus* и *augur* имеют общий корень *avi* от *avis* (птица): **avi-gur*, **avi-gus-tu-s* (Suet. Div. Aug., 7). Однако изыскания в области этимологии латинских слов показали, что такая трактовка абсолютно неверна¹. С другой стороны, А. Циммерман, опираясь на свидетельства Энния и Овидия, впервые предложил другое объяснение этимологической связи между *augustus* и *augur*. Он не соглашается с трактовкой *augur* от *avis*², а считает, что это слово, так же как и *augustus*, произошло от **augus* (**augus* > gen. **augeris* > **auger* > *augur*)³. В дальнейшем эту гипотезу разрабатывал А. Эрну⁴, ее сторонниками являются Ж. Гаже, К. Скотт, В. де Соуза, Г. Нойманн, М. Морани, Дж. Линдерски, Дж. Цеккини, М. Спаннагель⁵. Сейчас эта точка зрения почти общепризнана, хотя против такой трактовки имеются довольно веские возражения⁶.

Вопрос о семантике *augustus* еще более сложен. В общих и специальных работах никогда не поднималась проблема эволюции и метаморфоз значений этого слова на протяжении различных эпох: для его объяснения берутся примеры из разных периодов римской истории⁷. С нашей точки зрения, такая эволюция имела место.

В известных нам памятниках латинского языка слово *augustus* впервые встречается в знаменитом стихе Энния (239–169 гг. до н. э.): «*augusto augurio postquam inclita condita Roma est* (прославленный Рим был основан после священного гадания)» (Enn., 501–502 ed. Vahlen). Однако данные Вергилия и Сервия показывают, что прилагательное *augustus*, вероятно, существовало уже в царский период римской истории. Вергилий, пересказывая легендарные предания о прибытии Энея в Италию, несколько раз называет царскую резиденцию (*regia*) лаврентийских царей *augusta*. Кроме того, Сервий упоминает, что такой же эпитет имела и *regia* Нумы Помпилия (Serv., In Ver. Aen., VII, 153). В первый раз Вергилий называет царский дворец *moenia augusta regis* (Verg., Aen., VII, 153), во второй раз – *tectum augustum ingens* (Verg., Aen., VII, 170). Сервий, комментируя эти места Энеиды, особо подчеркивает, что *moenia augusta* полностью соответствует *tectum augustum* (Serv., In Ver. Aen., VII, 153). Комментатор Вергилия ясно указывает, что царский дворец назван *augustus*, потому что он относится к *loci augurio consecrati* (об этом см. ниже) (Serv., In Ver. Aen., VII, 153; XI, 235; Serv., In

¹ Wissowa 1896, 2313–2314.

² См.: Vaniček 1877, Bd. 2, 860, s. v. *augeo*; Wissowa 1896, 2313–2314; Walde 1938, Bd. 1, 82–83, s. v. *augeo*; Дворецкий 2000, 91–92, s. v. *augustus*.

³ Zimmermann 1890, 435.

⁴ Ernout 1921, 234–238; 1939, 88–89, s. v. *augeo*.

⁵ Scott 1925, 84; Gagé 1930, 138–139; Sousa 1974, 23–24; Neumann 1976, 219–229; Morani 1984, 65 sqq.; Linderski 1986, 2290, note 577; Zecchini 1996–1997, 129–135; Spannagel 1999, 179 und Anm. 585.

⁶ Whatmough 1948.

⁷ Harp., см.: TLL, sp. 1379–1419, s. v. *augustus*.

Ver. Georg., IV, 228), т. е. в представлении древних римлян царский дворец являлся храмом (Verg., Aed., VII, 173–174; Serv., In Ver. Aen., XI, 235). Таким образом, резиденция латинских и римских царей являлась священным зданием, которое было освящено авгурием и поэтому, вне всяких сомнений, могло называться *augustus*.

Свидетельства античных авторов показывают, что прилагательное *augustus* относилось не только к местожительству царя, но и к самой его персоне, что, впрочем, и не удивительно, ведь особа царя считалась священной¹. Ливий говорит, что, когда Ромул принял царские insignia, т. е. стал царем, он стал *augustior* (Liv., I, 8). Г. Эркель отмечает: «Ромул не показывает ни у Ливия, ни у других латинских авторов, так чтобы он сам мог произвести впечатление *augustior humano*, чтобы стать им, он должен был принять *insignia imperii*»², т. е., по сути, стать царем. Хотя Флор сообщает о том, что Ромул «...*augustiore forma fuisset*...» только после смерти (Flor., I, 1), Манилий подтверждает свидетельство Ливия, называя всех (римских!) царей *augusti* (Manilius, Astronom., I, 8).

Однако к свидетельствам античных авторов о существовании слова *augustus* в царскую эпоху следует относиться *cum grano salis*. Дело в том, что все источники довольно поздние и созданы уже после 27 г. до н. э., когда Октавиан принял свое новое имя, и иногда римские авторы, употребляя слово *augustus*, хотели намекнуть на имя первого римского императора. К примеру, одно место в «Энеиде» Вергилия) вызвало вполне однозначные толкования у его античных комментаторов:

В городе был на вершине холма чертог величавый
(*tectum augustum, ingens*)

С множеством гордых колонн – дворец лаврентского Пика
(*Laurentis regia Pici*),

Рошей он был окружен и священным считался издревле.

Здесь по обычаю все цари принимали впервые

Жезл и фасции, здесь и храм и курия были (*hoc illis curia templum*),

Здесь и покой для священных пиров, где, заклавши барана (*ariete caeso*),

Долгие дни за столом отцы проводили нередко.

Дедов царственных здесь изваянья из кедра стояли

В должном порядке: Итал и отец Сабин, насадитель

Лоз (недаром кривой виноградаря серп у подножья

Статуи старца лежал); и Сатурн, и Янус двуликий

Были в преддверье дворца, и властителей образы древних,

Что за отчизну в бою получили Марсовы раны

(Verg., Aen., VII, 170–182, пер. С. А. Ошеров).

¹ Koch 1942, Bd. 2, 133; Taylor 1979, 44 sqq.

² Erckell 1952, 11.

Помпоний прямо говорит, что в этом месте «он [Вергилий] описал храм Аполлона, построенный на Палатине Августом» (Pompon. Sab., In Aen., VII, 170). Сервий, напротив, не сомневается, что здесь великий римский поэт описал палатинский дворец Августа: «*Tectum augustum ingens domum, quam in Palatio diximus ab Augusto factam, per transitum laudat: quam quasi in Laurolavinio vult fuisse* (священный дворец, огромный – это дом, который, как говорят, был построен Августом на Палатине, [Вергилий] хвалит по ходу изложения: он захотел сделать его похожим на дворец в Лавинии)» (Serv., In Ver. Aen., VII, 170)¹, и еще «потому что... Вергилий переместил [палатинский] дворец во времена Латина» (Serv., In Ver. Aen., XI, 235)². Намек на дворец Августа можно увидеть и в другом комментарии Сервия: «*ariete caeso* – это жертвоприношение [упоминаемое Вергилием], которое совершалось в праздничные дни у дверей императорского дворца» (Serv., In Ver. Aen., VII, 175).

В подтверждение данных Сервия можно привести свидетельство Тацита: «... Гортал³, ...в то время сенат заседал во дворце, попеременно смотря то на статую Гортензия, расположенную среди [изображений] ораторов, то на [статую] Августа...» (Tac., Ann., II, 37), – ср. у Вергилия: «Дедов царственных здесь изваянья из кедра стояли... Были в преддверье дворца и властителей образы древних» (Verg., Aen., VII, 177, 181, пер. С. А. Ошерова). Стоит также отметить, что начало процитированного нами фрагмента Вергилия было заимствовано в переделанном виде римским поэтом Стацием для описания дворца Домициана: «*Tectum augustum, ingens, non centum insigne columnis, / sed quantae superos caelumque Atlante remisso / sustentare queant* (Огромный священный дворец без ста величавых колонн, но с такими, что могут и верхнее небо держать вместо Атланта)» (Stat., Silv., II, 18–20). Таким образом, здесь вряд ли можно сомневаться, что этот пассаж был создан Вергилием в угоду первому римскому императору.

Но все же можно полагать, что в царский период римской истории прилагательное *augustus* было тесно связано как с личностью самого царя, так и с его резиденцией, которая считалась священной.

От эпохи Республики до нас дошло 16 аутентичных памятников, в которых содержится слово *augustus* (Enn., 501–502 ed. Vahlen; Acc., Trag., 510; Cic., De domo sua, 137; De harusp. resp., 12; Pro Milo, XVI, 43; In Verr., II, 5, 186; Tusc. disput., V, 12, 36; De leg., II, 35; Brut., 83, 295; De nat. deorum, I, 119, II, 62, 79, III, 53; Frag. de philosoph., IX, Fr., 11; CIL, V, № 4087). Однако М. Г. Абрамзон полагает, что Октавиан еще до

¹ Cp.: Rowell 1941, 264 sqq.

² Cp.: Platner, Ashby 1929, 166.

³ Марк Гортензий Гортал – сенатор в эпоху Тиберия, внук знаменитого оратора Квинта Гортензия Гортала.

27 г. до н. э. был назван Augustus на одном из денариев¹. Ученый ссылается на монеты, которые чеканились Л. Пинарием Скарпом на протяжении 29–28 гг. до н. э. в провинции Киренаика. Мнения нумизматов по этому вопросу разделились. Э. Бабелон и Г. Грюбер считают, что эту монету следует датировать 27 г. до н. э., то есть временем после принятия Октавианом титула *augustus*, и таким образом увеличивают срок наместничества Л. Пинария в Кирене на один год². Напротив, Г. Мэттингли отмечает, что «этот денарий ... с легендой *AVGVSTVS DIVI F* может быть отброшен как фальшивый или в лучшем случае как гибридный (*mule*)»³. Действительно, складывается впечатление, что эта монета состоит из двух типов разных эмиссий. Аверс денария принадлежит африканской чеканке Л. Пинария, а реверс – более поздней чеканке. Расположение легенды на реверсе имеет отличия по сравнению с надписями на других монетах Л. Пинария: в формуле *AVGVSTVS DIVI F. augustus* развернуто на 180°, тогда как на других монетах Скарпа отдельные надписи на реверсе параллельны друг другу. И главное, сама легенда *AVGVSTVS DIVI F.* принадлежит к более позднему времени, так как первоначально в 27 г. до н. э. на монетах появляется легенда *AVGVSTVS*. Таким образом, есть все основания считать эту монету фальшивой или поддельной.

Для трактовки вышеперечисленных 16 памятников республиканской эпохи, с нашей точки зрения, очень удачна характеристика *augustus* в «Тезаурусе латинского языка»⁴. Здесь основное значение этого слова объясняется как «*quod religionem sanctitatemque aut natura possidet aut consecratione accepit* (то, что от природы или посредством консекрации свято и священно)» и что относится к: 1) *templa, tecta, loca* и т. д.; 2) *sacra et quae in iis observantur* (к священнодействиям и к тому, что во время их проведения почитается); 3) *res in quibus numen vel aliquid divini inest quaeque in caerimoniis adhibentur* (к вещам, в которых нумен или нечто божественное заключено и которые используются в культовых церемониях); 4) *de dis ipsis* (к самим богам); 5) *homines* (к людям). То есть прилагательное *augustus* в эпоху Республики употреблялось только с ограниченным набором терминов, принадлежащих к сфере национальной римской религии.

Ко второй и третьей группе комментарии излишни. Четвертую (*de dis ipsis*) и пятую (*homines*) группу мы охарактеризуем ниже, а сейчас обратимся к первой (*templa, tecta, loca* и т. д.) группе документов в «Тезаурусе латинского языка». К ней, с нашей точки зрения, следует сделать несколько пояснений. Место (*locus*) может быть священным (*sanctus vel sacrus*), но не всегда *augustus*. *Augustus* оно становится только

¹ Абрамзон 1995, 326.

² Babelon, t. 2, p. 307; CRRBM, v. 2, p. 586.

³ Mattingly 1965, 111.

⁴ TLL, sp. 1379–1381, s. v. *augustus*.

после того, как «*fuit augurio consecratum*», то есть освящено авгурием (Suet., Div. Aug., 7; Serv., In Ver. Aen., VII, 153; Serv., In Ver. Georg., IV, 228). Этот процесс заключался в том, что авгур с помощью некоторых сакральных действий и произнесения торжественной формулы ограничивал и отделял от остальной части земли место, всегда предназначавшееся для религиозных действий, которое затем подвергалось консекрации понтификами (Serv., In Ver. Aen., I, 446)¹. В результате этих действий освященное место как бы становилось ближе к богам; другими словами, *locus augustus* – это наиболее приближенное к богам место, где встречалось человеческое и божественное (см.: Cic., In Cat., II, 29). Разумеется, что оно соответствует понятию *templum*². Таким образом, *locus augustus* – это в первую очередь римский храм, и, следовательно, любой *templum*, *delubrum*, *aedes* и т. д. является *augustus* (напр., см.: Cic., Frag. de philosoph., IX, Fr., 11: ...*augustissima delubra veneremur*; Ovid., Fasti, I, 609–610: *augusta vocantur templa*...). Поэтому многозначные римские слова *aedes*, *tectum*, *moenia*, которые можно перевести и как здание, и как жилище, и как дворец, в случае совместного употребления с *augustus* всегда означают храм, святилище.

Теперь обратимся к последним двум группам документов в «Тезаурусе латинского языка» (*dii et homini*). В указанных выше 16 документах римской письменности эпохи Республики прилагательное *augustus* ни разу не относится к человеку или божественному созданию³, за исключением надписи CIL, V, № 4087: «[A]VG(ustis) LARIBVS D(onum) D(edit)... (величественным Ларам дано в дар...)», датированной 59 г. до н. э., которую некоторые исследователи считают либо ошибочной, либо поддельной⁴ в связи с тем, что подобные надписи стали появляться только со времени реформы культа *lares compitales* императором Августом. Это довольно удивительно, ведь в эпоху ранней Империи это слово часто характеризует либо человека, либо божество.

С нашей точки зрения, чтобы объяснить такое противоречие и вместе с тем более точно определить значение слова *augustus* в ранние периоды римской истории, следует подробнее остановиться на триаде *divinus–augustus–humanus*. Дело в том, что для римлян вообще присуще полное противопоставление *divinus* и *humanus*, то есть божественного и человеческого (например, у Ливия только в первой декаде 36 раз встречаются парные устойчивые словосочетания *divinus–humanus* и *deus–homo*). Таким образом, перед нами встает дилемма: с каким из миров, божественным или человеческим, можно соотнести *augustus*? Свидетель-

¹ Шайл 2006, 74–75.

² Там же, 69.

³ Ср.: Ehrenberg 1924, 207.

⁴ Ср.: Neumann 1896, 208; Erckell 1952, 16.

ство Овидия (Ovid., Fasti, I, 607–608; см. также: Liv., I, 7; V, 41; VIII, 6, 9; Ovid., Trist., I, 1, 71; Val. Max., I, 8, 8) ясно показывает, что *augustus* противопоставит *humanus*¹. С другой стороны, как мы указали выше, от эпохи Республики до нас дошла лишь одна надпись, где *augustus* относится к божественным созданиям. Однако изучение источников эпохи раннего Принципата также показывает, что слово *augustus* во времена Республики никогда не относилось к богам, а использовалось только для описания того, что связано с ними. Г. Эркель², изучивший свидетельства Ливия (Liv., I, 7, 8, VIII, 6, 9), Овидия (Ovid., Met., VI, 72, IX, 270), Валерия Максима (Val. Max., I, 8, 8, VIII, 11, ext. 5), Флора (Flor., I, 1), Стация (Stat., Theb., X, 757), Светония (Suet., Nero, 1), пришел к обоснованному выводу, согласно которому прилагательное *augustus* применялось для характеристики не людей или богов, а существ, стоящих вне человеческого мира, но в то же время и не являющихся настоящими богами. Это — герои, души мертвецов, лары, *devoti*, призраки. Исходя из таких предположений, надпись CIL, V, № 4087 вполне можно считать аутентичной. Е. М. Штаерман не без оснований считала, что «ее уникальность обусловлена скудостью эпиграфического материала, что в первую очередь относится к надписям частных лиц»³. Из этого становится ясным, что в эпоху Республики термин *augustus* не относился к людям и богам, а только к божественным созданиям, стоящим рангом ниже «настоящих» богов.

Таким образом, в эпоху Республики *augustus* был достаточно специфическим термином, относящимся к сфере культа и религии. Его отличительной чертой является то, что не употреблявшийся непосредственно как эпитет богов (это слово было эпитетом *semidii*, который как бы подчеркивал их нечеловеческую природу, *augustior humano*, когда настоящая сущность бога выявлялась посредством человеческого образа, то есть они были связующим звеном между двумя мирами)⁴, он характеризовал вещи и понятия, тесно связанные с богами. *Augustus* было связано с понятиями, вещами, находящимися как бы на граничной территории человеческого и божественного миров при постоянном условии, что божество присутствовало рядом или находилось внутри. Очень точно соответствует такому пониманию *augustus* в эпоху Республики его перевод «умноженный божеством», «возвеличенный божеством», «величественный», предложенный некоторыми исследователями⁵. Перевод «священный» и интерпретация *augustus*, например,

¹ Ср.: Taylor 1918, 159; Машкин 1949, 384; Erckell 1952, 10–11.

² Erckell 1952, 9–18.

³ Штаерман 1987, 169.

⁴ Ehrenberg 1924, 208; Erckell 1952, 11; Dettenhofer 2000, 84.

⁵ Curtius 1879, 187; Gardthausen 1896, T. 1 Bd. 2, 535; Машкин 1949, 384; Шайд 2006, 165.

М. Хэммондом и И. С. Свенцицкой, как эпитета, применявшегося по отношению к богам, таким образом, совершенно неприемлемы¹.

Однако к концу Республики ситуация начинает меняться. Изучение литературного наследия Цицерона показывает, что к концу I в. до н. э. сакральное звучание слова *augustus* ослабевает. Хотя *augustus* означало более высокую степень святости, чем *sanctus*, Цицерон постоянно использует эти слова как равнозначные синонимы, то есть в значении «священный» (Cic., *De harusp. resp.*, 12; *In Verr.*, II, 5. 186; *Tusc. disput.*, V, 12. 36; *De nat. deorum*, I, 119, II, 62, 79, III, 53)². Но в эту эпоху *augustus* употреблялось в еще более ослабленном значении: его синонимами становятся слова *magnificus*, *admirabilis*³. Примеры этому также можно найти у Цицерона (Cic., *Brut.*, 295).

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о значении *augustus* в эпоху правления императора Августа, следует остановиться на двух моментах, а именно: на проблеме выбора имени для бывшего триумвира и на механизмах вручения этого имени. Это связано с тем, что, во-первых, данные вопросы достаточно односторонне трактуются в современной историографии, а во-вторых, их интерпретация позволит глубже понять метаморфозы семантики *augustus* в эпоху императора Августа.

Обратимся к проблеме выбора имени. В историографии утвердилось мнение, основанное на указании Диона Кассия (Dio Cass., LIII, 16), согласно которой в сенате Октавиану предлагали различные имена, но сам император очень хотел именоваться Ромулом, однако, опасаясь того, что такое имя может вызвать ассоциации с римскими царями и его будут подозревать в стремлении к царской власти, он принял имя *Augustus*, посредством которого ассоциировался с первым царем Рима. Такая точка зрения разделяется многими исследователями, которые расходятся только в определении мотивов отклонения имени *Romulus*⁴, но она не лишена

¹ Hammond 1966, 147; Свенцицкая 2006, 239.

² Л. Р. Тейлор считает, что *augustus* было синонимом прилагательных *sanctus* и *divinus*, но «гораздо менее банальным (much less hackneyed), чем эти два слова» (sic!) [Taylor 1979, 160]. К. Скотт и В. Эренберг высказываются более осторожно: «Слово *augustus* часто употреблялось до некоторой степени как синоним *sanctus* и *religiosus*» (The word *augustus*, ..., had often been used, ... as more or less of a synonym for *sanctus* and *religiosus*) [Scott 1925, 84]. «Таким образом, оно почти идентично *sanctus* или *religiosus*» (So ist es nahezu identisch mit *sanctus* oder *religiosus*) [Ehrenberg 1924, 208]. В принципе говорить о синонимичности *augustus* и *sanctus* можно, но только в широком смысле, так как оба слова выражают идею святости, божественности. Однако равнозначными синонимами они не были, так как различие значений, которые эти слова выражали, было достаточно большим.

³ Ср.: TLL, sp. 1381 s. v. *augustus*.

⁴ Напр., см.: Gardthausen 1896, T. 1 Bd. 2, 534–535; Hirst 1926, 347–357; Gagé 1930, 138–139; Syme 1939, 313–314; Norberg 1946, 392–394; Машкин 1949, 383–384; Getty 1950, 1–12, esp. 2; Dumezil 1957, 126 sqq.; Petersen 1961, 443; Charles-Picard 1962, 39, note 1; Hammond 1966, 147; Richard 1970, 383; Sousa 1974, 23; Speyer 1978, 1797; Taylor 1979, 158–160; Porte 1981,

некоторых недостатков и противоречий¹. Довольно оригинальную гипотезу выдвинул Ф. Хаверфилд, который объясняет выбор имени Augustus следующим образом: «Монеты Марка Антония, особенно его серебряные денарии, которые, вероятно, были выпущены в большом количестве незадолго до битвы при Акции, очень часто имеют легенду ANT[onius] AVG[ur] III VIR R[ei] P[ublicae] C[onstituendae]. Здесь AVG, конечно, сокращение от augur. Но это также очевидное сокращение от augustus (оно имеется уже в Monumentum Ancyranum, то есть ранее 13 г. до н. э.). Поскольку эти серебряные денарии Антония, вероятно, свободно распространялись в римском мире приблизительно до 28 г. до н. э., это могло бы быть хорошим поводом для принятия имени Augustus»². Но и эта гипотеза не выдерживает критики³. Пересекается с двумя вышеназванными версиями предположение, согласно которому выбор имени Augustus был обусловлен его тесной связью с авгуратом. Таким образом, Октавиан рассматривался как «optimus augur» – эпитет, который прямо намекал на Ромула – первого авгура в истории Рима⁴.

С нашей точки зрения, более предпочтительно мнение Г. Эркеля, который, критикуя перечисленные гипотезы, считает, что «причина выбора имени Augustus лежала в обычном (скорее в специфическом – А. Т.) значении этого слова. Именно то обстоятельство, что слово augustus в определенных, более или менее широких, границах имело переменное значение, делало возможным использовать это слово до некоторой степени в новом значении. Таким образом, значение augustus было так определено, что никто не сомневался в том, что носитель этого имени считался священным, стоящим над миром людей; одновременно имя было так неопределенно, что его носитель не идентифицировался с тем, что уже существовало. Октавиан не стал ни divus, ни героем, ни devotus, но считался родственным им»⁵. К этому можно добавить несколько собственных соображений.

Вряд ли можно согласиться с тем, что именно «благодарные» сенаторы обсуждали, какое имя даровать бывшему триумвиру. Скорее всего, принятие нового имени было санкционировано самим Октавианом и его ближайшим окружением, и среди этого окружения, по-видимому, существовала жаркая полемика в вопросе о выборе имени. На этот момент

337–340; Morani 1984, 69; Earl 1990, 49; Межеричский 1994, 179–180; Чернышов 1994, ч. 2, 33–34; Rich 1996, 85–127; Barchiesi 1997, 169; Ungern-Sternberg 1998, 172–173; Dettenhofer 2000, 82–83; Flower 2000, 49–53; Crook 2005, 79; Wardle 2005, 191; Mineo 2009, 296.

¹ Erckell 1952, 36–38.

² Haverfield 1915, 249–250.

³ Erckell 1952, 35.

⁴ Scott 1925, 84–105; 1938, 128; Gagé 1930, 138–139; Spannagel 1999, 179, 188 sqq, und Anm. 651.

⁵ Erckell 1952, 38.

мало кто из историков обращает внимание. Такому предположению не противоречит официальная версия событий, изложенная в *Res Gestae*, где сообщается, что 16 января 27 г. до н.э. особым решением сената Октавиану было даровано имя *Augustus* за особые заслуги перед государством (RGDA, 34; Liv., *Epit.*, 134). Здесь говорится только лишь о специальном сенатусконсульте. Светоний сообщает, что «позже он принял... когномен Август... согласно мнению Мунация Планка, в то время как некоторые полагали, что ему следует называться Ромулом, наподобие самого основателя города, однако перевес получило мнение, что лучше его назвать Августом, не только новым, но также и более возвышенным именем» (Suet., *Div. Aug.*, 7). Из этого сообщения видно, что имя Ромула именно предлагали Октавиану, а не сам он его желал. Кроме того, слова «перевес получило мнение (*praevaluisset*)» говорят о том, что решение принималось коллегиально, но Светоний нигде не упоминает о том, что обсуждение происходило в сенате. Хотя Флор многие реалии II в. н.э. переносит в эпоху Августа, он также не говорит о том, что сам Октавиан желал называться Ромулом, только «решение сената» о даровании имени он заменяет «обсуждением в сенате»: «Даже обсуждалось в сенате, не назвать ли его Ромулом, потому что он основал империю; но более священным и более почтенным показалось имя Август...» (Flor., II, 34). Дион Кассий единственный, кто говорит о том, что Октавиан сам хотел называться Ромулом: «Когда Цезарь на деле исполнил обещание, то сенат и народ дали ему имя Августа. В то время, когда они пожелали назвать его как-нибудь особенно, причем одни предлагали то, а другие иное имя, Цезарь чрезвычайно хотел именоваться Ромулом, но, поняв, что из-за этого его подозревают в стремлении к царской власти, не присвоил себе этого имени; так что ему дали прозвище Августа как намекающее на нечто сверхчеловеческое» (Dio Cass., LIII, 16, пер. Н. Н. Трухиной). Однако К. Гатти считает сообщение Диона Кассия о том, что Октавиан сам хотел именоваться Ромулом, ошибочным и приводит, в общем, убедительные доводы в пользу этого¹. Но Дион Кассий также не говорит, что именно в сенате обсуждалось решение о выборе имени. Он только лишь указывает, что «сенат и народ дали ему имя Августа» и что «одни предлагали то, а другие иное имя». Таким образом, согласно Светонию, Флору и Диону Кассию, Октавиану предлагали два имени – *Romulus* и *Augustus*. Между тем Сервий и Иоанн Лидийский сохранили указание на то, что среди новых прозвищ фигурировало имя *Quirinus* (Serv., *In Ver. Aen.*, I, 292; Serv., *In Ver. Georg.*, III, 27; Ioan. Lyd., *De mens.*, IV, 72)². Следовательно, можно предположить

¹ Gatti 1949, 257; ср.: Erckell 1952, 36–38.

² Porte 1981, 338–339.

такой ход событий. Выбор нового имени обсуждался среди ближайшего окружения Октавиана. Видимо, было предложено несколько вариантов: «одни предлагали то, а другие иное имя». Нам известно три варианта – *Romulus*, *Quirinus* и *Augustus*. После того как выбрали последнее, Мунаций Планк в сенате предложил это имя, за которое сенаторы и проголосовали.

Теперь следует остановиться на вопросе, каким образом происходило вручение этого имени Октавиану. В *Res Gestae* говорится об особом сенатусконсульте (RGDA, 34). Веллей Патеркул, Дион Кассий и Цензорин указывают, что состоялось не только решение сената, но и постановление народного собрания (Vell. Pat., II, 91; Dio Cass., LIII. 16; Censorin., XXI, 8). Между тем Иоанн Лидийский упоминает и о решении коллегии понтификов по этому поводу: «Ψήφω δὲ κοινῇ τῶν ἀρχιερέων καὶ τῆς βουλῆς Αὐγουστός ἐπεκλήθη (решением совместно понтификов и сената он был назван Августом)» (Ioan. Lyd., *De mens.*, IV, 72). На первый взгляд, это свидетельство вызывает удивление. И многие исследователи отбрасывают его как недостоверное¹. По нашему мнению, оно является аутентичным и заслуживает особого внимания. Следует вспомнить, что вещь становилась *augustus* только после обряда *consecratio*, проводимого понтификами. Человек же становился *augustus* только после обряда *devotio*, после которого он собственно переставал быть человеком, так как, посвященный подземным богам, покидал мир людей. Еще одним, даже более важным моментом является то, что именем *augustus* никогда до этого не назывался человек. Октавиан удостоился этого имени первым. И если вспомнить то специфическое значение слова *augustus*, которым его наделяли в эпоху Республики, то нет ничего удивительного в том, что обратились к понтификам за разъяснением². Таким образом, из-за специфики слова *augustus*, помимо постановления сената и, весьма вероятно, решения народного собрания, также состоялось решение коллегии понтификов о даровании Октавиану нового имени. Это говорит о том, что, во-первых, вряд ли это было неожиданное решение сената – скорее, заранее подготовленное предложение сторонников императора, во-вторых, уделялось большое внимание выбору имени, а в-третьих, слово *augustus* рассматривали в его первоначальном значении.

Как мы уже говорили, к концу Республики сакральное значение *augustus* постепенно ослабевает, но в эпоху Августа мы снова сталкиваемся с его первоначальным значением. С большой долей вероятности можно предположить, что инициатором «возрождения» сакрального звучания *augustus* стал сам император. Поводом для такого утверждения

¹ Ehrenberg 1924, 208.

² Erckell 1952, 19–20.

становится знакомство с источниками эпохи Августа. Именно от этой эпохи до нас дошли первые попытки объяснения этимологии и семантики *augustus*. С нашей точки зрения, этимологические изыскания Светония и Павла Диакона восходят к одному источнику, а именно к огромному труду вольноотпущенника и учителя детей Августа Марка Веррия Флакка «*De verborum significatu*». Само сочинение придворного грамматика до нас не дошло, но сохранились его сокращение, сделанное Помпеем Фестом (конец II – нач. III в.), и извлечения Павла Диакона (VIII в.), сделанные, в свою очередь, из эпитомы Феста¹. Вот это место: «*Augustus locus sanctus ab avium gestu, id est, quia ab avibus significatus est... sive ab avium gustatu, quia aves pastae id ratur fecerunt (augustus locus – это священное место от полета птиц, потому что птицами указывается... или от кормления птиц, потому что птицы кормлением одобряли это)*» (Fest., s. v. *augustus*, ed. Lindsay). Почти дословно с ним совпадает вторая часть сообщения Светония об *augustus*: «*Quod loca quoque religiosa et in quibus augurato quid consecratur augusta dicantur, ab auctu vel ab avium gestu gustuve* (ибо и почитаемые места, где авгуры совершили обряд посвящения, называются *augusta* – то ли от слова *auctus*, то ли от полета или кормления птиц)» (Suet., Div. Aug., 7, пер. Г. Л. Гаспарова). Таким образом, свидетельства Павла Диакона и Светония, несомненно, восходят к Веррию Флакку. Вполне возможно допустить, что у Веррия существовало и указание на происхождение *augustus* от *auctus* (*augeo*). Во-первых, сохранилось свидетельство Светония; во-вторых, по словам самого Феста, цель его труда состояла в том, чтобы из обширного лексикона Веррия сделать по возможности самое краткое извлечение, пропустив вышедшие из употребления или устаревшие слова²; в-третьих, от эпохи Августа сохранилась традиция, производящая *augustus* от *augeo*. Ее, в частности, упоминает Овидий: «*Huius et augurium dependet origine verbi / et quodcumque sua Iuppiter auget ore* (и авгурий происходит от этого слова / и все то, что Юпитер умножает своей силой)» (Ovid., Fasti, I, 611–612). Показательно, что Овидий, как и Светоний, дает два варианта происхождения *augustus*.

Кроме того, уже давно обратило внимание ученых частое и особенное использование Т. Ливием слова *augustus* в первой декаде своего труда, который он начал писать в 27 г. до н. э. (Liv., Praef. 7; I, 7, 8, 29, III, 17, V, 41, VIII, 6, 9). Л. Р. Тейлор полагает, что Т. Ливий сознательно противопоставлял *augustus* и *humanus*, что, очевидно, являлось намеренным комментарием к значению нового имени императора³. Г. Эркель предла-

¹ Об этом см.: Нагуевский 1915, 722–727; Альбрехт 2004, т. 2, 958–960.

² Нагуевский 1915, 723–724.

³ Taylor 1918, 159.

гает другое объяснение: Т. Ливий стремился предотвратить понимание *augustus* в ослабленном значении и, собственно говоря, использовал это слово в его прежнем значении¹. Какой бы ни была истинная причина такого употребления слова *augustus* Т. Ливием, для нас важно то, что здесь достаточно ясно можно увидеть влияние Октавиана на знаменитого римского историка в этом вопросе.

Таким образом, принятие имени *Augustus* стало заметным событием в становлении идеологии раннего Принципата, впервые этот сакральный термин был использован для характеристики человека. В формуле *Imperator Caesar divi filius Augustus*, которая с 27 г. до н. э. становится официальным именем принцепса, *Augustus* играет определяющую роль. Этот эпитет символизирует богоизбранность его обладателя (*Ovid., Fasti, I, 607–608, 612*)², отображает наступление «нового века»³, хотя и не так ярко, как прозвище Суллы *Felix*⁴. «Восстановленное» сакральное значение *augustus* указывало на сверхчеловеческую сущность Октавиана, поэтому вряд ли можно согласиться с распространенным мнением, согласно которому Октавиан остановил свой выбор на *Augustus*, так как оно казалось скромнее *Romulus*⁵ и не имело ничего принципиально нового в сравнении с республиканскими прецедентами⁶.

Следует сказать несколько слов об эволюции семантики *augustus* в эпоху империи. Здесь наблюдаются две тенденции. С одной стороны, *augustus* начинают использовать как эпikleзу для богов, чего не было в эпоху республики. Впервые *augustus* как эпитет божества был использован в 13 г. до н. э. для римской персонификации мира – *Pax Augusta* (*RGDA, 12*)⁷. Особенно часто *Augustus* встречается в обозначениях Эскулапа, Аполлона, Геркулеса, Юпитера, Либера, Марса, Меркурия, Нептуна, Сатурна, Сильвана, реже Дианы, Солнца, Фортуны и др.⁸ Таким образом, *augustus* получает новое значение «священный» (*sanctus, sacrus*). С другой стороны, тенденция к десакрализации значения *augustus* усиливается. Римские авторы все чаще используют это слово в значении *admirabilis, magnificus* (напр.: *Sil., Punica, I, 609; Stat., Theb., XII, 281; Silv., V, 2; Quint., Inst., XI, 1, XII, 10; Tac., Dial., 4, 12; Plin., Epist., II, 11, 10; Paneg., 60, 92*)⁹.

¹ Erckell 1952, 20.

² См.: Кнабе 1993, 629; Reinhold 2002, 64; Crook 2005, 79.

³ Машкин 1949, 383–384.

⁴ См.: Carcopino 1947a, 113.

⁵ Чернышов 1994, ч. 2, 34.

⁶ См.: Hammond 1966, 148; Межеричкий 1994, 179.

⁷ Koch 1949, 2432; Ausführliches Lexikon 1965, Bd. 7.2, sp. 83.

⁸ TLL, sp. 1393–1402, s. v. *augustus*; Latte 1992, 324–325.

⁹ См.: TLL, sp. 1381, s. v. *augustus*.

Прилагательное *σεβαστός* в отличие от *augustus* имеет ясную этимологию. Это слово происходит от корня *-σεβ-* (> **-sau-*) со значением «почитать», «боготворить», «преклоняться», который является весьма продуктивным¹. Тό σεβας (благоговение), ἡ σεβασίς (поклонение), τὸ σεβασμα (предмет поклонения), ἡ εὐσεβεία (благочестие), εὐσεβής (благочестивый), ἡ ἀσεβεία (нечестие) были очень употребительны в греческом языке. Слова, однокоренные *Σεβαστός*, появляются очень рано. Так, глаголы *σεβω* (поклоняться), *σεβάζομαι* (почитать богов) встречаются уже в «Илиаде» Гомера (Ном., II, IV, 242: *σεβεσθε*, VI, 167, 417: *σεβάσαστο*).

На первый взгляд, вопрос о семантике *σεβαστός* не представляет особых трудностей. Все словари дают его перевод «высокий», «священный», «почтенный», «достойный поклонения», не забывая при этом указывать, что это слово является греческим эквивалентом латинского *Augustus*². Современные исследователи, следуя сообщению Диона Кассия (*Dio Cass.*, LIII, 16), подчеркивают, что *сами* греки переводили *augustus* словом *σεβαστός*³. Но здесь мы как раз и встречаемся с первой трудностью. Ведь *σεβαστός* в сохранившихся источниках впервые встречается только в надписях IKyue, № 17 (27/26 гг. до н. э.) и AE, 1975, № 799 (26/25 гг. до н. э.) (*sic!*). На это можно было бы возразить, что источники с *σεβαστός* не сохранились. Но широкое использование однокоренных ему слов уже с эпохи Гомера, как указано выше, делает это возражение несостоятельным. С другой стороны, М. А. Леви считает, что использование *σεβαστός* после 27 г. до н. э. в некоторых памятниках греческого языка не имеет никакого отношения к императору⁴.

Остановимся на них подробнее. Дионисий Галикарнасский использует прилагательное *σεβαστός* в качестве признака τό πρᾶγμα (вещь, предмет) (*Dionys. Hal.*, II, 75). В связи с этим стоит напомнить об обстоятельствах жизни греческого ратора. Дионисий Галикарнасский приехал в Рим около 30 г. до н. э., а свой труд «Римские древности» начал писать еще позже⁵. К этому времени новое слово вполне могло утвердиться среди

¹ TLG, p. 116–123 s. v. *σεβαστός*; Vaniček 1877, Bd. 2, 1031–1032 s. v. *σεβομαι*; Frisk 1960, Bd. 2, 686–687 s. v. *σεβομαι*; Chantraine 1977, t. 4, 1, 992–993 s. v. *σεβομαι*.

² Напр., см.: Vaniček 1877, Bd. 2, 1033 s. v. *σεβομαι*; Вейсман 1899, 1124, s. v. *σεβαστός*; Дворецкий 1958, т. 2, 1465, s. v. *σεβαστός*; Frisk 1960, Bd. 2, 686 s. v. *σεβομαι*; Chantraine 1977, t. 4, 1, 992, s. v. *σεβομαι*; Liddell, Scott 1996, 1587, s. v. *σεβαστός*.

³ Напр., см.: Rubincam 1992, 97.

⁴ Levi 1985, 147–148.

⁵ История греческой литературы 1960, т. 3, с. 156, 166–167.

греческого населения Рима. Вполне возможно, что Дионисий использовал *σεβαστός*, обозначавшее особу римского императора, в качестве эпитета, чтобы показать особую святость предмета. Надпись Syll³, № 820 (83/84 г. н. э.), на которую также ссылается итальянский историк, содержит информацию о мистериях в Эфесе, среди которых упоминаются мистерии, посвященные «Δήμητρι Καρποφόρῳ καὶ Θεσμοφόρῳ καὶ θεοῖς Σεβαστοῖς (Деметре Плодоносице и Законодательнице и священным богам)». По нашему мнению, *θεοὶ Σεβαστοί* = *divi Augusti* = *divi imperatores*¹. Содержание многочисленных посвяtitельных греческих надписей с *θεοὶ Σεβαστοί* ясно указывает на то, что под этим термином понимали умерших римских императоров, которые обожествлялись после смерти². Это же относится и к надписи IG, VII, № 2233, о которой говорит М. А. Леви. Поэтому не без оснований можно считать, что греческое прилагательное *σεβαστός* относилось только к римскому императору. Таким образом, *σεβαστός* является неологизмом для эпохи Августа. Еще одним доводом в пользу этого является то, что в греческом языке уже было слово с таким значением – *σεβάσμιος*. Показательно, что в эпоху империи это слово иногда заменяло *σεβαστός* (*σεβάσμιος ἀρχή* = *Augusta dignitas*)³.

Вторая трудность заключается в том, что *σεβαστός* не является ни дословным, ни точным переводом классического значения *augustus* «умноженный божеством», «величественный». Сравнение значений однокоренных слов *τὸ σεῖβας* («благоговейный страх, благоговение»), *σεβάσσομαι* («страшиться, бояться»), *σεβάσμιος* («священный») и синонимов *πότνιος* («могущественный, глубокопочитаемый»), *προσκυνητός* («благоговейный»), *σεπτός* («благоговейно чтимый»), *ἑντίμος* («почитаемый»), *ἅγιος* («священный») разрешают уточнить перевод *σεβαστός* как «внушающий благоговение». Свидетельства греческих надписей позволяют говорить о том, что это слово использовалось в греческом мире в первую очередь для характеристики божества или римского императора (то есть человека), что полностью противоречит классическому значению *augustus* (Carie, II, № 67 – *σεβαστός Ἡρακλῆς* (Геракл); Kos PH, № 119, Kos EV, № 216, 219 – *Σεβαστή Ρέα* (Рея); Kos PH, № 411 – *σεβαστή θεὰ Δαμάτηρ* (богиня

¹ Ср.: Liddell, Scott 1996, 1587, s. v. *σεβαστός*.

² Напр., см.: AE, 1978, № 810: «Θεᾶ Ῥώμῃ καὶ θεοῖς Σεβαστοῖς (богине РOME и божественным Августам)»; OGIS, № 479, 3–5: «Καὶ θεοῖς Σεβαστοῖς καὶ θεαῖς Σεβασταῖς... καὶ θεᾶ Ῥώμῃ καὶ θεῷ Συγκλήτῳ καὶ τῷ δήμῳ Ῥωμαίων (божественным Августам и Августам... богине РOME, божественному сенату и римскому народу)».

³ TLG, p. 118, s. v. *σεβαστός*.

Деметра); Kos EV, № 135 – σεβαστός Ζεὺς Καπετώλιος (Юпитер Капитолийский); OGIS, № 457 – Ἀπόλλων ἐλευθέριος σεβαστός (Аполлон Освободитель)). По этому поводу М. А. Леви замечает, что εὐσεβής или εὐερέτης больше бы соответствовали латинскому слову¹.

Весьма интересные данные дает сопоставление употребления слов σεβαστός и αὐγουστός в грекоязычных источниках. Если в I–II вв. н. э. в трудах античных авторов преобладает слово σεβαστός, то в III–VI вв. н. э. αὐγουστός постепенно начинает вытеснять его (см.: прил. В и прил. Г). По нашему мнению, это может свидетельствовать об искусственном характере σεβαστός. То есть это слово, впервые использованное в греческом языке после 27 г. до н. э., являлось *официальным* переводом латинского титула римских императоров и неологизмом для греков эпохи императора Августа². Вполне естественно, что когномен императоров Αὐγουστός стал постепенно вытеснять нововведенное слово. Павсаний, живший во II в. н. э., отмечал, как будто это было не известно: «Τὸ δὲ ὄνομα ἦν τοῦτῳ Αὐγουστός, ὃ κατὰ γλῶσσαν δύναται τὴν Ἑλλήνων σεβαστός (ибо имя Август на языке греков значит себастос)» (Pausan., III, 11, 4). К этому следует добавить один интересный момент. В греческих надписях иногда σεβαστός и αὐγουστός употребляются совместно как два различных слова. Вряд ли это была тавтология, как указывают авторы «Тезауруса греческого языка»³. Скорее всего, это говорит о том, что для греков Σεβαστός звучало больше как официальный титул, было обозначением римского правителя, а Αὐγουστός – неофициальным именем императора (ср.: TAM, IV, 1, № 25: «Ἰουλίαν Αὐγούσταν Σεβαστήν (Юлии Августы Священной)»; SEG, XLII, № 1135, XLIV, № 1011a; AE, 1969–1970, № 606, 1976, № 678, 1992, № 1511, 1994, № 1929a, 1998, № 1423). У греческих богов была эпikleза σεβαστός, но никогда αὐγουστός.

Итак, по нашему мнению, выбор греческого перевода латинского augustus был сделан не самими греками, а окружением первого римского императора и вряд ли был случаен. Причины такого перевода не вполне ясны. Видимо, выбор σεβαστός («внушающий благоговение») был связан с тем, что в восточных грекоязычных областях римского государства правительством Августа сознательно проводилась политика, направленная на сакрализацию личности императора⁴.

¹ Levi 1985, 148.

² Taylor 1979, 160.

³ TLG, p. 120, s. v. σεβαστός.

⁴ Ср.: Taylor 1979, 160.

Таким образом, исследование значения *augustus* показало, что это слово было достаточно специфическим термином, относящимся к сфере культа и религии, который характеризовал вещи и понятия, тесно связанные с богами. Однако его семантика изменялась на протяжении различных эпох римской истории. Изучение семантики *σεβαστός* позволило заключить, что это слово в эпоху императора Августа являлось неологизмом, который был «изобретен» среди окружения первого императора. Выбор Октавианом нового имени, как латинского, так и его греческого перевода, был осознанным и тщательным. Для него было важно, чтобы *augustus* и *σεβαστός* выражали его особое положение в римском государстве (ведь юридически Октавиан не был монархом), что особенно присуще греческому имени, в котором в большей мере была выражена идея единоличной власти императора.

§ 5. Золотой щит «добродетелей» Августа

По мнению многих ученых, на прямую преемственность идей Цицерона и идеологии принципата Августа указывает совпадение терминологии, которой пользовались, с одной стороны, Цицерон, а с другой – Август в «*Res Gestae*»¹. В частности, качества, которые Цицерон приписывал «идеальному» римскому политику, – *virtus, iustitia, clementia, pietas* – были перечислены в надписи на золотом щите, врученном сенатом Августу². Однако, с нашей точки зрения, это упрощенный взгляд на события. На самом деле вручение Октавиану *clupeus virtutis* никак не связано с «республиканизмом», а было ответной реакцией на события, произошедшие в начале 20-х гг. до н. э.

В 30 г. до н. э. консулом стал М. Лициний Красс. Смененный через несколько месяцев на своем посту, он получил в управление провинцию Македонию, где на протяжении 30–29 гг. до н. э. добился впечатляющих военных успехов. В одном из сражений Красс лично убил вождя племени бастарнов Дельдона. Победа римского полководца в поединке с главой неприятельского войска была неординарным событием. По древней римской традиции военачальник, совершивший подобный подвиг, имел право на особо торжественные почести, а именно право поместить доспехи вражеского вождя (*spolia opima*) в храм Юпитера Феретрия. До эпохи Августа такой обряд имел место лишь три раза. Этой чести были якобы удостоены легендарный Ромул, А. Корнелий Косс (437 г. до н. э.) и М. Клавдий Марцелл (222 г. до н. э.).

Идеологическую подоплеку этих событий можно ясно представить себе из рассказа Т. Ливия о посвящении *spolia opima* А. Корнелием

¹ Напр., см.: Межерицкий 1994, 187; ср.: Lange 2009, 15.

² Егоров 1998, 280–293.

Коссом. «Повсюду добившись успеха, диктатор [Мамерк Эмилий] по постановлению сената и велению народа возвратился в город с триумфом. Самое роскошное зрелище являл в триумфальном шествии Косс, несший тучные доспехи убитого царя. Воины распевали о нем нестройные песенки, в которых уподобляли его Ромулу. Доспехи, снабдив их обычной посвяtitельной надписью, он преподнес храму Юпитера Феретрия, где укрепил их возле тех, что посвятил Ромул...; он отвлек на себя внимание сограждан от колесницы диктатора и, в сущности, один пожал тогда славу» (Liv., IV, 20, пер. Г. Ч. Гусейнова). Также следует отметить, что полководец, посвящаящий *spolia optima*, по римским представлениям, напрямую обращался к Юпитеру и к Ромулу (Liv., IV, 20). Таким образом, М. Красс претендовал не только на высшую *virtus* и *felicitas* в римском государстве, не только на неофициальный титул «второго Ромула»¹, но и на покровительство самого Юпитера². Все это несло большую опасность для меняющихся в это время пропагандистских образов Октавиана. Дж. Рич и Х. Флауэр даже полагают, что успехи М. Красса послужили мотивом для отказа Октавиана от имени *Romulus*, так как на их фоне ярко проявились личные военные недостатки первого римского императора³.

Чтобы не допустить подобных почестей, М. Крассу было отказано в помещении *spolia optima* в храм Юпитера Феретрия на том основании, что он одержал победу под чужими ауспигиями (ср.: Dio Cass., LI, 24). Видимо, сторонники Красса возражали против подобного запрета, приводя в пример А. Корнелия Косса, который убил вражеского полководца, будучи не консулом, а военным трибуном (см.: Liv., IV, 20). Августу в итоге пришлось даже пойти на прямой подлог. Он объявил, что во время реставрации храма Юпитера Феретрия была найдена надпись на льяном нагруднике доспехов, посвященных А. Корнелием Коссом, которая якобы свидетельствовала о том, что последний совершил свой подвиг, будучи консулом, то есть воюя под собственными ауспигиями. Эти заявления поставил под сомнения даже лояльный к императору Т. Ливий (Liv., IV, 20). В конце концов М. Лициний Красс отпраздновал только триумф [374, р. 35], а вскоре и вовсе сошел с политической сцены. Показательно, что Август в своих «Деяниях» ни словом не обмолвился о значительных успехах Красса на Балканах и отбитых им у варваров римских знаменах (ср.: RGDA, 29–30). За свою попытку возвыситься на политическом небосклоне он был наказан забвением⁴.

¹ В эпоху Поздней республики *spolia optima* совершенно отчетливо ассоциировались именно с Ромулом и были одним из его характерных атрибутов, напр.: Schneider 1990, 190 sqq.

² Ср.: Grenade 1961, 171; Evans 1992, 87; Stewart 1998, 84–87.

³ Rich 1996; Flower 2000, 49–53.

⁴ Мы придерживаемся той версии событий, поясняющей, почему М. Лициний Красс не посвятил *optima spolia*, которую впервые предложил в своей статье «Livius und Augustus»

В современной историографии принято считать, что вышеописанные события якобы ускорили проведение мероприятий по «восстановлению» Республики в 27 г. до н.э. и заставили Августа учесть настроения сторонников «помпейцев»¹. Однако, как мы показали выше, нет никаких

Х. Дессау [Dessau 1906], а позднее дополнил и развил Р. Сайм [Syme 1939, 308–309; 1959, 44 sqq.; 1985, 274]. Положения Х. Дессау и Р. Сайма с теми или иными оговорками или поправками принимаются многими современными исследователями [напр., см.: Машкин 1949, 583–584; Grenade 1961, 171, 173; Schumacher 1985, 209 sqq.; Harrison 1989, 409; Raaflaub, Sammons 1990, 423; Albanese 1992, 82; Levene 1993, 170–171; Lica 1997, 159 sqq.; 2007, 238–239; Stewart 1998, 87 sqq.; Парфёнов 1998, 218–227; 2001, 27–39; Flower 2000, esp. 49–53; Tarpin 2003, 293 sqq.; Itgenshorst 2004, 451–452].

Однако в историографии существует и другая точка зрения, которую высказали Э. Меншинг и Дж. Рич. По их мнению, право М. Лициния Красса посвятить Юпитеру *spolia optima*, на самом деле, никогда не оспаривалось. Полководец сам отказался от этого либо добровольно, либо в результате неформального давления, возможно, после частной встречи с Октавианом. Никакого подлога с доспехами А. Косса не было, интерес Августа к должности Авла Корнелия Косса был исключительно антикарварным. До 24 г. до н.э. Тит Ливий о надписи на нагруднике доспехов Корнелия Косса ничего не знал (по всей видимости, добавление о ней появилось, когда Ливий переделывал эти книги для повторной публикации в 27–25 гг. до н.э. [см.: Richar 1990, 240; Levene 1993, 170–171; Rich 1996, 125–126; Tarpin 2003, 302]), а спустя четыре-пять лет после отказа Лицинию Крассу фальсифицировать эту надпись (чтобы подкрепить этот отказ) уже не было никакого смысла. Быстрый закат карьеры Лициния Красса ни о чем не говорит, ведь он и так добился многого: стал консулом и два года занимал проконсульскую должность, таким образом заканчивая успешную аристократическую карьеру. В конце концов, приемный сын Красса, М. Лициний Красс Фруги был консулом в 14 г. до н.э., что говорит о том, что семья Красса не была «помещена в черный список» после описываемых событий. В то же время эти исследователи признают, что Лициний Красс не смог посвятить *spolia optima*, из-за нежелания Августа предоставить знатному римскому аристократу чрезвычайные почести, тем более учитывая их связь с Ромулом, образ которого Октавиан активно использовал в своей пропаганде [Mensching 1967, 12–27; Rich 1996, 85–127; 1999, 546; ср.: Latte 1992, 205–207; Kehne 1998, 201 sqq.; Maffi 1998, 290; Дементьева 2007, 5–11; McPherson 2009/2010, 21–34]. Довольно основательная критика положений Э. Меншинга и Дж. Рича у М. Тарпина [Tarpin 2003, 293 sqq.]. Следует также указать на весьма интересную гипотезу В. В. Дементьевой. Поддерживая точку зрения Э. Меншинга и Дж. Рича, исследовательница предлагает свой взгляд на решение проблемы с надписью на доспехах Корнелия Косса. Она отмечает, что Косс мог быть консулом в 426 г. до н.э., так как в период Ранней республики сменаординарной высшей власти на экстраординарную была явлением нередким. Корнелий Косс вполне мог занимать в одном и том же году должности начальника конницы при экстраординарном диктаторе, консула и военного трибуна с консульской властью. Признание военного трибуната чрезвычайной магистратурой позволяет снять «нестыковку» сведений Тита Ливия, отменяя альтернативу – либо консул, либо военный трибун с консульской властью – в течение одного года. Авл Корнелий Косс мог взять *spolia optima* будучи и военным трибуном, и начальником конницы, и консулом – во всех случаях он воевал под своими ауспциями, поскольку был – в силу должностного статуса – магистратом *simp imperio*. Но вариант его консулата на тот момент исключать нельзя, что означает, по мнению В. В. Дементьевой, немаловажный аргумент в пользу реальности текста надписи на его сполниях, а следовательно, «реабилитации» Октавиана Августа от обвинения в умышленном сообщении Ливию ложных сведений [Дементьева 2007, 5–11].

¹ Ср.: Groag 1926, 283 sqq.; Tarn, Charlesworth 1934b, 125; Syme 1939, 308, note 2; Lacey 1974, 179, note 30; Cartledge 1975, 35–36; Парфёнов 2001, 38, прим. 3; Tarpin 2003, 306–307; Judge E. A. 2008, 321 sqq.; McPherson 2009/2010, 27–29.

оснований говорить о влиянии «республиканизма» на изменение идеологических образов Октавиана на протяжении 28–27 гг. до н. э. С другой стороны, события, связанные с деятельностью М. Красса, действительно оказали определенное воздействие на формирование официальной идеологии раннего Принципата. Только нам представляется, что здесь следует сменить акцент с «конституционного» преобразования на изменения в сфере идеологии.

Случай с Крассом показал, что даже на пике популярности (сразу после разгрома М. Антония) в конце 30–29 гг. до н. э. позиции Октавиана были уязвимыми. Если бы состоялся триумф Красса вместе с обрядом посвящения *spolia opima*, который должен был быть проведен всего лишь через пару лет после грандиозного пропагандистского действия Октавиана, он, несомненно, легко бы затмил и заставил бы забыть о триумфальных почестях для Августа¹ из-за совершения старинного и очень редкого обряда, связанного с самым древним римским храмом². Кроме того, Красс, как «новый Ромул» – победоносный полководец, проявивший личное мужество в бою и в связи с этим претендовавший на обладание наибольшими «добродетелями» в римской общине, отобрал бы у Октавиана право на моральное превосходство, а в глазах римлян моральные качества политиков играли большую роль в борьбе за власть и часто использовались в пропагандистских целях.

Таким образом, были бы поставлены под сомнение все пропагандистские завоевания принцепса, и был бы нанесен значительный ущерб его идеологическим построениям, направленным на формирование единоличной власти. По всей вероятности, Октавиан также надеялся на такие почести, если не для себя, то для одного из своих наследников³.

¹ Из последних работ о тройном триумфе Августа см.: Itgenshorst 2004, 436–458; 2006, 66; Beard 2007, 295–305; Østenberg 2009, 106–108, 142–148, 287 sqq.; Tarpin 2009, 136–141.

² Ср.: Dessau 1906, 144–145; Lica 2007, 238.

³ Дион Кассий сохранил уникальное свидетельство, что Г. Юлий Цезарь после возвращения из Испании получил право посвятить *spolia opima* в храм Юпитера Феретрия, хотя и не убил вражеского вождя: «σκόλα τέ τινα ὀπίμα ἐς τὸν τοῦ Διὸς τοῦ Φερετρίου νεῶν ἀναθεῖναι οἱ ὧστερ τιὰ πόλεμον αὐτοστράτηγον αὐτοχεῖρᾱ πεφονεύκῳτι» (Dio Cass., XLIV, 4). Некоторые исследователи [напр.: Syme 1959, 80, note 85] считают это сообщение анахронизмом, в то время как С. Харрисон, Дж. Рич, Х. Флауэр, К. МакПерсон признают существование сенатского постановления [Harrison 1989, 408–409; Rich 1996, 106; Flower 2000, 48; McPherson 2009/2010, 26, 29–30]. Нет никаких данных, что диктатор принял эти почести, однако окончательные намерения Юлия Цезаря относительно *spolia opima* остаются нерешенным вопросом [Flower 2000, 48].

Возможно, Октавиан еще до случая с Крассом, для того чтобы увеличить престиж победы при Акции, планировал использовать пропагандистский эффект *spolia opima*, продолжая политику своего приемного отца. На это может указывать восстановление храма Юпитера Феретрия в 31 г. до н. э., тогда как остальные храмы были восстановлены только в 28 г. до н. э. Можно предположить, что события, развернувшиеся вокруг *spolia opima*

в начале 30-х гг. до н. э., повлияли на первоначальные планы Октавиана получить подобные почести и заставили отказаться от подобной идеи. Позднее, когда в 19 г. до н. э. парфяне передали захваченные ими военные значки (во время кампаний М. Лициния Красса в 53 г. до н. э., Л. Децилия Саксы в 40 г. до н. э. и Оппия Статиана в 36 г. до н. э.) и всех римских пленных и Август устроил по этому поводу чрезвычайные торжества, сенат среди прочего вынес постановление о хранении возвращенных стандартов в храме Марсу Ультору на Капитолии (как будто Август отвоевал их на войне), в подражание храму Юпитера Феретрия, куда посвящали «жирные доспехи» (Dio Cass., XLIV, 8: καὶ νεῶν Ἀρεῶς Τιςσάρῃ ἐν τῷ Καπιτωλίῳ, κατὰ τὸ τοῦ Διὸς τοῦ Φερετρίου ζήλωμα, πρὸς τὴν τῶν σπμείων ἀνάθεσιν; ср. RGDA, 29; Ovid., Fasti, V, 579–580). Фактически это постановление приравнивало римского императора к Ромулу, который основал новый храм, чтобы хранить там захваченные доспехи Акрона, установил, что все, кто совершит подобный подвиг, должны посвящать spolia opima в этот храм. Август также разместил римские значки в новом храме и также завещал, чтобы quique victores redissent, huc insignia triumphorum conferrent (Suet., Div. Aug., 29) [Harrison 1989, 409; Rich 1998, 71 sqq.; 1999, 546; Spannagel 1999, 224–255; Flower 2000, 55–59; McPherson 2009/2010, 26, 29–30]. Ограничившись подобными почестями, Август возлагал большие надежды на получение spolia opima вначале его племянником Марцеллом, а позднее и его приемным сыном Друзом, стремясь прочно связать высшую военную награду с императорским домом. Посвящение «жирных доспехов» одним из членов семьи Августа гарантировало бы гладкий переход власти и без сомнения увеличило и укрепило бы репутацию династии Юлиев-Клавдиев [Rich 1999, 545–546; McPherson 2009/2010, 30–31].

На стремление Марцелла получить spolia opima намекают стихи «Энеиды»: «tertiaeque atra patri [Марцелл] suspendet capta Quirino» (Verg., Aen., VI, 859), которые, кстати, Вергилий прочитал в 23 г. до н. э. императору и его ближайшему окружению и произвел этим необычайное впечатление (Donat., p. 62, 1–4 ed. Georgii). Х. Флауэр делает важное замечание, что после их первого появления в шестой книге spolia opima служат поворотной, отчасти неуловимой и сложной темой во второй части Энеиды, где описывается противостояние Энея и Турна. Заключительный кульминационный момент стихотворения, когда Эней убивает Турна, содержит весьма прозрачные намеки на spolia opima (Verg., Aen., XII, 938–952). Здесь поединки Энея перекликается с подвигом Ромула и косвенно намекает тем самым на Марцелла [Flower 2000, 54–55]. Этиологическое стихотворение Проперция (Propert., IV, 10) о храме Юпитера Феретрия современные ученые напрямую не связывают с деятельностью Марцелла, так как нельзя с уверенностью говорить, что оно было написано при жизни последнего. Насколько нам известно, только П. Грималь настаивает на этом [Grimal 1954, 40 sqq.]. Но даже если принять широко распространенную датировку – 16 г. до н. э. [напр.: История римской литературы 1959, т. I, 433], то можно говорить о неугасающем интересе к данной теме и после 23 г. до н. э., когда умер племянник Августа. Во всяком случае, Манилий в своей «Астрономике», изданной намного позже, упоминает старинных полководцев А. Корнелия Косса и М. Клавдия Марцелла, посвятивших «жирные доспехи» в храм Юпитера (Manilius, Astronom., I, 787–788).

После преждевременной смерти Марцелла в 23 г. до н. э. эстафету принял Друз. Светоний сообщает, что «не раз в победах над врагом он добывал spolia opima с великой опасностью, гоняясь за германскими вождями сквозь гущу боя» (Suet., Div. Claud., I, пер. М. Л. Гаспарова). После его неожиданной смерти в 9 г. до н. э. Август против всех традиций посвятил в честь Друза лавровый венок в храм Юпитера Феретрия (Dio Cass., LV, 5). Б. Левик и Х. Флауэр полагают, что Друз стремился получить «жирные доспехи» для того, чтобы бросить вызов Августу, так как брат будущего императора Тиберия придерживался «республиканских взглядов» [Levick 1999b, 34; Flower 2000, 58]. Однако Дж. Рич справедливо критикует эту точку зрения, приводя против нее весомые аргументы в пользу традиционной версии [Rich 1999, 545–547].

Но самым страшным для Августа было бы то, что М. Лициний Красс, «Новый Ромул», триумфатор, представитель известной аристократической фамилии, который до недавнего времени боролся против Августа на стороне Секста Помпея, а потом М. Антония (ЕJ, p. 35; App., В.С., V, 50; Dio Cass., LI, 4)¹, вполне мог рассматриваться противниками императора как новый претендент на власть².

Такая ситуация вынуждала наследника Цезаря активно искать пути к обоснованию своего исключительного положения в государстве. Выход был найден в объявлении Августа носителем наивысших «добродетелей». 16 января 27 г. до н. э. сенат в «благодарность» за окончание гражданских войн и «спасение» римских граждан даровал Октавиану золотой щит с надписью «за мужество, милосердие, справедливость и благочестие (*virtutis clementiaeque et iustitiae et pietatis caussa*)», который был установлен в Юлиевой курии (RGDA, 34).

Интерпретация происхождения и сущности четырех «добродетелей» Августа вызвала в современной историографии дискуссию. Х. Марковски, А. фон Премерштейн, Х. Х. Скаллард, Х. Корпанты, М. Уитби, Б. Левик, М. Рейнхольд усматривают истоки этих качеств в платоновско-стоическом каноне так называемых главных добродетелей: *ἡ ἀνδρεία* (мужество), *ἡ δικαιοσύνη* (справедливость), *ἡ σοφροσύνη* (благоразумие), *ἡ φρόνησις* (рассудительность) либо *ἡ σοφία* (мудрость). В римской версии они превратились в *fortitudo* (отвага), *temperantia* (умеренность)/*continentia* (воздержанность), *iustitia* (справедливость), *prudentia* (благоразумие)/*sapientia* (мудрость) и якобы оказали большое влияние на формирование образа «идеального» политика в «республиканской» идеологии³. В частности, Хелен Норт замечает, что «классический канон императорских “добродетелей” ведет свое начало от надписи на *clupeus virtutis*... Однако здесь мы с особым интересом отмечаем замену “мудрости” на “благочестие”... и появления *clementia* на месте *temperantia*»⁴. Э. Уоллас-Хэдрилл в свою

После гибели обоих полководцев, стремившихся заполучить высочайшую награду, принцепс всеми силами старался закрепить образ *spolia opima* за императорской семьей. В 19 г. до н. э. Август построил алтарь Фортуны Редукс рядом с храмом Марцелла в честь *Honos* и *Virtus*, где на одном из изображений панцирь императора демонстрирует вражеский трофей, вызывающий традиционные представления о *spolia opima* [Flower 2000, 58]. Кроме того, на новом форуме Августа среди размещенных там скульптур знаменитых римлян находились как статуя Ромула, несущего доспехи Акрона (Ovid., *Fasti*, V, 565) [Zanker 1988, 203; Flower 2000, 58; McPherson 2009/2010, 31], так и статуи Марцелла и Друза. Причем элоги ко всем трем статуям были написаны в одном духе [Мапкин 1949, 582].

¹ Grenade 1961, 171.

² Ср.: Syme 1959, 46; Tarpin 2003, 306; Hurler 2009b, 93–94.

³ Markowski 1936, 116–119, 123–125; Premerstein 1937, 119; Scullard 1963, 218; Korpanty 1991, 433; Whitby 1998, 57–58; Levick 1999b, 87; Reinhold 2002, 64.

⁴ North 1966, 177.

очередь считает, что эти четыре достоинства не представляют философский канон, но связаны с греческой политической традицией¹.

С другой стороны, Э. Корнеманн, Дж. Лигле и Ф. Тегер настаивают на сугубо римской специфике «доблестей», записанных на *clupeus virtutis*². Также большую популярность получила точка зрения, согласно которой четыре «добродетели» Августа — это черты характера «настоящего» римского политика, игравшие важную роль в эпоху Республики. Другими словами, принцепс, приписывая себе эти нравственные качества, старался оправдать свою власть с помощью «республиканской» идеологии³.

Как мы видим, несмотря на различные интерпретации происхождения «добродетелей», записанных на золотом щите, фактически все исследователи подчеркивают стремление Августа опереться на «республиканскую» идеологию. Однако такие выводы больше основываются на логических построениях современных историков, чем на данных источников.

Во-первых, следует отметить, что набор «доблестей» *clupeus virtutis* не идентичен с греческим канон⁴. Греческий перевод соответствующего отрывка из «Деяний» Августа «ἀρετὴν καὶ ἐπείκειαν κατὰ δικαιοσύνην καὶ εὐσέβειαν ἐμοί» (EJ, p. 29) свидетельствует о том, что политические идеалы платоников и стоиков не были основой для идеологических построений принцепса. Здесь были использованы не специфические философские термины, а наиболее близкий по смыслу перевод латинских политических лозунгов. Другими словами, греческие слова являются зависимыми по отношению к латинскому тексту, а не наоборот.

Во-вторых, достаточно проблематично найти аналогичный четырем «добродетелям», записанным на золотом щите, список нравственных качеств в эпоху Республики. В элогии П. Сципиона, который датируется III в. до н. э., перечисляются такие «доблести», как «honos, fama, virtus, gloria, ingenium (честь, доброе имя, мужество, слава, характер)» (ILS, № 4). Здесь представлен идеал политического деятеля, современника пунических войн. Очевидно, что эта группа совершенно не совпадает с «добродетелями» *clupeus virtutis* не только по отдельным позициям, но даже по их числу. Цицерон в речи «О Манилиевом законе» представил свой идеал победоносного полководца: «По моему мнению, выдающийся император должен обладать следующими четырьмя дарами: знанием военного дела, доблестью, авторитетом, удачливостью (*scientiam rei militaris, virtutem, auctoritatem, felicitatem*)» (Cic., *De imp. Gn. Pomp.*, пер.

¹ Wallace-Hadrill 1981b, 300–307.

² Kornemann 1905, 325; Taeger 1960, Bd. 2, 120; Liegle 1967, 270.

³ Напр.: Seston 1954, 286–297; Ryberg 1966, 232 sqq.; Benario 1975, 80–83; Fears 1981c, 885–889; Ramage 1987, 74, note 164; Межеричкий 1994, 187; Егоров 1998, 280 сл.

⁴ Ср.: Charlesworth 1937, 111–112; Benario 1975, 80 sqq.; Classen 1991, 19 sqq.

В. О. Горенштейна). Как мы видим, и этот перечень не стал основой для «добродетелей» Августа.

В-третьих, анализ отдельных терминов, содержащихся в надписи на золотом щите, показывает, что Октавиан преднамеренно сделал свой выбор среди группы римских «добродетелей», которые в эпоху Поздней республики часто использовались как политические лозунги. В своем выборе он опирался не на устоявшийся канон, а на сложившиеся обстоятельства. *Virtus* характеризовала его как победоносного императора, который одержал победу в войне против Востока. *Iustitia* подчеркивала его заслуги в восстановлении законов и устоев общества: как мы уже говорили выше, в 28 г. до н. э. Октавиан объявил себя «восстановителем» законов и права римского народа. *Clementia* символизировала прощение Августом сторонников Антония, причем не только аристократов, но и ветеранов. Кроме того, отсылки к «милосердию» подразумевали под собой указание на преемственность политики Г. Юлия Цезаря. *Pietas* отмечала восстановление в 28 г. до н. э. 82 римских храмов и почитание принцепсом отеческих богов¹. Таким образом, прослеживается связь не с отвлеченными понятиями и идеалами, а конкретной деятельностью Августа, которая четко укладывается в небольшой хронологический отрезок от окончания Актийской войны до *restitutio rei publicae* в 28 г. до н. э. Не случайно, что в копии *clupeus virtutis*, найденной в Арле, к перечисленным «доблестям» добавлены слова «*erga deos patriamque* (за отношение к богам и отечеству)» (EJ, p. 59).

Кроме того, можно отметить, что если *virtus* и *pietas* играли важную роль уже начиная с III в. до н. э.², то *clementia* и *iustitia* стали активно использоваться в идеологической борьбе только со второй половины I в. до н. э. и во многом увязывались не с «республиканизмом», а с пропагандой нарождающейся единоличной власти³.

Никак не вписывается в рамки «республиканизма» и широкая пропагандистская кампания правительства Августа, направленная на тиражирование сюжетов, связанных с *clupeus virtutis*. Фактически памятником для «добродетелей» Октавиана стало политическое завещание самого императора. В RGDA он представлен как *victor*, *iustus*, *clemens* и *pius*⁴. Как мы уже упоминали, золотой щит был помещен в сенатской курии. Копии его изображения были найдены в Мавзолее Августа в Риме⁵, в Арелате

¹ Kienast 1999, 97; ср.: Ramage 1987, 74.

² Они встречаются в элогиях Сципионов (ILS, № 1, 4, 6–7) и употребляются такими авторами, как Энний (Enn., 190–191, 333 ed. Vahlen), Невий (Naevius, Pun., 14), Луцилий (Lucil., 225, 532, 715, 725, 1084–1085, 1119).

³ Ср.: Aust 1900, 20–21; Latte 1919, 1339; Sousa 1974, 46; Classen 1991, 22 sqq.; Егоров 1998, 284 слл.; Ахиев 2002, 71–76; Dowling 2006, 18–26.

⁴ Ramage 1987, 74 sqq.

⁵ Hesberg, Pansiera 1994, 113–114.

(Нарбоннская Галлия) (AE 1952, № 165; EJ, p. 59), на сильно разрушенных алтарях из г. Потенции в Пицене (ILS, № 82) и Рима (ILS, № 83). Э. Рэмейдж даже считает, что такие копии были размещены в каждом римском городе на алтарях, посвященных *Lares Augusti* или *Gens Augusta*¹. Большое внимание агитации образа *clupeus virtutis* было уделено и в нумизматике. Сокращение *CL[upeus] V[irtutis]* в центре небольшого круглого щита встречается на монетах разного достоинства не менее 35 раз (CREBM I, Augustus №№ 316, 321–322, 333–343, 353–356, 381–383, 403–409, 416–423)². «Добродетели» Августа тиражировались и в искусстве малых форм. Т. Хельстер отмечает, что похожую программу несут сцены, изображенные на фризе из Капитолийского музея, на *Ara Pacis*, на «Гемме Августа»³. Образ Августа как триумфатора, обладающего наивысшей *virtus*, несут в себе изображения на серебряных бокалах из Боскореале⁴.

Большую роль в пропаганде принцепса как носителя наибольших «доблестей» сыграл новый дом Октавиана, построенный на юго-западном склоне Палатина. В отношении размера и архитектурных решений он не выделялся на общем фоне, многие дома нобилей превосходили его в роскоши⁵. Но принцепс придал ему столько символических значений, что в конечном счете название холма, на котором он был расположен, стало обозначением резиденции римских императоров (*palatium* – дворец) (Dio Cass., LIII, 16). Само местоположение должно было вызывать в памяти священные мифы и ритуалы происхождения и основания Рима⁶. Дом Августа находился внутри *Roma Quadrata*, основанного по преданию Ромулом, рядом с храмом Виктории, основанным, согласно легенде, Евандром, недалеко от т. наз. «хижины Ромула» и чуть выше «лестницы Кака». Таким образом, это освящало «благочестием старины» мероприятия 28–27 гг. до н. э. (*restitutio rei publicae*), а самого Августа представляло как завершителя римской истории, которую, основав город, начали Ромул и Рем. Храм Аполлона из великолепного каррарского мрамора, пристроенный к дому Октавиана и освященный в 28 г. до н. э., создавал у современников впечатление того, что жилище принцепса было преддверием храма и, соответственно, указывал на то, что в этом доме жил человек, который находился под особым благоволением богов⁷. Следовательно, все это должно было указывать на *gravitas* и *pietas* хозяина.

¹ Ramage 1987, 74; ср.: Hölscher 1988, 359.

² Ср.: Ramage 1987, 74, note 165.

³ Hölscher 1988, 359; ср.: Fears 1981c, 885.

⁴ Подробный анализ изображений см.: Kuttner 1995, 13 sqq.

⁵ Напр.: Charles-Picard 1962, 45–47; Carettoni 1983; Sauron 1994, 577–592; Kolb 1995, 333; Pensabene 1997, 149–172; Royo 1999, 119–172; Gros 2001, t. 2, 233–240; 2009, 169–185.

⁶ Ср.: Petersen 1961, 442; ; Gros 2009, 169–171.

⁷ Charles-Picard 1962, 47–49; Kolb 1995, 333–334, Abb. 43.

Согласно сенатскому постановлению от 16 января 27 г. до н. э., наряду с другими знаками благодарности, косяки дома были украшены лаврами, а над дверью был повешен лавровый венок (RGDA, 31). Эти почести символизировали триумфальные отличия Августа как полководца (*felicitas, virtus*) и его заслуги в качестве спасителя граждан (*clementia*) в войне против М. Антония (Ovid., *Trist.*, III, 1, 33–48)¹. Кроме того, А. Альфельди особо отметил ритуальный характер двух лавров, которыми с незапамятных времен украшался вход в здания, имевших особый религиозный статус, а именно *regia*, которая вначале служила культовым и служебным помещением для «царя священнодействий», а позднее для великого понтифика, храм Весты и т. п.² Другими словами, жилище Августа получило некий сакральный статус³. Не стоит забывать и о том, что лавр был символом триумфа и победы. Таким образом, как само положение дома Октавиана, так и внешние отличия, расположенные рядом с его входом, опосредованно выражали традиционные римские добродетели его хозяина: *gravitas, felicitas, virtus, clementia, pietas*.

Еще более ярко выраженную связь с агитацией «доблестей» принцепса и пропагандой его морального превосходства носит форум Августа, центром которого был храм Марса Мстителя. По сути Форум представлял собой как бы храмовый двор, окруженный высокой стеной, в нишах которой располагались статуи⁴. Заявления некоторых исследователей о том, что композиция этого сооружения указывает на «республиканизм» Августа и его «искреннее восхищение республиканским режимом»⁵, совершенно безосновательны⁶.

Ключом для понимания значения этого архитектурного комплекса являются статуи, изображавшие знаменитых римлян, начиная с альбанских царей и заканчивая современниками Октавиана, которые своей деятельностью возвысили римское государство (Hor., *Carm.*, IV, 8, 13–15; Suet., *Div. Aug.* 31; Lamprid., *Vita Alex.*, 28; ср.: Ovid., *Fasti*, V, 563 sqq.; Val. Max., III, 4, 3; Tac., *Ann.*, IV, 15; XV, 72; Aul. Gell., IX, 11; Plin., N. H., XXII, 13)⁷. Сами статуи не сохранились, но археологи нашли несколько десятков элогий к ним (CIL, I² p. 183–202; ILS, № 50–69)⁸ не только в Риме, но и в других итальянских городах (напр.: Арреций (ILS, № 50, 54, 56–60, 62), Лавиний

¹ Ср.: Charles-Picard 1962, 47; Alföldi 1978, 404, 407; Kolb 1995, 336.

² Alföldi 1978, 405.

³ См. свидетельство Овидия: «Налобовавшись всем... портик я [книга поэта] вижу и кров, бога достойный принять. "Верно, Юпитера дом?" – я спросила... и, получив ответ о хозяине, смело сказала: "Да, ошибки тут нет: это Юпитера дом!"» (Ovid., *Trist.*, III, 1, 34–38, пер. Н. Вольпина).

⁴ Richter 1901, 110–112; Platner 1911, 276–281; Platner, Ashby 1929, 220–223; Ganzert 1988.

⁵ Frank 1938, 91–94; ср.: Rowell 1940, 142; 1941, 261–263; Itgenshorst 2004, 457–458.

⁶ Напр., см.: Alföldi 1991, 314; Eck 2003, 105.

⁷ Подроб.: Judge 2008, 172–181.

⁸ Drew 1925, 159–161; Frank 1938, 91–94; Rowell 1941, 267; Sage 1979, 192 sqq.; Rodriguez 1989, vol. 1, 188–212; Itgenshorst 2004, 452–457.

(ILS, № 62), Помпеи (ILS, № 63–64), Сагунт (ILS, № 66)) благодаря тому, что последние размещали их копии у себя на форумах. Н. А. Машкин совершенно справедливо указывает, что изучение элогий имеет большое значение. Оно показывает, что Август устанавливал как бы непрерывность развития от Энея до своих сподвижников и оттенял те моменты, которые соответствовали его политике. Возвеличены были все легендарные предки Августа (ср.: Тас., *Ann.*, IV, 9; Dio Cass., LVI, 34). Элогий Ромула написан был в тех же выражениях, что и элогии Друза или Марцелла¹.

Перед посетителями форума проходила, таким образом, вся римская история. И над всей этой историей возвышался храм Марса Ультора, символ *felicitas* рода Юлиев², который был построен на огромной 3,5-метровой целле. В сущности, этот архитектурный комплекс выражал идею «римского мифа». Развитие римского государства представлялось законченным. Оно обрело свой логический конец в новой государственной системе, созданной Августом. Деятельность знаменитых римлян находила свое логическое завершение через Юлия Цезаря в деятельности «самого великого» римлянина, обладателя наибольших «добродетелей» – Августа, чьи титанические усилия вывели общину из периода продолжительных гражданских раздоров и привели к процветанию римского государства³. Получается, что Август завершил задачу всех этих «героев» и, следовательно, «римский миф» замыкается на нем.

Таким образом, наш анализ показывает, что пропагандистская кампания принцепса, направленная на обоснование исключительности Октавиана, была ответной реакцией на стремление некоторых оппозиционных аристократов возвыситься в новых условиях, что привело бы к появлению претендентов, которые могли бы бросить вызов власти Августа.

В свою очередь, «добродетели» *clupeus virtutis* не имеют никакого отношения к «республиканизму». Также вряд ли стоит искать истоки этих «добродетелей» в философском каноне платоников и стоиков или в «республиканском» списке нравственных качеств «идеального» римлянина. Август ориентировался в своем выборе не на какой-либо устоявшийся канон, а на сложившиеся обстоятельства. Для пропаганды своего морального превосходства он использовал недавние события: Актийскую войну, «восстановление» государства и связанные с ним мероприятия. Совместное употребление таких старинных доблестей, как *virtus* и *pietas*, а также появившихся только в середине I в. до н. э. *iustitia* и *clementia*, говорит о том, что император стремился к идеологическому обоснованию своей единоличной власти, а вовсе не к опоре на «республиканизм».

¹ Машкин 1949, 582.

² Fears 1981a, 61; ср.: Rowell 1941, 269.

³ Ср.: Zanker 1969; Hannestad 1986, 83–90; Houby-Nielsen 1988, 117.

Итак, подведем итог. В целях оправдания своей единоличной власти Август использовал позднереспубликанскую терминологию и политические лозунги, широко употреблявшиеся в политической борьбе эпохи Республики. Однако, стремясь избежать возрождения оппозиции под флагами идеологии *optimates*, он всячески подчеркивал «популярское» звучание своей агитации. Другими словами, идеология раннего Принципата не только не основывалась на «республиканизме», но и всячески противостояла ему. Между тем, используя лозунги *populares*, основанные на традиционных римских представлениях, в несвойственной им манере и изменяя их внутренний контекст и значение, принцепс с их помощью навязывал римскому обществу монархические идеи.

Выражение *res publica restituta*, взятое из словаря «популяров» и тесно связанное в эпоху Августа с понятием *restitutio*, не имеет никакого отношения к «восстановлению» Республики. Напротив, в пропаганде Августа оно служило оправданием незаконного захвата власти Октавианом. Также по-иному были расставлены акценты в *libertas* «популяров», в результате чего понятие «свобода» все чаще воспринималось в качестве синонима таких терминов, как *paх* и *securitas*. Призывы же к миру и согласию внутри римской общины, имевшие большое значение в идеологических воззрениях «цезарианцев», превратились в полисемантическую идею «имперского» мира, который самым непосредственным образом был связан с личностью самого Августа.

Еще более ярко монархические идеи были выражены в принятии Октавианом нового имени *Augustus*. Этот сакральный термин в эпоху Республики был тесно связан с религиозным культом. Ассоциация этого понятия с живым человеком, преднамеренный выбор особого термина *σεβαστός* для его перевода на греческий язык указывают на попытки распространения в римском обществе идей обожествления Августа и религиозной санкции его власти. Определяющим шагом в утверждении единоличной власти в Риме стала пропаганда «добродетелей» первого императора. Вручение Октавиану золотого щита за его «мужество», «справедливость», «милосердие» и «благочестие» резко противопоставляло его всему римскому обществу и объявляло его носителем морального превосходства. Римлянам постоянно навязывались идеи, что именно от Августа зависели *salus properitasque civitatis*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Источником для формирования официальной идеологии правления Августа послужили определенные идеи, концепции и идеологемы эпохи Поздней римской республики, которые активно использовались различными силами в борьбе за власть и влияние. Соответственно, политическая фразеология Поздней римской республики стала основой для лозунгов и пропагандистских шаблонов эпохи раннего Принципата.

Политическая борьба в эпоху Поздней республики имеет свои отличительные черты. В Древнем Риме не существовало политических партий, как считают сторонники «традиционного» направления. На внутреннюю и внешнюю политику пытались оказывать влияние отдельные политики-аристократы и аристократические котерии (объединения нобилей вокруг политика-лидера, которые составляли его *consilium*, куда входили «друзья», родственники и политические сторонники). Совершенно некорректно использовать для их обозначения латинский термин *factio*, так как этот термин принадлежал политическому лексикону «популяров» и использовался оппозиционными писателями для характеристики олигархической клики нобилитета вообще, а не каких-либо отдельных политических групп в его среде.

В периоды внутренних раздоров возникали более крупные аморфные группировки, именовавшиеся *partes*, которые включали в себя как сторонников, так и просто «сочувствующих». Отличительными чертами этих группировок были персонифицированность и дуализм. Но самым важным было то, что ни у одного из этих политических объединений не было своей «партийной идеологии», в то время как в позднереспубликанской политической идеологии наблюдаются две четко прослеживающиеся и противостоящие друг другу тенденции. Это было вызвано существованием двух «идейно-политических» течений, носивших названия *optimates* (или *boni*) и *populares*, которые как раз идеологически и обуславливали развитие соперничества между конкурирующими сторонами. Большинство из них, объединенные в котерии и опиравшиеся на сенат, разделяли взгляды «оптиматов», другая часть, политические аутсайдеры, действуя через народное собрание, использовали трактовки «популяров».

Немаловажной особенностью позднереспубликанской идеологии было использование в политической агитации и сторонниками «оптиматов», и сторонниками «популяров» одних и тех же общеримских

традиционных ценностей. Это дало возможность подавляющему большинству исследователей говорить о позднереспубликанской идеологии, как о чем-то цельном. В результате даже появились современные термины, обозначающие этот феномен, — «республиканизм» и «традиционализм», между которыми многие ставят знак равенства. Но проведенный нами разбор основных политических лозунгов «оптиматов» и «популяров» *res publica*, *libertas* и *рах* показал, что в их трактовках существуют кардинальные отличия.

Сторонники сената трактовали понятие *res publica* как «*res publica omnium bonorum* (общее дело всех честных)», что в мирное время означало государственный строй, при котором *optimates* занимали господствующее положение в государстве, а во время гражданских неурядиц — защиту «дела оптиматов», то есть борьбу за восстановление прежнего положения *optimates* в государстве. *Libertas* они рассматривали не как «личную свободу», а как возможность свободно заниматься государственными делами. *Рах* означал защиту власти «оптиматов» любой ценой и не был популярным среди широких слоев римского общества. Таким образом, в устах *optimates libera res publica*, *libertas*, *рах* выражали в первую очередь законность их господствующего положения в государстве. Мало того, они связывали наличие этих ценностей в государстве с существованием своей власти, а в случае ее утраты должны были исчезнуть и «правильный» государственный строй, и свобода, и гражданское согласие. Очевидно, что эти лозунги не были «национальными», принимаемыми всеми слоями римского общества. Они выражали идеологические взгляды лишь ее небольшой части, а именно части римской аристократии, имевшей непосредственный доступ к управлению государством.

Со своей стороны нобили-аутсайдеры, опиравшиеся в своей политической деятельности на народное собрание, вынуждены были отражать в таких же лозунгах идеи суверенитета римского народа и его главенства в государстве. Сторонники «популяров» под *res publica* подразумевали «общее дело всего народа», а в некоторых случаях даже «дело плебса». Под «свободой» они понимали «политическую свободу» плебса, которая исчезла из-за того, что «преступная группа» нобилей захватила власть в государстве. Под этим лозунгом они боролись со своими политическими противниками. К *рах* среди *populares* были различные подходы: часть из них не использовала это понятие, другая — активно употребляла его в политической борьбе. Эту традицию унаследовала «цезарианская» *partes*, в результате чего этот лозунг стал фирменным знаком «цезарианцев».

Из всего этого вытекает то, что римский «республиканизм» следует связывать именно с идеологией «честных», последовательно отстаивавших существование сенаторского режима. Также ясно, что понятия «традиционализм» и «республиканизм» нельзя рассматривать как нечто

тождественное. Очевидно, что «республиканизм» уже и является только частью «традиционализма», который был основой не только для идеологии *optimates*, но также и для идеологии *populares*. Соответственно, перед нами наряду с «республиканизмом» (взгляды «оптиматов») появляются еще две возможные основы для официальной идеологии раннего Принципата: «традиционализм» и политическая идеология «популяров».

Говоря о становлении идеологических образов Октавиана, следует отказаться от одного из мифов, согласно которому пропаганда антицезарианцев оказала большое влияние на идеологическую политику наследника Цезаря. Комплексный анализ «речи» Г. Кассия и нумизматического материала показывает, что наряду с магистральной идеологической установкой «оптиматов» сторонники М. Брута и Г. Кассия сами активно использовали лозунги и пропагандистские клише «цезарианцев». Сознательно заимствовать удачные идеологические лозунги или акции, характерные для «цезарианцев», вынуждала «освободителей» слабость их идеологических позиций среди плебса ветеранов.

Что касается самого Октавиана, то его первостепенными задачами в начале политической карьеры были легализация своей деятельности и создание у ветеранов и плебса образа «нового Цезаря». В это время ни один из его поступков нельзя прямо интерпретировать как «республиканскую» акцию. В своей деятельности наследник диктатора опирался на традиционные римские представления и широко использовал «цезарианские» лозунги. Но, самое главное, его деятельность абсолютно четко вписывается в рамки политики «популяров», ведь создание образа «нового Цезаря» требовало от него подражания действиям «популяра» Юлия Цезаря.

В середине 30-х гг. до н. э. Октавиан также не имел значительного влияния среди римской аристократии и тем более среди сторонников сенатской *res publica*. Его поддерживала лишь небольшая часть нобилей, видевших в нем возможность для удовлетворения своих политических амбиций. В это время он выдвинул новые лозунги, которые не принадлежали к политическому лексикону «помпеянцев»: *paх*, *securitas*, *prosperitas*. Основной чертой его политики в сфере идеологии после битвы при Навлохе стали лозунги мира, стабильности и процветания. Фактически все мероприятия триумвира были в первую очередь направлены на стабилизацию общественных отношений. Заявлениями о сложении своих полномочий Октавиан стремился переиграть своего соперника в попытке завоевать поддержку сенаторов, в том числе и вернувшихся после Путеоланского соглашения нобилей. Такие заявления были только «общим местом» в пропаганде различных *partes* в эпоху Второго триумвирата.

Время перед Актийской битвой характеризуется еще большим отходом от использования «партийной» идеологии, хотя будущий при-

нцепс продолжал использовать акции «популярров». Теперь на первый план выходит пропаганда традиционных римских ценностей. Формируется новый образ Октавиана как удачливого полководца и защитника этих ценностей, которому противостоит развращенный Востоком М. Антоний.

Победа в битве при Акции сделала Октавиана единоличным правителем, но вместе с тем поставила его в двусмысленное положение, так как он фактически узурпировал власть. Это заставило Октавиана приложить большие усилия в сфере пропаганды для оправдания своих действий. Одним из принципиально важных решений стало проведение в 28–27 гг. до н. э. *restitutio rei publicae*, выразившееся в «восстановлении» всех сфер государства, которое было широко разрекламировано, хотя это было не решением насущных проблем, а только пропагандистской акцией. Никакого «восстановления» Республики в 27 г. до н. э. не было, Август только узаконил свою власть, получив проконсульский империй на 10 лет. И навязчивые напоминания о заслугах Августа в «восстановлении государства», которые совпадали с окончанием сроков его полномочий, только подтверждают это.

Совершенно необоснованным является широко распространенное в историографии мнение, согласно которому Октавиан использовал в своей пропаганде «оптиматскую» интерпретацию *libertas*. На самом деле он воспользовался «популярской» трактовкой лозунга *vindex libertatis* (*populi Romani*) для того, чтобы подчеркнуть идеологические различия со своими противниками. Но в то же время Август стал вкладывать в него новое содержание, в результате чего понятие «свобода» все чаще стали переосмысливать в качестве синонима таких слов, как *paх* и *securitas*.

Важным звеном в пропаганде единоличной власти Августа стала «мирная» агитация. Не приходится говорить о связи «мирной» агитации с возрождением «республиканских» традиций и тем более с «восстановлением» Республики, но также и нельзя согласиться с той точкой зрения, согласно которой первый римский император только копировал образ *pacificator*, использовавшийся Юлием Цезарем. Значение *paх* на протяжении последних десятилетий I в. до н. э. постепенно трансформировалось от простого понятия, выражающего согласие в гражданском коллективе, до полисемантической идеи, одновременно связанной и с благоденствием римской общины, и с личностью одного человека, объединяющего в себе как черты победоносного полководца, так и образ подателя мира и процветания.

Подтверждением преобладания «монархических» тенденций в официальной идеологии в 20-е гг. до н. э. стало принятие принцепсом нового имени *Augustus*. Это слово было достаточно специфическим термином, относящимся к сфере культа и религии, который характеризовал вещи и понятия, тесно связанные с богами, и принятие его в качестве имени

было откровенным вызовом республиканским традициям. Выбор Октавианом нового имени, как латинского, так и его греческого аналога, был осознанным и тщательным. Для него было важно, чтобы *augustus* и *σεβαστός* выражали его особое положение в римском государстве, что особенно присуще греческому имени, в котором в большей мере была выражена идея единоличной власти императора. Еще более ярко «монархические» тенденции проявились в пропаганде «добродетелей» первого императора. Вручение Октавиану золотого щита за его «мужество», «справедливость», «милосердие» и «благочестие» резко противопоставляло его всему римскому обществу и объявляло его носителем морального превосходства. Римлянам постоянно навязывались идеи, что именно от Августа зависели благоденствие и процветание общины.

Таким образом, как в начале своей политической карьеры, так и в 30–20-х гг. до н. э. Август не использовал «республиканскую» идеологию. Он опирался на традиционные римские представления и понятия, широко заимствуя позднегреческую терминологию и политические лозунги, употреблявшиеся в политической борьбе эпохи Республики. Однако, стремясь избежать возрождения оппозиции под флагами идеологии *optimates*, он всячески подчеркивал «популярское» звучание своей агитации. Другими словами, идеология раннего Принципата не только не основывалась на «республиканизме», но и всячески противостояла ему. Между тем, используя лозунги *populares*, основанные на традиционных римских представлениях, в несвойственной им манере и изменяя их внутренний контекст и значение, принцепс с их помощью навязывал римскому обществу монархические идеи. Это проявилось на протяжении 20-х гг. до н. э., когда «монархические» черты официальной идеологии принципата Августа стали доминирующими.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Источники

а) нарративные источники

- Аврелий Виктор. История Рима: О Цезарях, Извлечения о жизни и нравах римских императоров, Происхождение римского народа, О знаменитых людях / Секст Аврелий Виктор ; [пер с лат. В.С. Соколова] // ВДИ. – 1963. – № 4. – С. 213–257; 1964. – № 1. – С. 227–252; 1964. – № 2. – С. 197–240.
- Аппиан Александрийский. Римская история / Аппиан Александрийский ; [пер с древнегреч. под ред. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, Е. С. Голубцовой, Л. Л. Кофанова]. – М.: Ладомир, 2002. – 878 с. – (Классическая мысль).
- Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Валерий Максим ; [пер. с лат. С. Ю. Трохачева]. – СПб.: Изд-во СПбу, 2007. – 308 с.
- Веллей Патеркул. Римская история / Веллей Патеркул // Малые римские историки: Веллей Патеркул, Анней Флор, Луций Ампейлий ; [изд. подготов. А. И. Немировским; пер с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Машковой]. – М.: Ладомир, 1996. – С. 9–96. – (Античная классика).
- Вергилий. Буколики, Георгики, Энеида / Публий Вергилий Марон ; [пер. с лат. С. Шервинского, С. Ошерова]. – М.: Худож. лит., 1971. – 448 с.
- Витрувий, Марк. Десять книг об архитектуре / Марк Витрувий ; [пер. с лат. Ф. А. Петровского]. – [2-е изд.]. – М.: URSS, 2003. – 320 с.
- Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / [пер. с лат. С. П. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура]. – СПб.: Алетейя, 2001. – 384 с. – (Античная библиотека).
- Авл Геллий. Аттические ночи. Книги I–X / Авл Геллий ; [пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова]. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2007. – 480 с.
- Гигин. Мифы / Гигин ; [пер. с лат. Д. О. Торшилова]. – СПб.: Алетейя, 2000. – 480 с. – (Античная библиотека).
- Гомер. Илиада / Гомер ; [пер. с древнегреч. Н. Гнедича]. – М.: Правда, 1985. – 432 с.
- Гораций. Собрание сочинений / Квинт Гораций Флакк ; [пер. с лат. В. С. Дурова]. – СПб.: Студия биографика, 1993. – 447 с.
- Дионисий Галикарнасский. Римские древности : в 3 т. / Дионисий Галикарнасский ; [пер. с древнегреч.; отв. ред. И. Л. Маяк]. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. – (Историческая библиотека).
Т. 1: Кн. I–IV. – 2005. – 272 с.
- Евтропий. Краткая история от основания Города / Евтропий // Римские историки IV века / [пер. с лат. Е. В. Дарка и В. С. Соколова]. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 7–73.

- Катон, Марк Порций. Земледелие / Марк Порций Катон ; [пер. с лат. М. Е. Сергеевко]. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 220 с. – (Литературные памятники).
- Катулл, Гай Валерий. Стихотворения. Альбий Тибулл. Элегии. Секст Проперций. Элегии / Гай Валерий Катулл ; [пер. с лат. Ф. А. Петровского]. – М.: Гослитиздат, 1963. – 511 с.
- Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах / Корнелий Непот ; [пер. с лат. Н. Н. Трухиной]. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. – 208 с.
- Лактанций. Божественные установления. Книги I–VII / Лактаций ; [пер. с лат. В. Тюленева]. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. – 506 с.
- Ливий, Тит. История Рима от основания города : в 3 т. / Тит Ливий ; [отв. ред. пер. с лат. Е. С. Голубцова]. – М.: Наука, 1989–1993 – .– (Памятники исторической мысли).
Т. 1. – 1989. – 575 с.
Т. 2. – 1991. – 526 с.
Т. 3. – 1993. – 767 с.
- Лукан, Марк Анней. Фарсалия или поэма о гражданской войне / Марк Анней Лукан ; [пер. с лат. под ред. Ф. А. Петровского]. – Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 348 с. – (Литературные памятники).
- Манилий. Астрономика (наука о гороскопах) / Манилий ; [пер. с лат. Е. М. Штаерман]. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1993. – 140 с.
- Марциал, Марк Валерий. Эпиграммы / Марк Валерий Марциал ; [пер. лат. Ф. А. Петровского]. – М.: АСТ, 2000. – 447 с. – (Библиотека античной литературы).
- Николай Дамасский. О жизни Цезаря Августа и о его воспитании / Николай Дамасский ; [пер. с древнегреч. Е. Б. Веселаго] // ВДИ. – 1960. – № 4. – С. 218–237.
- Овидий, Публий Назон. Собрание сочинений : в 2 т. / Публий Назон Овидий ; [пер. с лат. Ф. А. Петровского]. – СПб.: Студия биография, 1994 – .–
Т. 1. – 1994. – 511 с.
Т. 2. – 1994. – 527 с.
- Орозий. История против язычников / Павел Орозий ; [пер. с лат. В. М. Тюленева]. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. – 542 с.
- Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. / Павсаний ; [пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева]. – М.: Ладомир, 2002 – .– (Классическая мысль).
Т. 1. – 2002. – 492 с.
- Плавт, Тит Макций. Комедии / Тит Макций Плавт ; [пер. с лат. А. Артюшкова]. – М.: Искусство, 1987 – .–
Т. 1. – 1987. – 672 с.
Т. 2. – 1987. – 799 с.
- Плутарх. Застольные беседы / Плутарх ; [пер. с древнегреч. Я. М. Боровского, М. Н. Ботвинника, Н. В. Брагинской и др.]. – Л.: Наука, 1990. – 592 с. – (Литературные памятники).
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. / Плутарх ; [пер. с древнегреч. под ред. С. П. Маркиша]. – СПб.: Кристалл, 2001 – .– (Веки истории).

- Т. 1. – 2001. – 670 с.
Т. 2. – 2001. – 734 с.
Т. 3. – 2001. – 670 с.
- Саллюстий, Гай Крисп. Сочинения / Гай Крисп Саллюстий ; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.: Наука, 1981. – 220 с. – (Памятники исторической мысли).
- Светоний, Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл ; [пер с лат. и прим. М. Л. Гаспарова]. – М.: Правда, 1991. – 512 с.
- Стаций, Публий Папиний. Фиваида / Публий Папиний Стаций ; [пер. с лат. С. В. Шервинского, Ю. А. Шичалина, Е. Ф. Шичалиной]. – М.: Наука, 1991. – 352 с.
- Страбон. География в 17 кн. / Страбон ; [пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского]. – М.: Олма-Пресс Инвест, 2004. – 638 с.
- Тацит, Корнелий. Сочинения в двух томах : в 2 т. / Корнелий Тацит ; [пер. с лат. А. С. Бобовича, Г. С. Кнабе; под ред. Я. М. Боровского, М. Е. Сергеенко]. – СПб.: Наука, 1993. – (Литературные памятники).
Т. 1: Анналы, малые произведения. – 1993. – С. 1–384.
Т. 2: История. – 1993. – С. 385–736.
- Филон Александрийский. О посольстве к Гаю / Филон Александрийский // Филон Александрийский. Против Флакка; О посольстве к Гаю; Иосиф Флавий. О древности еврейского народа; Против Апиона / [пер. с древнегреч.]. – М.; Иерусалим: Gesharim, 1994. – С. 51–112.
- Флавий, Иосиф. Иудейские древности : в 2 т. / Иосиф Флавий ; [пер с древнегреч. Г. Г. Генкеля]. – Минск: Беларусь, 1994. –
Т. 2. – 1994. – 606 с.
- Флор. Две книги римских войн / Флор // Малые римские историки: Веллей Патеркул, Анней Флор, Луций Ампейлий / [изд. подготов. А. И. Немировским; пер. с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Машковой]. – М.: Ладомир, 1996. – С. 97–190. – (Античная классика).
- Хрестоматия по ранней римской литературе / [сост. К. П. Полонская, Л. П. Поняева]. – М.: Высш. шк., 1984. – 224 с.
- Цезарь, Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей : в 2 т. / Гай Юлий Цезарь ; [пер. с лат. М. М. Покровского]. – М.: День, 1991. –
Т. 1: О галльской войне. – 1991. – 190 с.
Т. 2: О гражданской войне, Об Александрийской войне, Об Африканской войне. – 1991. – 183 с.
- Цензорин. Книга о дне рождения / Цензорин ; [пер. с лат. В. Л. Цымбурского] // ВДИ. – 1986. – № 2. – С. 221–237; ВДИ. – 1986. – № 3. – С. 224–237.
- Цицерон, Марк Туллий. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту : в 3 т. / Марк Туллий Цицерон ; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1951. – (Литературные памятники).
Т. 1. – 1949. – 534 с.
Т. 2. – 1950. – 502 с.
Т. 3. – 1951. – 826 с.

- Цицерон, Марк Туллий. Речи : в 2 т. / Марк Туллий Цицерон ; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.: Изд-во АН СССР, 1962 – . – (Литературные памятники).
Т. 1. – 1962. – 443 с.
Т. 2. – 1962. – 400 с.
- Цицерон, Марк Туллий. Диалоги: о государстве; о законах / Марк Туллий Цицерон ; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.: Наука, 1966. – 362 с.
- Цицерон, Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве: Об ораторе, Брут, Оратор / Марк Туллий Цицерон ; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.: Наука, 1972. – 471 с.
- Цицерон, Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Марк Туллий Цицерон ; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. – М.: Наука, 1993. – 248 с.
- Appian's Roman history : in 4 vols. / Appian ; [with an Engl. transl. by H. White]. – [4 ed.]. – L.: William Heinemann; Cambr.: Harvard Univ. Press, 1958–1964 – . – (The Loeb Classical Library).
Vol. 2. – 1962. – 477 p.
Vol. 3. – 1964. – 567 p.
Vol. 4. – 1961. – 684 p.
- Aurelii Victoris Liber de Caesaribus: praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae subsequitur Epitome de Caesaribus / Sextus Aurelius Victor ; [ed. Fr. Pichlmayr]. – Stutgardiae; Lipsiae: Teubner, 1993. – 210 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Caesar. Alexandrian War; African War; Spanish War / Caesar ; [with an Engl. transl. by A. G. Way]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1997. – 426 p. – (The Loeb Classical Library).
- Caesar. The Gallic War / Caesar ; [with an Engl. transl. by H. J. Edwards]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1997. – 631 p. – (The Loeb Classical Library).
- Caesar. The Civil Wars / Caesar ; [with an Engl. transl. by A. G. Peskett]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1996. – 370 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cato, Marcus Porcius. On Agriculture / Marcus Porcius Cato ; [with an Engl. transl. by W. D. Hooper, H. B. Ash]. – L.: W. Heinemann, 1935. – 568 p. – (The Loeb Classical Library).
- Censorini De die natali liber / Censorinus ; [rec. F. Hultsch]. – Lipsiae: Teubner, 1867. – 98 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Charisii Artis grammaticae libri V / Flavius Sospater Charisius ; [ed. K. Barwick]. – Lipsiae: Teubner, 1925. – 541 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Cicero. Ad C. Herennium de ratione dicendi / Marcus Tullius Cicero ; [with an Engl. transl. by H. Caplan]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1954. – 433 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. Brutus, Orator / Marcus Tullius Cicero ; [with an Engl. transl. by G. L. Hendrickson, H. M. Hubbell]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1939. – 544 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. De Finibus / Marcus Tullius Cicero ; [with an Engl. transl. by H. Rackham]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1914. – 544 p. – (The Loeb Classical Library).

- Cicero. *De Inventione, De Optimo genere oratorum, Topica* / Marcus Tullius Cicero ; [with an Engl. transl. by H. M. Hubbell]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1949. – 496 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *De Natura Deorum, Academica* / Marcus Tullius Cicero ; [with an Engl. transl. by H. Rackham]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1961. – 663 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *De Officiis* / Marcus Tullius Cicero ; [with an Engl. transl. ; ed. by W. Miller]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1951. – 423 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *De Oratore, De Fato, Paradoxa Stoicorum, De Partitione Oratoria* / Marcus Tullius Cicero ; [with an Engl. transl. by W. W. Sutton, H. Rackham]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1942. – 448 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *De Senectute, De Amicitia, De Divinatione* / Marcus Tullius Cicero ; [with an Engl. transl. by W. A. Falconer]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1946. – 567 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *Epistulae* : in 3 vols. / Cicero ; [ed. W. S. Watt; D. R. Shackleton Bailey]. – Oxf., 1961–1965 – .
 Vol. 1. – 1961. – 566 p.
 Vol. 2. – P. 1. – 1965. – 354 p.
 Vol. 2. – P. 2. – 1963. – 326 p.
 Vol. 3. – 1963. – 236 p.
- Cicero. *In Catilinam I–IV. Pro Murena. Pro Sulla. Pro Flacco* / Cicero ; [with an Engl. transl. by C. MacDonald]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1972. – 595 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *On the Commonwealth and, On the Laws* / Cicero ; [trans. from Latin]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1999. – 214 p.
- Cicero. *Philippics* / Cicero ; [with an Engl. transl. by W. Ch. A. Ker]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1969. – 655 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *Pro Archia poeta, Post reditum in senatu, Post reditum ad Quirites, De domo sua, De haruspicum responses, Pro Plancio* / Cicero ; [with an Engl. transl. by N. H. Watts]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1965. – 550 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *Pro Caelio, De Provinciis Consularibus, Pro Balbo* / Cicero ; [with an Engl. transl. by R. Gardner]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1958. – 383 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *Pro Lege Manilia, Pro Caecina, Pro Cluentio, Pro Rabirio Perduellionis Reo* / Cicero ; [with an Engl. transl. by H. G. Hodge]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1927. – 512 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *Pro Milone, In Pisonem, Pro Scauro, Pro Fonteio, Pro Rabirio Postumo, Pro Marcello, Pro Ligario, Pro Rege Deiotaro* / Cicero ; [with an Engl. transl. by N. Watts]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1953. – 546 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. *Pro Publio Quinctio, Pro Sexto Roscio Amerino, Pro Quinto Roscio Comoedo, De Lege Agraria libri tres* / Cicero ; [with an Engl. transl. by J. H. Freese]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1967. – 503 p. – (The Loeb Classical Library).

- Cicero. Pro Sestio, In Vatinius / Cicero ; [with an Engl. transl. by R. Gardner]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1958. – 373 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. Tusculan Disputations / Marcus Tullius Cicero ; [with Engl. transl. by J. E. King]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1945. – 624 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. Verrine orationes I: In Q. Caecilium divinatio and in C. Verrem actio prima / Cicero ; [with Engl. transl. by L. H. G. Greenwood]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1928. – 528 p. – (The Loeb Classical Library).
- Cicero. Verrine orationes II: In C. Verrem actionis libri III–V / Cicero ; [with Engl. transl. by L. H. G. Greenwood]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1935. – 704 p. – (The Loeb Classical Library).
- Claudian. Opera : in 2 vols. / Claudian ; [with an Engl. transl. by M. Platnauer]. – L.: William Heinemann; Cambr.: Harvard Univ. Press, 1998. – . – (The Loeb Classical Library).
- Vol. 2. – 1998. – 413 p.
- Claudii Ptolemaei Geographia : in 3 Bde. / Claudius Ptolemaeus ; [ed. A. Diller]. – Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1990. – . – (репринт издания К. Ф. А. Ноббэ: Claudii Ptolemaei Geographia : In 3 Bd. / Claudius Ptolemaeus ; [ed. C. F. A. Nobbe]. – Leipzig: K. Tauchnitz, 1843. – Bd. 1. – 284 S.).
- Bd. 1: I–III. – 1990. – 207 p.
- Cornelius Nepos // Lucius Annaeus Florus. Epitome of Roman History. Cornelius Nepos / Cornelius Nepos ; [with an Engl. transl. by J. C. Rolfe]. – L.: William Heinemann; Cambr.: Harvard Univ. Press, 1960. – P. 353–744. – (The Loeb Classical Library).
- Dio's Roman History : in 9 vols. / Dio Cassius ; [with an Engl. transl. by E. Cary]. – L.: William Heinemann, 1914–1927. – . – (The Loeb Classical Library).
- Vol. 4: XLI–XLV. – [1 ed.]. – 1916. – 502 p.
- Vol. 5: XLVI–L. – [5 ed.]. – 1989. – 526 p.
- Vol. 6: LI–LV. – [7 ed.]. – 2000. – 492 p.
- Vol. 7: LVI–LX. – [2 ed.]. – 1955. – 449 p.
- Dionysi Halicarnasensis Antiquitatum Romanarum quae supersunt : in 5 vols. / Dionysius Halicarnasensis ; [ed. C. Jacoby]. – Lipsiae: Teubner, 1885. – . – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Vol. 1: I–III. – 1885. – 403 p.
- Ennianae poesis reliquiae / Ennius ; [rec. I. Vahlen]. – Lipsiae: Teubner, 1903. – CCXXIV, 306 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Eutropii Breviarium historiae Romanae / Eutropius; [ed. H. R. Dietsch]. – Lipsiae: Teubner, 1883. – 78 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Festi De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome / Sextus Pompeius Festus ; [rec. W. M. Lindsay]. – Lipsiae: Teubner, 1913. – 573 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).

- Flavius, Josephus. The Jewish Antiquities, books XII–XIV / Josephus Flavius ; [with an Engl. transl. by R. Marcus]. – L.: William Heinemann; Cambr.: Harvard Univ. Press, 1957. – 788 p.
- Florus. Epitome of Roman History / Florus ; [with an Engl. transl. by E. S. Foster]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1995. – 381 p.
- Fragmenta historicorum Graecorum : in 5 vols. ; [ed. C. Müller]. – Parisiis: Firmin Didot, 1841–1873. –
Vol. 3. – 1849. – 729 p.
Vol. 4. – 1851. – 856 p.
Vol. 5. – P. 1. – 1873. – 211 p.
- Die Fragmente der griechischen Historiker : in 6 Teilen ; [hrsg. F. Jacoby]. – Leiden: Brill, 1986. –
T. 2: A, № 64–105. – 1986. – 507 S.
- Gellius A. Attic Nights : in 3 vols. / Aulus Gellius ; [with an Engl. transl. by J. C. Rolfe]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1998. – (The Loeb Classical Library).
Vol. 2: VI–XIII. – 1998. – 531 p.
- Grani Liciniani quae supersunt / Granius Licinianus ; [ed. M. Flemisch]. – Lipsiae: Teubner, 1904. – 58 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Historici Graeci minores : in 2 vols. ; [ed. L. Dindorf]. – Lipsiae: Teubner, 1870. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
Vol. 1. – 1870. – 502 p.
- Historicorum Romanorum reliquiae : in 2 vols. ; [ed. H. Peter]. – Leipzig: Teubner, 1906. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
Vol. 2. – 1906. – CCX, 234 p.
- Homeri Ilias : in 2 partes ; [ed. W. Dindorf]. – Lipsiae: Teubner, 1896. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
Pars 1: I–XII. – 1896. – 249 p.
- Horace. Odes, Epodes / Horace ; [with an Engl. trans. by N. Rudd]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 2004. – 464 p. – (The Loeb Classical Library).
- Horace. Satires, Epistles and Ars Poetica / Horace ; [with an Engl. trans. by H. R. Fairclough]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1970. – 508 p. – (The Loeb Classical Library).
- Hygini Fabulae / Hyginus ; [ed. M. Schmidt]. – Jenae: Hermann Dufft, 1872. – 172 p.
- Imperatoris Caesaris Augusti operum fragmenta ; [ed. H. Malcovati]. – [4 ed.]. – Turin: Paravia, 1962. – 196 p.
- Lactantius. Divinae Institutiones / Lucius Caecilius Formianus Lactantius ; [ed. by W. T. Radius]. – Grand Rapids (Michigan): Eerdmans, 1954. – 139 p.
- Livy. History of Rome : in 14 vols. / Livy ; [with an Engl. transl. by B. O. Foster; F. G. Moore; E. T. Sage ; General Index to Livy by R. M. Geer]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1919–1959. – (The Loeb Classical Library).
Vol. 1: I–II. – [8 ed.]. – 1998. – 447 p.
Vol. 2: III–IV. – [3 ed.]. – 1984. – 464 p.
Vol. 3: V–VII. – [4 ed.]. – 1996. – 527 p.

- Vol. 4: VIII–X. – [3 ed.]. – 1982. – 570 p.
Vol. 6: XXIII–XXV. – [4 ed.]. – 1999. – 519 p.
Vol. 14: Summaries, Fragments, and Obsequens. – 1959. – 573 p.
- Lucan. *The Pharsalia* : in 2 vols. / Lucan ; [with an Engl. transl. by E. Ridley]. – L.: A. L. Humphreys, 1919 – .
Vol. 1: I–V. – 1919. – 277 p.
Vol. 2: VI–X. – 1919. – 315 p.
- Lydi *De mensibus quae exstant excerpta* (accedit Hermetis Trismegisti *Περὶ βοτανῶν χυλώσεως* libellus et Vettii Valentis Antiocheni libri primi *Ἀνθολογιῶν* fragmentum) / Ioannus Laurentius Philadelphensis Lydus ; [ed. C. B. Hasius, F. Creuzer]. – Lipsiae; Darmstadii, 1827. – 364 p.
- Manilius. *Astronomica* / Manilius ; [with an Engl. transl. by G. P. Goold]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1977. – 528 p. – (The Loeb Classical Library).
- Martial. *Epigrams* : in 2 vols. / Martial ; [with an English transl. by W. C. A. Ker]. – L.: William Heinemann; Cambr.: Harvard Univ. Press, 1920 – . – (The Loeb Classical Library).
Vol. 2. – 1920. – 568 p.
- Oratorum Romanorum fragmenta liberae rei publicae / [ed. E. Malcovati]. – [2 ed.]. – Torino: Paraviae, 1955. – 654 p.
- Orosius, Paulus. *Historiarum adversum paganos libri VII* / Paulus Orosius ; [ed. K. F. W. Zangemeister]. – Lipsiae, 1889. – 819 p.
- Ovid. *Art of Love, Cosmetics, Remedies for Love, Ibis, Walnut-tree, Sea Fishing, Consolation* / Ovid ; [with an Engl. trans. by J. H. Mozley]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1979. – 400 p. – (The Loeb Classical Library).
- Ovid. *Metamorphoses: Books I–VIII* / Ovid ; [with an Engl. trans. by F. J. Miller]. – L.: William Heinemann, 1989. – 496 p. – (The Loeb Classical Library).
- Ovid. *Metamorphoses: Books IX–XV* / Ovid ; [with an Engl. trans. by F. J. Miller, rev. by G. P. Goold]. – L.: William Heinemann, 1989. – 512 p. – (The Loeb Classical Library).
- Ovid. *Fasti* / Ovid ; [with an Engl. trans. by J. G. Fraser, rev. by G. P. Goold]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1967. – 496 p. – (The Loeb Classical Library).
- Ovid. *Tristia, Ex Ponto* / Ovid ; [with an Engl. trans. by A. L. Wheeler, rev. by G. P. Goold]. – L.: William Heinemann, 1989. – 560 p. – (The Loeb Classical Library).
- Pausanias *Description of Greece* : in 6 vols. / Pausanias ; [with an Engl. trans. by W. H. S. Jones, H. A. Ormerod]. – L.: William Heinemann, 1926 – . – (The Loeb Classical Library).
Vol. 1: I–II. – 1918. – 457 p.
Vol. 2: III–V. – 1926. – 551 p.
- Philonis Alexandrini *Legatio Ad Gaium* / Philo Alexandrinus ; [with an Engl. transl. by E. M. Smallwood]. – L.: E. J. Brill, 1961. – 338 p. – (The Loeb Classical Library).
- Plauti *Comoediae* : in 2 vols. / T. Maccius Plautus ; [rec. W. M. Lindsay]. – Oxonii: Clarendon, 1936 – . – (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis).

Vol. 1. – 1936. – 515 p.

Vol. 2. – 1936. – 579 p.

C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII : in 6 vols. / C. Plinius Secundus ; [rec. L. Janus]. – Lipsiae: Teubner, 1854–1865 – .- (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).

Vol. 1: I–VI. – 1854. – 261 p.

Vol. 2: VII–XV. – 1856. – 302 p.

Vol. 3: XVI–XXII. – 1857. – 297 p.

Vol. 4: XXIII–XXXII. – 1858. – 312 p.

Vol. 5: XXXIII–XXXVII. – 1859. – 180 p.

Vol. 6: Indices. – 1865. – 460 p.

Plutarch's Lives : in 11 vols. / Plutarch ; [with an Engl. transl. by B. Perrin]. – L.: William Heinemann; Cambr.: Harvard Univ. Press, 1914–1926 – .- (The Loeb Classical Library).

Vol. 2: Themistocles and Camillus, Aristides and Cato Major, Cimon and Lucullus. – [4 ed.]. – 1959. – 631 p.

Vol. 3: Pericles and Fabius Maximus, Nicias and Crassus. – [2 ed.]. – 1932. – 442 p.

Vol. 5: Agesilaus and Pompey, Pelopidas and Marcellus. – [2 ed.]. – 1955. – 544 p.

Vol. 6: Dion and Brutus, Timoleon and Aemilius Paulus. – [3 ed.]. – 1954. – 478 p.

Vol. 7: Demosthenes and Cicero, Alexander and Caesar. – [5 ed.]. – 1967. – 623 p.

Vol. 8: Sertorius and Eumenes, Phocion and Cato the Younger. – [3 ed.]. – 1959. – 424 p.

Vol. 9: Demetrius and Antony, Pyrrhus and Caius Marius. – [3 ed.]. – 1959. – 619 p.

Probi in Vergilii Bucolica et Georgica commentarius accedunt scholiorum Veronensium et Aspri Quaestionum Vergilianarum fragmenta / Marcus Valerius Probus ; [ed. H. Keil]. – Halis, 1848. – 123 p.

Propertius. Elegia / Propertius ; [with an Engl. trans. by B. H. Butler]. – L.: William Heinemann, 1929. – 363 p. – (The Loeb Classical Library).

Quintilian. The Institutio oratoria : in 4 vols. / Quintilian ; [with an Engl. trans. by H. E. Butler]. – L.: William Heinemann, 1920–1922 – .- (The Loeb Classical Library).

Vol. 3: VII–IX. – [4 ed.]. – 1959. – 595 p.

Vol. 4: X–XII. – [6 ed.]. – 1968. – 549 p.

Remains of Old Latin : in 4 vols. ; [ed. E. H. Warmington]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1935–1940 – .- (The Loeb Classical Library).

Vol. 1: Ennius, Caecilius. – 1935. – 640 p.

Vol. 2: Livius Andronicus; Naevius; Pacuvius; Accius. – 1982. – 684 p.

Vol. 3: Lucilius, The Twelve Tables. – 1938. – 592 p.

Vol. 4: Archaic Inscriptions. – 1940. – 544 p.

- Sallust. The Histories : in 2 vols. / Sallust ; [trans. from Latin P. McGushin]. – Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1992 – .- (Clarendon Ancient History Series).
Vol. 1. – 1992. – 276 p.
- Sallust. Works / Sallust ; [with an Engl. transl. by J. C. Rolfe]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1985. – 535 p. – (The Loeb Classical Library).
- The Scriptores historiae Augustae : in 3 vols. ; [with an Engl. transl. by D. Magie]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1921–1932. – (The Loeb Classical Library).
Vol. 1. – [8 ed.]. – 2000. – 493 p.
Vol. 2. – [7 ed.]. – 2000. – 485 p.
Vol. 3. – [6 ed.]. – 1998. – 529 p.
- [Servius]. Commentarii in Virgilium Serviani : in 2 vols. / M. Servius Honoratus ; [ed. H. Albertus Lion]. – Gottingae, 1826 – .-
Vol. 1: Servius in Virgilii Aeneidos commentarii libri I–X. – 1826. – 593 p.
Vol. 2: Servius in Virgilii Aeneidos commentarii libri XI–XII; Servius in Virgilii Bucolica; Servius in Virgilii Georgica libri I–IV; Virgilii Maronis interpretes veteres (Aemilius Asper, L. Aeneus Cornutus, Haterianus, Vellius Longus, Nisus, Probus, Scaurus, Sulpicius et Anonymus) edente ex cod. Veronensi palimpsesto; Iunius Philargyrius in Bucolica et Georgica Virgilii; M. Valerii Probi in Virgilium commentarius. – 1826. – 491 p.
- Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii : in 4 vols. / Servius Grammaticus ; [ed. G. Thilo]. – Lipsiae: Teubner, 1881–1884 – .- (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
Vol. 1: Aeneidos librorum I–V commentarii. – 1881. – 660 p.
Vol. 2: Aeneidos librorum VI–XII commentarii. – 1884. – 650 p.
- Stati Thebais et Achilleis / Publius Papinius Statius ; [rec. H. W. Garrod]. – Oxonii: Clarendon, 1906. – 394 p. – (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis).
- Status, Publius Papinius. Silvae / Publius Papinius Statius ; [with an Engl. transl. by D. R. Shackleton Bailey]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 2003. – 438 p. – (The Loeb Classical Library).
- Strabonis Geographica : in 3 vols. / Strabo ; [rec. A. Meineke]. – [2 ed.] – Lipsiae: Teubner, 1903 – .- (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
Vol. 1. – 1903. – P. 1–396.
Vol. 2. – 1903. – P. 397–814.
Vol. 3. – 1903. – P. 815–1238.
- Suetonius. De grammaticis et rhetoribus / Suetonius ; [ed. by R. A. Kaster]. – Oxf.: Clarendon Press, 1999. – 376 p.
- Suetonius. Lives of the Caesars : in 2 vols. / Suetonius ; [with an English translation by J. C. Rolfe]. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1997 – .- (The Loeb Classical Library).
Vol. 1. – 1997. – 499 p.
Vol. 2. – 1997. – 556 p.
- Tacitus. Works : in 5 vols. / Tacitus ; [with an Engl. transl. by C. H. Moore, J. Jackson]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1914–1937 – .- (The Loeb Classical Library).

- Vol. 1: *Agricola, Germania, Dialogus*. – [7 ed.]. – 2000. – 357 p.
 Vol. 2: *The Histories, I–III*. – [7 ed.]. – 1996. – 479 p.
 Vol. 3: *The Histories, IV–V; The Annales, I–III*. – [7 ed.]. – 1998. – 643 p.
 Vol. 4: *The Annales, IV–VI, XI–XII*. – [7 ed.]. – 1998. – 421 p.
 Vol. 5: *The Annales, XIII–XVI*. – [7 ed.]. – 1999. – 423 p.
 Valerius Maximus. *Factorum et dictorum memorabilium libri novem* / Valerius Maximus ; [ed. C. Kempf]. – [2 ed.]. – Hildesheim; N.-Y.: Georg Olms Verlag, 1976. – 790 p.
 Velleius Paterculus. *Compendium of Roman History* / Velleius Paterculus ; [with an Engl. transl. by F. W. Shipley]. – Cambr.; L.: Harvard Univ. Press, 1992. – 431 p. – (The Loeb Classical Library).
 Virgil. *Eclogues, Georgics, Aeneid I–VI* : in 2 vols. / Virgil ; [with an Engl. trans. by H. R. Fairclough]. – [2 ed.]. – Cambr.: Harvard Univ. Press; L.: William Heinemann, 1942. – (The Loeb Classical Library).
 Vol. 1. – 1942. – 609 p.
 Vol. 2. – 1942. – 583 p.
 Vitruvius. *On Architecture* : in 2 vols. / Vitruvius ; [with an Engl. transl. by F. Granger]. – [3 ed.]. – Cambr.: Harvard Univ. Press; L.: William Heinemann, 1955. – (The Loeb Classical Library).
 Vol. 1: I–V. – 1955. – 322 p.

б) эпиграфические источники

- Хвалебная речь на похоронах римской матроны (так называемая «*Laudatio Turiae*») ; [пер. с лат. В. О. Горенштейна] // ВДИ. – 1970. – № 4. – С. 217–223.
 L'Année épigraphique. Année 1888– ; [ed. R. Cagnat et l'autres]. – P.: PUF, 1889–.
 Caesaris Augusti Res gestae, et Fragmenta ; [ed. H. W. Benario]. – Detroit: Wayne State Univ. Press, 1990. – 117 p.
 Corpus inscriptionum Graecarum : in 4 vols. ; [ed. A. Böckh]. – [2 ed.]. – Hildesheim, N.-Y.: Olms, 1977. – .
 Vol. 1. – 1977. – 922 p.
 Vol. 2. – 1977. – 1136 p.
 Vol. 3. – 1977. – 1271 p.
 Vol. 4. – 1977. – 799 p.
 Corpus inscriptionum Latinarum ; [ed. Th. Mommsen et alii]. – Berolini, 1863–. – Vol. 1–17.
 Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius ; [ed. V. Ehrenberg, A. H. M. Jones]. – Oxf.: Clarendon Press, 1976. – 178 p.
 Fasti Capitolini ; [ed. A. Degraffi]. – Torino: G. B. Paravia, 1954. – 191 p.
 Die Inschriften von Kyme ; [hrsg. H. Engelmann]. – Bonn: Habelt, 1976. – 251 S. – (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien ; Bd. 5).
 Inscriptiones Graecae ; [ed. W. Dittenberger et alii]. – Berolini, 1873–. – Vol. 1–15; (2 ed. – Berolini, 1913–. – Vol. 1–).

- Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes : in 3 vols. ; [ed. R. Cagnat]. – P.: Leroux, 1911–1927 – .–
 Vol. 1. – 1911. – 688 p.
 Vol. 2. – 1906. – 694 p.
 Vol. 4. – 1927. – 742 p.
- Inscriptiones Latinae selectae : in 2 vols. ; [ed. H. Dessau]. – Berolini, 1892–1906 – .–
 Vol. 1. – 1892. – 580 p.
 Vol. 2. – Pars 1. – 1902. – P. 1–736.
 Vol. 2. – Pars 2. – 1906. – P. 737–1040.
- The Inscriptions of Cos ; [ed. W. R. Paton, E. L. Hicks]. – Oxf.: Clarendon Press, 1891. – 407 p.
- Mommsen Th. Res gestae divi Augusti. Ex monumenti Ancyrano et Apolloniensi / Th. Mommsen. – [2 Aufl.]. – Berolini, 1883. – LXXXVII, 223 p.
- Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges Inscriptionum Graecarum : in 2 vols. ; [ed. W. Dittenberger]. – Leipzig, 1903–1905 – .–
 Vol. 1. – 1903. – 658 p.
 Vol. 2. – 1905. – 750 p.
- Pleket H. W. The Greek Inscriptions in the «Rijksmuseum van Oudheden» / H. W. Pleket. – L.: Brill, 1958. – 104 p.
- Res gestae divi Augusti: ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis: Ancyrano et Apolloniensi graecis ; [texte établi et commenté par J. Gagé]. – P.: Les Belles lettres, 1950. – 218 p.
- Res gestae divi Augusti: Das Monumentum Ancyranum ; [hrsg. H. Volkmann]. – Berlin: De Gruyter, 1969. – 64 S.
- Res gestae divi Augusti: The Achievements of the Divine Augustus ; [with an introduct. and comm. by P. A. Brunt, J. M. Moore]. – Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1983. – 90 p.
- Robert L. La Carie. Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques : en 2 t. / L. Robert, J. Robert. – P.: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1954 – .–
 T. 2: Le plateau de Tabai et ses environs. – 1954. – 452 p.
- Segre M. Iscrizioni di Cos / M. Segre. – Roma: L'Erma di Bretschneider, 1993. – 291 p.
- Sherk R. K. Roman Documents from the Greek East. Senatus Consulta and Epistulae to the Age of Augustus / R. K. Sherk. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1969. – 396 p.
- Supplementum epigraphicum Graecum ; [ed. A. G. Woodhead et alii]. – Leyden, 1923–. – Vol. 1–.
- Sylloge inscriptionum Graecarum : in 3 vols. ; [ed. W. Dittenberger]. – Lipsiae, 1917 – .–
 Vol. 2. – 1917. – 627 p.
- Tituli Asiae Minoris collecti et editi auspiciis Academiae Litterarum Austriacae ; [enarrav. F. C. Dörner, M.-B. Von Stritzky]. – Vindobonae: Academia Scientiarum Austriacam, 1978 – .–

Vol. 4: Tituli Bithyniae linguis Graeca et Latina conscripti. – Fasc. I: Paeninsula Bithynica praeter Calchedonem Nicomedia et ager Nicomedensis cum septemtrionali meridianoque litore sinus Astaceni et cum lacu Sumonensi. – 1978. – 109 p.

с) нумизматические источники

- Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine vulgairement appelées monnaies consulaires: en 2 t. / E. Babelon. – P., 1885–1888. – .–
 T. 1. – 1885. – 562 p.
 T. 2. – 1888. – 669 p.
- A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum : in 29 vols. ; [ed. by R. S. Poole, P. Gardner]. – L.: Longmans & Co, 1883. – .–
 Vol. 7: Thessaly to Aetolia. – 1883. – 234 p., XXXII pl.
- Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales: en 8 t. / H. Cohen. – [2 ed.]. – P., 1880. – .–
 T. 1. – 1880. – 544 p.
- Grueber H. A. Coins of the Roman Republic in the British Museum : in 3 vols. / H. A. Grueber. – Oxf.: The Trustees of the British Museum, 1970. – .–
 Vol. 1. – 1970. – 594 p.
 Vol. 2. – 1970. – 602 p.
 Vol. 3. – 1970. – 236 p. + CXXIII plates.
- Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Catalogue : in 9 vols. / H. Mattingly. – [2 ed.]. – L.: Trustees of the British museum, 1965. – .–
 Vol. 1. – 1965. – 464 p.
- The Roman Imperial Coinage : in 10 vols. ; [ed. by C. H. V. Sutherland]. – L.: Spink & Son Limited, 1984. – .–
 Vol. 1: From 31 B.C. – A.D. 69. – 1984. – 304 p., XXXII plates.
- The Roman Provincial Coinage : in 10 vols. ; [ed. by M. Amandry, A. Burnett, P. P. Ripollès]. – L.: British Museum Press, 1992. – .–
 Vol. 1: From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 B.C. – A.D. 69. – 1992. – 800 p., CXCIV plates.
- The Roman Republican Coinage: in 2 vols. ; [ed. by M. H. Crawford]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1974. – .–
 Vol. 1. – 1974. – P. 1–568.
 Vol. 2. – 1974. – P. 569–944.
- Seaby H. A. Roman Silver Coins : in 5 vols. / H. A. Seaby. – [2 ed.]. – L.: B. A. Seaby LTD, 1967. – .–
 Vol. 1: The Republic to Augustus. – 1967. – 166 p.

II. Справочная литература, словари

- Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. – [5-е изд.]. – СПб., 1899. – 1370 ст.
- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. –
Т. 1: А–Л. – 1958. – С. 1–1043.
Т. 2: М–Ω. – 1958. – С. 1044–1904.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – [6-е изд.]. – М.: Русский язык, 2000. – 846 с.
- Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie : in 7 Bde. ; [hrsg. von W. H. Roscher]. – Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1884–1965. –
- Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic : in 3 vols. / T. R. S. Broughton. – [2 ed.]. – Atlanta: Scholars Press, 1986. – (Philological monographs; № 15).
Vol. 2: 99 B.C. – 31 B.C. – 1986. – 647 p.
Vol. 3: Supplement. – 1986. – 294 p.
- Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots : en 4 t. / P. Chantraine. – P.: Klincksieck, 1977. –
Т. 4,1: P–Y. – 1977. – P. 963–1164.
- Ernout A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / A. Ernout, A. Meillet. – P.: C. Klincksieck, 1939. – 1184 p.
- Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch : in 3 Bde. / H. Frisk. – Heidelberg: Carl Winter, 1960. –
Bd. 2: Kρ–Ω. – 1960. – 1154 S.
- Georges K. E. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch : in 2 Bde. / K. E. Georges. – [9 ed.]. – Basel: Benno Schabe & Co, 1951. –
Bd. 1: A–H. – 1951. – 2526 sp.
- Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike : in 5 Bd. ; [hrsg. von K. Ziegler, W. Sontheimer]. – München: Alfred Druckenmüller Verlag, 1964–1975.
- Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike : in 16 Bd. ; [hrsg. H. Cancik, H. Schneider]. – Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1996–2003.
- Lewis Ch. T. A Latin Dictionary / Ch. T. Lewis. – Oxf.: Clarendon Press, 1958. – 2019 p.
- Liddell H. G. A Greek-English Lexicon / H. G. Liddell, R. Scott. – [9 ed.]. – Oxf.: Clarendon Press, 1996. – 2042 p.
- Oxford Classical Dictionary ; [ed. by N. G. L. Hammond, H. H. Scullard]. – N.-Y.: Clarendon Press, 1976. – 1176 p.
- Oxford Latin Dictionary ; [ed. by P. G. W. Glare]. – Oxf.: Clarendon Press, 1968. – 2126 p.
- Paulys Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft ; [hrsg. G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus, K. Ziegler]. – Stuttgart, 1894–1978.
- Platner S. B. The Topography and Monuments of Ancient Rome / S. B. Platner. – Boston: Allyn and Bacon, 1911. – 543 p.

- Platner S. B., A Topographical Dictionary of Ancient Rome / S. B. Platner, T Ashby. – L.: Oxf. Univ. Press, 1929. – 600 p.
- Richter O. Topographie der Stadt Rom / O. Richter. – München: C. H. Beck, 1901. – 411 S.
- Thesaurus linguae Graecae ; [const. H. Stephanus]. – Parisiis: Didot, 1863 – .–
Vol. 7: Σ–Τ. – 1863. – 2266 st.
- Thesaurus linguae Latinae. – Lipsiae: Teubner, 1963 – .–
Vol. 2: An–Byzeres. – 1963. – 2270 st.
- Vaniček A. Griechisch-lateinisches etymologisches Wörterbuch : in 2 Bde. / A. Vaniček. – Leipzig: Teubner, 1877 – .–
Bd. 2. – 1877. – S. 560–1294.
- Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch : in 3 Bde. / A. Walde. – [3 Aufl.]. – Heidelberg: Carl Winter, 1938–1956 – .–
Bd. 1: A–L. – 1938. – 872 S.
Bd. 2: M–Z. – 1954. – 851 S.

III. Общая и специальная литература

- Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи / М. Г. Абрамзон. – М., 1995. – 656 с.
- Абрамзон М. Г. Астральные символы в римской чеканке: происхождение и развитие монетных типов / М. Г. Абрамзон // ВДИ. – 2002. – № 1. – С. 122–142.
- Альбрехт М. фон. История римской литературы : в 3 т. / М. фон Альбрехт ; [пер. с нем. А. И. Любжина]. – М: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004 – .–
Т. 2. – С. 699–1390.
- Ахиев С. Н. Политическая пропаганда времени второй гражданской войны в Риме (49–30 гг. до н. э.) : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук : спец. 07.00.03 «Всеобщая история (древний мир)» / С. Н. Ахиев. – Саратов, 2001a. – 18 с.
- Ахиев С. Н. Образ Клеопатры в пропаганде Октавиана / С. Н. Ахиев // Актуальные вопросы истории. – Саратов, 2001b. – Вып. 2. – С. 94–101.
- Ахиев С. Н. Clementia Caesaris: сущность, причины, цели / С. Н. Ахиев // АМА. – 2002. – Вып. 11. – С. 71–80.
- Ахиев С. Н. Идеологические аспекты Перузинской войны / С. Н. Ахиев // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. – Саратов, 2003. – Вып. 5. – С. 3–11.
- Ахиев С. Н. Птолемей Цезарь в пропаганде триумвиров / С. Н. Ахиев // АМА. – 2009. – Вып. 13. – С. 242–248.
- Бабст И. К. Антоний и Клеопатра / И. К. Бабст // Пропилеи. – М., 1854. – Кн. 4. – С. 165–208.
- Базинер О. Древнеримские секулярные игры. Ludi saeculares: Историко-филологическое исследование / О. Базинер. – Варшава, 1901. – CXV, 326 с.

- Балахванцев А. С. Комментарии / А. С. Балахванцев // Аппиан Александрийский. Римская история ; [пер с древнегреч. под ред. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, Е. С. Голубцовой, Л. Л. Кофанова]. – М.: АСТ, Ладомир, 2002. – С. 828–859.
- Бейкер Дж. Август. Первый император Рима / Дж. Бейкер ; [пер. с англ. Н. А. Поздняковой]. – М.: Центрполиграф, 2003. – 346 с. – (Nomen est omen).
- Белкин М. В. Цицерон и Марк Антоний: истоки конфликта / М. В. Белкин // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2002. – Вып. 1. – С. 133–162.
- Белкин М. В. Фульвия – матрона-воительница / М. В. Белкин // История: мир прошлого в современном освещении : сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова ; [под ред. А. Ю. Дворниченко]. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 274–281.
- Белкин М. В. Фульвия – фурия римской революции / М. В. Белкин // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2009. – Вып. 8. – С. 233–248.
- Берне А. Брут. Убийца-идеалист / А. Берне ; [пер. с фр. Т. Бобровниковой]. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 420 с. – (Жизнь замечательных людей).
- Борисов Ю. Д. Тиберий Клавдий Нерон: Путь к власти / Ю. Д. Борисов. – М.: Типография Россельхозакадемии, 2001. – 150 с.
- Борухович В. Г. После мартовских ид 44 г. до н.э. (ист. очерк) / В. Г. Борухович // АМА. – 1983. – № 5. – С. 123–154.
- Борухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время / В. Г. Борухович. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. – 376 с.
- Брагова А. М. Цицероновское понимание термина *res publica* в историографии / А. М. Брагова // Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова : тезисы докладов межвузовской научной конференции, Нижний Новгород, 29–30 октября 2004 г. – Нижний Новгород, 2004. – С. 13–14.
- Брагова А. М. Марк Туллий Цицерон об идеальном гражданине и государстве : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук : спец. 07.00.03 «Всеобщая история» / А. М. Брагова. – Нижний Новгород, 2005. – 20 с.
- Бритова Н. Н. Римский скульптурный портрет / Н. Н. Бритова, Н. М. Лосева, Н. А. Сидорова. – М.: Искусство, 1975. – 138 с.
- Буассье Г. Очерки общественного настроения времен цезарей / Г. Буассье ; [пер. с фр. Е. В. Дерена]. – СПб., 1896. – IV, 313 с.
- Вержбицкий К. В. Правовое оформление и реальные основы власти Августа / К. В. Вержбицкий // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. – СПб., 2003. – С. 260–282.
- Вехов С. Об источниках Г. Светония Транквила в биографиях XII цезарей: Ист.-лит. исслед. : в 2 ч. / С. Вехов. – Варшава: Тип. Ковалевского, 1888. –.

Ч. 1. – 1888. – 118 с.

Виппер Р. Ю. Очерки по истории Римской империи (окончание). Рим и раннее христианство : в 2 т. / Р. Ю. Виппер. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – Т. 2. – 1995. – 478 с.

Вулих Н. В. Роль искусства в пропаганде официальной идеологии принципата Августа / Н. В. Вулих, О. Я. Неверов // ВДИ. – 1988. – № 1. – С. 162–173.

Гаспаров М. Г. Примечания / М. Л. Гаспаров // Светоний, Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл ; [пер с лат. и прим. М. Л. Гаспарова]. – М.: Правда, 1991. – С. 362–462.

Герье В. И. Август и установление Римской империи / В. И. Герье // ВЕ. – 1877. – № 6. – С. 10–58; № 7. – С. 12–45; № 8. – С. 10–62.

Дементьева В. В. Категория «государство» и римская республика: к вопросу о понятийной асинхронности / В. В. Дементьева // Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова : тезисы докладов межвузовской научной конференции, Нижний Новгород, 29–30 октября 2004 г. – Нижний Новгород, 2004. – С. 23–25.

Дементьева В. В. *Spolia opima* Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции / В. В. Дементьева // Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 4. – С. 5–11.

Дератани Н. Ф. Вергилий и Август. К вопросу о проблеме власти и о патриотических идеях в Риме I в. до н. э. / Н. Ф. Дератани // ВДИ. – 1946. – № 4. – С. 66–75.

Деревнин А. А. Учение Цицерона о происхождении общества, государства и права / А. А. Деревнин // Из истории развития политико-правовых идей. – М., 1984. – С. 45–49.

Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель / В. С. Дуров. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 208 с.

Евсеев Т. П. От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье / Т. П. Евсеев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 266 с.

Егоров А. Б. Некоторые аспекты политической терминологии римлян (*pars* и *fastio* в литературе поздней республики и принципата) / А. Б. Егоров // Проблемы отечественной и всеобщей истории. – Л., 1976. – Вып. 3. – С. 158–164.

Егоров А. Б. Политические партии в Риме в период гражданских войн II–I вв. до н. э. : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук : спец. 07.00.03 «Всеобщая история» / А. Б. Егоров. – Л., 1977. – 25 с.

Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблема происхождения и формирования принципата / А. Б. Егоров. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 225 с.

Егоров А. Б. Добродетели щита Августа / А. Б. Егоров // Античный мир: проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. – СПб., 1998. – С. 280–293.

- Егоров А. Б. Римские популяры – терминология, структура движения и идеология / А. Б. Егоров // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2009. – Вып. 8. – С. 199–232.
- Жаровская А. Н. Марк Юний Брут: *vir bonus* в политической жизни поздней Римской республики : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук : спец. 07.00.03 «Всеобщая история (древний мир)» / А. Н. Жаровская. – Воронеж, 2010. – 21 с.
- Журавлев Д. В. *Ὀλίβορ из Пантикапея, или Еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье / Д. В. Журавлев // ДБ. – 2004. – Т. 7. – С. 129–149.
- Забулис Г. К. *Saturnia tellus* Вергилия (К вопросу о формировании идеологии эпохи Августа) / Г. К. Забулис // ВДИ. – 1960. – № 2. – С. 111–123.
- Заршиков А. В. *Familiares et amici* в структуре цезарианской партии / А. В. Заршиков // Античность: общество и идеи : Сб. ст. – Казань, 2001. – С. 136–141.
- Заршиков А. В. Цезарь и цезарианцы: роль личной группировки в политической борьбе : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Заршиков. – Саратов, 2003. – 177 с.
- Зелинский Ф. Ф. Римская империя / Ф. Ф. Зелинский ; [пер. с пол. Н. А. Папчинской]. – СПб.: Алетейя, 1999. – 490 с. – (Античная библиотека).
- Зографска Е. За Августовиот принципат и неговата идејна подлога / Е. Зографска // ZAnt. – 1971. – Год. 21. – Т. 1. – С. 303–312.
- История греческой литературы : в 3 т. ; [под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского]. – М.: Изд-во АН СССР, 1946–1960. –
Т. 1. – 1946. – 487 с.
Т. 2. – 1955. – 309 с.
Т. 3. – 1960. – 440 с.
- История римской литературы : в 2 т. ; [под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского]. – М.: Изд-во АН СССР, 1959–1962. –
Т. 1. – 1959. – 534 с.
Т. 2. – 1962. – 484 с.
- Камалутдинов К. Я. Цицерон о роли и месте *princeps* в политической системе римского общества (По материалам трактата «О государстве») / К. Я. Камалутдинов // АМА. – 1986. – № 6. – С. 19–31.
- Камалутдинов К. Я. К характеристике политико-правовых взглядов Цицерона / К. Я. Камалутдинов // Из истории социально-этических и политико-правовых идей. – Саратов, 1990. – С. 52–63.
- Кнабе Г. С. «*Multi bonique*» и «*pauci et validi*» в римском сенате в эпохи Нерона и Флавиев / Г. С. Кнабе // ВДИ. – 1970. – № 3. – С. 63–85.
- Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. (Время. Жизнь. Книги) / Г. С. Кнабе. – М.: Наука, 1981. – 208 с.

- Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима / Г. С. Кнабе // Культура Древнего Рима : в 2 т. ; [отв. ред. Е. С. Голубцова]. – М.: Наука, 1985 – . – Т. 2. – 1985. – С. 108–166.
- Кнабе Г. С. Древний Рим – история и повседневность / Г. С. Кнабе. – М.: Искусство, 1986. – 207 с.
- Кнабе Г. С. Историческое время в Древнем Риме / Г. С. Кнабе // Материалы по общей истории культуры и истории культуры Древнего Рима. – М., 1991. – С. 279–298.
- Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история / Г. С. Кнабе // Ливий, Тит. История Рима от основания города : в 3 т. / Тит Ливий ; [отв. ред. пер. с лат. Е. С. Голубцова]. – М.: Наука, 1993 – . – (Памятники исторической мысли). Т. 3. – 1993. – С. 590–655.
- Ковалев С. И. История Рима / С. И. Ковалев. – [2-е изд.]. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 742 с.
- Колобов А. В. Боевые награды римских легионеров эпохи Принципата / А. В. Колобов // Вестник Пермского университета. – 1998. – Сер. История: Вып. 2. – С. 27–33.
- Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи) / А. В. Колобов. – Пермь, 1999. – 128 с.
- Короленков А. В. Саллюстий и гуманность: несколько замечаний / А. В. Короленков // Studia historica. – 2002. – № 2. – С. 114–122.
- Короленков А. В. Новые книги об общественно-политической жизни позднереспубликанского Рима / А. В. Короленков // ВДИ. – 2009. – № 3. – С. 185–190. – Рец. на кн.: Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic / R. Morstein-Marx. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2004. – 313 p.
- Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина : в 2 т. / К. Крист ; [пер. с нем. под ред. Н. И. Диденко]. – Ростов н/Д: Феникс, 1997 – . – (Исторические силуэты) Т. 1. – 1997. – 573 с. Т. 2. – 1997. – 512 с.
- Кубанова А. И. Движение рабов в гражданской войне 43–36 гг. до н. э. в Сицилии / А. И. Кубанова // Уч. Зап. Тульского гос. пед. инст. – 1958. – Вып. 8. – С. 50–66.
- Лапырёнок Р. В. Политическая борьба в Поздней римской республике: оптиматы и популяры : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Р. В. Лапырёнок. – Саратов, 2005. – 193 с.
- [Рец.] / Р. В. Лапырёнок // Studia historica. – 2010. – Т. 10. – С. 241–247. – Рец. на кн.: Robb M. A. Beyond *Populares* and *Optimates*. Political Language in the Late Republic. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. – 225 p.
- Лебедев П. Н. Трансформация власти в Римской империи в III веке н. э. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / П. Н. Лебедев. – М., 2010. – 273 с.

- Литовченко С. Д. Римско-армянские отношения в I в. до н. э. – начале I в. н. э. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. Д. Литовченко. – Харьков, 2003. – 204 с.
- Малеваный А. М. Иллирийские походы Октавиана (35–33 гг. до н. э.) / А. М. Малеваный // ВДИ. – 1977. – № 2. – С. 129–142.
- Марков К. В. Концепция идеальной монархии в «Римской истории» Диона Кассия : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / К. В. Марков. – Нижний Новгород, 2007. – 240 с.
- Махлаюк А. В. Полисная идеология и система комплектования римской императорской армии / А. В. Махлаюк // Античный мир. – Белгород, 1999. – С. 45–54.
- Махлаюк А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности / А. В. Махлаюк. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2000. – 235 с.
- Машкин Н. А. Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н. э. / Н. А. Машкин // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 126–139.
- Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность / Н. А. Машкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 686 с.
- Межеричский Я. Ю. Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа / Я. Ю. Межеричский. – М.; Калуга: Изд-во КГПУ, 1994. – 442 с.
- Межеричский Я. Ю. Принципат Августа: от Республики к монархии / Я. Ю. Межеричский // ДП–ИА. – 1996. – № 1. – С. 156–160.
- Мелихов В. А. Виргилий и его эклоги / В. А. Мелихов. – Харьков, 1912. – 24 с.
- Михайловский Ф. А. Трибунская власть в политической системе Августа (несколько точек зрения) / Ф. А. Михайловский // Античная гражданская община. – М., 1984. – С. 82–104.
- Михайловский Ф. А. К вопросу о генезисе трибунских полномочий Августа / Ф. А. Михайловский // Социально-политические и культурные проблемы истории стран Европы от античности до нового времени. – М., 1989. – С. 33–40.
- Михайловский Ф. А. Становление принципата: республиканские традиции в оформлении императорской власти : автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук : спец. 07.00.03 «Всеобщая история» / Ф. А. Михайловский. – М., 2000. – 50 с.
- Моммзен Т. История Рима : В 5 т. / Т. Моммзен ; [пер. с нем.]. – М.: АСТ; Харьков: Фолио 2002 – (Классическая мысль).
- Т. 2: От битвы при Пидне до смерти Суллы. – 2002. – 525 с.
- Т. 3: От смерти Суллы до битвы при Тапсе. – 2002. – 655 с.
- Нагуевский Д. История римской литературы / Д. Нагуевский. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1915 – .-
- Т. 2: Век Августа. – 1915. – 819 с.
- Неверов О. Я. Античные камни в собрании Государственного Эрмитажа / О. Я. Неверов. – Л.: Аврора, 1971. – 95 с.

- Неверов О. Я. Геммы античного мира / О. Я. Неверов. – М.: Наука, 1983. – 144 с.
- Неверов О. Я. Античные камни в собрании Эрмитажа. Каталог / О. Я. Неверов. – Л.: Искусство, 1988. – 191 с.
- Немировский А. И. «Римская история» Веллея Патеркула / А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 381 с.
- Павлов А. А. *Libertas* у Цицерона / А. А. Павлов // Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции. Москва, 4–6 декабря 2001 г. – М., 2001. – С. 164–167.
- Панченко Д. В. Римские моралисты и имморалисты на исходе Республики / Д. В. Панченко // Человек и культура. – М., 1990. – С. 73–80.
- Парфёнов В. Н. Начало военно-политической карьеры Октавиана / В. Н. Парфёнов // АМА. – 1979. – № 4. – С. 104–124.
- Парфёнов В. Н. Из предыстории Перузинской войны и Брундизийского мира / В. Н. Парфёнов // АМА. – 1983а. – № 5. – С. 46–64.
- Парфёнов В. Н. Последняя армия Римской республики / В. Н. Парфёнов // ВДИ. – 1983b. – № 3. – С. 53–65.
- Парфёнов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории / В. Н. Парфёнов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 148 с.
- Парфёнов В. Н. Марк Лициний Красс и «Третий триумвират» Октавиана / В. Н. Парфёнов // Культура и цивилизация: вопросы теории и истории. – Нижний Новгород, 1998. – С. 218–227.
- Парфёнов В. Н. Император Цезарь Август: армия, война, политика / В. Н. Парфёнов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 278 с. – (Античная библиотека).
- Петrenchко О. *Ludi Saeculares* доби Ранньої Імперії / О. Петrenchко // Збірник наукових праць. Серія «Історія та географія» / Харк. нац. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди. – Харків: Майдан, 2008. – Вип. 29–30. – С. 17–23.
- Петrenchко О. Суспільно-політичний розвиток Римської Імперії в I – на поч. III ст. н. е.: від «відновленої» Республіки до сенатської монархії / О. Петrenchко. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2009. – 396 с.
- Портнягина И. П. Октавия, сестра Октавиана – идеальная матрона в век эмансипации / И. П. Портнягина // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2006. – Вып. 5. – С. 307–318.
- Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи : В 2 т. / М. И. Ростовцев ; [пер. с нем. И. П. Стребловой]. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 1 – 2000. – 400 с.
- Ростовцев М. И. Рождение Римской империи / М. И. Ростовцев. – М.: Книжная находка, 2003. – 160 с. – (Колыбель цивилизации).
- Рязанов В. В. Политические цели и методы Секста Помпея и Августа / В. В. Рязанов // Норция. – Воронеж, 1999. – Вып. 3. – С. 204–211.
- Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы (некоторые аспекты политической характеристики) / И. С. Свенцицкая // Социальная структура и политическая организация античного общества. – Л., 1982. – С. 119–134.

- Свенцицкая И. С. Особенности культа императора в малоазийских провинциях в I в. н. э. / И. С. Свенцицкая // История и языки Древнего Востока: памяти И. М. Дьяконова. – СПб., 2002. – С. 259–267.
- Свенцицкая И. С. Культ императора в Римской державе: от персонального обожествления к формальному культу носителя власти / И. С. Свенцицкая // Сакрализация власти в истории цивилизаций. – М., 2006. – С. 236–254.
- Селецкий Б. П. О социальном и политическом значении формулы consensus (consensio) bonorum в «Переписке» Цицерона / Б. П. Селецкий // ВДИ. – 1975. – № 1. – С. 144–151.
- Селецкий Б. П. Социальное и политическое значение слова «bonus» (boni) в «Переписке» Цицерона / Б. П. Селецкий // ВДИ. – 1976. – № 2. – С. 142–156.
- Селецкий Б. П. Термин «optimates» в его первоначальном общепринятом значении в «Переписке» Цицерона / Б. П. Селецкий // ВДИ. – 1979. – № 4. – С. 117–126.
- Сергеев В. С. Принципат Августа / В. С. Сергеев // ИЖ. – 1938а. – № 1. – С. 99–111.
- Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима / В. С. Сергеев. – М.: ОГИЗ, 1938. – Ч. 1. – 1938б. – 370 с.
- Сидорович О. В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н. э. / О. В. Сидорович. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. – 289 с.
- Смыков Е. В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) / Е. В. Смыков // АМА. – 2002. – Вып. 11. – С. 80–106.
- Смышляев А. Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. LI, 14–40): проблемы интерпретации / А. Л. Смышляев // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 54–66.
- Смышляев А. Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) / А. Л. Смышляев // ВДИ. – 2003. – № 3. – С. 46–60.
- Старостина Н. Примечания / Н. Старостина // Вергилий. Буколики, Георгики, Энеида / Публий Вергилий Марон; [пер. с лат. С. Шервинского, С. Ошерова]. – М.: Худож. лит., 1971. – С. 371–445.
- Токарев А. Н. О целях семейного законодательства Августа / А. Н. Токарев // ВХНУ. – 2004. – № 633: История. – Вып. 36. – С. 222–231.
- Токарев А. Н. Libertas у Саллюстия / А. Н. Токарев // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. – 2006. – Вып. 34: Історичні науки. – № 4. – С. 7–11.
- Токарев А. Н. Место лозунга res publica restituta и политики restitutio в политико-идеологическом урегулировании Октавиана 28–27 гг. до н. э. / А. Н. Токарев // Древности-2010: Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков: НТМТ, 2010. – Вып. 9. – С. 37–49.
- Трохачев С. Ю. Валерий Максим и его история в поучительных анекдотах / С. Ю. Трохачев // Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Валерий Максим; [пер. с лат. С. Ю. Трохачева]. – СПб.: Изд-во СПбу, 2007. – С. 3–15.

- Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.) / Н. Н. Трухина. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 184 с.
- Туманс Х. Идеологические аспекты власти Писистрата / Х. Туманс // ВДИ. – 2001. – № 4. – С. 12–45.
- Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики / С. Л. Утченко. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 300 с.
- Утченко С. Л. Учение Цицерона об «идеальном гражданине» (*vir bonus*) / С. Л. Утченко // ВДИ. – 1954. – № 3. – С. 21–32.
- Утченко С. Л. Социальное и политическое значение термина «*optimates*» у Цицерона / С. Л. Утченко // Древний мир: сборник статей в честь академика В. В. Струве. – М., 1962. – С. 627–635.
- Утченко С. Л. К вопросу о римских политических партиях / С. Л. Утченко // ВДИ. – 1963. – № 3. – С. 82–94.
- Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики / С. Л. Утченко. – М.: Наука, 1965. – 288 с.
- Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи / С. Л. Утченко. – М.: Наука, 1969. – 324 с.
- Утченко С. Л. Цицерон и его время / С. Л. Утченко. – М.: Мысль, 1973. – 352 с.
- Утченко С. Л. Юлий Цезарь / С. Л. Утченко. – М.: Мысль, 1976. – 365 с.
- Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима / С. Л. Утченко. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
- Ферреро Г. Величие и падение Рима : в 5 т. / Г. Ферреро ; [пер. с итал. А. Захарова]. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916–1925. –
Т. 2: Юлий Цезарь. – 1916. – 346 с.
Т. 3: От Цезаря до Августа. – 1916. – 507 с.
Т. 4: Республика Августа. – 1922. – 234 с.
Т. 5: Август и великая империя. – 1925. – 375 с.
- Хабиht Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху / Х. Хабиht ; [пер. с нем. Ю. Г. Виноградова]. – М.: Ладомир, 1999. – 416 с.
- Цветаева Г. А. Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря (март–апрель 44 г. до н. э.) / Г. А. Цветаева // ВДИ. – 1947. – № 1. – С. 226–232.
- Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века республики / Н. В. Чеканова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2005. – 480 с.
- Чернышов Ю. Г. К проблеме «самооценки» принципата Августа / Ю. Г. Чернышов // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. – Барнаул, 1988. – С. 36–55.
- Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме : В 2 ч. / Ю. Г. Чернышов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1994. –
Ч. 1: До установления принципата. – 1994. – 176 с.
Ч. 2: Ранний принципат. – 1994. – 167 с.
- Чернышов Ю. Г. Теория смешанной конституции у Цицерона и система принципата / Ю. Г. Чернышов // ДП–ИА. – 1996. – № 1. – С. 95–101.
- Чернышов Ю. Г. К вопросу о содержании «государственной идеологии» в Римской империи / Ю. Г. Чернышов // Античное общество IV: Власть

- и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5–7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. – СПб., 2001. – С. 206–212.
- Шайд Дж. Религия римлян / Дж. Шайд ; [пер. с фр. О. П. Смирновой]. – М.: Новое издательство, 2006. — 280 с.
- Шалимов О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I – начале II в. н. э. / О. А. Шалимов. – М., 2000. – 185 с.
- Шифман И. Ш. Цезарь Август / И. Ш. Шифман. – Л.: Наука, 1990. – 200 с.
- Штаерман Е. М. Эволюция идеи свободы в Древнем Риме / Е. М. Штаерман // ВДИ. – 1972. – № 2. – С. 41–61.
- Штаерман Е. М. Кризис античной культуры / Е. М. Штаерман. – М.: Наука, 1975. – 182 с.
- Штаерман Е. М. От гражданина к подданному / Е. М. Штаерман // Культура древнего Рима : в 2 т. / [отв. ред. Е. С. Голубцова]. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 22–105.
- Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима / Е. М. Штаерман. – М.: Наука, 1987. – 320 с.
- Шталь И. В. Инвектива как источник по истории общественно-политической мысли / И. В. Шталь // ВДИ. – 1963. – № 2. – С. 141–152.
- Abbott F. F. Gaius Matius, a Friend of Caesar / F. F. Abbott // Abbott F. F. The Common People of Ancient Rome. Studies of Roman Life and Literature. – N.-Y., 1911. – P. 268–287.
- Abbott F. F. A History and Description of Roman Political Institutions / F. F. Abbott. – N.-Y.: Biblio & Tannen, 1963. – 456 p.
- Abdy R. Two Important New Roman Coins / R. Abdy, N. Harling // NC. – 2005. – Vol. 165. – P. 175–178.
- Abele T. A. Der Senat unter Augustus / T. A. Abele. – Paderborn, 1907. – 78 S.
- Achard G. Pratique rhétorique et idéologie politique dans les discours «optimates» de Cicéron / G. Achard. – Leiden: Brill Archive, 1981. – 546 p. – (Mnemosyne, bibliotheca classica Batava: Suppl. 68).
- Achard G. Language et société. A propos des optimates et des populares / G. Achard // Latomus. – 1982. – T. 41. – P. 794–800.
- Adcock F. E. Roman Political Ideas and Practice / F. E. Adcock. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1959. – 120 p.
- The Age of Augustus ; [anthology; ed. by M. G. L. Cooley]. – L.: London Association of Classical Teachers, 2003. – 416 p.
- The Age of Augustus: An Interdisciplinary Conference held at Brown Univ., April 30 – May 2 ; [ed. by R. Winkes]. – Louvain: Art and Archaeology Publications, 1985. – 208 p.
- Albanese B. Brevi studi di diritto romano. V. Note sugli opima spolia / B. Albanese // Annali del Seminario Giuridico della Università di Palermo. – 1992. – Vol. 42. – P. 71–94.
- Alföldi A. Die Geburt der kaiserlichen Bildsymbolik, 1: Der Traum der Rea / A. Alföldi // MH. – 1950. – Bd. 7. – S. 1–13.

- Alföldi A. Die Geburt der kaiserlichen Bildsymbolik, 2: Der neue Romulus / A. Alföldi // MH. – 1951. – Bd. 8. – S. 190–215.
- Alföldi A. Die Geburt der kaiserlichen Bildsymbolik, 3: Parens patriae (I, Teil) / A. Alföldi // MH. – 1952. – Bd. 9. – S. 204–243.
- Alföldi A. Die Geburt der kaiserlichen Bildsymbolik, 3: Parens patriae (I, Teil, Schluß) / A. Alföldi // MH. – 1953. – Bd. 10. – S. 103–124.
- Alföldi A. Die Geburt der kaiserlichen Bildsymbolik, 3: Parens patriae (II, Teil) / A. Alföldi // MH. – 1954. – Bd. 11. – S. 133–169.
- Alföldi A. The Main Aspects of Political Propaganda on the Coinage of the Roman Republic / A. Alföldi // Essays in Roman Coinage presented to H. Mattingly ; [ed. by R. A. G. Carson, C. H. V. Sutherland]. – Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1956. – P. 63–95.
- Alföldi A. Die Trojanischen Urahnen der Römer / A. Alföldi. – Basel: Buchdruckerei Friedrich Reinhardt AG, 1957. – 56 S.
- Alföldi A. La divinisation de César dans la politique d'Antoine et d'Octavien entre 44 et 40 avant J.-C. / A. Alföldi // RN. – 1973. – T. 6. – № 15. – P. 99–128.
- Alföldi A. Die zwei Lorbeerbäume des Augustus / A. Alföldi // Römischer Kaiserkult ; [hrsg. von A. Wlosok]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978. – S. 403–422. – (Wege der Forschung).
- Alföldi A. Guerre civile et propagande politique: l'émission d'Octave au nom du Divos Julius (41–40 av. J.-C.) / A. Alföldi, J.-B. Giard // NAC. – 1984. – T. 13. – P. 147–161.
- Alföldy G. Augustus und die Inschriften: Tradition und Innovation. Die Geburt der imperialen Epigraphik / G. Alföldy // Gymnasium. – 1991. – Bd. 98. – S. 289–324.
- Anderson A. R. Heracles and His Successors: A Study of a Heroic Ideal and the Recurrence of a Heroic Type / A. R. Anderson // HSCPh. – 1928. – Vol. 39. – P. 7–58.
- André J.-M. Le siècle d'Auguste / J.-M. André. – P.: Payot, 1974. – 335 p.
- Arangio-Ruiz V. Testi e documenti: VI. – L'iscrizione leidense di Augusto / V. Arangio-Ruiz // BIDR. – 1961. – Vol. 3. – P. 323–342.
- Asmis E. The Politician as Public Servant in Cicero's *De Re Publica* / E. Asmis // Cicéron et Philodème: la polémique en philosophie ; [ed. par C. Auvray-Assayas, D. Delattre]. – P.: Éditions Rue d'Ulm, 2001. – P. 109–128.
- Atkinson K. M. T. «Restitutio in integrum» and «iussum Augusti Caesaris» in an Inscription at Leyden / K. M. T. Atkinson // RIDA. – 1960. – T. 7. – P. 227–272.
- Augustus ; [hrsg. von W. Schmitthenner]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchges., 1985. – 575 S. – (Wege der Forschung).
- Augustus ; [ed. J. Edmondson]. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2009. – 543 p.
- Augustus, der Blick von aussen: die Wahrnehmung des Kaisers in den Provinzen des Reiches und in den Nachbarstaaten ; Akten der internationalen Tagung an der Johannes Gutenberg-Universität Mainz vom 12. bis 14. Oktober 2006 ; [hrsg. D. Kreikenbom, K.-U. Mahler, P. Schollmeyer, T. M. Weber]. – Mainz: Otto Harrassowitz Verlag, 2008. – 363 S. – (Königtum, Staat und Gesellschaft früher Hochkulturen; Bd. 8).

- Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung ; [hrsg. von H. Temporini, W. Haase]. – Berlin; N.-Y.: Walter de Gruyter, 1974–. –
Bd. I–. – 1974–. – (издание продолжается).
- Aust E. Clementia / E. Aust // RE. – 1900. – Hbbd. 7. – Sp. 20–21.
- Badian E. A. M. Appian and Asinius Pollio / E. A. M. Badian // CR. – 1958a. – Vol. 8. – P. 159–162.
- Badian E. A. M. Foreign Clientelae, 264–70 B. C. / E. A. M. Badian. – Oxf.: Clarendon Press, 1958b. – 342 p.
- Badian E. A. M. Optimates, populares / E. A. M. Badian // OCD. – 1976. – P. 753–754.
- Balsdon J. P. V. D. Auctoritas, dignitas, otium / J. P. V. D. Balsdon // CQ. – 1960. – Vol. 10. – № 1. – P. 43–50.
- Barchiesi A. The Poet and the Prince: Ovid and Augustan Discourse / A. Barchiesi. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1997. – 292 p.
- Barker D. The Golden Age Is Proclaimed? The «Carmen Saeculare» and the Renaissance of the Golden Race / D. Barker // CQ. – 1996. – Vol. 46. – № 2. – P. 434–441.
- Barrett A. A. Livia: First Lady of Imperial Rome / A. A. Barrett. – New Haven; L.: Yale Univ. Press, 2002. – 425 p.
- Barton T. Ancient Astrology / T. Barton. – N.-Y.: Routledge, 1994. – 246 p.
- Barton T. Augustus and Capricorn: Astrological Polyvalency and Imperial Rhetoric / T. Barton // JRS. – 1995. – Vol. 85. – P. 33–51.
- Bauman R. A. Tribunician Sacrosanctity 44, 36 and 35 B.C. / R. A. Bauman // RhM. – 1981. – Bd. 124. – S. 167–183.
- Beacham R. The Emperor as Impresario: Producing the Pageantry of Power / R. Beacham // The Cambridge Companion to the Age of Augustus ; [ed. by K. Galinsky]. – N.-Y.: Cambr. Univ. Press, 2005. – P. 151–174.
- Beard M. The Roman Triumph / M. Beard. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 2007. – 434 p.
- Bellen H. Cicero und der Aufstieg Oktavians / H. Bellen // Gymnasium. – 1985. – Bd. 92. – S. 161–189.
- Belloni G. Le «Res gestae Divi Augustus». Augusto: il nuovo regime e la nuova urbe / G. Belloni. – Milano: Vita e pensiero, 1987. – 151 p.
- Benario H. W. Augustus Princeps / H. W. Benario // ANRW II. – 1975. – Bd. 2. – S. 75–85.
- Béranger J. Recherches sur l'aspect ideologique du principat / J. Béranger. – Basel, 1953. – 318 p.
- Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate ; [ed. by K. A. Raaflaub and M. Toher]. – Berkeley etc.: Univ. of California press, 1990. – 493 p.
- Beulé Ch. E. Auguste: sa famille et ses amis / Ch. E. Beulé. – P., 1868. – 358 p.
- Birley A. R. Q. Lucretius Vespillo (cos. ord. 19) / A. R. Birley // Chiron. – 2000. – Vol. 30. – P. 711–748.

- Blanchet A. *Libertas* / A. Blanchet // Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines : en 5 t. ; [ed. Ch. Daremberg, E. Saglio, E. Pottier]. – P., 1904 – . – T. 3. – P. 2: L–M. – 1904. – P. 1199.
- Bleicken J. Der Begriff der Freiheit in der letzten Phase der römischen Republik / J. Bleicken // HZ. – 1962. – Bd. 195. – S. 1–20.
- Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat: Zum Charakter des Zweiten Triumvirats / J. Bleicken. – Göttingen, 1990. – 122 S.
- Botermann H. *Gallia pacata – perpetua pax*. Die Eroberung Galliens und der «gerechte Krieg» / H. Botermann // *Res publica reperta*. Zur Verfassung und Gesellschaft der römischen Republik und des frühen Prinzipats. Festschrift für Jochen Bleicken zum 75. Geburtstag ; [hrsg. J. Spielvogel]. – Stuttgart: F. Steiner Verlag, 2002. – S. 279–298.
- Botteri P. L'Integrazione Mommseniana a *Res Gestae Divi Augusti* 34, 1 «*Potitus Rerum Omnium*» e il Testo Greco / P. Botteri // ZPE. – 2003. – Bd. 144. – S. 261–267.
- Branders S. L. F. The Mausoleum of Augustus: Expanding Meaning from its Inception to Present Day : a Dissertation ... for Degree of Doctor of Philosophy / S. L. F. Branders. – Louisville, 2007. – 207 p.
- Bringmann K. Von der *res publica amissa* zur *res publica restituta*. Zu zwei Schlagworten aus der Zeit zwischen Republik und Monarchie / K. Bringmann // *Res publica reperta*. Zur Verfassung und Gesellschaft der römischen Republik und des frühen Prinzipats. Festschrift für Jochen Bleicken zum 75. Geburtstag ; [hrsg. J. Spielvogel]. – Stuttgart: F. Steiner Verlag, 2002a. – S. 113–123.
- Bringmann K. Augustus und die Begründung des römischen Kaisertums / K. Bringmann, Th. Schäfer. – Berlin: Akademie Verlag, 2002b. – 394 S.
- [Review] / P. A. Brunt // JRS. – 1961. – Vol. 51. – P. 236–238. – Rev. op.: Grenade P. *Essai sur les origines du principat*. – P.: Editions de Boccard, 1961. – 497 p.
- Brunt P. A. *The Fall of the Roman Republic and Related Essays* / P. A. Brunt. – Oxf.: Clarendon Press, 1988. – 550 p.
- Brunt P. A. *Roman Imperial Themes* / P. A. Brunt. – Oxf.: Clarendon Press, 1990. – 551 p.
- Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius: Ihre Voraussetzungen, Entwicklung und Zusammenhang mit den politischen Ereignissen in Italien / H. Buchheim. – Heidelberg: C. Winter, 1960. – 127 S.
- Büchner E. *Horologium solarium Augusti* / E. Büchner // Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin ; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 240–245.
- Burckhardt L. A. Politische Strategien der Optimaten in der späten römischen Republik / L. A. Burckhardt. – Stuttgart: F. Steiner Wiesbaden, 1988. – 296 S. – (Historia: Einzelschriften, Heft 57).
- Burckhardt L. A. The Political Elite of the Roman Republic: Comments on Recent Discussion of the Concepts *nobilitas* and *homo novus* / L. A. Burckhardt // Historia. – 1990. – Bd. 39. – H. 1. – S. 77–99.

- Burckhardt L. A. *Optimates* / L. A. Burckhardt // *Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike* ; [Hrsg. H. Cancik, H. Schneider]. – Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2000. – Bd. 8. – S. 1270–1273.
- Burian J. Die Errichtung des Prinzipats und der Tatenbericht des Augustus / J. Burian // *Klio*. – 1991. – Bd 73. – H. 2. – S. 420–431.
- Caesar Augustus: *Seven Aspects* ; [ed. by F. Millar, E. Segal]. – Oxf.: Clarendon Press, 1984. – 221 p.
- The Cambridge Ancient History : in 15 vols. ; [ed. by A. K. Bowman at al.]. – [2 ed.]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2005 – .–
Vol. 10: The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69. – 2005. – 1193 p.
- The Cambridge Companion to the Age of Augustus ; [ed. by K. Galinsky]. – N.-Y.: Cambr. Univ. Press, 2005. – 407 p.
- Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army / J. B. Campbell. – Oxf.: Clarendon Press, 1984. – 468 p.
- Campbell J. B. War and Society in Imperial Rome, 31 B. C. – A. D. 284 / J. B. Campbell. – L.; N.-Y.: Routledge, 2002. – 208 p.
- Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquée / J. Carcopino. – P.: L'Artisan du livre, 1947a. – 277 p.
- Carcopino J. Les secrets de la correspondance de Cicéron : en 2 t. / J. Carcopino. – P., 1947b – .–
T. 2. – 1947b. – 494 p.
- Carcopino J. Cicero, the Secrets of His Correspondence : in 2 vols. / J. Carcopino. – L.: Yale Univ. Press, 1951 – .–
Vol. 1. – 1951. – 278 p.
- Carettoni G. Das Haus des Augustus auf dem Palatin / G. Carettoni. – Mainz: P. von Zabern, 1983. – 95 S.
- Carswell Ch. J. A. *Sidera Augusta: The Role of the Stars in Augustus' Quest for Supreme auctoritas* : a Dissertation ... for Degree of Master of Arts / Ch. J. A. Carswell. – Kingston (Ontario). – 2009. – 148 p.
- Carter J. M. The Battle of Actium: the Rise and Triumph of Augustus Caesar / J. M. Carter. – L.: Hamilton, 1970. – 271 p.
- Cartledge P. A. The Second Thoughts of Augustus on the res publica in 28/27 B. C. / P. A. Cartledge // *Hermathena*. – 1975. – Vol. 119. – P. 30–40.
- Castritius H. Der römische Prinzipat als Republik / H. Castritius. – Husum, 1982. – 120 S.
- Cecioni N. Octavian and Orestes in Pausanias / N. Cecioni // *CQ*. – 1993. – Vol. 43. – № 2. – P. 506.
- Ceașescu P. Das programmatische Edikt des Augustus (Suet. Aug. 28,2) – eine missverstandene Stelle / P. Ceașescu // *RhM*. – 1981. – Bd. 124. – S. 348–353.
- Champagny F. de. Les Césars: en 3 t. / F. de Champagny. – P.: Librairie de L. Maisson, 1853 – .–
T. 1. – 1853. – 552 p.
- Champlin E. Agamemnon at Rome: Roman dynasts and Greek heroes / E. Champlin // *Myth, History and Culture in Republican Rome: Studies in Honour of*

- T. P. Wiseman ; [ed. D. Braund, C. Gill]. – Exeter: Univ. of Exeter Press, 2003. – P. 295–319.
- Charles-Picard G. Auguste et Néron. Le secret de l'empire / G. Charles-Picard. – P.: Hachette, 1962. – 287 p.
- Charlesworth M. P. Antony's Will / M. P. Charlesworth // PCPhS. – 1932. – Vol. 151–153. – P. 6–7.
- Charlesworth M. P. Some fragments of the Propaganda of Mark Antony / M. P. Charlesworth // CQ. – 1933. – Vol. 27. – № 3/4. – P. 172–177.
- Charlesworth M. P. The Avenging of Caesar / M. P. Charlesworth // The Cambridge Ancient History : in 14 vols. ; [ed. by S. A. Cook, F. E. Adcock, M. P. Charlesworth]. – [1 ed.]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1934 –. – Vol. 10: The Augustan Empire, 44 B.C. – A.D. 70. – 1934. – P. 1–30.
- Charlesworth M. P. The Virtues of a Roman Emperor / M. P. Charlesworth // PBA. – 1937. – Vol. 23. – P. 105–133.
- Charlesworth M. P. The Roman Empire / M. P. Charlesworth. – L.: Oxf. Univ. Press, 1951. – 218 p.
- Chilver G. E. F. Augustus and the Roman Constitution, 1935–1950 / G. E. F. Chilver // Historia. – 1950. – Bd. 1. – S. 408–435.
- Chilver G. E. F. The Aftermath of Caesar / G. E. F. Chilver // G&R. – 1957. – Vol. 4. – № 1. – P. 71–77.
- [Review] / G. E. F. Chilver // JRS. – 1954. – Vol. 44. – P. 126–127. – Rev. op.: Schmitthenner W. Oktavian und das Testament Cesärs. Eine Untersuchung zu den politischen Aufgängen des Augustus. – München: C. H. Beck, 1952. – 96 S.
- Christes J. Noch einmal Cicero, De re publica 1,33,50: Eine Replik / J. Christes // WJA. – 1996/97. – Bd. 21. – S. 219–227.
- Citroni M. *Res publica restituta* et la représentation du pouvoir augustéen dans l'oeuvre d'Horace / M. Citroni // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta* ; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 245–266.
- Clarke J. R. Augustan Domestic Interiors: Propaganda or Fashion? / J. R. Clarke // The Cambridge Companion to the Age of Augustus ; [ed. by K. Galinsky]. – N.-Y.: Cambr. Univ. Press, 2005. – P. 264–278.
- Classen C. J. Virtutes imperatoriae / C. J. Classen // Arctos. – 1991. – Vol. 25. – P. 17–39.
- Clausen W. V. A Commentary on Virgil, Eclogues / W. V. Clausen. – Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1995. – 330 p.
- Corssen W. Über steigerungs- und vergleichungsendungen im lateinischen und in den italischen Dialekten / W. Corssen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des deutschen, griechischen und lateinischen. – 1854. – Jg. 3. – S. 241–305.
- Corte F. della. Le Leges Iuliae e l'elegia romana / F. della Corte // ANRW II. – 1982. – Bd. 30. – Teilband 1. – S. 539–558.
- Crawford M. H. Roman Imperial Coin Types and the Formation of Public Opinion / M. H. Crawford // Studies in Numismatic Method presented to Philip

- Grierson ; [ed. by C. N. L. Brooke, B. H. I. H. Stewart, J. G. Pollard, T. R. Volk]. – Cambr.; N.-Y.: Cambr. Univ. Press, 1983. – P. 47–64.
- Crook J. A. An Augustan Inscription in the Rijksmuseum at Leyden (SEG XVIII, no. 555) / J. A. Crook // PCPhS. – 1962. – Vol. 188. – P. 23–28.
- Crook J. A. Political history, 30 B.C. to A.D. 14 / J. A. Crook // The Cambridge Ancient History : in 15 vols. ; [ed. by A. K. Bowman at al.]. – [2 ed.]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2005. –
Vol. 10: The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69. – P. 70–112.
- Csillag P. The Augustan laws on family relations / P. Csillag. – Budapest: Akademiai Kiado, 1976. – 276 p.
- Curtius G. Grundzüge der griechischen Etymologie / G. Curtius. – [5 Auf.]. – Leipzig: Teubner, 1879. – 858 S.
- Davis A. T. Kleopatra Rediviva / A. T. Davis // G&R. – 1969. – Vol. 16. – № 1. – P. 91–94.
- Delcourt A. Entre légende et histoire: Oreste et le prince / A. Delcourt // Les études classiques. – 1998. – T. 66. – P. 61–72.
- Deremetz A. La *Res publica restituta* dans l'oeuvre de Virgile / A. Deremetz // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta* ; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 281–292.
- Dessau H. Livius und Augustus / H. Dessau // Hermes. – 1906. – Bd. 41. – S. 142–151.
- Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit : in 2 Bde. / H. Dessau. – Berlin: Weidmann, 1924. –
Bd. 1: Bis zum ersten Thronwechsel. – 1924. – VIII, 585 S.
- Dettenhofer M. H. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Principat. Die Konkurrenz zwischen *res publica* und *domus Augusta* / M. H. Dettenhofer. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. – 234 S.
- Dewar M. Octavian and Orestes in the Finale of the First Georgic / M. Dewar // CQ. – 1988. – Vol. 38. – № 2. – P. 563–565.
- Dewar M. Octavian and Orestes Again / M. Dewar // CQ. – 1990. – Vol. 40. – № 2. – P. 580–582.
- Domaszewski A. von. Geschichte der Römischen Kaiser: in 2 Bde. / A. von Domaszewski. – Leipzig: Quelle & Meyer, 1909. –
Bd. 1. – 1909. – 324 S.
- Dowling M. B. Clemency and Cruelty in the Roman World / M. B. Dowling. – Ann Arbor: Univ. Michigan Press, 2006. – 366 p.
- Drew D. Horace *Odes* 1.12 and the Forum Augustum / D. Drew // CQ. – 1925. – Vol. 19. – P. 159–161.
- Drew-Bear T. La copie des *Res Gestae* d'Antioche de Pisidie / T. Drew-Bear, J. Scheid // ZPE. – 2005. – Bd. 154. – S. 217–260.
- Drexler H. *Res publica* / H. Drexler // Maia. – 1957. – Vol. 9. – P. 247–281.
- Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen : in 6 Bde. / W. Drumann ; [hrsg. von P. Groebe]. – [2 Aufl.]. – Leipzig: Gebrüder Borntraeger, 1908. –

- Bd. 4: Junii-Pompei. – 1908. – 622 S.
 Bd. 5: Pomponii, Porcii, Tullii. – 1919. – 708 S.
- Dumezil G. Remarques sur Augur-Augustus / G. Dumezil // REL. – 1957. – T. 35. – P. 126–151.
- Duruy V. Histoire des Romains. Depuis les temps plus régulés jusqu'à l'invasion des barbares: en 8 t. / V. Duruy. – P.: Librairie Hachette et Co, 1882. –
 T. 4: D'Auguste à l'avènement d'Hadrien. – 1882. – 842 p.
- Earl D. The Moral and Political Tradition of Rome / D. Earl. – Ithaca (N.-Y.), 1984. – 167 p.
- Earl D. The Republic restored / D. Earl // From Augustus to Nero ; [ed. R. Mellor]. – Michigan: East Lansing, 1990. – P. 48–53.
- Earl D. The Age of Augustus / D. Earl. – L.: Elek, 1993. – 208 p.
- Eck W. Augustus und seine Zeit / W. Eck. – München: Beck, 2003. – 128 S.
- Eder W. Augustus and the Power of Tradition: The Augustan Principate as Binding Link Between Republic and Empire / W. Eder // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate ; [ed. by K. A. Raafaub and M. Toher]. – Berkeley etc.: Univ. of California Press, 1990. – P. 71–122.
- Eder W. Who rules? Power and participation in Athens and Rome / W. Eder // City States in Classical Antiquity and Medieval Italy ; [ed. A. Molho, K. Raafaub, J. Emlen]. – Ann Arbor; Stuttgart: F. Steiner, 1991. – P. 169–196.
- Eder W. Augustus and the Power of Tradition / W. Eder // The Cambridge Companion to the Age of Augustus ; [ed. by K. Galinsky]. – N.-Y.: Cambr. Univ. Press, 2005. – P. 13–32.
- Edwards R. Divus Augustus Pater: Tiberius and the Charisma of Augustus : a Dissertation ... for Degree of Doctor of Philosophy / R. Edwards. – Indianapolis, 2003. – 404 p.
- Ehrenberg V. Monumentum Antiochenum / V. Ehrenberg // Klio. – 1924. – Bd. 19. – H. 2. – S. 189–213.
- Ehrenberg V. Man, State and Deity : Essays in Ancient History / V. Ehrenberg. – L.: Taylor & Francis, 1974. – 191 p.
- Erkell H. Augustus, felicitas, fortuna: lateinische Wortstudien / H. Erkell. – Göteborg: Elanders boktryckeri aktiebolag, 1952. – 193 S.
- Ernout A. Augur-Augustus / A. Ernout // MSL. – 1921. – T. 22. – P. 234–238.
- L'età augustea: vista dai contemporanei e nel giudizio dei posteri: atti del convegno, Mantova Palazzo Ducale 21–23 maggio 1987 ; [relat. A. Barchiesi; coord. E. Benedini]. – Mantova: Acad. Virgiliana, 1988. – 354 p.
- Etienne M. Le Livre V des *Guerres Civiles* d'Appien d'Alexandrie: édition critique, traduction et commentaire : thèse, présentée pour l'obtention du titre de Docteur de l'Université Nancy II en langues et littérature grecques : en 2 vols. / M. Etienne. – Nancy: Edition Université Nancy II, 2007. –
 Vol. 1. – 2007. – CCLI, 163 p.
 Vol. 2. – 2007. – 179 p.
- Evans J. de R. The Art of Persuasion. Political Propaganda from Aeneas to Brutus / J. de R. Evans. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1992. – 176 p.

- Fadinger V. Die Begründung des Prinzipats. Quellenkritische und staatsrechtliche Untersuchungen zu Cassius Dio und der Parallelüberlieferung / V. Fadinger. – Berlin: W. Blasaditsch, 1969. – 361 S.
- Fears J. R. The Cult of Jupiter and Roman Imperial Ideology / J. R. Fears // ANRW II. – 1981a. – Bd. 17. – Teilband 1. – P. 3–141.
- Fears J. R. The Theology of Victory at Rome: Approaches and Problems / J. R. Fears // ANRW II. – 1981b. – Bd. 17. – Teilband 2. – P. 736–826.
- Fears J. R. The Cult of Virtues and Roman Imperial Ideology / J. R. Fears // ANRW II. – 1981c. – Bd. 17. – Teilband 2. – P. 827–948.
- Fears J. R. Antiquity: The Example of Rome / J. R. Fears // *An Uncertain Legacy: Essays on the Pursuit of Liberty* ; [ed. by E. B. McLean]. – Wilmington: ISI Books, 1997. – P. 1–39.
- Feeley C. Reflexive Politics: Cicero's Relationship with the Roman Voters / C. Feeley. – Los Angeles: Faculty of the Graduate School Univ. of Southern California, 2006 – 261 p.
- Ferenczy E. Caesar und die Popularen / E. Ferenczy // *Klio*. – 1991. – Bd. 73. – H. 2. – S. 413–419.
- Ferrary J.-L. Optimates et Populares: Le problème du rôle de l'idéologie dans la politique / J.-L. Ferrary // *Die späte römische Republik / La fin de la république romaine: Un débat Franco-Allemand d'histoire et d'historiographie* ; [ed. by J.-M. Nippel Bruhns, H. David]. – Rome: École Française de Rome, 1997. – P. 221–235.
- Ferrary J.-L. The Powers of Augustus / J.-L. Ferrary // *Augustus* ; [ed. J. Edmondson]. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2009. – P. 90–136 (статья – английский перевод с французского оригинала: Ferrary J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste / J.-L. Ferrary // *Cahiers du Centre G. Glotz*. – 2001. – Т. 12. – P. 101–154, который, к сожалению, оказался нам недоступен).
- Ferrero Radista L. Augustus' Legislation Concerning Marriage, Procreation, Love Affairs and Adultery / L. Ferrero Radista // ANRW II. – 1980. – Bd. 13. – P. 278–339.
- Field J. A. The Purpose of the Lex Iulia et Papia Poppaea / J. A. Field // *CJ*. – 1945. – Vol. 40. – P. 398–416.
- Fittschen K. Zur Panzerstatue von Charchel / K. Fittschen // *JDAI*. – 1976. – Bd. 91. – S. 175–210.
- Fitzler K. C. Iulius C. f. Caesar, später Imp. Caesar Divi f. Augustus / K. Fitzler, O. Seek // *RE*. – 1918. – Hbbd. 19. – S. 275–381.
- Flory M. Abducta Neroni uxor: the Historiographical Tradition on the Marriage of Octavian and Livia / M. Flory // *TAPhA*. – 1988. – Vol. 118. – P. 343–359.
- Flower H. I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture / H. I. Flower. – Oxf.: Clarendon Press, 1999. – 436 p.
- Flower H. I. The Tradition of the spolia opima: M. Claudius Marcellus and Augustus / H. I. Flower // *ClAnt*. – 2000. – Vol. 19. – № 1. – P. 34–64.
- Fontana B. Tacitus on Empire and Republic / B. Fontana // *History of Political Thought*. – 1993. – Vol. 14. – Iss. 1. – P. 27–40.

- Fowler W. W. Aeneas at the Site of Rome: Observations on the Eighth Book of the Aeneid / W. W. Fowler. – L.: B. H. Blackwell, 1918. – 130 p.
- Frank R. I. Augustus' legislation on marriage and children / R. I. Frank // CSCA. – 1975. – Vol. 8. – P. 41–52.
- Frank T. Augustus, Vergil, and the Augustan Elogia / T. Frank // AJPh. – 1938. – Vol. 59. – P. 91–94.
- Freyburger-Galland M.-L. *Res publica restituta* chez Dion Cassius / M.-L. Freyburger-Galland // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta* ; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 325–341.
- Froning H. Marmor-Schmuckreliefs mit griechischen Mythen im I Jh. v. Chr. / H. Froning. – Mainz am Rhein: Zabern Verlag, 1981. – 192 S. und 66 Tafeln.
- Fullerton M. D. The Domus Augusti in Imperial Iconography of 13–12 B.C. / M. D. Fullerton // AJA. – 1985. – Vol. 89. – № 3. – P. 473–483.
- Gabba E. Sulla «Storia romana» di Cassio Dione / E. Gabba // Revista storica italiana. – 1955. – Vol. 67. – P. 289–333.
- Gabba E. The Perusine War and Triumviral Italy / E. Gabba // HSCPh. – 1971. – Vol. 75. – P. 139–160.
- Gabba E. The Historians and Augustus / E. Gabba // Caesar Augustus: Seven Aspects ; [ed. by F. Millar, E. Segal]. – Oxf.: Clarendon Press, 1984. – P. 61–88.
- Gagé J. Romulus-Augustus / J. Gagé // MERF(A). – 1930. – T. 47. – P. 138–181.
- Gagé J. Les sacerdoces d'Auguste et ses réformes religieuses / J. Gagé // MERF(A). – 1931. – T. 48. – P. 75–108.
- Gagé J. De Caesar à Auguste. Où est le probleme des origines du principat? / J. Gagé // Revue historique. – 1936. – T. 177. – P. 279–342.
- Gagé J. Apollon Romain. Essais sur le culte d'Apollon et le developpement du «ritus Graecus» à Rome des origines à Auguste / J. Gagé. – P., 1955. – 741 p.
- Galinsky K. Augustus Legislation on Morals and Marriage / K. Galinsky // Philologus. – 1981. – Bd. 125. – S. 126–144.
- Galinsky K. Augustan Culture: An Interpretive Introduction / K. Galinsky. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1996. – 474 p.
- Ganzert J. Augustusforum und Mars-Ulter-Tempel / J. Ganzert, V. Kockel // Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin ; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 149–199.
- Gardthausen V. Augustus und seine Zeit : in 2 Teile / V. Gardthausen. – Leipzig: Teubner, 1891. – .-
1 Teil. – Bd. 1. – 1891. – S. 1–481.
1 Teil. – Bd. 2. – 1896. – S. 482–1032.
2 Teil. – Bd. 1. – 1891. – S. 1–648.
- Gatti C. Augusto e le individualità divine / C. Gatti // PP. – 1949. – T. 4. – Fasc. 12. – P. 256–266.
- Geider J. An Overlooked Item of the War of Propaganda between Octavian and Antony / J. Geider // Historia. – 1980. – Bd. 29. – S. 112–114.

- Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik / M. Gelzer. – Leipzig; Berlin, 1912. – 120 S.
- Gelzer M. Die Datierung von Ciceros Rede *De haruspicio responsis* / M. Gelzer // Klio. – 1937. – Bd. 30. – S. 1–9.
- Getty R. J. Romulus, Roma, and Augustus in the Sixth Book of the Aeneid / R. J. Getty // CPh. – 1950. – Vol. 45. – P. 1–12.
- Giard J.-B. Les monnaies du premier consulat d'Octave / J.-B. Giard // RN. – 1971. – T. 6. – № 13. – P. 90–105.
- Gibbon Ed. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire : in 4 vols. / Ed. Gibbon. – L.: Frederick Warne and Co, 1872. – .
Vol. 1. – 1872. – 622 p.
- Giovannini A. Les pouvoirs d'Auguste de 27 à 23 av. J.-C. Une relecture de l'ordonnance de Kymè de l'an 27 (IK 5, №17) // ZPE. – 1999. – Bd. 124. – S. 95–106.
- Girardet K. M. Die Entmachtung des Konsulates im Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats / K. M. Girardet // Pratum Saviense: Festgabe für Peter Steinmetz ; [hrsg. W. Gorler, S. Koster]. – Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1990. – S. 89–126.
- Girardet K. M. «Traditionalismus» in der Politik des Oktavian/Augustus – mentalitätsgeschichtliche Aspekte / K. M. Girardet // Klio. – 1993. – Bd. 75. – S. 202–218.
- Girardet K. M. Das Edikt des Imperator Caesar in Suetons Augustusvita 28,2. Politisches Programm und Publikationszeit / K. M. Girardet // ZPE. – 2000. – Bd. 131. – S. 231–243.
- Glockemann J. Popular Caesar- Anwendung, Zielsetzung und Motive populärer Politik bei Caesar: von den Anfängen bis zum Consulat / J. Glockemann. – Berlin: Grin Verlag, 2010. – 52 S.
- The Golden Age of Augustus ; [anthology; ed. by M. Reinhold]. – Toronto; Sarasota: Samuel Stevens, 1978. – XVI, 281 p.
- The Golden Prose in the Age of Augustus ; [anthology; ed. by P. T. Alessi]. – Newburyport: Focus Publ., 2004. – 237 p.
- Gordon A. E. Notes on the Res gestae of Augustus / A. E. Gordon // CSCA. – 1968. – Vol. 1. – P. 125–138.
- Gowing A. M. Appian and Cassius' speech before Philippi (Bella Civilia 4,90–100) / A. M. Gowing // Phoenix. – 1990. – Vol. 44. – P. 158–181.
- Gowing A. M. The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio / A. M. Gowing. – Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1992. – 374 p.
- Gowing A. M. Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture / A. M. Gowing. – Cambr.: Cambridge Univ. Press, 2005. – 178 p.
- Grant M. From Imperium to Auctoritas. A historical Study of Aes Coinage in the Roman Empire. 49 B.C. – A.D. 14. / M. Grant. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1946. – 510 p.
- Graw-Fow M. J. G. A stepfather's Gift: L. Marcius Philippus and Octavian / M. J. G. Graw-Fow // G&R. – 1988. – Vol. 35. – № 2. – P. 184–199.

- Grenade P. Essai sur les origines du principat / P. Grenade. – P.: Editions de Boccard, 1961. – 497 p.
- Griffin M. Cicero and Matius on Friendship / M. Griffin // *Philosophia Togata II: Plato and Aristotle at Rome* ; [ed. J. Barnes, M. Griffin]. – Oxf., 1997. – P. 86–109.
- Grimal P. Le livre VI de l'Eneide et son actualité en 23 av. J.-C. / P. Grimal // REA. – 1954. – T. 56. – P. 40–60.
- Groag E. M. M. Licinius Crassus (58) / E. M. Groag // RE. – 1926. – Hbbd. 25. – Sp. 270–285.
- Gros P. Aurea Templi. Recherches sur l'architecture religieuse de Rome à l'époque d'Auguste / P. Gros. – Rome: Palais Farnèse, 1976. – 282 p.
- Gros P. Das politische Programm der öffentlichen Bauten / P. Gros, G. Sauron // Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin / [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 48–68.
- Gros P. L'architecture romaine: du début du IIIe siècle av. J.-C. à la fin du Haut-Empire : en 2 t. / P. Gros. – P.: Picard, 2001. – T. 2: Maisons, palais, villas et tombeaux. – 527 p.
- Gros P. Les limites d'un compromis historique : de la domus vitruvienne à la maison augustéenne du Palatin / P. Gros // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta* ; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 169–185.
- Gruen E. S. Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. / E. S. Gruen. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1968. – 337 p.
- Gruen E. S. Last Generation of the Roman Republic / E. S. Gruen. – Berkeley: Univ. of California Press, 1974. – 596 p.
- Gruen E. S. The Imperial Policy of Augustus / E. S. Gruen // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate ; [ed. by K. A. Raafaub and M. Toher]. – Berkeley etc.: Univ. of California Press, 1990. – P. 395–416.
- Gruen E. S. Augustus and the Making of Principate / E. S. Gruen // The Cambridge Companion to the Age of Augustus ; [ed. by K. Galinsky]. – N.-Y.: Cambr. Univ. Press, 2005. – P. 33–51.
- Gurval R. A. Actium and Augustus: The Politics and Emotions of Civil War / R. A. Gurval. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1995. – 338 p.
- Hall III J. F. The Saeculum Novum of Augustus and its Etruscan Antecedents / J. F. Hall III // ANRW II. – 1986. – Bd. 16. – Teilband 3. – S. 2564–2589.
- Hallett J. P. Perusinae Glandes and the Changing Image of Augustus / J. P. Hallett // AJAH. – 1979. – Vol. 2. – № 2. – P. 151–171.
- Hammond M. The Augustan Principate in Theory and Practice during the Julio-Claudian Period / M. Hammond. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1933. – 341 p.
- Hammond M. Res olim dissociabiles: Principatus ac Libertas – Liberty under the Early Roman Empire / M. Hammond // HSCPh. – 1963. – Vol. 67. – P. 93–113.
- Hammond M. The Sincerity of Augustus / M. Hammond // HSCPh. – 1965. – Vol. 69. – P. 139–162.

- Hammond M. City-State and World State in Greek and Roman Political Theory until Augustus / M. Hammond. – N.-Y.: Biblo and Tannen, 1966. – 222 p.
- Hannestad N. Roman Art and Imperial Policy / N. Hannestad. – Aarhus: Aarhus Univ. Press, 1986. – 485 p.
- Hanslik R. Paxaea / R. Hanslik // RE. – 1949. – Hbhd. 36. – Sp. 2436.
- Hardie Ph. The Aeneid and the Oresteia / Ph. Hardie // Prosidings of the Vergilian Society. – 1991. – Vol. 20. – P. 29–45.
- Harrison S. J. Augustus, the Poets and the Spolia Opima / S. J. Harrison // CQ. – 1989. – Vol. 39. – P. 408–414.
- Harrison S. J. Homage to Horace: A Bimillenary Celebration / S. J. Harrison. – Oxf.: Clarendon Press, 1995. – 384 p.
- Haverfield F. The Name Augustus / F. Haverfield // JRS. – 1915. – Vol. 5. – P. 249–250.
- Heaton J. W. Mob Violence in the Late Roman Republic, 133–49 B. C. / J. W. Heaton. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1939. – 108 p.
- Heinze R. Ciceros «Staat» als politische Tendenzschrift / R. Heinze // Hermes. – 1924. – Bd. 59. – S. 73–94.
- Heinze R. Auctoritas / R. Heinze // Hermes. – 1926. – Bd. 60. – S. 348–366.
- Heinze R. Kaiser Augustus / R. Heinze // Hermes. – 1930. – Bd. 65. – S. 385–395.
- Hekster O. J. Hercules, Omphale, and Octavian's «Counter-Propaganda» / O. J. Hekster // Bulletin Antieke Beschaving. – 2004. – Vol. 79. – P. 159–166.
- Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République / J. Hellegouarc'h. – P.: Les Belles Lettres, 1963. – 603 p.
- Herod and Augustus: IJS conference, 21st – 23rd June 2005; [ed. D. Jacobson, N. Kokkinos]. – Leiden: Brill, 2009. – 502 p. – (IJS Studies in Judaica, vol. 6).
- Hesberg H. von. Das Mausoleum des Augustus. Der Bau und seine Inschriften / H. von Hesberg, S. Pansiera. – München: Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1994. – 199 S.
- Heuss A. Cicero und Matius. Zur Psychologie der revolutionären Situation in Rom / A. Heuss // Historia. – 1956. – Bd. 5. – S. 53–73.
- Hill H. The Roman Middle Class in the Republican Period / H. Hill. – Oxf.: Blackwell, 1952. – 226 p.
- Hinard F. C. Sosius et le temple d'Apollon / F. Hinard // Kentron. – 1992. – T. 8. – № 2. – P. 57–72.
- Hinard F. Entre République et Principat. Pouvoir et urbanité / F. Hinard // Laurea internationalis. Festschrift für Jochen Bleicken zum 75. Geburtstag; [hrsg. von Th. Hantos]. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag. – 2003. – S. 331–358.
- Hirst G. The Significance of Augustus as Applied to Hercules and to Romulus: A Note on Livy I, 7, 9 and I, 8, 9 / G. Hirst // AJPh. – 1926. – Vol. 47. – P. 347–357.
- Hofter M. Porträt / M. Hofter // Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 291–343.

- Hölscher T. Denkmäler der Schlacht von Actium. Propaganda und Resonanz / T. Hölscher // *Klio*. – 1985. – Bd. 67. – H. 1. – S. 81–102.
- Hölscher T. Historische Reliefs / T. Hölscher // Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 351–400.
- Hölscher T. Augustus and Orestes / T. Hölscher // *Travaux du Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie Polonaise des sciences*. – 1990. – T. 30: *Etudes et travaux*. – № 15. – P. 163–168.
- Hölscher T. Augustus und die Macht der Archäologie / T. Hölscher // *La révolution romaine après Ronald Syme: bilans et perspectives*; [ed. A. Giovannini]. – Vandoeuvres; Genève: Fondation Hardt, 2000. – P. 237–274.
- Hönn K. Augustus / K. Hönn. – Wien: Siedel, 1938. – 304 S.
- Houby-Nielsen S. Augustus and the Hellenistic Kings: a Note on Augustan Propaganda / S. Houby-Nielsen // *Acta Hyperborea*. – Copenhagen, 1988. – № 1. – P. 116–128.
- Hurlet F. Introduction: *Res publica restituta*. Le pouvoir et ses représentations à Rome sous le principat d'Auguste / F. Hurlet, B. Mineo // *Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta*; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009a. – P. 9–22.
- Hurlet F. L'aristocratie augustéenne et la *Res publica restituta* / F. Hurlet // *Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta*; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009b. – P. 73–99.
- Hüttner U. Marcus Antonius und Heracles / U. Hüttner // *Rom und der griechische Osten: Festschrift für H. H. Schmitt zum 65. Geburtstag*; [eds. Ch. Schubert, K. Brodersen, U. Hüttner]. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. – P. 103–112.
- Huzar E. G. Mark Antony: A Biography / E. G. Huzar. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1978. – 347 p.
- Huzar E. G. The Literary Efforts of Mark Antony / E. G. Huzar // *ANRW II*. – 1982. – Bd. 30. – Teilband 2. – S. 639–657.
- Ideologie und Herrschaft in der Antike; [hrsg. von H. Klotz]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. – 515 S. – (Wege der Forschung).
- Itgenshorst T. Augustus und der republikanische Triumph: Triumphalfasten und summi viri-Galerie als Instrumente der imperialen Machtsicherung / T. Itgenshorst // *Hermes*. – 2004. – Vol. 132. – S. 436–458.
- Itgenshorst T. Roman Commanders and Hellenistic Kings on the «Hellenization» of the Republican Triumph / T. Itgenshorst // *AncSoc*. – 2006. – Vol. 36. – P. 51–68.
- Jacques F. Rome et l'intégration de l'Empire (44 av. J.-C. – 260 ap. J.-C.) / F. Jacques, J. Scheid. – P.: PUF, 2010. –
T. 1: Les structures de l'Empire romain. – 2010. – 480 p.
- Jones A. H. M. Numismatics and History / A. H. M. Jones // *Essays in Roman Coinage Presented to Harold Mattingly*; [ed. R. A. G. Carson, C. H. V. Sutherland]. – Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1956. – P. 13–33.

- Jones A. H. M. Augustus / A. H. M. Jones. – L.: Chato&Windus, 1970. – 196 p.
- Jones H. S. The Roman Empire, B. C. 29 – A. D. 476 / H. S. Jones. – N.-Y.: G. P. Putnam's Sons, 1908. – 488 p.
- Jones H. S. The Princes / H. S. Jones // The Cambridge Ancient History : in 14 vols. ; [ed. by S. A. Cook, F. E. Adcock, M. P. Charlesworth]. – [1 ed.]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1934 – . –
Vol. 10: The Augustan Empire, 44 B. C. – A. D. 70. – P. 127–158.
- Judge E. A. «Res Publica Restituta»: A Modern Illusion? / E. A. Judge // Polis and Imperium. Studies in Honour of Edward Togo Salmon ; [ed. by J. A. S. Evans]. – Toronto: Hakkert, 1974. – P. 279–311.
- Judge E. A. The First Christians in the Roman World: Augustan and New Testament Essays / E. A. Judge. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. – 795 p.
- Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin ; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – 638 S.
- Kearsley R. A. Octavian in the year 32 B. C.: the S. C. De Aphrodisiensibus and the Genera Militiae / R. A. Kearsley // RhM. – 1999. – Bd. 142. – H. 1. – S. 52–67.
- Kehne P. Augustus und «seine» *spolia opima*: Hoffnungen auf den Triumph des Nero Claudius Drusus? / P. Kehne // Althistorisches Kolloquium aus Anlaß des 70. Geburtstages von Jochen Bleicken ; [hrsg. Th. Hantos, G. A. Lehmann]. – Stuttgart: Steiner, 1998. – S. 187–211.
- Kienast D. Augustus: Prinzeps und Monarch / D. Kienast. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. – 608 S.
- Koch C. Gottheit und Mensch im Wandel der römischen Staatsform / C. Koch // Das neue Bild der Antike : in 2 Bde. ; [hrsg. von H. Berve]. – München: Koehler & Amelang, 1942 – . –
Bd. 2. – 1942. – 214 S.
- Koch C. Pax / C. Koch // RE. – 1949. – Hbbd. 36. – Sp. 2430–2436.
- Kolb F. Rom: die Geschichte der Stadt in der Antike / F. Kolb. – München: Beck, 1995. – 783 S.
- Kolbe W. Von Republik zur Monarchie / W. Kolbe // Augustus ; [hrsg. von W. Schmitthenner]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985. – S. 72–99. – (Wege der Forschung).
- König I. Q. Sertorius. Ein Kapitel des frühen römischen Bürgerkriegs / I. König // Klio. – 2000. – Bd. 82. – H. 2. – S. 441–459.
- Koops M. A. De Augusto / M. A. Koops // Mnemosine. – 1937. – T. 5. – Ser. 3. – P. 34–39.
- Köppel E. M. Die historischen Reliefs der römischen Kaiserzeit: Ara Pacis Augustae : Teil 2 / G. M. Köppel // BJ. – 1988. – Bd 188. – S. 97–106.
- Köppel E. M. Relieves arquitectónicos de Tarragona / E. M. Köppel // Stadtbild und Ideologie. Die Monumentalisierung hispanischer Städte zwischen Republik und Kaiserzeit. Kolloquium in Madrid vom 19 bis 23 Oktober 1987 ; [hrsg. von W. Trillmich, P. Zanker]. – München, 1990. – S. 327–340.
- Kornemann E. Zum Streit um die Entstehung des Monumentum Ancyranum / E. Kornemann // Klio. – 1905. – Bd. 5. – S. 317–332.

- Kornemann E. Mausoleum und Tatenbericht des Augustus / E. Kornemann. – Leipzig: Teubner, 1921. – IV, 107 S.
- Kornemann E. Zum Augustusjahr / E. Kornemann // *Klio*. – 1938. – Bd. 31. – S. 81–91.
- Korpany J. Römische Ideale und Werte im augusteischen Prinzipat / J. Korpany // *Klio*. – 1991. – Bd. 73. – H. 2. – S. 432–447.
- Köstermann E. Status als politischer Terminus in der Antike / E. Köstermann // *RhM*. – 1937. – Bd. 86. – S. 225–240.
- Kraft K. Zum Capricorn auf Münzen des Augustus / K. Kraft // *JNG*. – 1967a. – Bd. 17. – S. 17–27.
- Kraft K. Der Sinn des Mausoleums des Augustus / K. Kraft // *Historia*. – 1967b. – Bd. 16. – H. 2. – S. 189–206.
- Kraft K. Zu Sueton, Divus Augustus 69,2: M. Anton und Kleopatra / K. Kraft // *Hermes*. – 1967c. – Bd. 95. – S. 496–499.
- Kunkel W. Über die Leidener Augustus-Inscript aus Kyme / W. Kunkel // *Studi in onore di Emilio Betti*. – Roma: A. Giuffrè, 1962. – Vol. 2. – S. 593–620.
- Kunkel W. Zum Freiheitsbegriff der späten Republik und des Prinzipats / W. Kunkel // *Prinzipat und Freiheit*; [hrsg. von R. Klein]. – Darmstadt, 1969. – S. 68–93. – (Wege der Forschung).
- Künzl E. Politische Propaganda auf römischen Waffen der frühen Kaiserzeit / E. Künzl // *Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin*; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 541–545.
- Kuttner A. L. Dynasty and Empire in the Age of Augustus: the Case of the Boscoreale Cups / A. L. Kuttner. – Berkeley; Los Angeles; Oxf.: Univ. of California Press, 1995. – 387 p., XLI plates.
- Lacey W. K. Boni atque improbi / W. K. Lacey // *G&R*. – 1970. – Vol. 17. – № 1. – P. 3–16.
- Lacey W. K. Octavian in the Senate, January 27 B. C. / W. K. Lacey // *JRS*. – 1974. – Vol. 64. – P. 176–184.
- Lacey W. K. Augustus and the Principate: The Evolution of the System / W. K. Lacey. – Leeds: Francis Cairns Ltd, 1996. – 255 p.
- Lange C. H. Res Publica Constituta: Actium, Apollo and the Accomplishment of the Triumviral Assignment / C. H. Lange. – Leiden; Boston: Brill, 2009. – 230 p.
- La Rocca E. Amazzonomachia: le sculture frontali del tempio di Apollo Sosiano / E. La Rocca. – Roma: De Luca Editore, 1985. – 130 p.
- La Rocca E. Der Apollo-Sosianus-Tempel / E. La Rocca // *Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin*; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 121–136.
- Last H. The Social Policy of Augustus / H. Last // *The Cambridge Ancient History*: in 14 vols.; [ed. by S. A. Cook, F. E. Adcock, M. P. Charlesworth. – [1 ed.]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1934. – Vol. 10: The Augustan Empire, 44 B. C. – A. D. 70. – 1934. – P. 425–464.

- Last H. Über die *tribunicia potestas* des Augustus / H. Last // Augustus ; [hrsg. von W. Schmitthenner]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985. – S. 241–263. – (Wege der Forschung).
- Latte K. Iustitia / K. Latte // RE. – 1919. – Hbhd. 20. – Sp. 1339.
- Latte K. Römische Religionsgeschichte / K. Latte. – München: C. H. Beck, 1992. – 430 S.
- Lebek W. D. *Res Gestae Divi Augusti* 34,1: Rudolf Kassels *Potens Rerum Omnium* und ein neues Fragment des Monumentum Antiochenum / W. D. Lebek // ZPE. – 2004. – Bd. 146. – S. 60.
- Lehmann G. A. Der Beginn der *res gestae* des Augustus und das politische *exemplum* des Cn. Pompeius Magnus / G. A. Lehmann // ZPE. – 2004. – Bd. 148. – S. 151–162.
- Lendon J.E. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World / J. E. Lendon. – Oxf.: Clarendon Press, 1997. – 320 p.
- Levene D. S. Religion in Livy / D. S. Levene. – Leiden: E. J. Brill, 1993. – 257 p.
- Levi M. A. Il tempo di Augusto / M. A. Levi. – Firenze: Nuova Italia, 1951. – 506 p.
- Levi M. A. Augusto e alcuni problemi di deontologia storiografica / M. A. Levi // PP. – 1985. – T. 40. – Fasc. 221. – P. 146–160.
- Levi M. A. Augusto e il suo tempo / M. A. Levi. – Milano: Rusconi, 1986. – 578 p.
- Levick B. Antiquarian or Revolutionary? Claudius Caesar's Conception of his Principate / B. M. Levick // AJPh. – 1978. – Vol. 99. – P. 79–105.
- Levick B. Propaganda and the Imperial Coinage / B. Levick // Antichthon. – 1982. – Vol. 1. – P. 104–116.
- Levick B. Messages on the Roman Coinage: Types and Inscriptions / B. Levick // Roman Coins and Public Life under the Empire: E. Togo Salmon Papers II ; [eds. G. M. Paul, M. Ierardi]. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1999a. – P. 41–60.
- Levick B. Tiberius the Politician / B. Levick. – L.; N.-Y.: Routledge, 1999b. – 330 p.
- Lica V. Die siebente Akklamation Octavians / V. Lica // Tyche. – 1997. – Bd. 12. – S. 159–168.
- Lica V. M. Licinius Crassus (cos. 30 a. Chr.) und die römische Donaugrenze / V. Lica // Pontica. – 2007. – № 40. – S. 227–244.
- Liegle J. Pietas // Römische Wertbegriffe / J. Liegle ; [hrsg. von H. Opperman]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1967. – S. 229–274. – (Wege der Forschung).
- Linderski J. Buying the Vote: Electoral Corruption in the Late Republic / J. Linderski // Ancient World. – 1985. – Vol. 11. – P. 87–94.
- Linderski J. Augural Law / J. Linderski // ANRW II. – 1986. – Bd. 16. – Teilband 3. – S. 2146–2312.
- Lintott A. The Constitution of the Roman Republic / A. Lintott. – Oxf.: Clarendon Press, 1999. – 302 p.
- Lintott A. The Roman Constitution in the Second Century B.C. / A. Lintott // The Cambridge Ancient History : in 15 vols. ; [ed. by J. A. Crook at al.]. – [2 ed.]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2006. – Vol. 9: The Last Age of the Roman Republic, 146–69 B.C. – 2006. – P. 40–53.

- Lobur J. A. *Consensus, Concordia, and the Formation of Roman Imperial Ideology* / J. A. Lobur. – N.-Y.; L.: Routledge, 2008. – 322 p.
- López C. R. *La corruption à la fin de la république romaine (IIe-Ier s. av. J.-C.): aspects politiques et financiers* / C. R. López. – Neuchâtel: La Faculté des lettres et sciences humaines de l'Université de Neuchâtel, 2005. – 381 p.
- Lossmann F. *Cicero und Caesar im Jahre 54: Studien zur Theorie und Praxis der römischen Freundschaft* / F. Lossmann. – Wiesbaden: F. Steiner, 1962. – 172 S.
- Löwenstein K. *Die Konstitutionelle Monokratie des Augustus* / K. Löwenstein // Augustus ; [hrsg. von W. Schmitthenner]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985. – S. 531–556. – (Wege der Forschung).
- Luce T. J. *The Dating of Livy's First Decade* / T. J. Luce // TAPhA. – 1965. – Vol. 96. – P. 209–240.
- Mackie N. K. *Res publica restituta. A Roman Myth* / N. K. Mackie // *Studies in Latin Literature and Roman History*. – 1986. – T. 4. – P. 302–340.
- Mackie N. K. *Popularis Ideology and Popular Politics at Rome in the First Century B.C.* / N. K. Mackie // *RhM*. – 1992. – Bd. 135. – P. 49–73.
- Maderna C. *Iuppiter, Diomedes und Mercur als Vorbilder für römische Bildnisstatuen: Untersuchungen zum römischen statuarischen Idealporträt* / C. Maderna. – Heidelberg: Verlag Archäologie und Geschichte, 1988. – 264 S.
- Maderna-Lauter C. *Glyptik* / C. Maderna-Lauter // *Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988*; Antikemuseum, Berlin ; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 441–473.
- Maffi A. *Opima Spolia* / A. Maffi // *Mélanges de droit romain et d'histoire ancienne : hommage à la mémoire d'André Magdelain* ; [ed. M. Humbert, Y. Thomas]. – Paris: Editions Pantheon-Assas, 1998. – P. 285–304.
- Malitz J. *«O puer qui omnia nomini debes». Zur Biographie Octavians bis zum Antritt seines Erbes* / J. Malitz // *Gymnasium*. – 2004. – Bd. 111. – S. 381–409.
- Malitz J. *Von Alexander zu Kleopatra: Die politische Geschichte* / J. Malitz // *Kulturgeschichte des Hellenismus. Von Alexander dem Großen bis Kleopatra* ; [hrsg. von G. Weber]. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2007. – S. 13–55.
- Mannsperger D. *Apollon gegen Dionysos: Numismatische Beiträge zu Octavians Rolle als Vindex Libertatis* / D. Mannsperger // *Gymnasium*. – 1973. – Bd. 80. – S. 381–404.
- Mannsperger D. *Libertas-Honos-Felicitas. Zur Prägung des Münzmeisters Palicanus* / D. Mannsperger // *Chiron*. – 1975. – Bd. 4. – S. 327–342.
- Mantovani D. *Leges et iura p(opuli) R(omani) restituit. Principe e diritto in un aureo di Ottaviano* / D. Mantovani // *Athenaeum*. – 2008. – Vol. 96. – P. 5–54.
- Marco Simón F. *Concordia y libertas como polos de referencia religiosa en la lucha política de la República tardía* / F. Marco Simón, F. Pina Polo // *Gerión*. – 2000. – T. 18. – P. 261–292.
- Markowski H. *De quattuor virtutibus Augusti in clupeo aureo ei dato inscriptis* / H. Markowski // *Eos*. – 1936. – Vol. 37. – P. 109–128.

- Marsh F. B. The Reign of Tiberius / F. B. Marsh. – L.: Oxf. Univ. Press, 1931. – 336 p.
- Marsh F. B. The Founding of the Roman Empire / F. B. Marsh. – Westport: The Univ. of Texas Press, 1975. – 329 p.
- Mastino A. L'imperatore *pacator orbis* [risorsa elettronica] / A. Mastino, A. Ibba // Tradizione Romana. – 2006. – № 5. – Modo di accesso alla rivista: <http://www.dirittoestoria.it/5/Tradizione-Romana/Mastino-Ibba-Imperatore-pacator-orbis.htm>.
- McCarthy J. H. Octavianus Puer / J. H. McCarthy // CPh. – 1931. – Vol. 26. – P. 362–373.
- McPherson C. Fact and Fiction: Crassus, Augustus, and the Spolia Opima / C. McPherson // Hirundo. The McGill Journal of Classical Studies. – 2009/2010. – Vol. 8. – P. 21–34.
- Meadows A. Moneta and the Monuments: Coinage and Politics in Republican Rome / A. Meadows, J. Williams // JRS. – 2001. – Vol. 91. – P. 27–49.
- Meier Ch. Populares / Ch. Meier // RE. – 1965. – Suppl. 10. – Sp. 549–615.
- Meier Ch. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik / Ch. Meier. – [3 Aufl.]. – Wiesbaden: Suhrkamp, 1988. – 332 S.
- Meier Ch. C. Caesar Divi filius and the Formation of the Alternative in Rome / Ch. Meier // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate; [ed. by K. A. Raafaub, M. Toher]. – Berkeley etc.: Univ. of California Press, 1990. – P. 54–70.
- Meier Ch. Caesar / Ch. Meier. – N.-Y.: Harper Collins, 1995. – 513 p.
- Mellor R. Introduction / R. Mellor // From Augustus to Nero; [ed. R. Mellor]. – Michigan: East Lansing, 1990. – P. 27–28.
- Mensching E. Livius, Cossus und Augustus / E. Mensching // MH. – 1967. – Bd. 24. – S. 12–27.
- Merivale Ch. A History of the Romans under the Empire: in 8 vols. / Ch. Merivale. – L.: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1851. – Vol. 3. – 1851. – 555 p.
- Meyer Ed. Kaiser Augustus / Ed. Meyer // HZ – 1903. – Bd. 91. – S. 385–431.
- Meyer Ed. Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius. Innere Geschichte Roms vom 66 bis 44 v. Chr. / Ed. Meyer. – Stuttgart; Berlin: Cotta, 1919. – 632 S.
- Millar F. The Emperor, the Senate and the Provinces / F. Millar // JRS. – 1966. – Vol. 56. – P. 156–166.
- Millar F. Two Augustan Notes / F. Millar // CR. – 1968. – Vol. 18. – № 3. – P. 263–266.
- Millar F. Triumvirate and principate / F. Millar // JRS. – 1973. – Vol. 63. – P. 50–67.
- Millar F. State and subject: The Impact of Monarchy / F. Millar // Caesar Augustus: Seven Aspects; [ed. by F. Millar, E. Segal]. – Oxf.: Clarendon Press, 1984. – P. 37–60.

- Millar F. The First Revolution: Imperator Caesar, 36–28 B.C. / F. Millar // La révolution romaine après Ronald Syme: bilans et perspectives ; [ed. A. Giovannini]. – Vandoeuvres; Genève: Fondation Hardt, 2000. – P. 1–30.
- Millar F. The Roman Republic and the Augustan Revolution / F. Millar. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2002. – 400 p.
- Miltner F. S. Pompeius Magnus (33) / F. Miltner // RE. – 1952. – Bd. 21. – Sp. 2213–2250.
- Mineo B. La *Res publica restituta* livienne: un pari sur l'avenir / B. Mineo // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta* ; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 295–308.
- Mommsen Th. Römisches Staatsrecht : in 3 Bd / Th. Mommsen. – Leipzig: S. Hirzel, 1877 – .
Bd. 2. – Abt. 2. – 1877a. – S. XIV, 721–1171.
Bd. 3. – Abt. 2. – 1877b. – S. XVIII, 835–1271.
- Mommsen Th. Abriss des römischen Staatsrechts / Th. Mommsen. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1893. – 363 S.
- Montesquieu Ch. Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence / Ch. Montesquieu. – P.: P. Pourrat, 1831. – 348 p.
- Morani M. Augurium, augur, augustus: una questione di metodo / M. Morani // Glotta. – 1984. – Vol. 62. – P. 65–71.
- Morstein-Marx R. Publicity, Popularity and Patronage in the *Commentariolum Petitionis* / R. Morstein-Marx // ClAnt. – 1998. – Vol. 17. – P. 259–288.
- Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic / R. Morstein-Marx. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2004. – 313 p.
- Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic / H. Mouritsen. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2001. – 164 p.
- Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien / F. Münzer. – Stuttgart: Metzler, 1920. – 437 S.
- Murray W. M. Octavian's Campsite Memorial for the Actian War / W. M. Murray, P. M. Petsas. – Philadelphia: American Philosophical Society, 1989. – 172 p.
- Neumann G. Zur Etymologie von lateinisch *augur* / G. Neumann // WJA. – 1976. – Bd. 2. – S. 219–229.
- Neumann K. J. Augustus / K. J. Neumann // RE. – 1896. – Hbhd. 4. – Sp. 2370–2372.
- Nicolet Cl. Augustus, Government, and the Propertied Class / Cl. Nicolet // Caesar Augustus: Seven Aspects ; [ed. by F. Millar, E. Segal]. – Oxf: Clarendon Press, 1984. – P. 89–128.
- Nilsson M. P. Saeculares ludi / M. P. Nilsson // RE. – 1920. – Hbhd. 20. – Sp. 1696–1720.
- Nippel W. Public Order in Ancient Rome / W. Nippel. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1995. – 163 p.
- Norberg D. La Divinité d'Auguste dans Horace / D. Norberg // Eranos. – 1946. – Vol. 54. – P. 389–403.
- North H. F. Canons and Hierarchies of the Cardinal Virtues in Greek and Latin Literature / H. F. North // The Classical Tradition: Literary and Historical

- Studies in Honor of Harry Caplan ; [ed. by L. Wallach]. – Ithaca, 1966. – P. 165–183.
- North J. A. Religion and Politics, from Republic to Principate / J. A. North // JRS. – 1986. – Vol. 76. – P. 251–258.
- North J. A. Democratic Politics in Republican Rome / J. A. North // P&P. – 1990. – Vol. 126. – P. 3–21.
- Oliveira F. de. As formas de constituição em Cícero / F. de. Oliveira // Máthesis. – 2004. – T. 13. – P. 105–123.
- Oliver J. H. Octavian's Inscription at Nicopolis / J. H. Oliver // AJPh. – 1960. – Vol. 90. – P. 178–182.
- Oliver J. H. The Main Problem of the Augustus Inscription from Cyme / J. H. Oliver // GRBS. – 1963. – Vol. 4. – P. 115–122.
- Osgood J. Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire / J. Osgood. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2006. – 452 p.
- Östenberg I. Staging the World. Spoils, Captives, and Representations in the Roman Triumphal Procession / I. Östenberg – Oxf.: Oxf. Univ. Press, 2009. – 327 p.
- Palmer R. E. A. Octavian's First Attempt to Restore the Constitution (36 B.C.) / R. E. A. Palmer // Athenaeum. – 1978. – Vol. 56. – P. 315–328.
- Parain Ch. Octave-Auguste: La naissance d'un pouvoir personnel / Ch. Parain. – P., 1978. – 224 p.
- Paterson J. Politics in the Late Republic / J. Paterson // Roman Political Life, 90 B.C. – A.D. 69 ; [ed. T. P. Wiseman]. – Exeter: Univ. of Exeter, 1985. – P. 21–44.
- Paterson J. Military Organization and Social Change in the Later Roman Republic / J. Paterson // War and Society in the Roman World ; [ed. by J. Rich, G.-L. Shipley]. – N.-Y.: Routledge, 1993. – P. 92–112.
- [Review] / J. Paterson // JRS. – 2002. – Vol. 92. – P. 230. – Rev. op.: Yakobson A. Elections and Electioneering in Rome: A Study in the Political System of the Late Republic. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. – 251 p.
- Pelham H. F. Essays / H. F. Pelham. – Oxf.: Clarendon Press, 1911. – 328 p.
- Pelling C. The Triumviral Period / C. Pelling // The Cambridge Ancient History : in 15 vols. ; [ed. by A. K. Bowman et al.]. – [2 ed.]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2005. – Vol. 10: The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69. – 2005. – P. 1–69.
- Pensabene P. Elementi architettonici della casa di Augusto sul Palatino / P. Rensabene // RhM. – 1997. – Bd. 104. – S. 149–172.
- Perelli L. Il movimento popolare nell'ultimo secolo della Repubblica / L. Perelli. – Turin: Paravia, 1982. – 257 p. – (Historia Politica Philosophica. Il pensiero antico – Studi e testi, vol. 11).
- Pérez P. I. La familia Antonia descendiente de Antón, hijo de Heracles: la manipulación de un mito / P. I. Pérez // Studia Historica. Historia Antigua. – 2009. – Vol. 27. – P. 177–186.
- Petersen H. Livy and Augustus / H. Petersen // TAPhA. – 1961. – Vol. 92. – P. 440–452.

- Piñeiro A. M. S. La alternativa *popular* a la crisis de la República Romana: legisladores para una reforma / A. M. S. Piñeiro // Polis. – 2003. – Vol. 15. – P. 199–225.
- Poetry and Politics in the Age of Augustus ; [ed. by T. Woodman, D. West]. – L.; N.-Y.: Cambrige Univ. Press, 1984. – 262 p.
- Porte D. Romulus-Quirinus, prince et dieu, dieu des princes. Étude sur le personnage de Quirinus et sur son évolution, des origines à Auguste / D. Porte // ANRW II. – 1981. – Bd. 17. – Teilband 1. – S. 300–342.
- Powell A. «An Island Amid the Flames»: the Strategy and Imagery of Sextus Pompeius, 43–36 B.C. / A. Powell // Sextus Pompeius ; [ed. by A. Powell, K. Welch]. – L.: The Classical Press of Wales, 2002. – P. 103–133.
- Premmerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats / A. von Premmerstein. – München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1937. – 290 S.
- Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta* ; [ed. F. Hurllet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – 352 p.
- Raaflaub K. Opposition to Augustus / K. Raaflaub, L. J. Sammons // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate ; [ed. by K. A. Raaflaub and M. Toher]. – Berkeley etc.: Univ. of California Press, 1990. – P. 417–454.
- Rehak P. Imperium and Cosmos: Augustus and the Northern Campus Martius / P. Rehak. – Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2006. – 222 p., 46 figs.
- Ramage E. S. Augustus' Treatment of Julius Caesar / E. S. Ramage // Historia. – 1985. – Bd. 34. – H. 2. – S. 223–245.
- Ramage E. S. The Nature and Purpose of Augustus' «Res Gestae» / E. S. Ramage. – Stuttgart: F. Steiner Verlag Wiesbaden GmbH, 1987. – 169 p.
- Ramage E. S. Augustus' Propaganda in Gaul / E. S. Ramage // Klio. – 1997. – Bd. 79. – S. 117–160.
- Ramage E. S. Augustus' Propaganda in Spain / E. S. Ramage // Klio. – 1998. – Bd. 80. – S. 145–201.
- Ramage E. S. Augustus' Propaganda in Africa / E. S. Ramage // Klio. – 2000. – Bd. 82. – S. 171–207.
- Rawson B. The Iconography of Roman Childhood / B. Rawson // The Roman Family in Italy: Status, Sentiment, Space ; [ed. by B. Rawson, P. Weaver]. – Canberra: Oxf. Univ. Press, 1999. – P. 205–238.
- Reeder J. C. Typology and Ideology in the Mausoleum of Augustus: Tumulus and Tholos / J. C. Reeder // ClAnt. – 1992. – Vol. 11. – P. 265–307.
- Reese A. Die Burger und ihr Kaiser. Die *plebs urbana* zwischen Republik und Prinzipat : Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie in der Fakultät für Geschichtswissenschaft der Ruhr-Universität zu Bochum / A. Reese. – Bochum, 2004. – 177 S.
- Reinhold M. The Declaration of War against Cleopatra / M. Reinhold // CJ. – 1981/2. – Vol. 77. – P. 97–103.
- Reinhold M. Augustus' conception of himself / M. Reinhold // Reinhold M. Studies in Classical History and Society. – N.-Y.: Oxf. Univ. Press, 2002. – P. 59–69.

- Reitzenstein R. Die Idee des Principäts bei Cicero und Augustus / R. Reitzenstein // Nachrichten von der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Klasse. – 1917. – Bd. 3. – S. 399–436, 481–489.
- Pfister F. Der Reliquienkult im Altertum : in 2 Hbhd. / F. Pfister. – Gießen: Verlag von Alfred Töpelmann, 1909–1912. –
Hbhd. 2: Die Reliquien als Kultobjekt. Geschichte des Reliquienkultes. – 1912. – 565 S.
- La révolution romaine après Ronald Syme: bilans et perspectives ; [ed. A. Giovannini]. – Vandoeuvers; Genève: Fondation Hardt, 2000. – 342 p.
- Ribeiro D. V. O principado: Origem e Ideologia / D. V. Ribeiro // Revista Brasileira de Estudos Políticos. – 1989/1990. – № 69/70. – P. 135–157.
- Rich J. W. Augustus and the *spolia opima* / J. W. Rich // Chiron. – 1996. – Vol. 26. – P. 85–127.
- Rich J. W. Augustus' Parthian Honours, the Temple of Mars Ultor and the Arch in the Forum Romanum / J. W. Rich // PBSR. – 1998. – Vol. 66. – P. 71–128.
- Rich J. W. Drusus and the *spolia opima* / J. W. Rich // CQ. – 1999. – Vol. 49. – № 2. – P. 544–555.
- Rich J. W. *Leges et iura p. r. restituit*: A New Aureus of Octavian and his Settlement of 28–27 B. C. / J. W. Rich, J. H. C. Williams // NC. – 1999. – Vol. 159. – P. 169–213.
- Rich J. W. Augustus, War and Peace / J. W. Rich // Augustus ; [ed. J. Edmondson]. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2009. – P. 137–164.
- Rich J. W. Deception, Lies, and Economy with the Truth: Augustus and the Establishment of the Principate / J. W. Rich // Private and Public Lies : the Discourse of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World ; [ed. A. J. Turner, J. H. Kim On Chong-Gossard, F. J. Vervaeke]. – Leiden; Boston: Brill, 2010. – P. 167–194.
- Richard J.-C. «Mausoleum»: d'Halicarnasse à Rome, puis à Alexandrie / J.-C. Richard // Latomus. – 1970. – T. 29. – P. 370–388.
- Richar J.-C. Tribuns militaires et triomphe / J.-C. Richar // La Rome des premiers siècles. Légende et histoire : actes de la Table Ronde en l'honneur de Massimo Pallotino (Paris, 3–4 Mai, 1990). – Firenze: L. P. Olschki, 1992. – P. 235–246. – (Biblioteca di «Studi etruschi», tom 24).
- Richter O. Topographie der Stadt Rom / O. Richter. – München: C. H. Beck, 1901. – 411 S.
- Ritter S. Ercole e Onfale nell'arte romana dell'età tardo-repubblicana e augustea / S. Ritter // Héraclès, les femmes et le féminin : 2-ème rencontre héracléenne. Actes du Colloque de Grenoble, 22–23 octobre 1992 ; [eds. C. Jourdain, C. Bonnet]. – Bruxelles; Rome: Institut historique belge de Rome, 1996. – P. 89–102.
- Roddaz J.-M. Un thème de la «propagande» augustéenne : l'image populaire d'Agrippa / J.-M. Roddaz // MEFR(A). – 1980. – T. 92. – № 2. – P. 947–955.
- Roddaz J.-M. Lucius Antonius / J.-M. Roddaz // Historia. – 1988. – Bd. 37. – H. 3. – S. 317–346.

- Roddaz J.-M. *Popularis, Populisme, Popularité* / J.-M. Roddaz // *Popolo e potere nel mondo antico : cividale del Friuli*, 23–25 settembre 2004 ; [cura di G. Urso]. – Pisa: Edizioni ETS, 2005. – P. 97–122. – (I convegni della Fondazione Niccolo Canussio, vol. 3).
- Rodriguez C. L. *Poetry and Power: Studies on Augustan Monuments and the Poets of the Augustan Age : a Dissertation ... for Degree of Doctor of Philosophy* / C. L. Rodriguez. – Baltimore, 1989. – Vol. 1. – 446 p.
- Roller M. B. *Constructing Autocracy: Aristocrats and Emperors in Julio-Claudian Rome* / M. B. Roller. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2001. – 398 p.
- Roman Literature and Ideology* ; [ed. by A. J. Boyle]. – Bendigo, Australia: Aureal Publications, 1995. – 269 p.
- Roman Poetry and Propaganda in the Age of Augustus* ; [ed. by A. Powell]. – L.: Bristol Classical Press, 1992. – 181 p.
- Rome: the Augustan Age : a Sourcebook* ; [ed. by K. Chisholm, J. Ferguson]. – Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1981. – 708 p.
- Rouland N. *Pouvoir politique et dépendence personnelle dans l'Antiquité romaine. Genèse et rôle des rapports de clientèle* / N. Rouland. – Bruxelles: Latomus, 1979. – 658 p.
- Rowell H. T. *The Forum and Funeral «Imagines» of Augustus* / H. T. Rowell // *MAAR*. – 1940. – Vol. 17. – P. 131–143.
- Rowell H. T. *Vergil and the Forum of Augustus* / H. T. Rowell // *AJPh*. – 1941. – Vol. 62. – № 3. – P. 261–276.
- Royo M. *Domus imperatoriae. Topographie, formation et imaginaire des palais impériaux du Palatin* / M. Royo. – Rome: École française de Rome, 1999. – 436 p. – (BEFAR, t. 303).
- Rubincam C. *The Nomenclature of Julius Caesar and the later Augustus in the Triumviral Period* / C. Rubincam // *Historia*. – 1992. – Bd. 41. – H. 1. – S. 88–103.
- Ryberg I. S. *Clupeus Virtutis* / I. S. Ryberg // *The Classical Tradition: Literary and Historical Studies in Honor of Harry Caplan* ; [ed. by L. Wallach]. – N.-Y., 1966. – P. 232–238.
- Rzym na przełomie republiki i cesarstwa // *Acta universitatis wratislaviensis*. – 1988. – № 930: *Antiquitas*. – № 14. – 305 S.
- Saeculum Augustum* : in 3 Bde. ; [hrsg. von G. Binder]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1987–1991. – (Wege der Forschung).
Bd. 1: *Herrschaft und Gesellschaft*. – 1987. – VIII, 411 S.
Bd. 2: *Religion und Literatur*. – 1988. – IX, 481 S.
Bd. 3: *Kunst und Bildersprache*. – 1991. – VII, 424 S.
- Sage M. M. *The «Elogia» of the Augustan Forum and the «de viris illustribus»* / M. M. Sage // *Historia*. – 1979. – Bd. 28. – S. 192–210.
- Salmon E. T. *The Evolution of Augustus' Principate* / E. T. Salmon // *Historia*. – 1956. – Bd. 5. – S. 456–478.
- Sauer B. *Niobe und die Niobiden* / B. Sauer // *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* : in 7 Bde. ; [hrsg. von W. H. Roscher]. – Leipzig, 1897–1902. – –

- Bd. 3. – Abt. 1: Nabaiotes-Pasicharea. – 1897–1902. – Sp. 372–423.
- Sauron G. Quis deum? L'expression plastique des idéologies politiques et religieuses à Rome à la fin de la République et au début du Principat / G. Sauron. – Rome: École française de Rome, 1994. – 736 p. – (BEFAR, t. 285).
- Sauron G. Du triumvirat au début du principat: la construction du mythe augustéen / G. Sauron // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta*; [ed. F. Hurler, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 187–208.
- Schäfer M. Cicero und der Prinzipat des Augustus / M. Schäfer // Gymnasium. – 1957. – Bd. 64. – S. 310–335.
- Schäfer Th. Sella curulis und fasces als Paradigma / Th. Schäfer // Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin; [Hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 427–440.
- Schauenburg K. Herakles und Omphale / K. Schauenburg // RhM. – 1960. – Bd. 103. – S. 57–76.
- Scheer R. Vindex Libertatis / R. Scheer // Gymnasium. – 1971. – Bd. 78. – S. 182–188.
- Scheid J. Les restaurations religieuses d'Octavien/Auguste / J. Scheid // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta*; [ed. F. Hurler, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 119–128.
- Schmitthenner W. Politik und Armee in der späten römische Republik / W. Schmitthenner // HZ. – 1960. – Bd. 190. – S. 1–17.
- Schmitthenner W. Oktavian und das Testament Cesärs: Eine Untersuchung zu den politischen Aufgängen des Augustus / W. Schmitthenner. – München: C. H. Beck, 1973. – 120 S.
- Schneider R. M. Augustus und der frühe römische Triumph / R. M. Schneider // JDAI. – 1990. – Bd. 105. – S. 167–205.
- Schofield M. Cicero's Definition of Res Publica / M. Schofield // Cicero the Philosopher: Twelve Papers; [ed. by J. G. F. Powell]. – Oxf.: Clarendon Press, 1999. – P. 63–84.
- Schollmeyer P. «Maecenas führt Augustus die Künste zu». Der Blick der etruskischen Eliten auf Augustus / P. Schollmeyer // Augustus, der Blick von aussen: die Wahrnehmung des Kaisers in den Provinzen des Reiches und in den Nachbarstaaten; Akten der internationalen Tagung an der Johannes Gutenberg-Universität Mainz vom 12. bis 14. Oktober 2006; [Hrsg. D. Kreikenbom, K.-U. Mahler, P. Schollmeyer, T. M. Weber]. – Mainz: Otto Harrassowitz Verlag, 2008. – S. 29–40.
- Schulz O. Das dritte Triumvirat Oktavians / O. Schulz // ZfN. – 1935. – Bd. 42. – S. 101–127.
- Schumacher L. Die imperatorischen Akklamationen der Triumvirn und die auspicia des Augustus / L. Schumacher // Historia. – 1985. – Bd. 34. – S. 191–222.
- Scott K. The Identification of Augustus with Romulus-Quirinus / K. Scott // TAPhA. – 1925. – Vol. 56. – P. 82–105.

- Scott K. Octavian's Propaganda and Antony's De sua ebrietate / K. Scott // CPh. – 1929. – Vol. 24. – № 2. – P. 133–141.
- Scott K. Tiberius' Refusal of the Title «Augustus» / K. Scott // CR. – 1932. – Vol. 27. – P. 43–50.
- Scott K. The Political Propaganda of 44–30 B.C. / K. Scott // MAAR. – 1933. – Vol. 11. – P. 7–49.
- Scott K. Notes on Augustus' Religious Policy / K. Scott // ARW. – 1938. – Bd. 35. – S. 121–130.
- Scott K. The Sidus Iulium and the Apotheosis of Caesar / K. Scott // CPh. – 1941. – Vol. 36. – P. 257–272.
- Scullard H. H. From the Gracchi to Nero: A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68 / H. H. Scullard. – L.: Univ. Paperbacks, 1963. – 460 p.
- Scullard H. H. Roman Politics 220–150 B.C. / H. H. Scullard. – Oxf.: Clarendon Press, 1973. – 325 p.
- Seager R. Factio: Some Observations / R. Seager // JRS. – 1972a. – Vol. 62. – P. 53–58.
- Seager R. Cicero and the Word popularis / R. Seager // CQ. – 1972b. – Vol. 22. – № 2. – P. 328–338.
- Seager R. Amicitia in Tacitus and Juvenal / R. Seager // AJAH. – 1977. – Vol. 2. – № 1. – P. 40–50.
- Sear F. Roman Architecture / F. Sear. – L.: Routledge, 1998. – 288 p.
- Seston W. Le Clépeus Virtutis d'Arles et la Composition des Res Gestae Divi Augusti / W. Seston // Comptes Rendus Académie des Inscriptions. – P., 1954. – P. 286–297.
- Settis S. Die Ara Pacis / S. Settis // Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin ; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 400–426.
- Severy B. Augustus and the Family at the Birth of the Roman Empire / B. Severy. – N.-Y.; L.: Routledge, 2003. – 280 p.
- Sextus Pompeius ; [ed. by A. Powell, K. Welch]. – L.: The Classical Press of Wales, 2002. – 285 p.
- Shackleton-Bailey D. R. The Roman Nobility in the Second Civil War / D. R. Shackleton-Bailey // CQ. – 1960. – Vol. 10. – P. 253–267.
- Sherwin-White A. N. Violence in Roman Politics / A. N. Sherwin-White // The Crisis of the Roman Republic. Studies in Political and Social History. – Cambr.: Clarendon Press, 1969. – P. 151–161.
- Shipley F. W. The Building Activities of the Viri Triumphales from 44 B. C. to 14 A. D. / F. W. Shipley // MAAR. – 1931. – Vol. 9. – P. 9–60.
- Shotter D. C. A. The Fall of the Roman Republic / D. C. A. Shotter. – N.-Y.: Routledge, 1994. – 114 p.
- Shotter D. C. A. Augustus Caesar / D. C. A. Shotter. – L.: Routledge, 1999. – 99 p.
- Shotter D. C. A. Tiberius Caesar / D. C. A. Shotter. – N.-Y.: Routledge, 2004. – 109 p.
- Shuckburgh E. S. Augustus: the Life and Times of the Founder of the Roman Empire (B.C. 63 – A.D. 14) / E. S. Shuckburgh. – L.: T. Fisher Unwin, 1903. – 318 p.

- Simon E. Sterngottheiten auf zwei Augusteischen Panzerstatuen / E. Simon // WJA. – 1979. – (N. F.) Bd. 5. – S. 263–272.
- Sion-Jenkis K. Von der Republik zum Prinzipat: Ursachen für den Verfassungswandel in Rom im historischen Denken der Antike / K. Sion-Jenkis. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. – 250 p.
- Slaughter M. S. The Character of Augustus / M. S. Slaughter // Univ. of Wisconsin Studies in Language and Literature. – 1922. – Vol. 15. – P. 97–110.
- Smith R. E. The Failure of the Roman Republic / R. E. Smith. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1955. – 206 p.
- Sordi M. Ottaviano e l'Etruria nel 44 a. C. / M. Sordi // SE. – 1972. – Vol. 40. – P. 3–17.
- Sousa V. de. Politische Aussage und Propaganda auf Denkmälern der spätrepublikanischen und augusteischen Zeit : Inauguraldissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Ludwig-Maximilians-Universität zu München / V. de Sousa. – München, 1974. – 68 S.
- Southern P. Augustus / P. Southern. – L.; N.-Y.: Routledge, 1998. – 271 p.
- Spannagel M. Exemplaria principis : Untersuchungen zu Entstehung und Ausstattung des Augustusforums / M. Spannagel. – Heidelberg: Verlag Archäologie und Geschichte, 1999. – 443 S., 139 Abb. – (Archäologie und Geschichte; Bd. 9).
- Spannagel M. *Annos undeviginti natus...* Die Rückführung von Augustus Prinzipat auf die Jahre 44/43 v. Chr. / M. Spannagel // *Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta*; [ed. F. Hurler, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 25–47.
- Speyer W. Das Verhältnis des Augustus zur Religion / W. Speyer // ANRW II. – 1978. – Bd. 16.3. – S. 1777–1805.
- Stadtbild und Ideologie. Die Monumentalisierung hispanischer Städte zwischen Republik und Kaiserzeit. Kolloquium in Madrid vom 19 bis 23 Oktober 1987; [hrsg. von W. Trillmich, P. Zanker]. – München, 1990. – 416 S.
- Stanton G. R. Tacitus' View of Augustus' Place in History / G. R. Stanton // *Ancient History in a Modern Univ.: Proceedings of a Conference Held at Macquarie Univ.*, 8–13 July, 1993 : in 2 vols. ; [ed. by T. W. Hillard, R. A. Kearsley, C. E. V. Nixon, A. M. Nobbs]. – Australia: Eerdmans, 1998. – Vol. 1: The Ancient Near East, Greece, and Rome. – 1998. – P. 281–298.
- Stark R. *Res publica* / R. Stark // *Römische Wertbegriffe*; [hrsg. von H. Opperman]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1967. – S. 42–110. – (Wege der Forschung).
- Stewart R. *Public Office in Early Rome: Ritual Procedure and Political Practice* / R. Stewart. – Michigan: Univ. of Michigan Press, 1998. – 255 p.
- Stevenson T. R. The «Divinity» of Caesar and the Title *Parens Patriae* / T. R. Stevenson // *Ancient History in a Modern Univ.: Proceedings of a Conference Held at Macquarie Univ.*, 8–13 July, 1993 : in 2 vols. ; [ed. by T. W. Hillard, R. A. Kearsley, C. E. V. Nixon, A. M. Nobbs]. – Australia: Eerdmans, 1998. – Vol. 1: The Ancient Near East, Greece, and Rome. – 1998. – P. 257–268.
- Stier M. Augustusfriede und römische Klassik / M. Stier // ANRW II. – 1975. – Bd. 2. – S. 3–54.

- Strasburger H. *Optimates* / H. Strasburger // RE. – 1939. – Bd. 18. – H. 1. – Sp. 773–798.
- Straub J. *Imperium-Pax-Libertas* / J. Straub // Straub J. *Regeneratio imperii. Aufsätze über Roms Kaisertum und Reich im Spiegel der heidnischen und christlichen Publizistik* : in 2 Bde. / J. Straub. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986 – .–
Bd. 2. – 1986. – S. 26–38.
- Strazzulla M. J. *Il principato di Apollo: mito e propaganda nelle lastre «Campana» dal tempio di Apollo Palatino* / M. J. Strazzulla. – Roma: L'Erma di Bretschneider, 1990. – 147 p. – (Studia Archeologica, vol. 57).
- Strothmann M. *Augustus – Vater der res publica. Zur Funktion der drei Begriffe restitutio – saeculum – pater patriae im augusteischen Principat* / M. Strothmann. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. – 320 S.
- Sumi G. S. *Ceremony and power: Performing politics in Rome between Republic and Empire* / G. S. Sumi. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2005. – 360 p.
- Sutherland C. H. V. *Coinage in the Roman Imperial Policy 31 B.C. – A.D. 68.* / C. H. V. Sutherland. – L.: Methuen, 1991. – 226 p.
- Suspène A. *Aspects numismatiques de la Res publica restituta augustéenne* / A. Suspène // *Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta* ; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 145–167.
- Syme R. *The Allegiance of Labienus* / R. Syme // JRS. – 1938. – Vol. 28. – P. 113–125.
- Syme R. *The Roman Revolution* / R. Syme. – Oxf.: Clarendon Press, 1939. – 568 p.
- Syme R. *Imperator Caesar: A Study in Nomenclature* / R. Syme // *Historia*. – 1958. – Bd. 7. – S. 172–188.
- Syme R. *Livy and Augustus* / R. Syme // HSCPh. – 1959. – Vol. 64. – P. 27–87.
- Syme R. *The Augustan Aristocracy* / R. Syme. – Oxf.: Clarendon Press, 1986. – 557 p.
- [Review] / R. Syme // JRS. – 1944. – Vol. 34. – P. 92–103. – Rev. op.: Gelzer M. *Caesar der Politiker und Staatsmann*. – München: Georg D. W. Callway, 1941. – 360 S.
- Taeger F. *Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes* : in 2 Bde. / F. Taeger. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1960 – .–
Bd. 2. – 1960. – 717 S.
- Tarn W. W. *Alexander Helios and the Golden Age* / W. W. Tarn // JRS. – 1932. – Vol. 22. – P. 135–160.
- Tarn W. W. *The War of the East against the West* / W. W. Tarn, M. P. Charlesworth // *The Cambridge Ancient History* : In 14 vols. ; [ed. S. A. Cook, F. E. Adcock, M. P. Charlesworth]. – [1 ed.]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1934a – .–
Vol. 10: *The Augustan Empire*, 44 B.C. – A.D. 70. – 1934a. – P. 66–111.
- Tarn W. W. *The Triumph of Octavian* / W. W. Tarn, M. P. Charlesworth // *The Cambridge Ancient History* : In 14 vols. ; [ed. S. A. Cook, F. E. Adcock, M. P. Charlesworth]. – [1 ed.]. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1934b – .–
Vol. 10: *The Augustan Empire*, 44 B.C. – A.D. 70. – 1934b. – P. 112–126.

- Tarpin M. M. Licinius Crassus imperator, et les dépouilles opimes de la République / M. Tarpin // *Revue de philologie, de littérature, et d'histoire anciennes*. – 2003. – Т. 77,2. – P. 275–311.
- Tarpin M. Le triomphe d'Auguste: héritage de la République ou révolution? / M. Tarpin // *Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta*; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 129–142.
- Tatum W. J. The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher / W. J. Tatum. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1999. – 365 p. – (Studies in the history of Greece and Rome).
- Taylor L. R. Livy and the name Augustus / L. R. Taylor CR. – 1918. – Vol. 32. – № 7/8. – P. 158–161.
- Taylor L. R. Party Politics in the Age of Caesar / L. R. Taylor. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1949. – 255 p.
- Taylor L. R. The Rise of Julius Caesar / L. R. Taylor // *G&R*. – 1957. – Vol. 4. – № 1. – P. 10–18.
- Taylor L. R. The Divinity of Roman Emperor / L. R. Taylor. – N.-Y.: Scholars Press, 1979. – 296 p.
- Thompson L. A. Cicero the Politician / L. A. Thompson // *Studies in Cicero*; [ed. J. Ferguson]. – Roma: Centro di studi ciceroniani, 1962. – P. 35–79.
- Tilg S. Augustus and Orestes: Two Literary Clues / S. Tilg // *CQ*. – 2008. – Vol. 58. – № 1. – P. 368–370.
- Tillemont L.-S. de. Histoire des empereurs et des autres princes, qui ont régné durant les six premiers siècles de l'Eglise, de leurs guerres contre les juifs, des écrivains profanes, et des personnes les plus illustres de leurs temps: en 6 t. / Louis-Sebastien le Nain de Tillemont. – P.: Charles Robustel, 1700 –. – Т. 1. – 1700. – 713 p.
- Todisco E. La res publica restituta e i Fasti Praenestini / E. Todisco // *Epigrafia e territorio. Politica e società: Temi di antichità romane*; [Cura M. Pani]. – Bari, 2007. – Т. 8. – P. 341–358.
- Toher M. Ocavian's Arrival in Rome, 44 B.C. / M. Toher // *CQ*. – 2004. – Vol. 54. – № 1. – P. 174–184.
- Trillmich W. Münzpropaganda / W. Trillmich // *Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988; Antikenmuseum, Berlin*; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 474–528.
- Ungern-Sternberg J. von. Die Romulusnachfolge des Augustus / J. von Ungern-Sternberg // *Politische Theorie und Praxis im Altertum*; [hrsg. W. Schuller]. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. – S. 166–182.
- Vanotti G. A proposito di Ottaviano Augusto «vindex libertatis» / G. Vanotti // *Fazioni e congiure nel mondo antico*; [cura di M. Sordi]. – Milano: Vita e Pensiero, 1999. – P. 161–179.
- Vermeule C. Un aureo augusteo del magistrato monetario Cossus Lentulus / C. Vermeule // *Numismatica*. – 1960. – Т. 1. – P. 5–11.

- Vervaeet F. J. In What Capacity Did Caesar Octavianus Restitute the Republic ? / F. J. Vervaeet // *Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta* ; [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. – P. 49–71.
- Vervaeet F. J. The Secret History: The Official Position of Emperor Caesar Divi filius from 31 to 27 B. C. / F. J. Vervaeet // *AncSoc.* – 2010a. – Vol. 40. – P. 79–152.
- Vervaeet F. J. Arrogating Despotic Power through Deceit: the Pompeian Model for Augustan *dissimulatio* / F. J. Vervaeet // *Private and Public Lies : the Discourse of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World* ; [ed. A. J. Turner, J. H. Kim On Chong-Gossard, F. J. Vervaeet]. – Leiden; Boston: Brill, 2010b. – P. 133–166.
- Viscogliosi A. Die Architektur-Dekoration der Cella des Apollo-Sosianus-Tempels / A. Viscogliosi // *Kaiser Augustus und die verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. Aug. 1988*; Antikenmuseum, Berlin ; [hrsg. von W.-D. Heilmeyer]. – Berlin: Kulturstadt Europas, 1988. – S. 136–148.
- Vittinghoff F. Kaiser Augustus / F. Vittinghoff. – Göttingen: Musterschmidt-Verlag, 1959. – 104 S.
- Volkman H. Optimates / H. Volkman // *Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike* ; [hrsg. von K. Ziegler, W. Sontheimer]. – München: Alfred Druckenmüller Verlag, 1964. –
Bd. 4: Nasidius-Scaurus. – 1964. – Sp. 320–322.
- Voltaire M. F. Dictionnaire philosophique: en 14 t. / M. F. Voltaire. – P.: Ménard et Desenne, 1827. –
T. 3: Ardeur-Bekker. – 1827. – 354 p.
- Wagenvoort H. *Princeps* / H. Wagenvoort // *Philologus.* – 1936. – Bd. 91. – S. 206–243.
- Wagenvoort H. *Virgil's Fourth Eclogue and Sidus Julium* / H. Wagenvoort // *Wagenvoort H. Studies in Roman Literature, Culture and Religion.* – Leiden: E. J. Brill, 1956a. – P. 1–29.
- Wagenvoort H. *The Origin of the Ludi Saeculares* / H. Wagenvoort // *Wagenvoort H. Studies in Roman Literature, Culture and Religion.* – Leiden: E. J. Brill, 1956b. – P. 193–232.
- Wallace-Hadrill A. *Family and Inheritance in the Augustan Marriage Laws* / A. Wallace-Hadrill // *PCPhS.* – 1981a. – Vol. 27. – № 8. – P. 58–80.
- Wallace-Hadrill A. *The Emperor and His Virtues* / A. Wallace-Hadrill // *Historia.* – 1981b. – Bd. 30. – S. 298–319.
- Wallace-Hadrill A. *The Golden Age and Sin in Augustan Ideology* / A. Wallace-Hadrill // *P&P.* – 1982a. – Vol. 95. – P. 19–36.
- Wallace-Hadrill A. *Civilis princeps: between Citizen and King* / A. Wallace-Hadrill // *JRS.* – 1982b. – Vol. 72. – P. 32–48.
- Wallace-Hadrill A. *Image and Authority in the Coinage of Augustus* / A. Wallace-Hadrill // *JRS.* – 1986. – Vol. 76. – P. 66–87.
- Wallace-Hadrill A. *Patronage in Roman Society: from Republic to Empire* / A. Wallace-Hadrill // *Patronage in Ancient Society* ; [ed. by A. Wallace-Hadrill]. – L.; N.-Y., 1989. – P. 63–87.

- Wallmann P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat* / P. Wallmann. – Frankfurt am Main; Bern; N.-Y.; P., 1989. – 364 S.
- Walser G. Der Kaiser als Vindex Libertatis / G. Walser // *Historia*. – 1955. – Bd. 4. – S. 353–367.
- Ward A. M. How Democratic Was the Roman Republic? / A. M. Ward // *New England Classical Journal*. – 2004. – Vol. 31. – № 2. – P. 101–119.
- Wardle D. ILS 77: Nothing to do with the End of the Second Triumvirate / D. Wardle // *Historia*. – 1995. – Bd. 44. – H. 4. – S. 496–497.
- Wardle D. Suetonius and Augustus' «Programmatic Edict» / D. Wardle // *RhM*. – 2005. – Bd. 148. – S. 181–201.
- Weigel R. D. *Lepidus: The Tarnished Triumvir* / R. D. Weigel. – N.-Y.: Routledge, 1992. – 180 p.
- Weinstock S. Pax and the «Ara Pacis» / S. Weinstock // *JRS*. – Vol. 10. – 1960. – P. 44–58.
- Welch K. E. Cicero and Brutus in 45 / K. E. Welch // *Ancient History in a Modern Univ.: Proceedings of a Conference Held at Macquarie Univ., 8–13 July, 1993* : in 2 vols. ; [ed. by T. W. Hillard, R. A. Kearsley, C. E. V. Nixon, A. M. Nobbs]. – Australia: Eerdmans, 1998. – .
Vol. 1: The Ancient Near East, Greece, and Rome. – 1998. – P. 244–256.
- Welch T. S. The Elegiac cityscape: Propertius and the Meaning of Roman Monuments / T. S. Welch. – Ohio: Ohio State Univ. Press, 2005. – 223 p.
- Welwei K.-W. Augustus als vindex libertatis. Freiheitsideologie und Propaganda im frühen Prinzipat / K.-W. Welwei // *Res publica und Imperia. Kleine Schriften zur römischen Geschichte* ; [hrsg. von M. Meier, M. Strothmann]. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. – S. 217–229.
- [Review] / J. Whatmough // *CPh*. – 1948. – Vol. 43. – № 3. – P. 208–210. – Rev. op.: Ernout A. *Philologica. Études et commentaires*. – P.: C. Klincksieck, 1946. – 232 p.
- Whitby M. *The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity* / M. Whitby. – Leiden; Boston; Cologne: Brill, 1998. – 378 p.
- Wickert L. *Princeps (civitatis)* / L. Wickert // *RE*. – 1954. – Bd. 22. – H. 2. – Sp. 1998–2296.
- Williams G. Did Maecenas «Fall from Favor»? Augustan Literary Patronage / G. Williams // *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate* ; [ed. by K. A. Raaflaub, M. Toher]. – Berkeley etc.: Univ. of California Press, 1990. – P. 258–275.
- Williams M. F. The Sidus Iulium, the Divinity of Men, and the Golden Age in Virgil's Aeneid / M. F. Williams // *Leeds International Classical Studies*. – 2003. – Vol. 2. – № 1. – P. 1–29.
- Winspear A. D. *Augustus and the Reconstruction of Roman Government and Society* / A. D. Winspear. – Madison: Univ. of Wisconsin, 1935. – 320 p.
- Wirzubski Ch. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate* / Ch. Wirzubski. – Cambr.; N.-Y.: Cambr. Univ. Press, 1950. – 186 p.

- Wirzubski Ch. Cum Dignitate Otium: A Reconsideration / Ch. Wirzubski // JRS. – 1954. – Vol. 44. – P. 1–13.
- [Review] / T. P. Wiseman // JRS. – 1970. – Vol. 60. – P. 213. – Rev. op.: Gruen E. S. Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. – Cambr.: Harvard Univ. Press, 1968. – 337 p.
- Wissowa G. Libertas / G. Wissowa // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie : in 7 Bde. ; [hrsg. von W. H. Roscher]. – Leipzig, 1894–1897. – .
Bd. 2. – Abt. 2: Laas–Myton. – 1894–1897. – Sp. 2031–2034.
- Wissowa G. Augures / G. Wissowa // RE. – 1896. – Bd. 2. – Sp. 2313–2344.
- Wissowa G. Q. Dellius / G. Wissowa // RE. – 1901. – Bd. 4. – Sp. 2447–2448.
- Wissowa G. Religion und Kultus der Römer / G. Wissowa. – München, 1902. – 534 S.
- Wissowa G. Pax / G. Wissowa // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie : in 7 Bde. ; [hrsg. von W. H. Roscher]. – Leipzig, 1902–1909. – .
Bd. 3. – Abt. 2: Pasikrateia–Pyxios. – 1902–1909. – Sp. 1719–1722.
- Wolters R. Nummi signati: Untersuchungen zur römischen Münzprägung und Geldwirtschaft / R. Wolters. – München: Beck, 1999. – 501 S. – (Vestigia ; Bd. 49).
- Woodman A. J. Velleius Paterculus: The Tiberian Narrative (2. 94–131) / A. J. Woodman. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1977. – 292 p.
- Woodman A. J. Velleius Paterculus: The Caesarian and Augustan Narrative (2. 41–93) / A. J. Woodman. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1983. – 294 p.
- Wright F. A. Marcus Agrippa: Organizer of Victory / F. A. Wright. – L.: Routledge, 1937. – 267 p.
- Yakobson A. Petitio et Largitio: Popular Participation in the Centuriate Assembly of the late Republic / A. Yakobson // JRS. – 1992. – Vol. 82. – P. 32–52.
- Yakobson A. Elections and Electioneering in Rome: A Study in the Political System of the Late Republic / A. Yakobson. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. – 251 p.
- Yavetz Z. The Res gestae and Augustus Public Image / Z. Yavetz // Caesar Augustus: Seven Aspects ; [ed. by F. Millar, E. Segal]. – Oxf.: Clarendon Press, 1984. – P. 1–36.
- Yavetz Z. Plebs and Princeps / Z. Yavetz. – New Brunswick; Oxf.: Transaction books, 1988. – 170 p.
- Yavetz Z. The Personality of Augustus / Z. Yavetz // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate ; [ed. by K. A. Raafaub, M. Toher]. – Berkeley etc.: Univ. of California Press, 1990. – P. 21–41.
- Yoshimura T. Zum römischen Libertas-Begriff in der Aussenpolitik im zweiten Jahrhundert vor Chr. / T. Yoshimura // AJAH. – 1988. – Vol. 9. – № 1. – P. 1–22.
- Zachos K. The Tropaeum of the Sea-Battle of Actium at Nikopolis : Interim Report / K. Zachos // JRA. – 2003. – Vol. 16. – P. 65–92.
- Zangemeister C. Glandes Plumbeae Latinae inscriptae / C. Zangemeister. – Roma; Berolini: Reimer, 1885. – 143 p. – (Ephemeris Epigraphica. Corporis inscriptionum Latinarum supplementum. – Vol. 6).

- Zanker P. Forum Augustum. Das Bildprogram / P. Zanker. – Tübingen: E. Wasmuth, 1969. – 36 S.
- Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus / P. Zanker. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1988. – 385 p.
- Zecchini G. Il cognomen «Augustus» / G. Zecchini // ACD. – 1996–1997. – T. 32. – P. 129–135.
- Zehnacker H. Quelques remarques sur le revers du nouvel aureus d'Octavien (28 av. J.-C.) / H. Zehnacker // BSFN. – 2003. – T. 58. – Partie 1. – P. 1–3.
- Zimmermann A. Augur / A. Zimmermann // Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. – 1890. – Jg. 7. – S. 435–436.
- Zinserling G. Die Programmatik der Kunstpolitik des Augustus / G. Zinserling // Klio. – 1985. – Bd. 67. – H. 1. – S. 74–80.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и средние века	Екатеринбург
АМА	– Античный мир и археология	Саратов
ВДИ	– Вестник древней истории	Москва
ВХНУ	– Вісник Харківського національного університету	Харків
ДБ	– Древности Боспора	Москва
ДП-ІА	– Древнее право = Jus antiquum	Москва
ACD	– Acta classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis	Debrecen
AncSoc	– Ancient Society	Leuven
AE	– L'Année Épigraphique	Paris
AJA	– American Journal of Archaeology	Boston
AJAH	– The American Journal of Ancient History	Cambridge
AJPh	– American Journal of Philology	Baltimore
ANRW	– Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt	Berlin; New-York
ARW	– Archiv für Religionswissenschaft	Leipzig
Babelon	– Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine vulgairement appelées monnales consulaires. – T. 1–2, 1885–1888	Paris
BIDR	– Bullettino dell'Istituto di diritto romano	Milano
BJ	– Bonner Jahrbücher	Köln
BSFN	– Bulletin de la Société française de numismatique	Paris
CAH	– The Cambridge Ancient History. – Vol. 1–14 (1923) 1924–1939 (2-nd edition, 1970–)	Cambridge
Carie II	– Robert L., Robert J. La Carie. Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques. – T. 2, 1954	Paris
CGCBM VII	– A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum / Ed. R. S. Poole, P. Gardner. – Vol. 7, 1883	London
CIG	– Corpus inscriptionum Graecarum. – Vol. 1–4, 1828– 1877 (Zweite Aufl. – Hildesheim, N.-Y., 1977)	Berolini
CIL	– Corpus inscriptionum Latinarum. – Vol. 1–, 1862–	Berolini
CJ	– Classical Journal	Ashland
CIAnt	– Classical Antiquity	Berkeley
Cohen I	– Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. – [2 ed.]. – T. 1, 1880	Paris

CPh	– Classical Philology	Chicago
CQ	– Classical Quarterly	Oxford
CR	– Classical Review	Oxford
CREBM I	– Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Catalogue. – [2 ed.]. – Vol. 1, 1965.	London
CRRBM	– Grueber H. A. Coins of the Roman Republic in the British Museum. – [2 ed.]. – Vol. 1–3, 1970	Oxford
CSCA	– The Californian Studies in Classical Antiquity (после 1982 – Classical antiquity)	Berkeley
EJ	– Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius / Ed. V. Ehrenberg, A. H. M. Jones, 1976	Oxford
FrGH	– Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. F. Jacoby. – Teilen 1–6	Leiden
G&R	– Greece and Rome	Oxford
GRBS	– Greek, Roman and Byzantine Studies	Durham
HRR	– Historiae Romanorum reliquiae / Ed. H. Peter. – Vol. 1–2, 1906–1914	Leipzig
HSCPh	– Harvard Studies in Classical Philology	Cambridge
HZ	– Historische Zeitschrift	München
IG	– Inscriptiones Graecae. – Vol. 1–, 1873–	Berolini
IGRR	– Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes / Ed. R. Cagnat et al. – Vol. 1, 3–4, 1901–1927	Paris
IKyme	– Die Inschriften von Kyme / Hrsg. H. Engelmann, 1976	Bonn
ILS	– Inscriptiones Latinae selectae / Ed. H. Dessau. – Vol. 1–2, 1892–1906	Berlin
JDAI	– Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts	Berlin
JNG	– Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte	München
JRA	– Journal of Roman Archaeology	Portsmouth
JRS	– Journal of Roman Studies	London
Kos EV	– Segre M. Iscrizioni di Cos, 1993	Roma
Kos PH	– The Inscriptions of Cos / Eds. W. R. Paton, E. L. Hicks, 1891	Oxford
MAAR	– Memoires of the American Academy in Rome	New Haven
MERF(A)	– Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'École Française de Rome (Mélanges de l'école française de Rome [Antiquité])	Paris
MH	– Museum Helveticum	Basel
MSL	– Mémoires de la Société de linguistique de Paris	Paris
NAC	– Numismatica e antichità classiche	Lugano
NC	– Numismatic Chronicle	London
OCD	– Oxford Classical Dictionary / Ed. N. G. L. Hammond, H. H. Scullard, 1976	New-York

OGIS	– <i>Orientis Graeci inscriptiones selectae</i> / Ed. W. Dittenberger. – Vol. 1–2, 1903–1905	Leipzig
OLD	– <i>Oxford Latin Dictionary</i> / Ed. P. Glare, 1968	Oxford
ORF ²	– <i>Oratorum Romanorum fragmenta liberae rei publicae</i> / Ed. Henrica Malcovati, 1953. – [2 ed.]	Torino
PBA	– <i>Proceedings of the British Academy</i>	Oxford
PBSR	– <i>Papers of the British School at Rome</i>	London
PCPhS	– <i>Proceedings of the Cambridge Philological Society</i>	Cambridge
P&P	– <i>Past and Present</i>	Oxford
PP	– <i>La Parola del passato</i>	Napoli
RE	– <i>Paulys Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft</i> / Hrsg. G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus, K. Ziegler. – Neue Bearbeitung, 1894–1978	Stuttgart
REA	– <i>Revue des études anciennes</i>	Talence
REL	– <i>Revue des études latines</i>	Paris
RGDA	– <i>Res gestae divi Augusti</i>	
RhM	– <i>Rheinisches Museum für Philologie</i>	Frankfurt am Main
RIC I	– <i>Roman Imperial Coinage</i> / Ed. C. H. V. Sutherland. – Vol. 1, 1984	London
RIDA	– <i>Revue internationale des droits de l'Antiquité</i>	Bruxelles
RN	– <i>Revue numismatique</i>	Paris
RPC I	– <i>Roman Provincial Coinage</i> / Ed. M. Amandry, A. Burnett, P. P. Ripollès. – Vol. 1, 1992	London
RRC	– <i>Roman Republican Coinage</i> / Ed. M. H. Crawford. – Vol. 1–2, 1974	Cambridge
SE	– <i>Studi etruschi</i>	Roma
SEG	– <i>Supplementum epigraphicum Graecum</i> . – Vol. 26–, 1979– (vol. 1–25. – Leiden, 1923–1971)	Amsterdam
Syll ³	– <i>Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Editio tertio</i> . – Vol. 1–4, 1915–1919	Leipzig
TAM	– <i>Tituli Asiae Minoris</i> / Ed. E. Kalinka et al. – Vol. 1–5, 1901–1989	Vindobonae
TAPhA	– <i>Transactions of the American Philological Association</i>	Atlanta
TLG	– <i>Thesaurus linguae Graecae</i> / Const. H. Stephanus. – Vol. 1–8, 1831–1865	Parisiis
TLL	– <i>Thesaurus linguae Latinae</i> . – Vol. 1, 1900–	Lipsiae
WJA	– <i>Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft</i>	Paderborn
ZAnt	– <i>Živa antika</i>	Skopje
ZfN	– <i>Zeitschrift für Numismatik</i>	Berlin
ZPE	– <i>Zeitschrift für Papyriologie und Epigraphik</i>	Bonn

Нумизматические свидетельства

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

Рис. 33

Рис. 34

Рис. 35

Рис. 36

Рис. 37

Рис. 38

Рис. 39

Рис. 40

Рис. 41

Рис. 42

Рис. 43

Рис. 44

Рис. 45

Рис. 46

Рис. 47

Рис. 48

Рис. 49

Список иллюстраций

Рис. 1. Денарий Кв. Сициния. Рим. ок. 49 г. до н. э. Аверс: голова богини Фортуны; лег.: FORT[una] P[opuli] R[omani] (Фортуна римского народа). Реверс: окрыленный кадуцей (caduceus) и пальмовая ветвь (laurea), над ними венок (corona); лег.: III VIR Q SICINIVS (триумвир-монетарий Кв. Сициний); RRC, № 440.

Рис. 2. Денарий Кв. Цецилия Метелла Пия Сципиона и П. Лициния Красса Юниана. Утика. 47–46 гг. до н. э. Аверс: изображение Гения Африки (львиноголовая египетская богиня Сехмет), который держит анх в правой руке; лег.: (сверху) G[enius] T[utelar]is A[fricae]¹ (гений, защищающий Африку), (справа) Q[uintus] METEL[us] PIVS (Кв. Метелл Пий), (слева) SCIPIO IMP[erator] (Сципион император). Реверс: изображение богини Победы (Victoria), держащей крылатый кадуцей (caduceus) в правой руке и маленький круглый щит в левой; лег.: (справа) P[ublius] CRASSVS IVN[ianus] (П. Красс Юниан), (слева) LEG[atus] PRO PR[aetore] (легат в ранге пропретора); RRC, № 460/4.

Рис. 3. Денарий Л. Гостилия Сазерны. Рим. 48 г. до н. э. Аверс: голова богини Пиетас. Реверс: изображение богини Виктории, идущей вперед и держащей крылатый кадуцей в правой руке и пальмовые ветви и tropaeum gallicus в левой; лег.: L[ucius] HOSTILIVS SASERNA (Л. Гостилий Сазерна); RRC, № 448/1a.

Рис. 4. Денарий Л. Лоллия Паликана. Рим. ок. 45 г. до н. э. Аверс: голова богини Конкордии, украшенная диадемой; лег.: LIBERTATIS ([изображение богини] Согласия). Реверс: изображение ораторской трибуны, украшенной рострами; лег.: PALIKANVS (Паликан); RRC, № 473/1.

Рис. 5. Денарий Д. Юния Брута. Рим. ок. 48 г. до н. э. Аверс: голова богини Пиетас; лег.: PIETAS (Благочестие). Реверс: рукопожатие, сжимающее крылатый кадуцей (caduceus); лег.: ALBINVS BRVTI F (Альбин сын Брута); Weinstock 1960, 52, pl. 5.

Рис. 6. Денарий Л. Эмилия Буки. Рим. 44 г. до н. э. Аверс: голова Цезаря, увенчанная лавровым венком; лег.: CAESAR [dictator] PERPETVO (Цезарь – вечный диктатор). Реверс: перекрещенные фаски и крылатый кадуцей (caduceus), (сверху) шар (τὴ σφαῖρα), (снизу) топор, (справа) рукопожатие; лег.: L[ucius] BVCA (Луций Бука); RRC, № 480/6.

Рис. 7. Денарий Л. Фламиния Хилона. Рим. 43 г. до н. э. Аверс: голова Юлия Цезаря в лавровом венке. Реверс: изображение богини Пакс, держащей

¹ Надежное чтение сокращения GTA не установлено.

в правой руке кадуцей (caduceus), а левой опирающейся на скипетр; лег.: L[ucius] FLAMINIVS III VIR (Луций Фламиний кватуорвир-монетарий); RRC, № 485/1.

Рис. 8. Денарий Л. Муссидия Лонга. Рим. 42 г. до н. э. Аверс: покрытая голова богини Конкордии, увенчанная диадемой; лег.: CONCORDIA (Согласие). Реверс: рукопожатие, сжимающее крылатый кадуцей (caduceus); лег.: L[ucius] MVSSIDIVS LONGVS (Луций Муссидий Лонг); RRC, № 494/41.

Рис. 9. Денарий Л. Муссидия Лонга. Рим. 42 г. до н. э. Аверс: покрытая голова богини Конкордии, увенчанная диадемой; лег.: CONCORDIA (Согласие). Реверс: изображение святыни, на которой стоят две статуи богинь; лег.: (вверху) L[ucius] MVSSIDIVS LONGVS (Луций Муссидий Лонг), (снизу) CLOACIN[a] ([Венера] Клоацина); RRC, № 494/42a.

Рис. 10. Коммеморативный денарий Л. Ливиния Регула. Рим. 42 г. до н. э. Аверс: голова Г. Юлия Цезаря в лавровом венке между лавровым венком и кадуцеем (caduceus). Реверс: изображение бегущего быка; лег.: L[ucius] LIVINEIVS REGVLVS (Луций Ливиний Регул); RRC, № 494/24.

Рис. 11. Ауреус Г. Вибия Вара. Рим. 42 г. до н. э. Реверс: рукопожатие; лег.: G[aius] VEIBIVS VAARVS (Г. Вибий Вар); RRC, № 494/10–12.

Рис. 12. Денарий М. Юния Брута. Македония. 44–43 гг. до н. э.¹ Аверс: голова богини Либертас; лег.: LIBERTAS (Свобода). Реверс: Л. Юний Брут между двух ликторов, впереди помощник консула (accensus); лег.: BRVTVS (Брут); RRC, № 433/1.

Рис. 13. Денарий М. Юния Цепиона Брута. Греция. 43–42 гг. до н. э. Аверс: голова богини Либертас; лег.: LEIBERTAS (Свобода). Реверс: лира между плектром и лавровой ветвью, перевязанной лентой; лег.: CAEPIO BRVTVS PRO COS (Цепион Брут проконсул); RRC, № 501/1.

Рис. 14. Денарий М. Юния Брута. Македония. 44–43 гг. до н. э.² Аверс: голова Л. Юния Брута; лег.: BRVTVS (Брут). Реверс: голова Л. Сервилия Агалы; лег.: AHALA (Агала); RRC, № 433/2.

Рис. 15. Денарий М. Юния Брута и Л. Плетория Сестиана. Македония. 43–42 гг. до н. э. Аверс: голова М. Юния Брута; лег.: BRVT[us] IMP[erator] L[ucius] PLAET[orius] CEST[ianus] ([М. Юний] Брут император, Л. Плеторий Сестиан).

¹ Х. А. Грюбер полагает, что этот денарий был бит в Риме в бытность Брута монетарием в 59 г. до н. э. [CRRBM, v. 2, p. 479], тогда как М. Х. Крауфорд называет 54 г. до н. э. [RRC, p. 455, № 433/1]. Однако мы считаем более правильным мнение Э. Бабелона и Н. А. Машкина, которые относят эту эмиссию к 44–43 гг. до н. э. [Babelon, t. 2, p. 114; Машкин 1949, с. 205].

² См. пояснение к рис. 12.

Реверс: фригийский колпак между двумя кинжалами; лег.: EID[ibus] MAR[tius] (в мартовские иды): RRC, № 508/3.

Рис. 16. Квинарий М. Юния Брута. Греция. 43–42 гг. до н. э. Аверс: голова богини Либертас; лег.: LEIBERTAS (Свобода). Реверс: перекрещенные морской якорь и нос корабля: RRC, № 501/2.

Рис. 17. Денарий М. Юния Брута и П. или Г. Сервилия Каски Лонга. Восточные провинции. 43–42 гг. до н. э. Аверс: голова бога Нептуна, трезубец; лег.: CASCA LONGUS (Каска Лонг). Реверс: изображение крылатой богини Виктории, несущей в руках лавровую ветвь, повязанную лентой, и сломанную диадему, у ее ног сломанный скипетр; лег.: BRVTVS IMP[erator] (Брут император): RRC, № 507/2.

Рис. 18. Квинарий Л. Сестия и М. Юния Брута. Греция. 43–42 гг. до н. э. Аверс: покрытая голова богини Цереры; лег.: L[ucius] SESTI[us] PRO Q[uaestor], (Луций Сестий проквестор). Реверс: изображение крылатой богини Виктории, несущей в правой руке лавровую ветвь, в левой – венок; лег.: Q[uintus] CAEP[io] BRVTVS PRO COS (К. Цепион Брут проконсул): RRC, № 502/1.

Рис. 19. Денарий Г. Флавия Гемикуллы и М. Юния Брута. Восточные провинции. 43–42 гг. до н. э. Аверс: бюст Аполлона в лавровом венке, лира; лег.: C[aius] FLAV[ius] HEMIC[ullus] LEG[atus] PRO PR[aetore] (Г. Флавий Гемикулл легат в ранге пропретора). Реверс: изображение богини Виктории, несущей в левой руке лавровую ветвь, а в правой держащей венок над трофеем (trophaeum), который состоит из панциря, увенчанного шлемом с гребнем, под ним короткий меч в ножнах, к рукам приделаны щит и длинный тонкий меч; лег.: IMP[erator] Q[uintus] CAEP[io] BRVT[us] (император К. Цепион Брут): RRC, № 504/1.

Рис. 20. Денарий Педания Косты и М. Юния Брута. Восточные провинции. 43–42 гг. до н. э. Аверс: голова Аполлона в лавровом венке; лег.: COSTA LEG[atus] (Коста легат). Реверс: изображение трофея (trophaeum), который состоит из панциря, увенчанного шлемом с гребнем, к рукам приделаны щит и перекрещенные копья; лег.: BRVTVS IMP[erator] (Брут император): RRC, № 506/2.

Рис. 21. Ауреус М. Юния Брута и П. или Г. Сервилия Каски Лонга. Восточные провинции. 43–42 гг. до н. э. Аверс: голова М. Юния Брута, увенчанная лавровым венком; лег.: BRVTVS IMP[erator] (Брут император). Реверс: объединенный военный и морской трофей (trophaeum). Военный состоит из панциря, увенчанного шлемом с гребнем, к рукам приделаны щит и перекрещенные копья с мечем в ножнах. Морской – из двух носов кораблей, двух щитов на переднем плане; лег.: CASCA LONGVS (Каска Лонг): RRC, № 504/1.

Рис. 22. Денарий М. Сервилия и Г. Кассия Лонгина. Восточные провинции. 43–42 гг. до н. э. Аверс: голова богини Либертас в лавровом венке; лег.: C[aius] CASSEI[us] IMP[erator] (Г. Кассий император). Реверс: краб, держащий в клешнях изогнутую часть корабельной кормы (aplustre), под ним развязанная царская диадема, еще ниже роза — символ о. Родос; лег.: M[arcus] SERVILIVS LEG[atus] (М. Сервилий легат); RRC, № 505/3.

Рис. 23. Ауреус М. Сервилия и Г. Кассия Лонгина. Восточные провинции. 43–42 гг. до н. э. Аверс: голова богини Либертас в лавровом венке; лег.: C[aius] CASSI[us] IMP[erator] (Г. Кассий император). Реверс: изогнутая часть корабельной кормы (aplustre), концы которой оканчиваются цветками роз; лег.: M[arcus] SERVILIVS LEG[atus] (М. Сервилий легат); RRC, № 505/1.

Рис. 24. Денарий Л. Сестия и М. Юния Брута. Греция. 43–42 гг. до н. э. Аверс: покрытая голова богини Либертас; лег.: L[ucius] SESTI[us] PRO Q[uaestor], (Луций Сестий проквестор). Реверс: треножник между жреческим топором и сакральным ковшом (simpulum); лег.: Q[uintus] CAEPIO BRVTVS PRO COS (Квинт Цепион Брут¹ проконсул); RRC, № 502/2.

Рис. 25. Денарий Л. Плетория Сестиана и М. Юния Брута. Греция. 43–42 гг. до н. э. Аверс: покрытая голова богини Цереры в лавровом венке, которую венчает modius; лег.: L[ucius] PLAET[orius] CEST[ianus] (Л. Плеторий Сестиян). Реверс: атрибуты понтификата: жреческий топор и сакральный ковш (simpulum); лег.: BRVTVS IMP[erator] (Брут император); RRC, № 508/2.

Рис. 26. Денарий П. Сепуллия Мацера. Рим. 44 г. до н. э. Аверс: голова Г. Юлия Цезаря в лавровом венке, слева комета (sidus Iulium); лег.: CAESAR IMP[erator] (Цезарь император). Реверс: изображение Венеры Победительницы (Venus Victrix), держащей в правой руке богиню Победу (Victoria) и опирающейся левой рукой на скипетр, который оканчивается звездой; лег.: P[ublius] SEPVLLIVS MACER (П. Сепуллий Мацер); RRC, № 480/5b.

Рис. 27. Денарий Августа. Испания. 18–17 гг. до н. э. Аверс: Август в дубовом венке; лег.: CAESAR AVGVSTVS (Цезарь Август). Реверс: изображение летящей кометы (sidus Iulium); лег.: DIVVS IVLIVS (Божественный Юлий); CREBM I, № 323.

Рис. 28. Денарий Октавиана. Африка. 36 г. до н. э. Аверс: Октавиан с бородой в знак траура; лег.: IMP[erator] CAESAR DIVI F[ilius] III VIR ITER[um] R[ei] P[ublicae] C[onstituendae] (Император Цезарь сын божественного, триумвир во второй раз по устройству государственных дел). Реверс: изображение храма с четырьмя колоннами, между которыми расположена статуя Г. Юлия Цезаря

¹ М. Юний Брут после усыновления дядей Кв. Сервилием Цепионом принял имя Кв. Цепион Брут.

с авгурским жезлом (*lituus*) в правой руке. Фронтон храма украшен изображением кометы (*sidus Iulium*), на фризе надпись: *DIVO IVL[i] (Божественному Юлию). Слева от храма зажженный алтарь; лег.: COS[ul] ITER[um] ET TER DESIG[natus] (консул во второй раз и консул-десигнат в третий раз): RRC, № 540/2.*

Рис. 29. Ауреус Октавиана. Галлия. 43 г. до н.э.¹ Аверс: Октавиан с непокрытой головой; лег.: *C[aius] CAESAR COS[ul] PONT[ifex] AVG[ur] (Г. Цезарь консул, понтифик, авгур). Реверс: голова Г. Юлия Цезаря в золотой диадеме; лег.: C[aius] CAESAR DICT[ator] PERP[etuo] PONT[ifex] MAX[imus] (Г. Цезарь вечный диктатор, великий понтифик): RRC, № 490/2.*

Рис. 30. Денарий Октавиана. Галлия. 43–42 гг. до н.э.² Аверс: Октавиан с непокрытой головой; лег.: *CAESAR III VIR R[ei] P[ublicae] C[onstituendae] (Цезарь триумвир по устройству государственных дел). Реверс: изображение курульного кресла (*sella curulis*), увенчанного диадемой (*corona aura*); лег.: CAESAR DICT[ator] PER[petuo] (Цезарь вечный диктатор): RRC, № 497/2a.*

Рис. 31. Ауреус Л. Ливиния Регула. Рим. ок. 42 г. до н.э. Аверс: голова М. Эмилия Лепида; лег.: *M[arcus] LEPIDVS III VIR R[ei] P[ublicae] C[onstituendae] (М. Лепид триумвир для устройства государственных дел). Реверс: изображение весталки Эмилии, держащей сакральный ковш (*simpulum*) и скипетр; лег.: L[ucius]·REGVLVS III VIR A[uro] P[ublico] F[eriundo] (Л. Регул – кваттуорвир по чеканке золотых монет): RRC, № 494/1.*

Рис. 32. Ауреус Л. Ливиния Регула. Рим. ок. 42 г. до н.э. Аверс: голова Октавиана; лег.: *C[aius] CAESAR III VIR R[ei] P[ublicae] C[onstituendae] (Г. Цезарь – триумвир для устройства государственных дел). Реверс: изображение Энея, несущего на плечах своего отца Анхиза; лег.: L[ucius]·REGVLVS III VIR A[uro] P[ublico] F[eriundo] (Л. Регул – кваттуорвир по чеканке золотых монет): RRC, № 494/3a).*

Рис. 33. Ауреус Л. Ливиния Регула. Рим. ок. 42 г. до н.э. Аверс: голова М. Антония; лег.: *M[arcus] ANTONIVS III VIR R[ei] P[ublicae] C[onstituendae] (М. Антоний – триумвир для устройства государственных дел). Реверс: изображение Антона, сына Геракла, сидящего на камнях, рядом с которыми стоит щит. В правой руке он держит копье, в левой – кинжал (*parazonium*); лег.: L[ucius]·REGVLVS III VIR A[uro] P[ublico] F[eriundo] (Л. Регул – кваттуорвир по чеканке золотых монет): RRC, № 494/2a.*

¹ Датировка А. Козна – 44 г. до н.э. – представляется слишком ранней [Cohen I, p. 21, № Jules Cesar et Octave 2]; мнение Х. А. Грюбера, согласно которому монета была выпущена в 40 г. до н.э. [CRRBM, v. 2, p. 404], не находит поддержки у других нумизматов [RRC, № 490/2; ср.: Ramage 1985, 224, note 5].

² См. пояснение к рис. 29.

Рис. 34. Денарий Г. Юлия Цезаря. Восточные провинции. ок. 48 г. до н. э. Аверс: голова богини Венеры, украшенная диадемой. Реверс: изображение Энея, несущего на плечах своего отца Анхиза и держащего в правой руке палладиум; лег.: CAESAR (Цезарь): RRC, № 458/1.

Рис. 35. Денарий Л. Антония. Галлия (либо Пренесте [437, р. 38]). 41 г. до н. э. Аверс: голова М. Антония; лег.: ANT[onius] AVG[ur] IMP[erator] III V[ir] R[ei] P[ublicae] C[onstituendae] (Антоний – авгур, император, триумвир по устройству государственных дел). Реверс: изображение богини Благочестия (Pietas), в правой руке держащей руль, в левой – рог изобилия (cornucopiae), у ее ног – аист, символ семейного постоянства и благополучия; лег.: PIETAS COS[ul]is (Благочестие консула): RRC, № 516/2.

Рис. 36. Денарий Октавиана. Рим. ок. 36 г. до н. э. Аверс: голова Октавиана в лавровом венке. Реверс: изображение роstralной колонны, украшенной спереди двумя якорями. На колонне размещена статуя Октавиана в военном плаще, держащего в правой руке копье, в левой – кинжал (parazonium); лег.: IMP[erator] CAESAR (император Цезарь): RIC I, Augustus № 271.

Рис. 37. Денарий Октавиана. Рим. ок. 36 г. до н. э. Аверс: бюст крылатой богини Победы. Реверс: изображение обнаженного Октавиана, правой ногой стоящего на шаре (ἡ σφαῖρα). В правой руке он держит верхнюю часть кормы (τὸ ἄφλαστον), левой опирается на копье; лег.: CAESAR DIVI F[ilius] (Цезарь – сын божественного): RIC I, Augustus № 256.

Рис. 38. Денарий Секста Помпея. Сицилия. ок. 43 г. до н. э. Аверс: голова Гн. Помпея Магна, рядом авгурский жезл (lituus) и сосуд для священнодействий (praefericulum); лег.: MAG[us] PIVS IMP[erator] ITER[um] (Магн Благочестивый император во второй раз). Реверс: изображение мифологических персонажей Анапия и Амфинома, несущих на плечах своих родителей. Между ними Победитель, правой ногой опирающийся на роstrу корабля, а в правой руке держащий изогнутую часть корабельной кормы (aplustre); лег.: PRAEF[ectus] CLAS[is] ET ORAE MARIT[imae] EX S[enatus] C[onsulto] (префект флота и морских побережий согласно решению сената): RRC, № 511/3a.

Рис. 39. Ауреус Октавиана. Малая Азия или Рим. 28 г. до н. э. Аверс: голова Октавиана в лавровом венке; лег.: IMP[erator] CAESAR DIVI F[ilius] COS[ul] VI (Император Цезарь, сын божественного, консул шестой раз). Реверс: изображение одетого в тогу Октавиана, сидящего на курульном кресле и держащего в руках свиток с законами, слева от него помещен ларец для свитков (scrinium); лег.: LEGES ET IVRA P[opuli] R[omani] RESTITVIT (он восстановил законы и право римского народа): Bringmann, Schäfer 2002, 188.

Рис. 40. Денарий Л. Месциния Руфа. Рим. 16 г. до н. э. Аверс: надпись, окруженная дубовым венком; лег.: I[ovi] O[ptimo] M[aximo] S[enatus] P[opulus]Q[ue] R[omanus] V[ota] S[uscepta] PR[o] S[alute] IMP[eratoris] CAE[saris] QUOD PER EV[m] R[es] P[ublica] IN AMP[liore] ATQ[ue] TRAN[quilliore] S[tatu] E[st] (Юпитеру Наилучшему Величайшему сенат и народ римский по принятому обету за здоровье Императора Цезаря, так как благодаря ему государство находится в процветающем и спокойном положении). Реверс: изображение памятного столба (cippus) с надписью, по бокам буквы S C; лег.: (на столбе) IMP[eratori] CAES[ari] AVGV[sti] COMM[uni] CONS[ulto] (Императору Цезарю Августу по всеобщему согласию), (по бокам) S[enatus] C[onsulto] (по решению сената), (справа) L(ucius) MESCINIVS RVFVS IIIVIR (Л. Месциний Руф, триумvir): RIC I, Augustus № 358.

Рис. 41. Ауреус Косса Корнелия Лентула. Рим. 12 г. до н. э. Аверс: голова Августа; лег.: DIVI F[ilius] AVGVSTVS (сын божественного Август). Реверс: изображение коленопреклоненной женщины (аллегория государства), которой помогает подняться на ноги Август; лег.: (слева и вверху) COSSVS LENTVLVS (Косс Лентул), (справа) AVGVST[us] (Август), RES PUB[lica] (государство): RIC I, Augustus № 413.

Рис. 42. Тетрадрахма Октавиана. Эфес. 28 г. до н. э. Аверс: голова Октавиана в лавровом венке; лег.: IMP[erator] CAESAR DIVI F[ilius] COS[ul] VI LIBERTATIS P[opuli] R[omani] VINDEX (Император Цезарь, сын божественного, консул шестой раз, защитник (или восстановитель) свободы римского народа). Реверс: изображение богини Мира, держащей в правой руке кадуцей и попирающей ногами сломанный меч. Справа – изображение cista mystica с поднимающейся над ней змеей. Вся композиция окружена лавровым венком; лег.: PAX (мир): CREBM I, № 691.

Рис. 43. Тетрадрахма Августа. Пергам. 27–26 гг. до н. э. Аверс: голова Августа; лег.: IMP[erator] CAESAR (Император Цезарь). Реверс: изображение Козерога и рога изобилия (cornucopiae), окруженное лавровым венком; лег.: AVGVSTVS (Август): CREBM I, № 698.

Рис. 44. Тетрадрахма Августа. Эфес. 25–20 гг. до н. э. Аверс: голова Августа; лег.: IMP[erator] CAESAR (Император Цезарь). Реверс: изображение Козерога и рога изобилия (cornucopiae), окруженное лавровым венком; лег.: AVGVSTVS (Август): CREBM I, № 696.

Рис. 45. Денарий Августа. Испания. 19–16 или 15 гг. до н. э. Аверс: голова Августа. Реверс: изображение Козерога, несущего на спине рог изобилия (cornucopiae) и держащего шар (sphaera) и корабельный руль; лег.: AVGVSTVS (Август): CREBM I, № 344.

Рис. 46. Денарий Августа. Восточные провинции. 27–20 гг. до н. э. Аверс: голова Августа. Реверс: изображение Козерога, несущего на спине рог изобилия (*cornucopiae*) и держащего шар (ἡ σφαῖρα) и корабельный руль; лег.: AVGVSTVS (Август): CREBM I, № 664.

Рис. 47. Денарий Октавиана. Восточные провинции. 29–27 гг. до н. э. Аверс: голова Октавиана. Реверс: изображение богини Рах, держащей в правой руке оливковую ветвь, в левой – рог изобилия (*cornucopiae*); лег.: CAESAR DIVI F[ilius] (Цезарь, сын божественного): RIC I, Augustus № 476.

Рис. 48. Ауреус Августа. Восточные провинции. 27–20 гг. до н. э. Аверс: голова Августа; лег.: CAESAR (Цезарь). Реверс: изображение идущего быка; лег.: AVGVSTVS (Август): CREBM I, № 659.

Рис. 49. Ауреус Августа. Восточные провинции. 27 г. до н. э. Аверс: голова Августа; лег.: CAESAR COS[ul] VII CIVIBVS SERVATEIS (Цезарь, консул в 7 раз, за спасенных граждан). Реверс: изображение орла, держащего в когтях дубовый венок. За крыльями птицы, слева и справа – лавровые ветви; лег.: (вверху) AVGVSTVS (Август), (внизу) S[enatus] C[onsulto] (по решению сената): CREBM I, № 656.

Археологические свидетельства

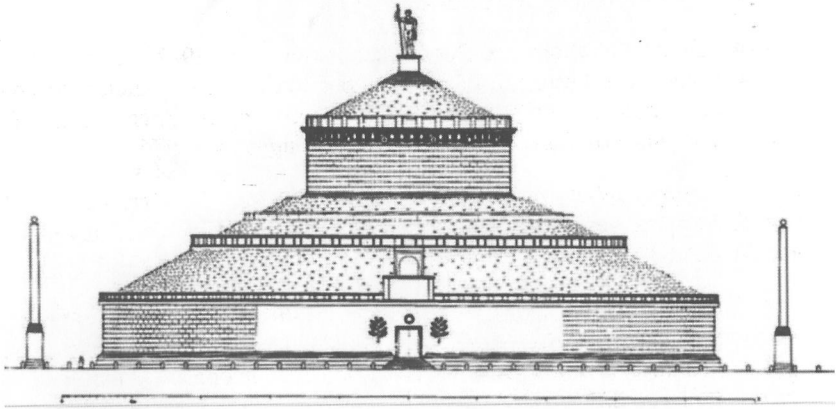

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

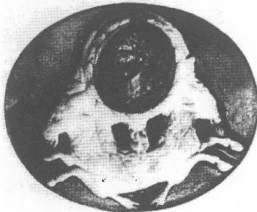

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

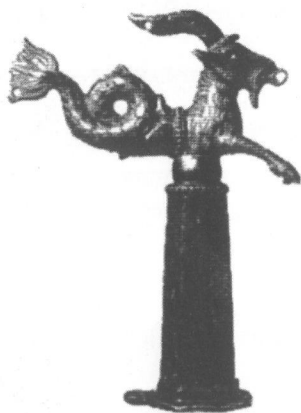

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Список иллюстраций

Рис. 1. Мавзолей Августа. Рим. Конец 30-х – начало 20-х гг. до н. э. Реконструкция Х. фон Хесберга: Hesberg, Pansiera 1994, 196, Abb. 49.

Рис. 2. Гемма. Изображение головы юноши (Октавиана?) над кольцом с Козерогом, окруженное колосьями и цветами мака. 3-я четверть I в. до н. э. Стекло. 1,35 x 1,13 см. Вена, Художественно-исторический музей: Maderna-Lauter 1988, 466, Kat. 241.

Рис. 3. Гемма. Аллегория победы Октавиана при Акции. Портрет Октавиана, Козерог, керикей, щит, дельфин, трезубец, алтарь и рука, держащая корабельное украшение. Поздняя надпись: OCT. CAES. AVG. TER. MA. RQ. VOT. PUB. (Октавиану Цезарю Августу [победителю] на суше и на море [по] всенародному обету). 20-е гг. I в. до н. э. Сардоникс. 2,5 x 2,4 см. Санкт-Петербург, Эрмитаж: Неверов 1971, 61, рис. 69.

Рис. 4. Гемма. Август на квадриге, запряженной тритонами, которые держат в руках символы победы, морского и мирового господства. Тритон, крайний слева, держит в левой руке шар (ή σφαῖρα), над которым два Козерога и изображение *clupeus virtutis*. Вторая половина принципата Августа. Сардоникс. 6,0 x 6,6 см. Вена, Художественно-исторический музей: Maderna-Lauter 1988, 466–167, Kat. 246.

Рис. 5. Гемма. Портрет Августа в лавровом венке, окруженный двумя Козерогами. ок. 10–14 гг. н. э. Сардоникс. 2,44 x 2,03 см. Берлин, Античный музей: Maderna-Lauter 1988, 473, Kat. 278.

Рис. 6. Гемма. Изображение Козерога с шаром (ή σφαῖρα) и трезубцем. Конец I в. до н. э. – начало I в. н. э. Карнеол. 0,80 x 0,96 см. Ганновер, Музей Кестнера: Maderna-Lauter 1988, 469–470, Kat. 262.

Рис. 7. Гемма. Изображение Козерога на ростральной колонне. Конец I в. до н. э. – начало I в. н. э. Стекло. 1,35 x 1,07 см. Ганновер, Музей Кестнера: Maderna-Lauter 1988, 470, Kat. 263.

Рис. 8. Штемпель строительного кирпича (с опоры моста через Рейн). В центре надпись, заключенная в рамки: LEG[io] XXII (22-й легион), слева изображение быка, справа – Козерога. Висбаден, Висбаденский музей: Künzl 1988, 544, Abb. 222, a.

Рис. 9. Бронзовый военный символ-наконечник в виде Козерога. Висбаден, Висбаденский музей: Künzl 1988, 544, Abb. 222, b.

Рис. 10. «Гемма Августа». приблиз. 10 г. н. э. Сардоникс. 19 x 23 см. Вена, Художественно-исторический музей: Hölscher 1988, 371, Kat. 204.

Рис. 11. Левый рельеф с восточной стороны стены Алтаря Мира (Ara Pacis): аллегорическое изображение «золотого века». 13–9 гг. до н. э. Мрамор. Рим: Settis 1988, 423, Kat. 227.

Рис. 12. Барельеф с изображением богини Теллус с алтаря из Карфагена. Конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.: Машкин 1949, 577, рис. 30.

Рис. 13. Панцирь со статуи Августа из Прима Порта. ок. 17 г. до н. э. Мрамор. Рим, Ватиканский музей: Hölscher 1988, 388, Kat. 215.

Рис. 14. Панцирь со статуи римского полководца из Шершеля. Конец I в. до н. э. Мрамор. Шершель: Fittschen 1976, 181, Abb. 5.

Приложение В

Сопоставление слов *σεβαστός* и *αὔουτος* в грекоязычных сочинениях I–II вв. н. э.

античные авторы	время жизни*	<i>σεβαστός</i>	<i>αὔουτος</i>
Дионисий Галикарнасский	ок. 55 – после 8 гг. до н. э.**	4	0
Страбон	ок. 64/3 г. до н. э. – после 21 г. н. э.	50	7
Филон Александрийский	ок. 30 г. до н. э. – ок. 45 н. э.	22	0
Иосиф Флавий	37 – 95 гг. н. э.**	53	3
Плутарх	ок. 46 – после 127 гг. н. э.**	9	6
Аппиан	конец I – начало II в. н. э. – 70-е гг. II в. н. э.**	17	1
Флавий Арриан	ок. 95 – ок. 175 гг. н. э.**	7	0
Лукиан	ок. 125 г. н. э. – конец II в. н. э.**	6	0
Гален	129 – 199 гг. н. э.**	4	2
Полиэн	II в. н. э.	14	1
Аэций	II в. н. э.	0	7
Павсаний	II в. н. э.	1	26
Веттий Валенс	II в. н. э.	0	12
Всего		187 (74,2%)	65 (25,8%)

* Даты даются по: Oxford Classical Dictionary, 1976.

** Даты, выделенные удвоенной asterix, даются по: История греческой литературы, т. 1–3, 1946–1960.

Сопоставление слов $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\acute{\tau}\omicron\varsigma$ и $\alpha\upsilon\gamma\omicron\upsilon\sigma\omicron\tau\omicron\varsigma$ в грекоязычных сочинениях III–VI вв. н. э.

античные авторы	время жизни	$\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\acute{\tau}\omicron\varsigma$	$\alpha\upsilon\gamma\omicron\upsilon\sigma\omicron\tau\omicron\varsigma$
Климент Александрийский	ок. 150 – 211/216 гг. н. э.	1	10
Дион Кассий	ок. 155 – ок. 235 гг. н. э.**	3	503
Ипполит	ок. 170 – ок. 236 гг. н. э.	1	5
Геродиан	ок. 165 – ок. 240 гг. н. э.**	18	0
Ориген	вер. 185/6 – 254/5 гг. н. э.	0	4
Порфирий	232/3 – 305 гг. н. э.	1	2
Евсевий Памфил	ок. 260 – 339 гг. н. э.	48	54
Юлиан Отступник	332 г. н. э. – 363 г. н. э.	5	1
Афанасий Великий (Александрийский)	ок. 295 – ок. 373 гг. н. э.	18	60
Фемистий	ок. 317 – ок. 388 гг. н. э.	17	0
Григорий Назианзин	329 – ок. 390 гг. н. э.	6	2
Елифаний	ок. 315 – ок. 403 гг. н. э.	10	33
Иоанн Хрисостом	ок. 350 – 407 гг. н. э.	10	24
Палладий	ок. 364 – ок. 430 гг. н. э.	0	4
Сократ Схоластик	ок. 380 – ок. 466 гг. н. э.	13	38
Созомен	ум. после 446 г. н. э.	7	5
Зосима	ум. после 498 г. н. э.	6	3
Иоанн Лидийский	ок. 490 – после 552 гг. н. э.	3	62
Иоанн Малала	491 – 574 гг. н. э.	7	84
Всего		174 (16,3%)	894 (83,7%)

SUMMARY

Tokarev A. N. Formation of the Official Ideology of the Emperor Augustus' Principate.

The origins of the official ideology of Emperor Caesar Augustus' principate are within the scope of ideological opposition between different political forces in the age of Late Roman republic.

Political struggle of that time has its distinctive features. In the I century B.C. there were no political parties in Rome. In the time of peace the struggle was carried on between aristocratic coteries (small, unstable in time factions that were formed around a politician-leader which included friends, relatives and political supporters constituting its *consilium*) and single politicians-aristocrats. Larger unions called *partes*, that involved both their supporters and those who «expressed sympathy» with them, appeared on their basis in the periods of home discords. Distinctive features of these unions were personification and dualism. It should be noted, that neither of these political groups had their own «political ideology», though two distinctly tracing and opposing to each other tendencies are observed in late republican ideology. It was due to the existence of two «ideologically-political» tendencies, that were called *optimates* (or *boni*) and *populares*, which were responsible ideologically for the development competition between the competing sides. Most of them, united in coteries and supported by the senate, shared the *optimates* views, the other part, «political outsiders», acting through peoples' meeting used *populares* interpretation.

A significant peculiarity of late republican ideology was the use of similar common Roman traditional values by both *optimates* and *populares* supporters in political propaganda. It gave the possibility to overwhelming majority of researchers to treat the late republican ideology as a whole. As a result such modern terms as «republicanism» and «traditionalism» denoting this phenomenon appeared, these being equated by many researchers. But scrupulous analysis carried on the main *optimates* and *populares* slogans such as *res publica*, *libertas* and *pax* showed cardinal distinctions in their interpretation.

The senate supporters linked such values as *libera res publica*, *libertas*, *pax*, that were fundamental for each citizen of Rome with the existence of their power, and the loss of the latter – with their disappearance. In their turn, *populares* put the idea of the Roman people sovereignty and its supremacy in

the state into the same slogans. Hence, late republican ideology can't be treated as a whole, and such modern terms as «republicanism» and «traditionalism» can't be synonyms. It's evident, that «traditionalism» was the basis both for the ideology of *optimates*, and for that of *populares*. Therefore it's necessary to differentiate between «traditional» and «republican» tendencies because their displacement may result in misunderstanding intentions and final aims which some Roman political figures put before themselves. Accordingly, two more hypothetical bases for early Principate official ideology: «traditionalism» and *populares* ideology together with «republicanism» appear before us.

The «republicanism» influence upon Octavian ideological policy, especially at the beginning of his political career, is extremely overestimated in historiography. It may be clearly seen in the period before the battle at Philippi. The analysis of the sources shows, that Brutus and Cassius supporters though they shared ideological views of *optimates*, consciously borrowed successful ideological slogans or actions of «Caesarians»; all this was caused by the weakness of ideological positions among plebs and veterans. At the same time the main Octavian tasks at the beginning of his political career were legalisation of his activity and creation of the image of «new Caesar» among veterans and plebs. As a result, no of his actions can be connected with «republicanism». On the contrary, he dwelt on «traditional» imagination and used «Caesarian» slogans. His activity in 44–43 B.C. fully joins the scope of *populares* policy and it isn't surprised because creation of the «new Caesar» image required inheritance of the popularis Julius Caesar actions on his side.

By the middle of the 30th B.C. he hadn't enjoyed popularity among the Roman aristocracy. The basis of his ideology was «revenge for Caesar». But at the same time he put the new slogans: *pax*, *securitas*, *prosperitas*, which marked the transit to the propaganda of peace, stability and prosperity of the whole Roman community. By the way these slogans also didn't belong to the «Pompenians» political lexicon too. By the end of the 30th B.C. the propaganda of traditional Roman values had come forward. The new Octavian image as a successful general and a defender of these values, to which M. Antony corrupted by the Orient was opposing, was formed.

The victory in the battle at Actium made Octavian the sole ruler of a tremendous state though there were no legal grounds for his being in power. It made Augustus do many efforts in the sphere of propaganda in order to justify his actions. One of the principally important decisions was carrying out *restitutio rei publicae* in 28–27 B.C., that led to the «restoration» of all state spheres and that was widely advertised though it wasn't a decision of the essential problems, but only a propaganda action. At the same time the «restoration» of the state wasn't concerned with the revival of the «republican» traditions and to the «restoration» of the Republic in particular. Such slogans as *res publica restituta*, *vindex libertatis* (*populi Romani*), *pax* were borrowed

from the *populares* political lexicon in order to underlie ideological distinctions with the opponents of the first Roman emperor. Besides, Augustus tried to put the new content into the terms listed above in order that they should be perceived as the central bases of a new monarchy system.

At the same time, the prevailing tendencies in the official ideology in 20th B.C. were «monarchy» ones. This is pointed by the new name of the monarch – Augustus. Admitting a specific term as a name that belongs to the sphere of cult, religion, and the name that characterises things and notions closely linked with gods was a frank challenge to the «republican» traditions. To the great extent the idea of the emperor personal power was expressed in the Greek congener of this name. The «monarchy» tendencies were also strongly expressed in the propaganda of Augustus virtues. Presenting Octavian with the gold shield for his «courage», «justice», «charity» and «piety» opposed him sharply to the whole Roman society and declared him as a bearer of the moral superiority.

Thus, both at the beginning of his political career, and in 30–20th B.C., Augustus didn't use «republican» ideology. He dwelt on the traditional Roman representations and notions, late republican terminology and political slogans, that were applied in the political fight of the Republic period being widely borrowed. However, trying to avoid the revival of the opposition under the flags of the *optimates* ideology, he underlined the *popularis* sounding of his propaganda. In other words, the ideology of the early Principate not only wasn't based on the «republicanism», but also opposed it. By the way, using *populares* slogans, based on the traditional Roman representations, in the manner that wasn't peculiar to them and changing their inner context and meaning, princeps imposed the monarchy ideas to the Roman society with their help. It was shown in the 20th B.C. when the «monarchy» features of the official ideology of the Augustus principate became prevailing.

Наукове видання

Токарев Андрій Миколайович

СТАНОВЛЕННЯ ОФІЦІЙНОЇ ІДЕОЛОГІЇ ПРИНЦИПАТА ІМПЕРАТОРА АВГУСТА

Монографія

(Рос. мовою)

Відповідальний редактор *І. П. Сергєєв*

Коректор *П. В. Мокрушина*

Комп'ютерна верстка *О. О. Літвінова*

Макет обкладинки *І. М. Дончик*

Формат 60х84/16 Ум. друк. арк. 17,4 Тираж 100 прим. Зам. № 87/11.

61077, Харків, пл. Свободи, 4

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна

Надруковано ФОП «Петрова І. В.»

61144, Харків-144, вул. Гв. Широнінців, 79в, к. 137

Тел. 362-01-52

Свідцтво суб'єкта видавничої справи ВОО № 948011 від 03.01.03

